

О ПОДПИСКѢ НА „РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ и „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1913 году.

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1912 года № 194).

Въ 1913 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемѣсячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказы по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба принимаются къ руководству со времени полученія въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главные официальные извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, и также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» будетъ имѣть задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я   П О Д П И С К И :

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:	
На годъ	9 р. — к.
„ 11 мѣсяцевъ	8 „ 50 „
„ 10 „	8 „ — „
„ 9 „	7 „ 50 „
„ 8 „	7 „ — „
„ 7 „	6 „ 50 „
„ 6 „	5 „ 75 „
„ 5 „	5 „ — „
„ 4 „	4 „ 25 „
„ 3 „	3 „ 25 „
„ 2 „	2 „ 25 „
„ 1 „	1 „ 25 „

съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою изъ городовъ.

За границей:

За границей:	
На годъ	15 р. — к.
„ 11 мѣсяцевъ	14 „ — „
„ 10 „	13 „ — „
„ 9 „	12 „ — „
„ 8 „	11 „ — „
„ 7 „	10 „ — „
„ 6 „	9 „ — „
„ 5 „	8 „ — „
„ 4 „	6 „ 50 „
„ 3 „	5 „ — „
„ 2 „	3 „ 50 „
„ 1 „	2 „ — „

съ пересылкою.

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далѣе конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съдоставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; на *срокъ менѣе года и отдѣльно* на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

Но при подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ военно-служащихъ допущается разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».	
не позже 1 января	4 р.
„ 1 марта	1 „
„ 1 мая	1 „
„ 1 іюля	1 „
„ 1 сентября	1 „
„ 1 ноября	1 „
Итого	9 р.

На «Военный Сборникъ».	
не позже 1 января	2 р.
„ 1 марта	1 „
„ 1 мая	1 „
„ 1 іюля	1 „
„ 1 сентября	1 „
Итого	6 р.

См. далѣе на 3-й страницѣ обложки.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ

№ 11   НОЯБРЬ   1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

I.

	СТРАН.
I. Мысли о нашемъ мышленіи. Э. Х. КАЛНИНЪ.	1
II. Служба генеральнаго штаба. Ө. ЧЕРНОЗУБОВЪ.	19
III. Подвижной сборъ юнкеровъ Кіевскаго военнаго училища. * * *	35
IV. Работа конницы въ военное время, въ связи съ ея организаціей и обученіемъ въ мирное. Гр. А. Д.	39
V. Совмѣстная стрѣльба артилеріи съ пѣхотой. Е. КОБОЗЕВЪ.	47
VI. О подготовкѣ артилеріи къ стрѣльбѣ. И. ЗЛОБИНЪ.	55
VII. Артилерійскія единицы и ихъ стрѣльбы. В. ВОРОНЕЦКІЙ.	61
VIII. По поводу новой школы фортификаціи. Б. М. ЖИЛЬЦОВЪ.	67
IX. Отвѣтъ г. Саперу. М. ГРУЗЕВИЧЪ-НЕЧАЙ.	81
X. Телеграфъ или телефонъ? К. ИСАКОВЪ.	85
XI. «За» и «противъ» психологіи г-на III—а. А. ДМИТРЕВСКІЙ.	91
XII. На Дону. В. ДОБРЫНИНЪ.	97
XIII. Служеніе священника на войнѣ. (Изъ наблюденій участника Русско-японской войны). Г. ШАВЕЛЬСКІЙ.	115
XIV. Шесть задачъ стрѣльбы для пѣхотныхъ частей и пулеметныхъ командъ, продѣланныхъ въ окрестностяхъ сел. Нёйеин 12-го сентября 1911 г. (Сообщеніе Императорско-Королевской стрѣлковой школы). (Со схемами). Переводъ К. Ф.	129
XV. Отъ Алайской долины до Маргелана. (Изъ путевыхъ очерковъ по Средней Азіи). Д. ЛОГОФЕТЪ.	143
XVI. По Монголіи до границъ Тибета. (Съ рисунками). П. КОЗЛОВЪ.	165
XVII. Въ ногадѣ. П. Ч.	198

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. С. ДОБРОРОЛЬСКІЙ; В. Н.	199
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. Б.	221
ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ *Бѣляевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генералъ-Маіоръ *Пруссанъ*.

МЫСЛИ О НАШЕМЪ МЫШЛЕНІИ.

I.

Много лѣтъ тому назадъ за границею въ одной книгѣ анонимнаго автора я случайно натолкнулся на такой отзывъ о турецкихъ войскахъ сравнительно съ нашими въ кампанію 1877—78 гг.: «Этотъ походъ кончился, правда, неудачно для Турціи, но если изслѣдовать его безпристрастно, то нельзя не прійти къ тому же заключенію, къ которому приходитъ покойный генераль Штрекеръ-паша въ концѣ своей брошюры «Русскіе и турецкіе вожди въ войну 1877—78 гг.»: «Если принять въ соображеніе, что русская армія съ самаго начала военныхъ дѣйствій численно превосходила турецкую и что это превосходство съ теченіемъ времени все возрастало, то разница между ожиданіями, вытекавшими изъ ходячаго представленія о достоинствахъ обѣихъ армій, и дѣйствительными ихъ успѣхами окажется еще сильнѣе. Фактъ, что послѣдніе не соотвѣтствовали первымъ, многими объясняется просто тѣмъ, что Турція проявила такую силу сопротивленія, какой отъ нея не ожидали, но никто не далъ себѣ труда выяснить, откуда бралась эта сила. Не числомъ выставленныхъ войскъ превзошли турки всѣ ожиданія и, конечно, ужъ не организаціей или обученіемъ ихъ: оказанная ими сила сопротивленія могла имѣть своимъ источникомъ только присущія имъ личныя качества, въ особенности ихъ умственныя способности (Intelligenz)». «Да, прибавляетъ авторъ, несмотря на то, что

турецкая армія числомъ, организаціей и обученіемъ стояла ниже русской, несмотря на плохое управленіе отдѣльными частями войскъ, на неопытность и неустойчивость высшаго военнаго совѣта въ веденіи всѣхъ операцій, высшая интеллигентность, болѣе высокія моральныя качества турецкой расы,—вотъ что было причиною неоднократныхъ чувствительныхъ пораженій, испытанныхъ русскими, вотъ что создало геройскую оборону Шлевны, отсрочило на долгіе мѣсяцы побѣдоносный походъ къ Константинополю, о которомъ такъ мечтали, и было сломлено лишь послѣ продолжительныхъ боевъ, благодаря громадному превосходству силъ»¹⁾).

Я былъ тогда сравнительно молодъ и только что попалъ за границу. Неудивительно, что такой отзывъ глубоко уязвилъ меня. Мнѣ казалось крайне несправедливымъ и обиднымъ, что насъ, русскихъ, успѣвшихъ уже дать міру цѣлый рядъ великихъ поэтовъ, ученыхъ, государственныхъ и военныхъ дѣятелей, позволяютъ себѣ не только ставить на одну доску съ турками, которые еще ничего не внесли въ общечеловѣческую культурную сокровищницу, но даже находить ихъ по умственнымъ дарованіямъ выше насъ. Я тогда не зналъ еще, что иностранцы рѣдко отзываются благопріятно о насъ и что разсчитывать на ихъ безпристрастіе совершенно невозможно. Впрочемъ, я скоро просвѣтился на этотъ счетъ, пересталъ удивляться подобнымъ отзывамъ и уже забылъ почти объ упомянутой книгѣ, когда случай свелъ меня съ авторомъ ея. Имъ оказался очень интересный человѣкъ, корреспондентъ одного изъ первоклассныхъ европейскихъ телеграфныхъ агентствъ. отличный знатокъ турокъ и турецкой арміи, долгое время поставлявшій статьи о ней для Лѣбелевскаго Ежегодника. Когда мы съ нимъ познакомились покороче, я какъ-то навелъ разговоръ на его обидное сравненіе насъ съ турками. Мой собесѣдникъ сконфузился, старался замять этотъ разговоръ и перевести его на другую тему, но... отъ своихъ словъ отказаться не пожелалъ. Зная его за человѣка вдумчиваго, разсудительнаго, самостоятельнаго въ своихъ сужденіяхъ, я былъ пораженъ такимъ упорнымъ нежеланіемъ его разстаться со своимъ, какъ мнѣ казалось, заблужденіемъ; и тутъ во мнѣ впервые шевельнулась мысль, нѣтъ ли въ этомъ отзывѣ доли правды, такъ ли ужъ мы умны на самомъ дѣлѣ?

Недавно мнѣ пришлось убѣдиться, что мой знакомецъ не измѣнилъ своего мнѣнія и до настоящаго времени. Въ одной изъ своихъ новѣйшихъ статей, посвященныхъ турецкой арміи, онъ приводитъ

¹⁾ Die Türkische Wehrmacht und die Armeen der Balkanstaaten. Von H. A. Wien. 1892, стр. 110.

другой отзывъ того же Штрекера-паши, который онъ называетъ «весьма замѣчательнымъ»: «Если и нельзя было сомнѣваться, что общее образованіе среди турокъ было не выше, чѣмъ у русскихъ, то все же на представителяхъ многихъ народностей Турціи сказывалось вліяніе древней культуры, а природныя умственные способности (Intelligenz) мусульманскаго населенія Турецкой Имперіи въ силу соціальныхъ условій развились гораздо выше, чѣмъ у русскихъ» ²⁾).

Такой неблагопріятный отзывъ внимательнаго и вдумчиваго наблюдателя, какъ мой знакомецъ, о нашей интеллигентности сравнительно даже съ турками невольно обращаетъ на себя вниманіе. Но все же надо сказать, что въ немъ умственные способности русскаго народа не характеризуются самостоятельно, а лишь сопоставляются со способностями турокъ; къ тому же Штрекеръ-паша, какъ и мой знакомецъ, опирающійся на его отзывы, врядъ ли могли хорошо знать русскихъ и потому къ ихъ компетентности въ этомъ вопросѣ позволительно отнестись недовѣрчиво.

Но послѣдняя наша война съ Японіей даетъ тоже рядъ примѣровъ недостатка у насъ здраваго смысла.

Положимъ, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о Дальнемъ Востокѣ, о Маньчжуріи и Приамурьи, странахъ отдаленныхъ, мало извѣстныхъ намъ, не вызывавшихъ въ насъ никакого интереса. Мы отмахивались отъ заботъ, которыя навязывали намъ Маньчжурія, Корея, Портъ-Артуръ, и въ возгорѣвшейся изъ-за нихъ грандіозной войнѣ думали только о томъ, какъ бы скорѣе такъ или иначе развязаться съ нею. При такихъ условіяхъ самыя грубыя, самыя нелѣпыя ошибки были вполнѣ возможны и при наличіи здраваго смысла. Но оказывается, что и безпримѣрныя пораженія въ эту войну не оживили въ насъ интереса къ Дальнему Востоку: мы и теперь не вдумываемся ни въ значеніе для насъ Тихоокеанской окрѣпости, ни въ политическія и національныя задачи нашихъ тамошнихъ вѣсѣлей; мы просто знать не хотимъ этихъ вопросовъ.

Но если упрекъ въ недостаткѣ здраваго смысла справедливъ по отношенію къ нашей военной и политической дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ, — а съ этимъ трудно не согласиться даже при поверхностномъ знакомствѣ съ событіями того времени и настоящимъ положеніемъ вещей тамъ, — то совершенно естественно возникаетъ вопросъ, не составляетъ ли отсутствіе здраваго смысла въ насъ общаго явленія, сказавшагося только болѣе понятнымъ

²⁾ Danzer's Armee—Zeitung. 22 Dezember 1910: «Lose Betrachtungen über die Neutürkei und ihre Wehrkräfte». Von H. Albertall. Стр. 5.

для насъ образомъ на Дальнемъ Востокѣ, благодаря чувствительнымъ ударамъ, которыми мы были тамъ наказаны за свое неразуміе? Вѣдь не можетъ же быть такъ, чтобы, поступая всегда, во всѣхъ случаяхъ разумно, мы только по отношенію къ Дальнему Востоку оказались неразумными. И политическіе, и военные дѣятели наши на Дальнемъ Востокѣ не составляли и не составляютъ особой разновидности россіянъ, они такъ же плоть отъ плоти и кровь отъ крови русскаго народа, какъ и всѣ мы, грѣшные, они вышли изъ нашей среды, получили одинаковыя съ нами воспитаніе и образованіе и въ своей предыдущей службѣ проходили тѣ же ступени и были на тѣхъ же должностяхъ, что и мы; было бы поэтому неосновательно предположить, чтобы они могли отличаться въ чемъ-либо отъ общей массы нашихъ военныхъ и политическихъ дѣятелей. Приходится, слѣдовательно, допустить, что отсутствіемъ здраваго смысла страдаемъ, вѣроятно, всѣ мы, всѣ тѣ классы общества, откуда комплектуются наши руководящія сферы. А отсюда недалеко уже до предположенія, не готовимся ли мы къ пораженію не только на Дальнемъ Востокѣ, но на всѣхъ фронтахъ, во всѣхъ областяхъ нашей военной и политической жизни?

Отсутствіе здраваго смысла въ цѣломъ народѣ, въ его интеллигентныхъ классахъ,—да это парадоксъ, скажетъ читатель. Оно, конечно, кажется страннымъ говорить о недостаткѣ здраваго смысла у народа, даваго міру мыслителей въ родѣ Менделѣева или Лобачевского, творенія которыхъ поражаютъ глубиною мысли и трезвою логикою своихъ построеній. Но... не станемъ, однако, и преувеличивать значенія подобныхъ явленій; на нашъ многомилліонный народъ такихъ мыслителей разъ—два и обчелся, да и тѣ теряются въ малодоступныхъ публикѣ областяхъ чистой науки. На аренѣ же политической и военной жизни людей сильнаго, логическаго мышленія у насъ было на рѣдкость мало, и особенно въ послѣднее время. Принявъ это во вниманіе, придется сознаться, что выводъ объ отсутствіи въ насъ здраваго смысла теряетъ, пожалуй, свой парадоксальный характеръ, сохранивъ значеніе положенія, вполне возможнаго, хотя, быть можетъ, и требующаго еще доказательствъ.

Вѣроятно, каждому изъ насъ приходилось встрѣчать спеціалистовъ, людей, всю душу свою влагающихъ въ какое-либо, хотя и маленькое дѣло, и выслушивать отъ нихъ жалобы на полное непониманіе лицъ, отъ которыхъ оно зависитъ, и на неправильныя рѣшенія на практикѣ, которыя являются слѣдствіемъ невниманія къ ихъ представленіямъ. Какъ общее правило, пожеланія такихъ лицъ вытекаютъ

изъ сущности дѣла, и, рѣшая вопросъ несоотвѣтственно съ ними, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, мы прямо вредимъ дѣлу, какими бы обстоятельствами и условіями ни прикрывалось принятое нами неправильное рѣшеніе. Все же, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эти обстоятельства и условія не позволяютъ приписать неправильное рѣшеніе недостатку въ насъ здраваго смысла: здѣсь рѣшеніе чаще всего зависитъ отъ усмотрѣнія того или другого лица, и, слѣдовательно, несоотвѣтствіе его сущности дѣла всегда можетъ быть приписано индивидуальнымъ особенностямъ этого лица. Но нетрудно найти примѣры и такихъ рѣшеній, въ которыхъ сказывается уже характеръ мышленія массы: по нимъ легче судить, въ какихъ отношеніяхъ живемъ мы со здравымъ смысломъ.

Въ 1911 г. офицерамъ, державшимъ при штабахъ округовъ экзаменъ для поступленія въ Императорскую Николаевскую военную академію, была предложена для рѣшенія чрезвычайно простая тактическая задача: полкъ, составляющій боковой авангардъ, одновременно узнаетъ, что прикрываемая имъ дивизія попала подъ артилерійскій огонь съ позиціи, занятой противникомъ на пути ея наступленія, и что появились значительныя силы противника съ той стороны, съ которой онъ прикрываетъ движеніе дивизіи; требовалось отдать распоряженія по боковому авангарду. Казалось бы, такая элементарная, несложная задача не должна была представить никакихъ затрудненій для экзаменуемыхъ. На экзаменъ пришли люди уже довольно солидные, въ чинахъ отъ поручика до капитана включительно, люди, конечно, неглупые, въ извѣстномъ смыслѣ лучшіе офицеры своихъ частей, не новички въ тактикѣ, много поработавшіе при подготовкѣ къ экзаменамъ. Съ другой стороны, и надъ задачей не приходилось долго раздумывать: полкъ въ качествѣ бокового авангарда прикрываетъ движеніе дивизіи съ той стороны, гдѣ онъ находится, и, значитъ, въ случаѣ появленія отсюда противника долженъ направить свои операціи именно противъ него, если, конечно, онъ не получитъ другой директивы или если обстановка не измѣнится такъ, что выполненіе его функцій бокового авангарда станетъ излишнимъ³⁾. При такихъ условіяхъ неправильныя, невытекающія изъ обстановки задачи рѣшенія, казалось бы, могли оказаться только въ видѣ единичныхъ, немногихъ исключеній. Вышло же, однако, не то: три четверти экзаменовавшихся (въ округѣ, гдѣ я служу, 32 изъ 43), наперекоръ здра-

3) См. рѣшенія, признанныя академіею наилучшими, въ «Извѣстіяхъ Императорской Николаевской военной академіи», январь 1912 г.

вому смыслу и логикѣ, наперекоръ даже основной обязанности военной службы исполнить во что бы то ни стало данное приказаніе (полку—прикрывать дивизію съ фланга), направили полкъ въ атаку на позицію, преграждавшую путь дивизіи, а не противъ противника, показавшагося со стороны прикрываемаго полкомъ фланга.

Пораженный такимъ результатомъ, я послѣ экзамена постарался выяснитъ соображенія, которыми руководствовалось большинство офицеровъ, принявъ такое явно неправильное рѣшеніе. Соображенія оказались довольно простыми. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся у офицеровъ, академія, будто бы, всегда требуетъ рѣшеній въ смыслѣ наступленія, отбѣивая иныя рѣшенія неудовлетворительными отмѣтками; въ данномъ же случаѣ они видѣли подтвержденіе этому еще и въ томъ, что на присланныхъ академіею листахъ карты, на которой должна была рѣшаться задача, позиція, преграждавшая путь дивизіи, находилась въ центрѣ листа, тогда какъ путь движенія бокового авангарда помѣщался близко къ его обрѣзу: очевидно, рассуждали они, рѣшеніе, угодное академіи, заключается въ атакѣ позиціи. Такимъ образомъ, почти три четверти экзаменовавшихся офицеровъ (я говорю почти, потому что среди нихъ могло оказаться нѣсколько человекъ, добросовѣстно считавшихъ это рѣшеніе наилучшимъ) нашли возможнымъ уклониться отъ разбора задачи по существу и вывода изъ него извѣстнаго рѣшенія, а предпочли заняться рѣшеніемъ другой задачи—отыскать отвѣтъ, который соотвѣтствовалъ бы требованіямъ академіи, какъ они ихъ понимали, и тѣмъ опезпечить себѣ удовлетворительный экзаменаціонный баллъ, совершенно не заботясь о томъ, вытекаетъ ли этотъ отвѣтъ изъ сущности задачи или нѣтъ ⁴⁾).

Положимъ, экзамены—дѣло слишкомъ важное для офицеровъ, чтобы они не постарались гарантировать себѣ успѣшный исходъ ихъ всѣми правдами и неправдами. Можетъ показаться также, что было бы, пожалуй, слишкомъ ужъ строго требовать отъ нихъ забвенія собственныхъ интересовъ ради того, чтобы добиться правильнаго рѣшенія какой-то тамъ совершенно отвлеченной задачи, требовать, чтобы они давали *правильныя* рѣшенія, а не рѣшенія, *угодныя* академіи или кому бы то ни было. Конечно, всѣ мы люди, всѣ чело-
вѣки, всѣмъ намъ своя рубашка ближе къ тѣлу. Но когда рѣчь идетъ о подготовкѣ матеріала, изъ котораго впослѣдствіи будутъ комплектоваться дѣятели, вершающіе дѣла государственнаго зна-

⁴⁾ Повидимому, и въ другихъ округахъ офицеры дали въ большинствѣ такое же рѣшеніе: по крайней мѣрѣ, относительно Варшавскаго округа это отмѣчено «Офицерскою Жизнью», 1911 г. № 260.

ченія, мы должны рѣшительно высказать осужденіе тенденціямъ, въ которыхъ сказывается стремленіе замѣнить рѣшеніе вопроса по существу рѣшеніемъ въ угоду чему или кому бы то ни было. «На военное дѣло надо смотрѣть, какъ на дѣло святое, въ которомъ всѣ фокусы, личные интересы, счеты самолюбія или тщеславія должны быть отброшены въ сторону. Дѣло это жестокое, требующее поэтому полной добросовѣстности»⁵⁾. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, думать, что-бы человѣкъ въ однихъ случаяхъ мыслить такъ, въ другихъ иначе, чтобы, привыкши во всякомъ дѣлѣ прежде всего вспоминать о своихъ интересахъ, онъ сталъ бы въ дѣлахъ общественнаго значенія забывать о себѣ. Къ тому же у всякаго человѣка личная жизнь такъ тѣсно связывается съ его общественнымъ служеніемъ, что выборъ между рѣшеніемъ дѣла по существу или по постороннимъ соображеніямъ приходится дѣлать на каждомъ шагу. Поэтому легкость, съ которою большинство офицеровъ, поступающихъ въ Императорскую Николаевскую военную академію, готово мириться съ неправильнымъ рѣшеніемъ вопроса ради какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній, составляетъ дурное предзнаменованіе для будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба и высшихъ войсковыхъ начальниковъ: въ ихъ будущей дѣятельности можно всегда ожидать уклоненій отъ логики и здраваго смысла, которыя вредно отразятся на поручаемыхъ имъ дѣлахъ.

Впрочемъ, съ своей точки зрѣнія, офицеры, если хотите, въ разбираемомъ случаѣ рассуждали правильно. Тѣмъ не менѣе, если бы случайно не стала извѣстна причина, подтолкнувшая офицеровъ на ошибочное рѣшеніе, ничѣмъ другимъ нельзя было бы объяснить себѣ его, какъ отсутствіемъ въ офицерахъ здраваго смысла, дѣлающимъ ихъ неспособными къ согласному съ пользою дѣла рѣшенію задачъ.

Было бы очень поучительно прослѣдить дальнѣйшую карьеру экзаменовавшихся офицеровъ въ академіи и въ послѣдующей службѣ, чтобы опредѣлить, какъ и насколько измѣнялось подъ вліяніемъ этихъ факторовъ ихъ отношеніе къ вопросамъ, представляющимся имъ на разрѣшеніе. Но этого нельзя; однако, по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что вліяніе это врядъ ли было бы значительно. Вотъ, напримѣръ, что рассказываетъ «Офицерская Жизнь» 1911 г., № 260 объ офицерахъ генеральнаго штаба по поводу тѣхъ же экзаменовъ. Когда нѣкоторыхъ изъ нихъ спросили, какъ бы они рѣшили задачу, они отвѣтили, что полкъ долженъ

⁵⁾ «Русская Старина», апрѣль 1911 г. А. Витмеръ. «Генералъ Церпицкій», стр. 40.

дѣйствовать противъ обходящей дивизіи, т. е. охранять флангъ; но когда имъ было объяснено, что верстовка не захватывала этого района, отвѣтъ получился одинъ: «это другое дѣло—тогда надо атаковать на фронтъ....» Изъ статьи не видно, много ли офицеровъ было опрошено и дало подобный отвѣтъ; но журналъ, повидимому, склоненъ думать, что офицеры генеральнаго штаба въ массѣ отвѣтили бы подобнымъ же образомъ, такъ какъ онъ обобщаетъ этотъ отвѣтъ и иронизируетъ надъ академіей, добившейся яко бы такого единства взглядовъ среди своихъ бывшихъ питомцевъ разныхъ выпусковъ. Изъ этого можно бы, пожалуй, заключить, что и въ офицерахъ генеральнаго штаба вообще преобладаетъ то же самое безразличное отношеніе къ истинѣ, что и имъ не такъ важно рѣшить задачу по существу, сколько догадаться, какое рѣшеніе болѣе всего по вкусу академіи и вообще тому, кому рѣшеніе представляется.

Такую же податливость и готовность поступиться правильнымъ рѣшеніемъ въ пользу тѣхъ или иныхъ постороннихъ соображеній, хотя и болѣе благороднаго характера, мнѣ пришлось наблюдать и въ другомъ случаѣ. Въ гарнизонѣ того большого города, гдѣ протекаетъ моя служба, имѣется человекъ сорокъ офицеровъ генеральнаго штаба. И вотъ, каждый разъ, когда кто-либо изъ нихъ покидаетъ насъ, получая назначеніе въ другой округъ, среди остающихся начинаются нескончаемые дебаты, слѣдуетъ ли почтить отъѣзжающаго какимъ-либо выраженіемъ нашихъ чувствъ, и, въ утвердительномъ случаѣ, въ какой формѣ это сдѣлать. Эти споры мнѣ приходится слышать уже много лѣтъ, хотя они давнымъ-давно освѣтили всесторонне всякіе сюда относящіеся вопросы. Выяснилось съ полною очевидностью, что проводы, въ какой бы формѣ ни устраивались, не могутъ служить выраженіемъ нашихъ чувствъ уже по одному тому, что лица, старшія чиномъ и служебнымъ положеніемъ, тѣмъ самымъ гарантированы отъ выраженія несочувствія и неудостоенія проводами. Если же чествовать проводами всѣхъ покидающихъ насъ товарищей, то самое слово «чествованіе» окажется неумѣстнымъ, да и проводы теряютъ всякій смыслъ, такъ какъ тогда въ сущности каждый самъ себѣ устраиваетъ прощальный обѣдъ или ужинъ, самъ себѣ подноситъ подарокъ или жетонъ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, разумнѣе всего отказаться отъ всякихъ проводовъ, въ какой бы формѣ они не предлагались, въ формѣ ли совмѣстной ѣды, въ формѣ ли поднесенія подарка или жетона. Тѣмъ не менѣе это разумное рѣшеніе постоянно отвергалось офицерами въ теченіе ряда лѣтъ, споры во-

зобновлялись каждый разъ при отъѣздѣ кого-либо изъ товарищей съ обыкновенною горячностью, и проводы все-таки устраивались.

Прислушиваясь къ сужденіямъ сослуживцевъ, я убѣдился, что они только отчасти вызываются непониманіемъ неумѣстности всякаго рода проводовъ при указанныхъ условіяхъ; большинство же, понимая это, тѣмъ не менѣе высказывается всегда за проводы подѣ влияніемъ въ сущности очень хорошихъ и симпатичныхъ побужденій. Какъ извѣстно, офицеры генеральнаго штаба у насъ объединены въ одну корпорацію лишь общностью мундира и приблизительно одинаковыми условіями служебной карьеры; пдейнаго объединенія ихъ не замѣчается. Это-то отсутствіе духовной связи, отсутствіе идеи, во имя которой они объединялись бы въ общей работѣ, больно чувствуется большинствомъ офицеровъ генеральнаго штаба и заставляетъ ихъ цѣпляться хотя бы за призракъ, за форму безъ содержанія, за внѣшнее выраженіе несуществующаго корпоративнаго духа. Это лишнее свидѣтельство ненормальнаго положенія корпуса офицеровъ генеральнаго штаба у насъ. Но съ точки зрѣнія занимающаго насъ теперь вопроса это опять уступка правильнаго рѣшенія въ пользу постороннихъ, не вытекающихъ изъ дѣла соображеній.

Какъ ни характерны приведенные факты, они еще не позволяютъ, пожалуй, судить о томъ, насколько правильно мы умѣемъ мыслить: можетъ быть, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не замѣшанъ нашъ личный интересъ, наше личное чувство, мы будемъ мыслить гораздо лучше, объективнѣе? Но мнѣ пришлось уже упомянуть, что характеръ мышленія у человѣка не можетъ мѣняться по произволу: если онъ не привыкъ всегда и во всѣхъ случаяхъ дорожить истиною выше всего, если отклоненія отъ нея, каковы бы ни были ихъ причины, не вызываютъ въ немъ боли, разлада съ самимъ собой, то для него и въ случаяхъ, не затрагивающихъ его интересовъ, легко возможны ошибки мышленія и зачастую даже весьма грубыя. Привычка относиться безъ должнаго вниманія къ строгости своихъ выводовъ и легко поступаться ими скажется и при разработкѣ вопросовъ общаго характера, въ которыхъ личному интересу уже нѣтъ мѣста, и даже при разработкѣ чисто теоретическихъ, научныхъ вопросовъ, гдѣ рѣчь идетъ только о выясненіи истины. Такова ужъ природа человѣка: привычка въ ней играетъ огромную роль. Это вѣдь вторая натура. Мы не привыкли и не умѣемъ правильно мыслить, а поэтому и не дорожимъ логическимъ развитіемъ той или иной идеи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я помѣстилъ въ нашихъ военныхъ

журналахъ двѣ—три статьи, а затѣмъ выпустилъ отдѣльную книгу⁶⁾, въ которыхъ усиленно старался освѣтить вопросъ о спеціальности генеральнаго штаба. Я взглянулъ на него не какъ на учрежденіе, которое, по желанію, можетъ быть, а можетъ и не быть при арміи, которому можно дать то или другое устройство въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ и усмотрѣній: я рассматривалъ его, какъ явленіе, вызываемое къ жизни современнымъ состояніемъ военнаго дѣла, какъ необходимый органъ современной арміи. безъ котораго она не можетъ выполнять своего назначенія. Исходя изъ такого взгляда, я въ основу своихъ работъ принялъ нѣкоторыя положенія, которыя казались мнѣ неоспоримыми, и затѣмъ, путемъ разсужденій и ряда умозаключеній, постарался выяснитъ роль и назначеніе генеральнаго штаба въ арміи, его спеціальность. Выводы, къ которымъ я пришелъ, я провѣрилъ путемъ сравненія ихъ съ тѣмъ, что генеральный штабъ представляетъ собою въ дѣйствительности въ различныхъ арміяхъ. Мои статьи и книга удостоились нѣкотораго вниманія и вызвали въ повременной печати рядъ статей и замѣтокъ различныхъ авторовъ. Отзывы были крайне разнообразны—и очень лестные, и неблагопріятные; но въ общемъ вся эта полемика о спеціальности генеральнаго штаба сильно напоминала по своему характеру споры съ женщиной. Вы начинаете убѣждать ее въ чемъ-нибудь и послѣдовательно, шагъ за шагомъ заставляете ее соглашаться съ вашей точкой зрѣнія; но, когда вы доходите до вашего конечнаго вывода, несогласнаго съ ея взглядомъ, вы неизмѣнно услышите: и все-таки ты не правъ, а вѣрно то, что я говорю. Такъ и въ полемикѣ о генеральномъ штабѣ моимъ разсужденіямъ не отказывали въ послѣдовательности и логичности, но... съ выводомъ, къ которому они приводили, все же не желали согласиться, такъ какъ онъ не соотвѣтствовалъ привычнымъ взглядамъ.

Въ сущности полемизировать съ сочиненіемъ въ родѣ моего, какъ оно выше очерчено, не представляетъ никакихъ трудностей: надо доказать либо ошибочность исходныхъ положеній, либо несостоятельность умозаключеній и выводовъ, дѣлаемыхъ изъ нихъ. Однако, ни одинъ изъ моихъ критиковъ не пошелъ этимъ путемъ: критика сводилась къ тому, что либо разбирались отдѣльныя мысли изъ моихъ сочиненій внѣ связи съ другими, либо моимъ словамъ придавался смыслъ, котораго они не имѣли, и доказывалась не правильность моего пониманія дѣла, либо, наконецъ, прямо вы-

---

⁶⁾ Э. Х. Казнинъ. «Генеральный штабъ и его спеціальность».

сказывался собственный взглядъ на генеральный штабъ, а проводимый мною безъ церемоніи отвергался, какъ несогласный съ нимъ. Особенно же оригинально ноступилъ органъ нашего высшаго военно-научнаго учрежденія: «Извѣстія Императорской Николаевской военной академіи»; въ статьѣ «Служба германскаго генеральнаго штаба» ⁷⁾ совершенно голословно мой методъ изслѣдованія названъ несостоятельнымъ, взгляды предвзятыми и выводы нежизненными, а затѣмъ дано собственное изслѣдованіе вопроса, выводы котораго... совпали вполнѣ съ моими! Очевидно, примѣненіе такихъ пріемовъ полемики мало способствуетъ выясненію истины.

Еще оригинальнѣе предложеніе, исходившее отъ г. Скугаревскаго. Имя г. Скугаревскаго пользуется въ нашей арміи почетною извѣстностью, какъ одного изъ видныхъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, много подвизавшагося на военно-литературномъ поприщѣ, занимавшаго одно время высокій постъ въ строю и являвшагося въ послѣдніе годы однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Военнаго Совѣта; все его общественное служеніе свидѣлствуетъ, что это человѣкъ, всей душой преданный военному дѣлу и много поработавшій на пользу его. Это, однако, не помѣшало ему выступить съ предложеніемъ въ высшей степени страннымъ. Оно сдѣлано въ статьѣ «Генеральный штабъ», помѣщенной въ № 1008 «Развѣдчика» за 1910 г., въ которой онъ, перечисливъ взгляды нѣсколькихъ писателей на специальность генеральнаго штаба, вкратцѣ возражаетъ на нихъ, затѣмъ поясняетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ и въ концѣ концовъ предлагаетъ, путемъ голосованія, найти правильное опредѣленіе специальности генеральнаго штаба. Съ точки зрѣнія разбираемаго мною теперь вопроса о характерѣ нашего мышленія здѣсь одинаково любопытны и высказанный г. Скугаревскимъ взглядъ на специальность генеральнаго штаба, и само предложеніе голосовать вопросъ.

Г. Скугаревскій въ № 1 «Военнаго Сборника» за 1885 г. опредѣляетъ, между прочимъ, генеральный штабъ, какъ «особый специальный органъ, служащій для исполненія многихъ специальныхъ обязанностей»; въ указанной статьѣ «Развѣдчика» онъ повторяетъ: «Я... считаю главнымъ назначеніемъ генеральнаго штаба специальную войсковую службу». На мое замѣчаніе, что такое опредѣленіе ничего не опредѣляетъ, г. Скугаревскій возражаетъ: «... вѣдь я въ двухъ статьяхъ подробно перечислилъ эти спе-

7) «Извѣстія Имп. Ник. военной академіи» 1911 г. №№ 9 и 10.

ціальныя обязанности, сжатый перечень которых вошелъ теперь въ полевой уставъ, какого же еще опредѣленія остается желать?» Нельзя не удивляться, какъ это г. Скугаревскому, когда онъ писалъ эти строки, не пришла въ голову простая мысль, что перечень не есть опредѣленіе, что относительно перечня, хотя бы и попавшаго въ уставъ, всегда возможны вопросы, почему такіа-то обязанности включены въ него, другія нѣтъ, что поэтому перечень долженъ явиться слѣдствіемъ опредѣленія специальности, а не наоборотъ, и что, слѣдовательно, необходимо имѣть, прежде всего, не перечень обязанностей генеральнаго штаба, а точное опредѣленіе его специальности. И эта-то простая мысль ускользнула отъ г. Скугаревского и до такой степени, что онъ въ недоумѣніи спрашиваетъ: «какого же еще опредѣленія остается желать?»

И онъ, дѣйствительно, обходится безъ него. Свое прежнее опредѣленіе, данное въ «Военномъ Сборникѣ» 1885 г. № 1, что генеральный штабъ есть «особый специальный органъ, служащій для передачи въ войска воли начальниковъ», «важный посредствующій органъ между начальниками и войсками для стройнаго и правильнаго приведенія въ движеніе и дѣйствіе отрядовъ и армій», онъ самъ признаетъ несостоятельнымъ, соглашаясь, что это опредѣленіе не генеральнаго штаба, а всякаго отряднаго штаба. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что «въ этихъ отрядныхъ штабахъ полезно имѣть специальныхъ офицеровъ, хорошо подготовленныхъ для довольно сложной и характерной полевой службы войсковыхъ штабовъ, подобно тому, какъ есть специальные артиллерійскіе, кавалерійскіе и саперные офицеры». И въ этомъ опредѣленіи какая-то путаница. Специальные офицеры входятъ въ составъ штабовъ, составляютъ какъ бы часть ихъ, а въ то же время должны быть хорошо подготовлены къ полевой службѣ штабовъ: слѣдуетъ ли это понимать въ томъ смыслѣ, что специальное дѣло этихъ офицеровъ—полевая служба штабовъ, т. е. вся разносторонняя штабная служба въ полѣ, на войнѣ? Или въ составѣ штабовъ должны быть офицеры, подготовленные къ какой-то специальной службѣ, и въ такомъ случаѣ—къ какой именно? И потомъ—необходимо ли имѣть такихъ специалистовъ въ штабѣ или только полезно, а въ сущности можно бы и безъ нихъ обойтись? Объясненій этому въ статьѣ г. Скугаревского не найти. И въ концѣ концовъ приходишь къ заключенію, что мысль г. Скугаревского безсильна создать какое-либо опредѣленіе специальности генеральнаго штаба: его мнѣніе, что назначеніе генеральнаго штаба заключается въ исполненіи специальныхъ обязанностей, перечисленныхъ въ полевомъ

уставѣ, имѣеть въ этомъ отношеніи такую же цѣну, какъ если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что специальность генеральнаго штаба заключается въ исполненіи обязанностей по тѣмъ должностямъ, которыя, случалось, бывали у насъ заняты офицерами генеральнаго штаба во всѣхъ вѣдомствахъ, начиная съ Государственнаго Совѣта и кончая женскими институтами.

Я остановился нѣсколько дольше, можетъ быть, чѣмъ слѣдовало бы, на мнѣніи г. Скугаревскаго, потому что на немъ особенно убѣдительно сказалась невозможность навязывать генеральному штабу тѣ или другія обязанности, не вытекающія изъ его естественнаго назначенія въ жизни современныхъ армій. Не давъ себѣ отчета, въ чемъ сущность генеральнаго штаба, его специальность, выдающійся офицеръ генеральнаго штаба выработалъ схему его обязанностей, которая была одобрена компетентными лицами и вошла въ уставъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, обязательной для всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Всѣ шансы, казалось бы, были налицо, чтобы въ арміи прочно установился опредѣленный взглядъ на генеральный штабъ. И что же? Прошло съ тѣхъ поръ всего шесть лѣтъ, и самъ авторъ схемы вынужденъ сознаться (въ той же статьѣ «Генеральный штабъ» въ № 1008 «Развѣдчика» за 1910 г.), что генеральный штабъ расплылся по всевозможнымъ вѣдомствамъ, что о вошедшей въ уставъ его регламентаціи обязанностей генеральнаго штаба у насъ «много не подозрѣваютъ и даже руководители службы генеральнаго штаба часто того не знаютъ...» и что «въ послѣднее время были высказаны такіе разнорѣчивые взгляды на этотъ институтъ, писатели такъ далеко разошлись даже въ опредѣленіи цѣли и назначенія его...», что автору кажется необходимымъ обратиться за выясненіемъ этого вопроса къ общественному мнѣнію. Все это ясно доказываетъ, что генеральному штабу нельзя навязывать обязанностей или специальности по произволу, что генеральный штабъ, родившись изъ условій, которыми опредѣляется современное военное дѣло, только въ томъ случаѣ будетъ правильно функционировать, когда будетъ устроенъ соотвѣтственно своему естественному назначенію, что поэтому въ настоящее время важнѣйшей задачей въ вопросѣ о генеральномъ штабѣ будетъ не придумываніе ему тѣхъ или иныхъ обязанностей, а изслѣдованіе его роли и назначенія въ жизни современныхъ армій. Генеральный штабъ появился въ составѣ ихъ помимо воли отдѣльных лицъ: онъ такое же дитя XIX вѣка, какъ массовыя арміи, разрѣженный боевой порядокъ, интенсивный ходъ современныхъ войнъ и т. п. слѣдствія научнаго и техническаго

прогресса. Его нужно изучать, изъ этого изученія вывести его сущность и назначеніе и уже на нихъ строить схемы его обязанностей для включенія въ уставъ. Всякія попытки придумать для него какое-либо назначеніе инымъ путемъ свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи сущности вопроса, о недостаточно развитомъ научномъ мышленіи и неизбѣжно обречены на неудачу.

При такомъ взглядѣ на генеральный штабъ сразу становится ясною вся несостоятельность того способа выясненія его спеціальности, который предложенъ г. Скугаревскимъ въ упомянутой статьѣ «Развѣдчика»: онъ обращается «къ общественному мнѣнію, въ видѣ голосованія вопроса среди читателей «Развѣдчика», желающихъ принять въ немъ участіе». На голосованіе онъ ставитъ пять опредѣленій назначенія генеральнаго штаба, данныхъ разными лицами, и проситъ отвѣтить, «какое изъ этихъ опредѣлений читатели признаютъ болѣе соотвѣтственнымъ».

Но въдѣ голосованіе допустимо лишь въ вопросахъ личнаго вкуса, личнаго усмотрѣнія: на конкурсѣ красавицъ голосованіе можетъ выяснить, какой типъ женщинъ приходится болѣе всего по вкусу мужчинамъ данной мѣстности и въ данное время; при выборѣ головного убора для арміи голосованіе, можетъ, тоже было бы полезно, выяснивъ, что, напримѣръ, введенный у насъ киверъ нравится большинству армій, что оно находитъ его удобнымъ, красивымъ, практичнымъ, по силамъ офицерскому карману. Но это и все, что можетъ дать голосованіе: женщина, премированная на конкурсѣ красоты, можетъ тѣмъ не менѣе очень отличаться отъ созданий Праксителей и Рафаэлей; киверъ, понравившійся большинству, все же можетъ оказаться никуда негоднымъ головнымъ уборомъ съ точки зрѣнія требованій и условій военной службы. Полагать же, что голосованіемъ можно рѣшать вопросы, требующіе научнаго изслѣдованія, составляетъ ошибку мышленія, почти граничащую съ безуміемъ. Попробуйте, напримѣръ, пустить у насъ въ Россіи на голосованіе вопросъ о вращеніи земли вокругъ оси—вы навѣрное принуждены будете признать, что она не только не вращается, а стоитъ прочно на трехъ китахъ; а относительно сущности грома голосованіе убѣдило бы васъ, что это Илья Пророкъ катается въ колесницѣ по небу. Понятно поэтому, что и изъ голосованія, предпринятаго г. Скугаревскимъ, мы узнали лишь взглядъ значительнаго числа офицеровъ на назначеніе генеральнаго штаба, но нисколько не подвинулись въ рѣшеніи вопроса, въ чемъ же заключается его спеціальность; а между тѣмъ г. Скугаревскій, предлагая голосованіе, именно это и имѣлъ въ виду, надѣясь разсѣять «туманъ, напущен-

ный писателями послѣднихъ дней», и дать полезный матеріалъ для сужденія при предстоящей реформѣ генеральнаго штаба. Предложеніе г. Скугаревскаго подверглось въ свое время вполне заслуженной суровой критикѣ г. А. Н. въ № 1010 «Развѣдчика» за 1910 г., который приходитъ къ справедливому, хотя и нѣсколько грубо выраженному заключенію, что полученному такимъ путемъ рѣшенію вопроса о назначеніи генеральнаго штаба «грошъ цѣна; надо благодарить Бога, если оно не окажется еще вреднымъ».

Результатъ голосованія приведенъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ № 1017 «Развѣдчика» за 1910 г. Изъ нея видно, что на предложеніе г. Скугаревскаго откликнулось 222 человекъ разнаго служебнаго положенія и разнаго рода службы: были отвѣты отъ корпусныхъ командировъ и отъ подпоручиковъ, откликнулось и довольно много офицеровъ генеральнаго штаба. Такимъ образомъ 222 офицера, въ томъ числѣ лица высшаго команднаго состава арміи и офицеры генеральнаго штаба оказались повинными въ той же ошибкѣ мышленія, что и г. Скугаревскій. Печальное значеніе этого факта усугубляется еще тѣмъ, что Императорская Николаевская военная академія, разсадникъ научнаго образованія въ арміи, отмѣтивъ въ «Лѣтописи военной печати» въ №№ 2 и 4 своихъ «Извѣстій» за 1910 г. предложеніе г. Скугаревскаго и результаты его, не сочла нужнымъ дать надлежащую оцѣнку этому совершенно ненаучному приему; а между тѣмъ для нея, какъ высшаго военно-научнаго учрежденія въ странѣ, казалось бы, не должны быть безразличными тѣ приемы, которыми армія рѣшаетъ представляющіеся ей вопросы теоретическаго характера.

Съ точки зрѣнія характеристики нашего мышленія, пожалуй еще курьезнѣе, чѣмъ голосованіе вопроса о назначеніи генеральнаго штаба, является полемика о единой военной доктринѣ, недавно разыгравшаяся на страницахъ нашей военной печати. Одни горячо защищали необходимость для арміи чего-то такого, что никакъ не поддавалось изложенію и что называли иностраннымъ словечкомъ «доктрина». Другіе отвергали эту необходимость, также совершенно не давая себѣ отчета, что это такое за «доктрина», о которой говорятъ ихъ противники, и, подсовывая вмѣсто нея разныя другія понятія—доктринерство, шаблонъ и т. п., настойчиво предостерегали отъ опасности, которою грозитъ «доктрина». Люди говорили и спорили о неизвѣстномъ, но въ то же время какъ будто и знакомомъ имъ предметѣ, котораго ни опредѣлить, ни указать никто изъ нихъ не могъ. Картина получилась въ высшей степени назидательная, но и сумбурная, наводящая на «невеселыя думы и недобрыя пред-

чувствія», картина, составляющая «безусловно зловѣщій симптомъ», напоминая собою «Вавилонское столпотвореніе»⁸⁾.

А между тѣмъ вопросъ о единой военной доктринѣ очень простъ самъ по себѣ, такъ какъ доктрина, этотъ таинственный, страшный жупель, хорошо знакомъ всѣмъ со школьной скамьи и твердится намъ часто въ теченіе всей нашей служебной карьеры. Единую доктрину намъ нечего «вырабатывать», какъ требуютъ нѣкоторые сторонники ея (М. Эбѣловъ. «Воспитательные идеалы», «Развѣдчикъ» 1911 г. № 1066; «Обзоръ печати», «Развѣдчикъ» 1911 г. № 1070 и др.): она давнымъ давно выработана и у насъ и за границей и составляетъ, можно сказать, общее мѣсто, которое выслушиваютъ изъ вѣжливости, чтобы тотчасъ же и забыть о немъ. И формулировать ее можно различно. Не такъ давно всю Россію облетѣли два слова, въ которыхъ незаурядный военный дѣятель исповѣдалъ ее: это афоризмъ трагически погибшаго на «Петропавловскѣ» незабвеннаго адмирала Макарова: «помни войну»! Вотъ единая военная доктрина, которою мы, подобно нѣмцамъ, французамъ, японцамъ и др., должны проникнуться до мозга костей. Эта мысль кажется намъ, однако, такой банальной, избитой, что и говорить о ней какъ-то даже неловко. Посмотрите, напримѣръ, какъ робко приступаетъ г. А. Дмитревскій въ статьѣ «Доктрина, декадентство, шаблонъ, доктринерство» въ № 72 «Русскаго Инвалида» за 1912 г. къ изложенію этой же самой мысли другими словами: «Неужели, говоритъ онъ, намъ грозилъ бы въ будущемъ разгромъ... отъ принятія, напримѣръ, такой доктрины (прошу прощенія за слабую ея формулировку): согласное, дружное, какъ одинъ, общее (единое) стремленіе къ единой цѣли—*уничтоженію* (убиванію) врага какимъ угодно способомъ? Это покажется съ перваго взгляда очень простымъ, почти дѣтскимъ; однако, и этого мы еще не добились». Смѣлѣе, г. А. Дмитревскій, вамъ не въ чемъ просить прощенія, не зачѣмъ конфузиться, что высказанная вами мысль очень проста, дѣтски проста: это та же мысль, что и макаровское «помни войну», это и есть единственная «единая военная доктрина», какая только существуетъ, равно необходимая и для насъ, и для всякой другой арміи въ мірѣ; и за вами остается честь, что во всей полемикѣ о доктринѣ вы одинъ формулировали ее и тѣмъ опредѣлили предметъ спора.

Итакъ, если дѣло такъ просто, если эта доктрина намъ хорошо извѣстна, отчего же мы не замѣчаемъ ея благодѣтельнаго вліянія

⁸⁾ А. Дмитревскій. «Вавилонское столпотвореніе», «Русскій Инвалидъ» 1912 г. № 18.

на насъ, на наше военное дѣло? Въ томъ-то и бѣда, что наше мышленіе, непріученное къ строго научной, послѣдовательной работѣ, оказывается безсильнымъ связать каждое наше дѣйствіе съ этой доктриной, обосновать его на ней, оно такъ привыкло поддаваться всякаго рода привходящимъ соображеніямъ. «Помни войну»! Да, у Макарова вся его дѣятельность направлялась этою мыслью и заставляла его неустанно трудиться надъ подготовкой къ войнѣ, придавая его работѣ всегда цѣлесообразный характеръ; это она выдвинула его изъ ряда другихъ военныхъ дѣятелей того времени и заставила вѣрить въ него, въ разумность его взглядовъ, требованій и распоряженій. У насъ же наше больное, искалѣченное мышленіе прямо отказывается принять «помни войну» регуляторъ нашихъ дѣйствій. Въдь если руководствоваться имъ, придется подчасъ отказываться отъ блестящаго или выгоднаго назначенія, если оно превышаетъ наши силы; придется работать дни и ночи и страдать отъ мысли, что все-таки не успѣваешь сдѣлать всего, что нужно для войны; придется, можетъ, вступать въ непріятные конфликты съ начальствомъ и заслужить, пожалуй, репутацію безпокойнаго человѣка; чего добраго, можно даже потерять по службѣ. А какъ затруднится каждое дѣло, если его неизмѣнно относить все къ тому же основанію: «помни войну», какъ много придется надъ нимъ думать, работать! Очевидно, все это отнюдь не можетъ располагать насъ къ слѣдованію доктринѣ, мы и къ ней относимся съ привычными намъ пріемами мышленія и, не стѣсняясь, откидываемъ ее въ пользу какихъ-либо постороннихъ соображеній. Неудивительно, что въ силу этихъ несчастныхъ особенностей нашего мышленія доктрина у насъ не прививается, не можетъ привиться; и намъ приходится считаться со всѣми послѣдствіями этого факта, который отражается вреднымъ образомъ на всей нашей подготовкѣ къ войнѣ и несомнѣнно принесутъ намъ немало горя въ будущихъ войнахъ.

Въ разобранныхъ случаяхъ рѣчь шла о выясненіи specialности генеральнаго штаба и объ единой доктринѣ, о вопросахъ скорѣе отвлеченныхъ, теоретическихъ, хотя и имѣющихъ исключительно высокое практическое значеніе; въ нихъ, казалось бы, уже не могли пмѣть мѣста никакія соображенія, не вытекавшія изъ сущности самого вопроса, какъ въ случаѣ экзамена офицеровъ при штабахъ округовъ. А между тѣмъ и въ нихъ совершенно отчетливо сказалась наша неспособность или непривычка къ строго логическому, научному мышленію не только въ массѣ офицеровъ, но и среди выдающихся представителей офицерской кор-

пораціи, среди лицъ высшаго команднаго состава, среди офицеровъ генеральнаго штаба. Мы не умѣемъ разбираться объективно въ представляющихся намъ вопросахъ, не стараемся точно устанавливать факты, отыскивать между ними соотношенія, не даемъ себѣ труда постичь причинную связь между ними и дѣлать изъ нихъ правильные, безпристрастные, научно-обоснованные выводы. Мы привыкли въ теоретическихъ вопросахъ, въ дѣлахъ общественныхъ и служебныхъ примѣнять тѣ же методы мышленія, которыми руководствуемся въ нашей частной жизни, гдѣ регуляторомъ нашихъ поступковъ служатъ наши желанія, страсти, симпатіи и антипатіи, и потому легко миримся съ подчасъ явно несообразными и несостоятельными выводами. Между тѣмъ строго логическое, чисто научное мышленіе, чуждое по возможности всякихъ субъективныхъ вліяній, обязательно для тѣхъ, кому приходится работать не съ цѣлью удовлетворенія запросовъ личности, а на пользу общаго дѣла; и чѣмъ выше стоитъ общественный дѣятель, тѣмъ обязательнѣе для него эта способность.

Э. Х. Калнинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Дзбука успѣшности каждой работы заключается въ томъ, чтобы никогда не дѣлать того, что уже сдѣлано. Поэтому, приступая къ изученію избранной страны, населенія и арміи, надо прежде всего собрать и тщательно изучить весь существующій печатный матеріаль. Матеріаль этотъ можетъ быть раздѣленъ: на картографическій, статистическій, военно-историческій и вообще военно-литературный.

Неимѣніе картъ, недостатокъ или невѣрность ихъ приводили къ незнакомству съ мѣстностью и не разъ служили причиною не только неудачъ, но даже пораженій. Благодаря неимѣнію картъ, французскія колонны блуждали во время боя подъ Смоленскомъ въ 1812 г., а незнаніе нами во время того же сраженія о существованіи бродовъ на Днѣпрѣ чуть не поставило наши войска въ затрудни-

¹⁾ Статья эта является продолженіемъ ряда очерковъ: «Развѣдывательная служба въ мирное время» см. «Военный Сборникъ» за 1911 г. № 12 и 1912 г. №№ 2, 6 и 8.

тельное положеніе. Велингтонъ въ сраженіи при Бузако (1810 г.) считалъ мѣстность на своемъ лѣвомъ флангѣ недоступною и былъ за это обойденъ Массеною. Мы въ сраженіи при Головчинѣ (1708 г.) считали болотистую рѣчку Бабичъ впереди нашего фронта непроходимую, а Карлъ XII ее перешелъ. То же случилось съ нами и въ сраженіи при Бородинѣ (1812 г.) и при Альмѣ (1854 г.). При переходѣ черезъ р. Тамегу при Альмарантѣ въ 1809 г., французы потеряли безъ всякой пользы до 180 нижнихъ чиновъ и нѣсколькихъ офицеровъ, пытаясь перейти черезъ рѣку. Послѣ этого уже обнаружилось, что вблизи мѣста переправы находился удобный бродъ, присутствіе котораго ни одна сторона не подозрѣвала, а потому никто имъ и не воспользовался. Американскій генералъ Ли въ семидневномъ бою при Ричмондѣ составлялъ диспозицію по картѣ, на которой одна изъ дорогъ, не имѣвшая названія, была подписана именемъ другой дороги «Квакеръ-Штрассе». Эта же послѣдняя подписи не имѣла. Согласно диспозиціи, генералъ Магрудеръ со своею дивизіею, взявъ проводниковъ, двинулся по настоящей Квакеръ-Штрассе, попалъ, конечно, не туда, куда желалъ направить его Ли, и дивизія его не приняла участія въ бою въ рѣшительную минуту. Такихъ примѣровъ очень много.

Уроки военной исторіи не проходили, конечно, безслѣдно, и всѣ арміи стремились имѣть необходимыя карты. Но въ прежнія времена веденія медленныхъ операцій было всегда достаточно времени, чтобы сперва изучить театръ военныхъ дѣйствій, изготовить нужныя карты, а затѣмъ воевать. Поэтому о заблаговременныхъ съемкахъ не было рѣчи. Начиная съ коалиціонныхъ войнъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, обстоятельства измѣнились. Незначительныя арміи, поле дѣйствій которыхъ обнималось кругозоромъ главнокомандующаго, уступили мѣсто массовымъ операціямъ. Обнять глазомъ современное поле сраженія немислимо и главнокомандующій долженъ слѣдить за развитіемъ дѣйствій по картамъ, безъ которыхъ уже нельзя обойтись.

Слѣдовательно карты пріобрѣли громадное значеніе, а измѣнившійся характеръ веденія войнъ вооруженными народами, вызывающій преимущественно въ силу экономическихъ причинъ, необходимость нанесенія быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ и требующій зачастую припятія рѣшеній въ нѣсколько часовъ, заставилъ заботиться заблаговременно еще въ мирное время объ изготовленіи картъ всѣхъ предполагаемыхъ театровъ военныхъ дѣйствій.

Во времена Наполеона ²⁾ лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ существовали топографическія карты въ крупномъ масштабѣ и приходилось вообще пользоваться, такъ называемыми, генеральными картами, по которымъ можно было лишь комбинировать движеніе армій и армейскихъ корпусовъ, но совершенно недостаточныхъ для опредѣленія позицій и ночлежныхъ пунктовъ для войскъ. Между тѣмъ императоръ придавалъ самое важное значеніе картамъ и, кромѣ топографическаго бюро арміи, существовавшаго подъ начальствомъ генерала Сансона, имѣлъ и свой личный топографическій кабинетъ, во главѣ котораго стоялъ генералъ Баклэ д'Альбъ (Basler d'Albe). Эти два учрежденія имѣли постоянною задачею собирать всѣ необходимыя картографическія свѣдѣнія о сосѣднихъ странахъ и предполагаемыхъ театрахъ военныхъ дѣйствій и дополнять ихъ спеціально-военными съемками и рекогносцировками. Не довольствуясь, однако, этимъ, передъ началомъ каждой кампаніи Наполеонъ командируетъ своихъ генералъ-адъютантовъ, ординарцевъ, офицеровъ генеральнаго штаба и инженеръ-географовъ для производства рекогносцировокъ предполагаемаго театра военныхъ дѣйствій. Наполеонъ требовалъ прежде всего своевременности доставленія необходимыхъ ему картъ и плановъ и, будучи недоволенъ дѣятельностью топографическаго бюро арміи, вслѣдствіе временнаго отсутствія генерала Сансона, въ письмѣ отъ 13-го мая 1809 г. пишетъ военному министру: «По крайне смѣшному обычаю мнѣ представляютъ чистовыя копіи произведенныхъ работъ, а такъ какъ копировка идетъ медленно, то я своевременно не получаю нужнаго мнѣ матеріала... прикажите, чтобы мнѣ присылали подлинники всѣхъ работъ». Весь доставляемый картографическій матеріалъ, императоръ, пользуясь присущею ему громадною памятью, тщательно изучалъ. Не довѣряя, однако, себѣ, полководецъ возилъ за собою свой картографическій кабинетъ, начальникъ котораго, генералъ Баклэ д'Альбъ, разстилалъ передъ императоромъ, въ случаѣ нужды, необходимыя для комбинацій планы и карты. Во время похода и боя на обязанности Коленкура лежало имѣть при себѣ карту театра войны, пополненную всѣми произведенными рекогносцировками и при требованіи Наполеона «La carte» тотчасъ подавать ее.

Въ первые годы царствованія Императора Александра I ³⁾ для

²⁾ De Philipp. «Etudes sur le service d'État-major pendant les guerres du Premier Empire».

³⁾ Глинский. «Исторія русскаго генеральнаго штаба», т. I, «Матеріалы Военно-Историческаго Архива главнаго штаба», «Отечественная война».

всякаго рода соображеній нашихъ военачальниковъ служила подробная карта Россійской Имперіи въ масштабѣ 20 верстъ въ дюймѣ, затѣмъ квартирная карта и подробныя милитарныя карты въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ пограничнаго пространства съ Пруссією и Турцією. Весьма понятно, что эти карты не могли удовлетворить наше военное управленіе, предвидѣвшее возможность войны въ предѣлахъ Россіи и поэтому еще въ 1809 г. были командированы въ разныя части западной Россіи квартирмейстерскіе офицеры для осмотра дорогъ и нанесенія на нихъ почтовыхъ пунктовъ съ указаніемъ всѣхъ деревень, лежащихъ въ тридцати-верстномъ районѣ около этихъ пунктовъ. Офицерами этими осмотрѣно протяженіе дорогъ болѣе чѣмъ на 25.000 верстъ и доставленные ими свѣдѣнія послужили драгоценнымъ матеріаломъ для составленія подъ редакцію подполковника Хатова военно-дорожной карты. Въ 1810 г. предпринято въ большихъ размѣрахъ обзорѣніе западной границы. Офицеры свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части должны были ѣздить подъ предлогомъ исправленія подробной карты Россійской Имперіи. Сверхъ военно-статистическихъ описаній они должны были снять важнѣйшія оборонительныя позиціи, а затѣмъ составить подъ руководствомъ генераловъ Вистицкаго и Довре генеральную карту въ крупномъ масштабѣ, на которой обозначить важнѣйшія позиціи, въ мѣстечкахъ и селеніяхъ проставить число дворовъ, нанести рѣки и пр. По разсмотрѣніи работъ въ сентябрѣ 1810 г., Барклай призналъ ихъ недостаточными и приказалъ командировать пять группъ офицеровъ квартирмейстерской части для составленія военно-глазომѣрной карты западнаго пограничнаго пространства. Работа эта была окончена осенью 1811 г. Къ крайнему сожалѣнію, трудъ этотъ почти пропалъ непроизводительно, такъ какъ менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ открытія кампаніи наша армія была за Днѣпромъ, очистивъ мѣстность разслѣдованную и вступивъ въ пространства, для которыхъ почти не было картъ.

Въ министерство же Барклая де-Толли, для обезпеченія возможности дѣйствій на территоріи иностранныхъ государствъ, наши дипломаты покупали за границею карты и планы, которые могли пригодиться, и доставляли ихъ военному министру. Такія же карты выписывалъ изъ-за границы управлявшій квартирмейстерскою частью кн. Волконскій. Доставляли карты и пограничныя власти.

Конецъ царствованія Императора Александра I и начало царствованія Государя Николая Павловича ознаменовались пригото-

влениями къ войнамъ съ Персією и Турцією, которыя считались неизбежными ⁴⁾. Хотя свѣдѣнія о предполагаемыхъ театрахъ военныхъ дѣйствій и собирались задолго до войны, но къ 1826 г. матеріалъ, которымъ мы располагали, былъ не великъ. Въ 1826 и 1827 гг. къ нашему посольству въ Константинополь была прикомандирована военная миссія, состоявшая изъ полковника Берга и трехъ офицеровъ, которой была поставлена широкая задача собрать свѣдѣнія о крѣпостяхъ и вооруженныхъ силахъ страны, произвести обзоръ путей, ведущихъ отъ Дуная къ Адрианополю и Константинополю, и составить описаніе западной части возможнаго театра войны. Бергу приказано было дѣйствовать тайно и съ величайшею осторожностью и всѣ свѣдѣнія пересылать въ главный штабъ, что лишало штабъ 2-й арміи возможности получать непосредственно собранныя свѣдѣнія. Независимо отъ мѣропріятій главнаго штаба, усиленно работалъ и штабъ 2-й арміи. Весь районъ, занимаемый этою армією, былъ снятъ офицерами квартирмейстерской части. Путемъ постоянного пріобрѣтенія топографическихъ и описательныхъ матеріаловъ, составлено нѣсколько картъ Турціи, изъ которыхъ, собственно говоря, имѣла лишь значеніе военнотопографическая карта части Болгаріи и Румыніи, составленная генералъ-маіоромъ Хатовымъ. «Итакъ, что касается картографической части, столь важной для успѣха военныхъ дѣйствій, можно сказать, что, хотя и были пробѣлы, но много было сдѣлано квартирмейстерскою частью 2-й арміи для снабженія войскъ хорошими картами какъ Европейской Турціи, такъ и ближайшаго къ турецкой границѣ пространства».

Въ кампаніи 1853 — 1855 гг. ⁵⁾ мы уже не можемъ похвастаться подготовительными работами по изученію театра войны. Дунайская дѣйствующая армія все же находилась въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ въ распоряженіи штаба арміи имѣлись еще не устарѣвшія работы, произведенныя въ предшествовавшую войну и послѣ нея. Однако имѣющимся матеріаломъ не сумѣли воспользоваться. Въ Крыму русскія войска обходились картою, которая далеко не удовлетворяла потребностямъ военного времени: масштабъ ея былъ 5 верстъ въ дюймѣ. Послѣ Альминскаго сраженія полковникъ Герсевановъ, назначенный на должность генералъ-квар-

⁴⁾ Глиносскій. «Исторія русскаго генеральнаго штаба». Н. Епалчичъ. «Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи».

⁵⁾ П. К. Меньковъ. «Дунай и нѣмцы». «Русская Старина» 1877 г. Разказы А. А. Панаева. «Кн. А. С. Меншиковъ». «Военный Сборникъ» 1859 г. № 4. Циммерманъ. «Замѣтка о Крымской кампаніи».

тирмейстера, доложилъ главнокомандующему, что въ штабѣ нѣтъ карты Крыма. Князь Меншиковъ отозвался, что «про это долженъ знать военный министръ», но предоставилъ Герсеванову написать генераль-квартирмейстеру главнаго штаба требованіе картъ. Отзвъ былъ полученъ на имя князя Меншикова съ объясненіемъ, что подобныя карты могутъ быть выдаваемы не иначе, какъ по требованію главнокомандующаго. Тогда только князь рѣшился написать министру. Въ карманахъ убитыхъ французовъ между тѣмъ находили карты Крыма, лучше тѣхъ, которыми пользовался главнокомандующій. Одною изъ таковыхъ онъ впослѣдствіи и руководствовался. Когда, послѣ заключеннаго перемирія, наши офицеры генеральнаго штаба были во французскомъ лагерѣ, то встрѣтили нѣсколько французскихъ офицеровъ, которые прекрасно знали Крымъ. Капитанъ Дивенэ показывалъ ошибки на нашихъ картахъ и въ такихъ частяхъ края, гдѣ никогда не проходили французскія войска. Надобно отдать справедливость французамъ, что главное начальство ихъ арміи обратило особенное вниманіе на собраніе подробныхъ свѣдѣній о непріятелѣ и краѣ, и эта часть была у нихъ отлично устроена.

Постоянныя войны, веденныя нами въ минувшемъ столѣтіи съ Турціею, могли бы дать, казалось, обильный матеріалъ по описанію Балканскаго полуострова и Малоазіатской Турціи. Къ сожалѣнію, мы оказались крайне неподготовленными въ этомъ отношеніи и лишь во время сосредоточенія нашей арміи въ Бессарабіи осенью 1876 г. были приняты экстренныя мѣры для организациі сбора необходимыхъ свѣдѣній ⁶⁾. Войскамъ были выданы передъ началомъ войны карты Европейской Турціи. Судя по офиціальному отчету военно-топографическаго отдѣла, каждый кавалерійскій полкъ получилъ 18 экземпляровъ картъ: 14 Артамонова и 4 Каница. Но военно-топографическая десяти-верстная карта, составленная въ значительной мѣрѣ по справочнымъ свѣдѣніямъ была неполна и невѣрна. Невѣрность ея и была одною изъ причинъ пораженія отряда генерала Шильдеръ-Шульднера. При неудовлетворительности русскаго картографическаго матеріала пришлось обратиться къ напечатанной у М. Яфе въ Вѣнѣ фотографическимъ образомъ картѣ Дунайской Болгаріи, Балканъ и

⁶⁾ Паренсовъ. «Изъ прошлаго», т. I, стр. 123. «Русская Старина» 1895 г. № 3. Кн. В. А. Черкасскій. «Отчетъ о дѣятельности Б.-Т. Отд. полев. штаба 1877—78 гг.». Полк. Артамоновъ и Е. Мартыновъ. «Блокада Плевны», стр. 13, 14, 67 и 257.

юго-восточной Сербіи по глазомѣрнымъ съемкамъ Ф. Капица. Карту Румыніи и то лишь въ начерно отдѣланномъ видѣ удалось купить передъ самою войною въ Бухарестѣ у книготорговца Сочека, конкурента главнаго штаба румынской арміи. Мы не сумѣли даже использовать имѣвшійся у насъ матеріалъ и самъ помощникъ начальника штаба арміи, генераль-маіоръ Левицкій, былъ съ нимъ незнакомъ. Генераль Паренсовъ въ своихъ крайне интересныхъ воспоминаніяхъ «Изъ прошлаго» приводитъ слѣдующій фактъ. Когда передъ войною инженерный полковникъ Мазюкевичъ сдѣлалъ генералу Левицкому крайне обстоятельный докладъ о наиболѣе удобныхъ мѣстахъ для переправы черезъ Дунай, то генераль спросилъ: «Вы давно были на Дунаѣ»?—«Никогда не былъ», отвѣтилъ Мазюкевичъ и открылъ, что доложенныя имъ свѣдѣнія были почерпнуты изъ сочиненія генерала Шуберта: «Статистическія свѣдѣнія о Молдавіи и Валахіи», составленныя послѣ войны 1828—1829 г., о существованіи которыхъ генераль-квартирмейстеръ арміи и не подозрѣвалъ.

Недостаточность нашей подготовки къ послѣдней восточной кампаніи въ картографическомъ отношеніи была признана передъ войной, такъ какъ при мобилизаціи арміи къ концу 1876 г. былъ образованъ при арміи военно-топографическій отдѣлъ. Дѣятельность его до выступленія арміи изъ Бессарабіи заключалась въ разсылкѣ картъ и плановъ въ войска и въ нанесеніи на карты получаемыхъ свѣдѣній о Румыніи и Турціи. Затѣмъ, по объявленіи войны, были произведены астрономическія и топографическія работы и разнаго рода рекогносцировки какъ въ Румыніи, такъ и въ Болгаріи. Такъ какъ имѣвшіяся карты наши и австрійскія оказались далеко не полными, то была произведена первоначально съемка мѣстности, занятой нашими войсками. Послѣ заключенія перемирія было приступлено къ работамъ между демаркаціонною линіею и Адрианополемъ, а затѣмъ, въ виду возникновенія возможности новаго столкновенія съ Турціею, спѣшно исправленъ листъ десяти-верстной карты Турціи, и на турецкихъ литографныхъ картахъ налитографированы двѣ карты этого пространства въ пяти-верстномъ масштабѣ. Затѣмъ, послѣ С.-Стефанскаго мира, произведены инструментальныя съемки Болгаріи. Такимъ образомъ, военно-топографическимъ отдѣломъ была произведена громадная работа, которая, надо надѣяться, не пропадетъ даромъ.

Итакъ, большинство приведенныхъ примѣровъ рисуется отрицательно подготовку картографическаго матеріала къ войнамъ и у

нѣкоторыхъ писателей проскальзываетъ даже убѣжденіе, что никогда никто не былъ доволенъ вполне имѣвшимися картами. Последнее опровергли своею подготовкою германцы, приложившіе много труда къ изученію мѣстности передъ кампаніями 1866 и 1870—1871 гг. Передъ Австро-прусскою войною всѣ пограничные съ Австріею города, Саксонія и Бельгія были наводнены прусскими рекогносцерами, преимущественно переодѣтыми офицерами, производившими развѣдки. Въ 1867 г. прусскій военный агентъ въ Парижѣ пересылалъ въ Берлинъ черезъ посредство прусскихъ банкировъ цѣлыми тюками карты Франціи. Во время возникновенія Люксембургскаго вопроса Пруссія командировала своихъ офицеровъ во Францію, гдѣ они объѣзжали всѣ департаменты, производя рекогносцировки, а непосредственно передъ 1870 г. переодѣтые рыбаками офицеры дѣлали промѣры рѣкъ; другіе выдавали себя за художниковъ и крокировали мѣстность. Такимъ образомъ, былъ обрекогносцированъ весь возможный театръ; были намѣчены даже позиціи, выгодныя для обороны въ баварскомъ Поральцѣ. Результаты такой предусмотрительности не замедлили сказаться въ кампаніи 1870 г. При мобилизаціи войска получили карту западной Германіи, а къ концу сосредоточенія— карты окрестностей Метца и берега Луары, притомъ настолько точныя и исправленныя, что нѣмцы знали непріятельскую территорію лучше, чѣмъ сами французы. У послѣднихъ же обстоило совершенно иначе. Они предполагали только войну наступательную. Самообольщеніе и увѣренность въ успѣхѣ у Наполеона и военнаго министра маршала Лебефа доходили до того, что во всѣ штабы были разосланы только карты Германіи. Когда на первыхъ же порахъ война приняла оборонительный характеръ, войска остались безъ картъ. Тогда начали разсылать и пользоваться старыми картами, на которыхъ не было нанесено, конечно, ни новопостроенныхъ желѣзныхъ дорогъ, ни возникшихъ поселеній и т. п.

Во всѣхъ государствахъ Европы въ настоящее время произведены подробныя съемки и въ картахъ недостатка нѣтъ. Но во внѣ-европейскихъ владѣніяхъ и въ большинствѣ колоній дѣло обстоитъ иначе: и въ войнахъ, и въ экспедиціяхъ приходится довольствоваться крайне общими географическими картами и глазомѣрными рекогносцировками. Весьма поѣтому понятно, насколько важно значеніе послѣднихъ и какъ необходимо прилагать усилія для собиранія свѣдѣній о тѣхъ малокультурныхъ странахъ, въ которыхъ, быть можетъ, придется дѣйствовать. Еще въ самое послѣднее время

французская экспедиція въ Дагомею въ 1892 г. ⁷⁾ встрѣтила сильное затрудненіе, вслѣдствіе незнанія страны и ея средствъ. Тѣ рѣдкіе путешественники и рекогносцеры, которые побывали въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагомеи давали крайне ограниченныя и настолько сбивчивыя свѣдѣнія, что заставили генерала Додса приступить непосредственно передъ кампаніей къ сбору необходимыхъ данныхъ. Но и эта развѣдывательная работа, произведенная изъ Порто-Ново, дала лишь невѣрныя свѣдѣнія и фантастическія карты.

Совершенно иначе поступили англичане въ предвидѣніи похода въ Абиссинію ⁸⁾. Люди близко знакомые съ этою странюю предсказывали неизбежность вмѣшательства Англіи еще въ то время, когда лондонскій кабинетъ не придавалъ значенія возникшимъ недоразумѣніямъ и, во всякомъ случаѣ, вполне рассчитывалъ на возможность уладить дѣло путемъ мирныхъ переговоровъ. Полковникъ Маріузеръ, занимавшій съ 1863 г. мѣсто политическаго резидента въ Аденѣ и великобританскій консулъ въ Массовѣ Мунцингеръ, знаменитый путешественникъ, отлично изучившій сѣверо-абиссинскія области, глубокой знатокъ амхарскаго языка, играли не только видную роль во время экспедиціи, но принесли еще и ту важную пользу, что своими предварительными изслѣдованіями во многомъ подготовили успѣхъ дѣла. Маріузеръ ѣздилъ въ Англію выяснить положеніе дѣлъ, затѣмъ вернулся. Онъ успѣлъ уже основательно ознакомиться съ характеромъ и политическимъ положеніемъ страны, въ которую предстояло вступить англійскимъ войскамъ, и рѣшилъ, не теряя времени, тотчасъ же приступить вмѣстѣ съ Мунцингеромъ къ изслѣдованію доступовъ къ Абиссинскому нагорію. Прежде всего онъ осмотрѣлъ окрестности Массовы, съ цѣлью отыскать здоровую мѣстность для расположенія войскъ вблизи мѣста высадки и осмотрѣлъ дороги къ Аймету, верстъ на пятьдесятъ въ западномъ направленіи отъ Массовы; онъ проникъ до горъ Агамета, а Мунцингеръ, между тѣмъ, ознакомился съ проходами, ведущими во внутренность страны въ направленіи на Кіанвору. Еще въ январѣ оба они во всей подробности осмотрѣли Анеслійскій заливъ и, на основаніи разспросовъ у жителей, пришли къ заключенію, что дорога, идущая въ Сенафе, представляетъ, по всей вѣроятности, всѣ удобства для дви-

⁷⁾ Cousin. «De L'influence du calcul dans la conduite des opérations militaires» pp. 154—155.

⁸⁾ «Походъ англичанъ въ Абиссинію въ 1867 г.», «Военный Сборникъ» 1870 г. № 7.

женія отряда. Въ февралѣ былъ осмотрѣнъ заливъ Ханфила, лежащій южнѣ Анеслійскаго и представлявшій при хорошей якорной стоянкѣ и удобной дорогѣ важную выгоду, что пунктъ этотъ находится въ болѣе близкомъ разстояніи отъ Магалы, вѣроятнаго предмета дѣйствій. Для болѣе точнаго изслѣдованія этого пути было предпринято Мунцингеромъ опасное и трудное путешествіе. Маріузеръ посѣтилъ Таджурскій портъ въ Аденскомъ залпвѣ и собралъ всѣ свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ съ этого мѣста въ Абиссинію. Изъ осмотрѣнныхъ, такимъ образомъ, четырехъ пунктовъ Массова представляла наибольшія выгоды. Между тѣмъ англійское правительство окончательно признало необходимость вооруженнаго вмѣшательства и начало готовить экспедицію. Къ числу важнѣйшихъ приготовительныхъ работъ слѣдуетъ отнести первоначальную рекогносцировку, производство которой по предложенію сэра Роберта Нэпира (главнокомандующаго), было возложено Бомбейскимъ правительствомъ на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Маріузера изъ слѣдующихъ членовъ: полковника Файра, предназначеннаго занять должность генералъ-квартирмейстера въ штабѣ экспедиціоннаго корпуса, подполковника С. Клеръ-Уилкенза, начальника пинженеровъ, штабъ-доктора Лумсдена и старшаго изъ находящихся въ заливѣ морскихъ офицеровъ.

Комиссіи было поручено опредѣлить наиболѣе соотвѣтствующую цѣли гавань и мѣсто высадки корпуса, отыскать лучший проходъ для слѣдованія войска съ побережья въ нагорье, завязать дружескія отношенія съ туземцами, враждебными негусу Теодору, собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о продовольственныхъ средствахъ края; составить точную смѣту матеріаламъ и предметамъ, потребнымъ на производство необходимыхъ построекъ на мѣстѣ высадки и представить военный обзоръ и съемки мѣстности по направленію предполагаемаго движенія экспедиціоннаго отряда. Вся эта программа была выполнена.

Мы нарочно остановились подробно на принятыхъ англичанами мѣрахъ по подготовкѣ къ колоніальной экспедиціи.

Теперь прослѣдимъ ту постепенность въ знакомствѣ съ предполагаемымъ театромъ военныхъ дѣйствій, съ которою приходится считаться въ странахъ малоизвѣстныхъ. Первыми свѣдѣніями о такихъ мѣстностяхъ являются обыкновенно разспросныя данныя и составленныя по этимъ разспросамъ карты, въ особенности, если населеніе воинственно, живетъ въ трудно доступной мѣстности и

относится подозрительно и враждебно къ своимъ культурнымъ со-
сѣдямъ, видя въ нихъ будущихъ завоевателей. Въ такомъ положе-
ніи находились мы передъ походомъ генераль-адъютанта Перов-
скаго въ 1834 г. ⁹⁾ Для похода въ Хиву, конечно, необходимо
было предварительное изученіе степи и путей къ ней, что было
весьма трудно, вслѣдствіе вѣроломства, подозрительности и недо-
вѣрчивости Хивинскаго правительства и хищничества окружа-
вшихъ это ханство кочевыхъ народовъ. Посольства наши и торго-
вые караваны хивинцы принимали рѣдко, а принявши посланни-
ковъ, держали ихъ взаперти; путешественниковъ не допускали
вовсе, да и кому была охота ѣздить туда, гдѣ по малѣйшему подо-
зрѣнію легко было попасть на колъ или быть живымъ закопаннымъ
въ землю. Изъ прежнихъ нашихъ двухъ походовъ въ Хиву, яицкихъ
казаковъ въ 1610 г. и князя Бековича-Черкаскаго въ 1717 г.,
имѣлись не полныя и отрывочныя свѣдѣнія, составленныя изъ раз-
спросовъ и догадокъ. Бывшій въ Хивѣ въ 1819 г. штабсъ-капи-
танъ Муравьевъ описалъ путь только изъ Красноводска, т. е. отъ
Каспійскаго моря, а находясь въ Хивѣ взаперти и опасаясь за свою
жизнь, не могъ собрать какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній ни о
Хивѣ, ни о путяхъ къ ней съ оренбургско-уральской кордонной
линіи. Поэтому, передъ походомъ генеральнаго штаба подполков-
никъ Иванинъ самымъ тщательнымъ образомъ разспросилъ при-
бывшихъ изъ Хивы, выкупленныхъ нашимъ правительствомъ рус-
скихъ плѣнныхъ и сличеніемъ ихъ показаній собралъ довольно
подробныя свѣдѣнія о Хивинскомъ ханствѣ, составилъ описаніе
его и разспросную карту, которыя и послужили основаніемъ для
предварительныхъ распоряженій и соображеній передъ походомъ.
Походъ этотъ окончился неудачно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе
неправильнаго выбора времени года, основаннаго на ложныхъ
взглядахъ на условія зимняго движенія по большой и безкормной
степи при морозахъ въ среднемъ 18° Р. и показалъ намъ насколько
важно имѣть заблаговременно точныя свѣдѣнія о сопредѣльныхъ
средне-азіатскихъ ханствахъ.

При военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ ¹⁰⁾ составленіе предва-
рительнаго плана дѣйствій встрѣчало постоянно большія затрудне-

⁹⁾ Д. Годосовъ. «Походъ въ Хиву», «Военный Сборникъ» 1863 г. № 2. М. Ива-
нинъ. «Замѣтки генерала Иваннина». «Описаніе зимняго похода въ Хиву въ 1839—
—1840 гг.». То же № 4. Лобyseвичъ. «Походъ въ Хиву въ 1873 г. и наступатель-
ное движеніе въ Среднюю Азію».

¹⁰⁾ «Военный Сборникъ» 1865 г. № 11. «Матеріалы для описанія войны на
западномъ Кавказѣ».

нія по незнакомству съ мѣстностью. Съемка впервые производилась только тогда, когда шелъ отрядъ, при которомъ обязательно находился топографъ, дѣлавшій промѣры цѣпью. Но и то, въ особенности при туманной погодѣ, съемка производилась лишь маршрутная, а поэтому всѣ соображенія приходилось также основывать на разспросахъ и предположеніяхъ. Между тѣмъ отъ горцевъ-лазутчиковъ, единственнаго источника для разспросовъ, было очень трудно добиться обстоятельныхъ свѣдѣній о мѣстности. Напримѣръ, для разстояній, ни верстъ, ни миль они не знали и если мѣряютъ разстояніе, то часами ходьбы, но, притомъ, о частѣ у нихъ понятія самыя смутныя и разнообразныя. Случалось, что одинъ проводникъ скажетъ три часа ходу, а другой—шесть, а выйдетъ ни то, ни другое. Или о качествѣ пути, они могутъ сказать только: «дорога трудна», «очень трудна», «хороша», «такъ себѣ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. А бывало, что по пути, названному труднымъ, отрядъ пройдетъ скорѣе и легче, нежели по тому, который называли хорошимъ.

Весьма понятно, что разспросными свѣдѣніями довольствоваться можно только въ крайности и такія данныя служатъ лишь первою ступенью знакомства со страной. Въ нихъ обыкновенно скоро разочаровываются и изыскиваются другія средства для изученія необходимой мѣстности. Первымъ средствомъ служатъ обыкновенно дипломатическія миссіи, въ составъ которыхъ назначаются офицеры генеральнаго штаба и топографы. Если обстоятельства позволяютъ, то производятся полуинструментальныя и даже просто глазомѣрныя съемки, а въ случаѣ подозрительнаго отношенія туземцевъ, ограничиваются маршрутными описаніями и замѣтками.

Такихъ миссій русскимъ правительствомъ посылалось въ Среднюю Азію нѣсколько; главнѣйшія изъ нихъ: посольство Ермолова въ 1817 г. въ Персію; командированіе въ 1819 — 1820 гг. въ Бухару Негри и Мелендорфа; въ 1841 г. въ Бухару—горнаго инженера Бутенева и въ томъ же году въ Хиву генеральнаго штаба капитана Никифорова; посольство въ Хиву въ 1842 г. подполковника Данилевскаго; миссія въ 1854 г. въ Бухару флигель-адъютанта Игнатьева; туда же въ 1865 — 1866 гг. Струве и Глуховскаго; въ 1870 г. полковника Носовича въ Кашгаръ, въ 1871 и 1878 гг. генерала Столѣтова въ Афганистанъ. Всѣ эти посольства доставили очень много матеріала, послужившаго для нашихъ экспедицій въ Среднюю Азію.

Къ произведеннымъ подобнымъ образомъ работамъ войска обы-

кновенно относятся крайне критически, находя массу ошибокъ и пробѣловъ, забывая про условія, при которыхъ онѣ производились. Критическое отношеніе и выясненіе неполноты наличныхъ свѣдѣній имѣетъ, однако, и ту хорошую сторону, что заставляетъ пользоваться благопріятными условіями нахожденія войскъ въ странѣ для пополненія матеріаловъ.

Такимъ образомъ, при возвращеніи нашихъ войскъ изъ Хивы ¹¹⁾, рѣшено было воспользоваться случаемъ и собрать какъ можно болѣе данныхъ объ этой еще не изслѣдованной мѣстности. Съ этою цѣлью съ оренбургскимъ отрядомъ командированы были съемочныя партіи для снятія маршрутовъ и въ болѣе крупномъ масштабѣ городовъ, крѣпостей и чѣмъ-либо замѣчательныхъ участковъ. Для выполненія этихъ работъ, кромѣ топографовъ оренбургскаго отряда, распоряженіемъ полевого штаба была командирована, подъ руководствомъ полковника Жилинскаго, особая съемочная партія отъ туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла. Для астрономическаго опредѣленія пепутныхъ пунктовъ съ отрядомъ слѣдовалъ геодезистъ, капитанъ Солимани. Для сбора разныхъ статистическихъ свѣдѣній о пространствѣ, которое предстояло пройти оренбургскому отряду, а также для военнаго обозрѣнія и изслѣдованія того края, командированъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ бар. Каульбарсъ; для сбора свѣдѣній по этнографіи и исторіи края при войскахъ слѣдовалъ А. А. Кукъ; для зоологическихъ изысканій М. Н. Богдановъ и для ботаническихъ г. Краузе.

Изъ всего, только что сказаннаго, слѣдуетъ, что заботы по изготовленію картографическаго матеріала группируются въ два отдѣла. Прежде всего каждое государство должно преслѣдовать оборонительныя цѣли, т. е. заботиться объ изданіи подробныхъ картъ и плановъ своей страны; затѣмъ идутъ труды по снабженію арміи, въ случаѣ необходимости, картографическимъ матеріаломъ тѣхъ иностранныхъ государствъ, которыя могутъ быть театромъ военныхъ дѣйствій. Наконецъ, сборъ необходимыхъ для послѣдней цѣли картъ и плановъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: на сборъ точныхъ свѣдѣній о культурныхъ государствахъ и о странахъ малоизвѣстныхъ.

Въ настоящее время всѣ государства имѣютъ въ своемъ распоряженіи прекрасныя карты своей территоріи и притомъ въ крупномъ масштабѣ. Но обладать хорошими картами еще недостаточно:

---

¹¹⁾ Лобысевичъ. «Описаніе Хивинскаго похода 1873 г.»

не надо забывать, что мѣстность постоянно мѣняется какъ вслѣдствіе естественныхъ причинъ, такъ и вслѣдствіе успѣховъ культуры: рѣки мѣняютъ свои русла, образуются овраги, проводятся новыя дороги, вырубаются лѣса, возникаютъ новыя поселенія и т. д. Поэтому карты требуютъ постоянныхъ исправленій и лишь посредствомъ непрерывной работы можно быть увѣреннымъ, что въ случаѣ войны въ распоряженіи арміи будутъ вѣрныя карты. Чтобы достигнуть этого территория государства должна быть распределѣна на извѣстные раіоны съ опредѣленнымъ составомъ съемщиковъ и съ отвѣтственными начальниками, на обязанности которыхъ должны лежать заботы по исправленію картъ.

Гораздо труднѣе снабдить армію въ случаѣ нужды картами иностранныхъ государствъ. Но опыты показали, что для человѣчества невозможнаго нѣтъ. Какъ мы уже выше сказали, въ кампанію 1870 г. германцы имѣли въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе вѣрныя карты, чѣмъ тѣ, которыми пользовались французы на собственной территоріи.

За отрицательный примѣръ можетъ быть принято снабженіе картами нашей арміи въ Русско-японскую войну. Несмотря на громадный театръ военныхъ дѣйствій, равнявшійся 560 тысячамъ квадратныхъ верстъ, начиная съ 1901 г. нами было произведено много съемочныхъ работъ. Матеріалу собралось очень много. Правда, на ряду съ прекрасными инструментальными съемками, имѣлись и посредственныя, если не сказать болѣе, глазомѣрныя работы, но мѣстность все же была снята. И большаго требовать было трудно, принимая во вниманіе условія времени, средствъ, а главное—пространства. Но бѣда заключалась въ томъ, что изданія выходили слишкомъ поздно или вовсе не выходили. Поэтому войска наши были безъ картъ или пользовались первоначальными рекогносцировками и, конечно, оставались ими недовольны. Японцы находились въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Они успѣли сдѣлать то, чего мы не были въ силахъ. У японцевъ были прекрасныя карты Маньчжуріи. По словамъ Н. А. Демчинскаго (въ «Словѣ»), они пользовались нашими же картами. «У нихъ никогда не было своихъ картъ, ибо подробную съемку Маньчжуріи впервые производили наши топографы. Вполнѣ точно установленъ тотъ фактъ (перехваченными расписками), что на нашу двухверстку была установлена японцами такса: они платили по 6.000 р. за каждый листъ ея». Но удивительно то, что японцы успѣли на нашихъ картахъ замѣнить надписи японскими и изготовили ихъ въ то время,

когда наша армія нуждалась въ картахъ и терпѣла въ нихъ недостатокъ. Изъ этого ясно, что *ria desiderata* каждаго генеральнаго штаба это приобрѣтеніе негласнымъ путемъ необходимыхъ ему картъ. Если это невозможно, то работа, конечно, крайне осложняется, такъ какъ приходится исправлять старинныя карты трудными секретными рекогносцировками.

Недостаточно, однако, еще имѣть необходимый матеріалъ. Надо быть въ состояніи своевременно снабдить армію картами и при томъ въ достаточномъ количествѣ. Эта необходимость заставила всѣ государства организовать картографическія заведенія, гдѣ все подготовлено такимъ образомъ, что исправленныя карты могутъ быть отпечатаны и разосланы въ войска въ самый короткій срокъ. Въ нѣкоторыхъ арміяхъ войсковыя части снабжены еще въ мирное время запасомъ картъ, конечно, постоянно освѣжаемыхъ. Мы, къ крайнему сожалѣнію, не можемъ похвастаться тѣмъ, что всегда умѣли воспользоваться имѣвшимся матеріаломъ. 23-го октября 1853 г. ¹²⁾ войска, назначенныя для атаки карантина въ с. Старой Ольтеницѣ, послѣ двухъ-часового артилерійскаго огня начали движеніе. Ряды ихъ рѣдѣли, смыкались, и массы храбрыхъ неустрашимо шли впередъ. Задержанныя двумя линіями вязкихъ лощинъ, подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ колонны мѣшались, вязли въ мокрыхъ ровикахъ и, при видѣ новой опасности, снова смыкались и шли впередъ.... Убитыхъ и раненыхъ въ этомъ безусловно неудачномъ дѣлѣ оказалось 44 офицера и 926 нижнихъ чиновъ. Между тѣмъ еще въ августѣ мѣсяцѣ полковникъ Веймарнъ былъ посланъ для осмотра береговъ Дуная и Ольтеницы и представилъ самый точный планъ мѣстности. Тогда всѣ любовались этимъ планомъ, видѣли мокрые ровики впереди карантина, положили планъ въ архивъ, а въ октябрѣ при атакѣ карантина никто и не вспомнилъ о планѣ. Затѣмъ 11-го іюня 1877 г. ¹³⁾ графъ Лорисъ-Меликовъ, въ предвидѣніи сраженія у Зивина, обратился къ подполковнику Воинову съ разпросомъ о бродѣ черезъ Араксъ у д. Алиджерекъ и послѣдній доложилъ, что онъ изслѣдовалъ этотъ бродъ въ началѣ сентября 1875 г. и нанесъ на планъ дорогу отъ Дели-бабы черезъ Алиджерекъ до Нижняго Меджингерта, причемъ на этомъ планѣ, въ деталяхъ былъ нанесенъ въ масштабѣ 100 саж. въ дюймѣ бродъ черезъ Араксъ съ показаніемъ глубины въ футахъ.

Командиръ корпуса нежелалъ имѣть планъ съ приложеннымъ

¹²⁾ П. К. Меньковъ. «Дунай и Нѣмцы» стр. 62, 63.

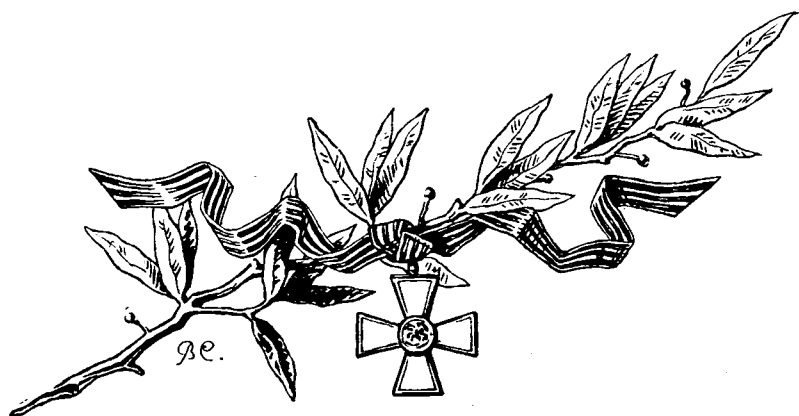
¹³⁾ А. М. Воиновъ. «Бой подъ Зивиномъ», «Русская Старина» 1888 г. № 7.

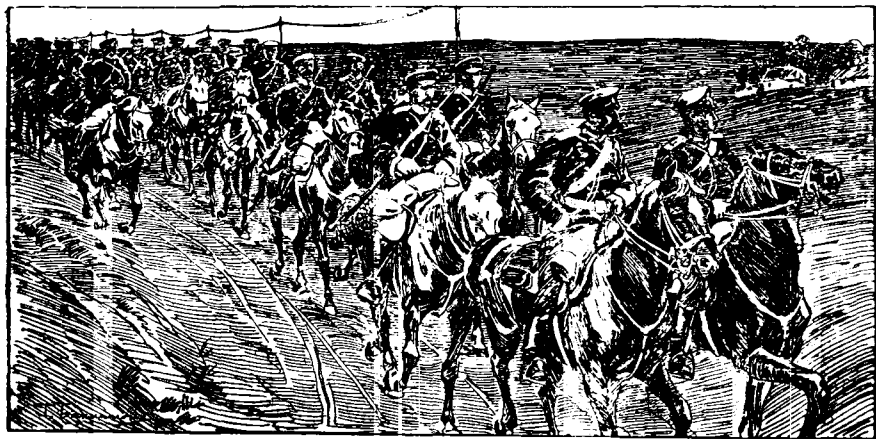

къ нему описаніемъ, но по справкѣ оказалось, что этого плана съ описаніемъ не имѣется вовсе въ корпусномъ штабѣ, а что онъ остался въ окружномъ штабѣ въ Тифлисѣ.

Въ заключеніе надо сказать нѣсколько словъ относительно «секрета картъ». Очень многіе злоупотребляютъ словомъ «секретно», забывая, что тайна возможна лишь относительно крайне ограниченного числа предметовъ, и тѣ государства, которыя хотятъ сдѣлать всѣ свои карты секретными, достигаютъ лишь отрицательныхъ результатовъ, такъ какъ войска не умѣютъ пользоваться картами, а непріятель все же имѣетъ эти карты въ своемъ распоряженіи. Англичане, швейцарцы и др. націи имѣютъ очень мало секретныхъ картъ. Число ихъ должно быть ограничено.

С. Чернозубовъ.

Подвижный сборъ юнкеровъ Кіевскаго военного училища.

Десятидневный подвижный сборъ юнкеровъ Кіевлянъ происходилъ въ этомъ году въ районѣ г. Кіева Василькова—станціи Мотовиловка съ 20-го по 29-е іюля включительно и по разнообразію выполненныхъ занятій, а также вслѣдствіе привлеченія къ участию въ немъ частей 9-го гусарскаго Кіевскаго полка, 2-го конно-горнаго артилерійскаго дивизіона и 5 и 6 понтонныхъ баталіоновъ представлялъ исключительный интересъ.

«Занятія эти», какъ говорилось въ инструкціи, данной начальникомъ училища, принявшимъ на себя руководство сборомъ, «имѣютъ цѣлью укрѣпить юнкеровъ въ примѣненіи хорошо пзвѣстныхъ имъ тактическихъ положеній въ условіяхъ, возможно близкихъ къ боевой дѣйствительности, и поставить ихъ въ роль отвѣтственныхъ строевыхъ начальниковъ, вынужденныхъ принимать самостоятельное рѣшеніе на свой страхъ по оцѣнкѣ сложившейся обстановки и въ духѣ первоначально полученныхъ приказаній». На основаніи этого, на всѣ командныя должности, начиная съ начальника отряда, назначались юнкера старшаго класса по очереди, причемъ имъ представлялась полная свобода дѣйствій въ духѣ данныхъ имъ указаній.

Гг. офицеры распредѣлялись руководителемъ по частямъ маневрирующихъ отрядовъ для наблюденія за ихъ дѣйствіями, при-

чемъ отмѣчали всѣ промахи юнкеровъ для доклада на общемъ разборѣ, отнюдь не входя въ какія-либо поправки, совѣты во время самаго маневра за исключеніемъ случаевъ явно нелѣпыхъ рѣшеній, препятствующихъ естественному теченію маневра. Въ такихъ случаяхъ на нихъ возлагалась обязанность доложить или донести о семъ на бланкѣ полевой книжки руководителю.

Выступивъ съ артилерійскаго полигона, гдѣ расположенъ лагерь училища, въ 7 часовъ утра 20-го іюля юнкера послѣ 25-верстнаго перехода, завершившагося боемъ (одна сторона обозначалась заранѣе высланной ротой), лишь къ вечеру достигли своего перваго бивака у южной окраины Вѣты почтовой. Сильная жара смѣнилась къ концу дня дождемъ, который не переставалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: палатки намокли, обувь разбухла, но веселое бодрое настроеніе не оставляло юнкеровъ, сразу окупившихся въ условія походной жизни. Слѣдующій день былъ полонъ захватывающаго интереса. Противникъ—необозначенный, а живой, притомъ очень дѣятельный—Кіевскіе гусары; въ составѣ юнкерскаго отряда—также полуэскадронъ. Занятія сразу оживились. Искусныя дѣйствія гусарь дали очень поучительную практику юнкерамъ, предоставивъ значительный просторъ для проявленія инициативъ частными начальниками, для юнкеровъ же младшаго класса это было весьма цѣнное первое совмѣстное занятіе съ конницей, познакомившее ихъ съ боевою дѣятельностью этого рода оружія практически.

Бой въ этотъ день закончился занятіемъ города Василькова, у котораго училище расположилось бивакомъ на ночлегъ и дневку.

Во время послѣдней по случаю дня Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны былъ произведенъ утромъ парадъ, послѣ котораго юнкера были выведены на учебное поле Кіевскихъ гусаръ, гдѣ ихъ дивизіонъ подъ командой ротмистра Катеринича произвелъ образцовое конное ученіе, сопровождавшееся все время поясненіями строевъ, перестроеній и боевыхъ порядковъ эскадрона и полка, послѣ чего показаны дѣйствія разѣзда въ различныхъ случаяхъ, для наблюденія за которыми юнкера старшаго класса были посажены на гусарскихъ лошадей и послѣдовательно занимали рядъ удобныхъ для сего пупктовъ. Въ составъ разѣзда вошли юнкера, взявшіе вакансіи въ конные казачьи полки. Движеніе разѣзда все время сопровождалось поясненіями. Въ заключеніе была показана походная колонна конницы со всѣми мѣрами охраненія и связи.

Около 4 часовъ дня юнкера прибыли на бивакъ, полные глубокаго впечатлѣнія отъ молодецкаго ученія лихихъ гусаръ. Въ 6 часовъ вечера на дворѣ 4 эскадрона была показана чистка, уборка лошадей, образцоваяковка, выведены лошади съ различными недостатками, указаны ихъ характерные признаки. Показъ закончился лихой волтижировкой, въ которой принимали участіе и офицеры эскадрона.

На слѣдующій день училище съ приданными ему взводомъ 2 конно-горнаго артилерійскаго дивизіона и эскадрономъ гусаръ двинулось въ направленіи на с. Мотовиловку, произведя на пути двусторонній маневръ, закончившійся около 2 часовъ дня.

Послѣ полутора-часового отдыха и разбора маневра дана была новая тактическая задача, во исполненіе которой баталіонъ училища съ пулеметной командой и эскадрономъ гусаръ составилъ сторожевой отрядъ, выставившій охраненіе въ сторону г. Василькова. Противникомъ служили гусары. Ихъ разъѣзды все время пытались прорываться черезъ линію сторожевого охраненія, заставляя юнкеровъ быть особенно бдительными; появлялись парламентареры, перебѣжчики.

Въ темную безлунную ночь юнкера прибыли въ этотъ день на бивакъ, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ. Усталость, естественная при почти непрерывной 14-часовой работѣ, взяла свое и вскорѣ подъ покровомъ теплой южной ночи бивакъ заснулъ крѣпкимъ юношескимъ сномъ.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшій сборъ прошелъ безъ участія конницы, отозванной для участія въ общемъ сборѣ войскъ Кіевского лагеря, съ однимъ лишь артилерійскимъ взводомъ. Въ послѣдующіе дни юнкера произвели наступленіе черезъ полосу Мотовиловскаго лѣса, двигаясь по дорогѣ, намѣченной на картѣ, вели бой за мостовую переправу черезъ р. Ирпень, причемъ часть силъ переправилась въ бродъ черезъ эту рѣку для удара во флангъ противнику, занимавшему переправу, совершили маршъ въ исключительно темную, непроглядную ночь, ночью же выставили охраненіе на двѣ стороны съ переходомъ на разсвѣтъ въ наступленіе и дали полную увѣренность, что съ ночной обстановкой освоены вполне; выполнивъ еще рядъ разнообразныхъ тактическихъ задачъ и дѣйствуя все время на двѣ стороны, училище подошло 29-го іюля утромъ къ р. Днѣпру у Китаевского понтоннаго лагеря. Въ этотъ день ожидалась переправа всей 44-й пѣхотной дивизіи съ приданнымъ ей Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ.

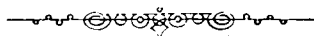
Баталіонъ училища долженъ былъ оборонять участокъ рѣки у лагеря. Маневръ закончился вскорѣ послѣ полудня, юнкера при этомъ имѣли возможность наблюдать переправу и дѣйствія десанта, въ высшей степени сноровистую и быструю наводку понтопнаго моста и переправу главныхъ силъ. Около 2-хъ часовъ дня была показана 6-мъ понтоннымъ баталіономъ, подъ руководствомъ его командира полковника Гамзагурди, переправа на подручномъ матеріалѣ и поплавахъ Полянскаго черезъ 100-саженный рукавъ Днѣпра. Эти поучительныя занятія были проведены съ большимъ интересомъ и вызвали живой обмѣнъ мнѣній.

Съ наступленіемъ сумерекъ баталіонъ училища приступилъ къ выполненію новой тактической задачи—наступательной переправѣ черезъ р. Днѣпръ съ высадкой десанта на противоположномъ берегу и наводкой понтопнаго моста.

Въ 1 часу ночи 30-го іюля, послѣ утомительнаго ночного марша по размытой дождями дорогѣ, юнкера прибыли въ лагерь на артилерійскій полигонъ, завершивъ свой 10-дневный подвижной сборъ.

Всего за время сборовъ пройдено около 145 верстъ въ 7 переходовъ, изъ коихъ 2 были совершены при ночной обстапковѣ; каждый переходъ сопровождался тактической задачей; были дни, когда выполнялись двѣ задачи. Несмотря на несполнѣ благопріятныя, а иногда и тяжелыя, условія похода, малое количество дневокъ (одна была цѣликомъ посвящена показному ученію конницы и въ сущности не можетъ идти въ счетъ, другая пришлась въ отчаянную непогоду при холодномъ вѣтрѣ и дождѣ, среди поля),—юнкера вернулись въ лагерь совершенно свѣжими и бодрыми. Отсталыхъ не было; очень небольшое число больныхъ, послѣ неблагопріятной дневки въ стужу, ясно указывало, что юнкера вообще втянулись въ условія походной жизни и получили должную полевую закалку. Обращалъ на себя вниманіе тотъ живой интересъ, съ которымъ они относились какъ къ самому маневру, такъ особенно къ разбору его. Несомнѣнно было, что цѣль, положенная въ основу производства сборовъ, была достигнута. Остается только пожалѣть, что далеко не вездѣ снятыя поля препятствовали часто развитію маневра и заставляли прибѣгать къ ряду условностей, чѣмъ искажалась иногда обстановка, которая должна была бы имѣть мѣсто въ дѣйствительномъ бою.

* *
*

Работа конницы въ военное время, въ связи съ ея организаціей и обученіемъ въ мирное.

Въ великіе дни памяти 1812 года невольно въ голову приходятъ сравненія. Конница прошлаго вѣка въ Отечественную войну покрыла себя неувядаемыми, вѣчно поминаемыми лаврами, ея предводителямъ поставлены памятники, и пѣхота того времени съ благодарностью и уваженіемъ произносила имена героевъ—конниковъ. Та конница, очевидно, была доблестною помощницею своей пѣхоты, хотѣла и умѣла умирать за нее и рядомъ съ нею. Тогда широко дѣйствовали лавы казачьи, и русская конница въ каждую нужную минуту появлялась въ тылу у противника и наносила ему тяжелые удары.

Прошло почти сто лѣтъ. Въ Русско-японскую войну многочисленная (сравнительно съ конницей противника) русская конница наводнила поля Маньчжуріи; она не имѣла противъ себя коннаго противника, а между тѣмъ дѣйствія ея свелись почти къ нулю. Нѣсколько отдѣльных эпизодовъ конныхъ атакъ частями отъ взвода до полка—и всегда удачныхъ,—набѣгъ на Инкоу, Хайченскій набѣгъ, Факумынскій набѣгъ—всѣ три совершенные съ полу-успѣхомъ—вотъ и вся работа конницы на протяженіи почти полутора-годовой войны. Послѣ нея стали появляться въ періодической печати статьи и замѣтки съ упреками по адресу конницы. Въ то время, говорилось въ этихъ замѣткахъ, когда пѣхота умирала на поляхъ сраже-

нія—конница бездѣйствовала. Тюренченъ, Вафангоо, Дашпчао, Лаоянь, Шахе, Мукденъ—эти кровавыя скрижали не имѣютъ на себѣ именъ конныхъ полковъ, сумѣвшихъ смертию своею защитить пѣхоту, своею жертвою повернувшихъ успѣхъ сраженія въ нашу сторону.

И затѣмъ, очень часто послѣ этихъ воспоминаній слышишь поспѣшный выводъ: конница отжила свой вѣкъ. Она перестала быть самостоятельнымъ родомъ войскъ, стала вспомогательнымъ войскомъ. Ея функціи—органы развѣдки и связи. Иные въ своихъ выводахъ идутъ еще дальше—они говорятъ, что и для развѣдки конница мало полезна. Тайная развѣдка съ одной стороны, съ другой—работа пѣхотныхъ развѣдчиковъ съ лихвою покрываютъ работу конницы. Воздушный флотъ во много разъ продуктивнѣе выполнить работу развѣдыванія и наблюденія—итакъ для чего же держать этотъ дорого стоящій, хрупкій и капризный родъ войскъ, требующій и большихъ затратъ и особеннаго воспитанія. Конница могла работать въ тѣ времена, когда техника была ничтожна, ружье стрѣляло на двѣсти шаговъ, заряжалось медленно и лучшимъ средствомъ передачи воли начальства считались ординарцы и конные посыльные.

Золотой вѣкъ конницы миновалъ.

Попробуемъ сравнить сначала конницу Наполеоновскихъ войнъ съ конницею современною.

Конскій составъ сталъ за сто лѣтъ много выше. Кровнѣе, рѣзвѣе, выносливѣе и крупнѣе стали лошади. Соотвѣтственной работой лошадь нынѣшней конницы приноровлена къ современному ружью и къ ширинѣ и глубинѣ теперешнихъ боевыхъ порядковъ.

Снаряженіе, вьюкъ болѣе приспособлены къ лошади и менѣе вредятъ ей, нежели сто лѣтъ тому назадъ. Вооруженіе, если не считать винтовки, осталось почти тѣмъ же, но стало легче и прочнѣе, уничтожена броня.

Духъ конницы, если судить по отдѣльнымъ подвигамъ, совершеннымъ офицерами, казаками и драгунами въ Русско-японскую войну все тотъ же полный доблести и благороднаго порыва.

Чего же тогда не хватало? Не хватало умѣнья использовать конницу, не хватало правильнаго, мирнаго обученія конницы въ духѣ непрерывной конной работы....

Возьмемъ всего двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Какія идеи витали тогда въ военномъ обществѣ вообще, въ частности въ обществѣ кавалерійскомъ? «Конница есть глаза и уши арміи».... т. е. конница—органы развѣдыванія и охраненія, но не боя. Пѣхотѣ

говорили въ это время — «дерись, какъ можно крѣпче, стрѣляй, иди на врага со штыкомъ; сломался штыкъ, бей прикладомъ; сломалъ прикладъ, дерись кулаками, грызи зубами—но только дерись, бей, побѣждай!» Конница только развѣдываетъ. Рубка была въ загонѣ. «Офицеръ не мясникъ» — его дѣло руководить дѣйствіями нижнихъ чиновъ, а не рубить. Такая постановка дѣла какъ бы исключала и самую возможность рукопашнаго боя и атаки. На маневрахъ посредники жестоко осуждали кавалерійскія атаки, называли ихъ батальными картинками, а самое проникновеніе конницы въ тылъ считалось немыслимымъ. Кавалерійскіе корпуса были упразднены. Настойчивая работа такихъ корифеевъ коннаго дѣла, какъ генералы Гурко, Сухотинъ, Сухомлиновъ, кое-гдѣ подвергалась критикѣ—на войнѣ, дескать, это невозможно.... И на войнѣ «этого», т. е. постоянной, самостоятельной работы конницы и не практиковали.

И послѣ войны всѣ противники смѣлой работы конницы съ радостью упираютъ на Инкоускій набѣгъ и указываютъ на то малое, что онъ сдѣлалъ. Виновать генераль Мищенко.... Такъ ли это? Виновать ли этотъ доблестный генераль, рыцарь безъ страха и упрека, что ему пришлось совершить кавалерійское дѣло *съ не по-кавалерійски обученными частями*? Та пестрая толпа казачьихъ полковъ, тѣ драгуны, которые пошли съ генераломъ Мищенко въ набѣгъ, имѣли ли въ мирное время практику такихъ набѣговъ? Были ли они обучены *самостоятельнымъ* дѣйствіямъ, борьбѣ за побѣду до послѣдняго, отчаянной схваткѣ, занимались ли они хотя въ мирное время на маневрахъ боемъ въ массахъ? Виновать одинъ генераль Хорановъ въ томъ, что ночная атака спѣшенными частями станціи Инкоу была произведена безграмотно, что казаки и понятія не имѣютъ о стрѣлковомъ наступательномъ боѣ, и объ атакѣ пѣшкомъ позиціи противника. Мнѣ кажется, что ни генераль Мищенко, ни генераль Хорановъ тутъ не причемъ. Это была ѣзда на невыѣженной лошади; вы хотите ее повернуть налѣво, она идетъ направо, пугается воза, закидывается, несетъ, падаетъ....

Мы говорили, да и теперь часто говоримъ: пѣшкомъ конница только обороняется. Стрѣляетъ лишь на ближнія дистанціи—нѣшій бой не ея дѣло.... Что же ея дѣло? Атаки невозможны (такъ говорили), пѣшкомъ одна оборона.... И снова напираютъ на одну идею—конница это органъ охраненія и развѣдыванія.

Спросите тѣхъ драгунъ, донцовъ, забайкальцевъ, сибиряковъ и уральцевъ, которые ходили въ Инкоускій набѣгъ, въ чемъ практиковали ихъ въ мирное время на маневрахъ.

Маленькіе разѣзды, развѣдка, сторожевка, держаніе постовъ летучей почты—это въ лучшемъ случаѣ. Въ худшемъ—они возили за начальниками разныхъ степеней флаги, значки, планшеты, плащи и иные предметы до калошъ включительно. Офицеры вели отчетные листы по фуражу, отсчитывались въ разныхъ видахъ довольствія, трепетали, чтобы щипы не оказались мало наваристыми, пли каша мало упрѣвшей,—согласитесь, что отъ этихъ весьма почтенныхъ работъ до ночной атаки большими силами—дистанція огромнаго размѣра.

Видали ли вы, чтобы на маневрахъ большой конный отрядъ велъ самостоятельный маневръ съ боемъ въ пѣшемъ и конномъ строяхъ большими силами? Я видалъ только въ Петербургскомъ округѣ. Слышали ли вы о боевой стрѣльбѣ съ маневрированіемъ дивизій конницы съ конной артилеріей?

Этого не было. Такъ иногда дадутъ гдѣ-либо на флангѣ пострѣлять одному—двумъ эскадронамъ и только...

Для громаднаго большинства нашей конницы въ чемъ проходятъ маневры? Эскадронъ или сотня при пѣхотѣ. Тоскливые переходы по 12—20 верстъ въ день, все шагомъ и шагомъ. Высылка разѣздовъ, назначеніе ординарцевъ, а самъ эскадронный командиръ съ 15-ю—20-ю рядовыми плетется въ концѣ колонны. Какъ будетъ онъ умирать рядомъ съ пѣхотой и за пѣхоту, когда ему не съ чѣмъ умирать? Отъ длиннаго ряда лѣтъ, проведенныхъ на маневрахъ, остается скучное воспоминаніе о маневрахъ съ пѣхотой. И вдругъ война и пожалуйста рейдъ чуть не ста эскадроновъ и сотенъ. Такое примѣненіе военного дѣла *à vive ouvert* далеко не всякому по плечу. Да и люди не привыкли. Въ цѣпи подъ Инкоу, говорятъ очевидцы, люди шли баранами, сбивались въ кучи, теряли направленіе. Крикъ, шумъ, поправки...

Поздно было учить.

Скажите по совѣсти, господа эскадронные и сотенные командиры. учили и учите вы своихъ людей ходить змѣйками, разсыпать цѣпи, перебѣгать согнувшись, умѣло примѣняться къ мѣстности, накапливаться, подползать? Знаете вы, что такое боевой участокъ, что такое равненіе въ бою? Видали вы, особенно до войны, движеніе въ атаку спѣшенной дивизіи? Я не видалъ.

Какъ же хотите вы, чтобы штурмъ Инкоу могъ выйти удачнымъ? Причемъ генералъ Мищенко или генералъ Хорановъ, когда *никто* не зналъ, какъ это дѣлать, никто въ мирное время этого не дѣлалъ?..

Ходили вы въ мирное время массаи конницы, организовывали

довольствіе, обозы, связь? Да, кое-гдѣ, въ Петербургскомъ, Варшавскомъ и Кіевскомъ округахъ это дѣлалось, но увѣренъ, что тѣ части, которыя пошли на Инкоу, этого не могли продѣлывать въ мирное время... и т. д., и т. д. «Они не знали.» Въ этомъ ихъ тягчайшая вина. «Ихъ не учили» — въ этомъ имъ крошечное оправданіе.

Не знали, не учили... но вѣдь теперь-то нужно знать, нужно учить...

Новый кавалерійскій уставъ нанисанъ удивительно хорошо. Главы о боѣ полны такого увлекательнаго подъема, такъ красивы, что ихъ читаешь, какъ романъ. Уставъ полонъ наступательнаго направленія, онъ настойчиво требуетъ отъ конницы дѣятельности и боя, конница должна умирать, неся побѣду своей пѣхотѣ.

Новѣйшія техническія средства, воздушный флотъ, радіотелеграфныя станціи, автомобильныя части, новыя орудія, пулеметы, автоматическія ружья, — все это, имѣя громадныя положительныя стороны, загромаждаетъ тылъ арміи чрезвычайно. Фабрики водорода, сараи, склады бензина, снарядовъ, патроновъ наполнять на много десятковъ верстъ тылъ непріятельской арміи. Охранить все это достаточными силами полагаю невозможнымъ. И вотъ для конницы, для конницы достаточной и искусной, является широкое поле дѣятельности. На каждомъ шагѣ будутъ у нея объекты для нападеныя и уничтоженія.

Теперь каждый кавалерійскій офицеръ долженъ быть и опытнымъ шофферомъ и хорошимъ летчикомъ, чтобы не только уничтожать забранныя у непріятеля машины, но и использовать ихъ для себя.

Сила кавалеріи въ томъ, что она «скачетъ, куда хочетъ», какъ конь въ шахматной игрѣ, конница появляется внезапно и ея ходы разрушаютъ самые тщательно комбинированные планы.

Если въ 1812 году казачьи лавы Платова изматывали лучшую французскую конницу, то теперь казачьи лавы могутъ парализовать цѣлыя арміи. А каково это отразится на современной арміи неврастениковъ? А что число таковыхъ растеть не только у соседей, но и у насъ, показываетъ слѣдующій случай, имѣвшій недавно мѣсто у меня на глазахъ. Одинъ начальникъ призываетъ къ себѣ старшаго унтеръ-офицера.

— Я тебя желаю назначить фельдфебелемъ.

— Ваше высокоблагородіе, увольте...

— Это почему?

— Нервы не позволяютъ.

Здоровый, красивый дѣтина, сынъ крестьянина и вдругъ— нервы...

Я увѣренъ, что у насъ это случай рѣдкій, въ западныхъ арміяхъ—это случай обычный. На маневрахъ, въ горахъ, три сотни внезапно атаквали авангардъ и окружили его два орудія. И вотъ на маневрахъ же подпрапорщикъ, командовавшій этими двумя орудіями, при видѣ каждаго казака снималъ орудія съ передковъ. Это все—нервы. Не буду будить тяжелыя воспоминанія, скажу лишь четыре имени—Тюренченъ, Вафангоо, станція Фандзятунъ и Мукденъ. Подъ Тюренченомъ нѣсколько нашихъ же ѣздовыхъ, скакавшихъ въ безпорядкѣ къ отступавшему Восточному отряду, вызвали панику, подъ Вафангоо ночью паша сотня была принята за кавалерію японцевъ и поднялась безпорядочная стрѣльба, подъ Мукденомъ—паника у Пухэ вызвана двумя эскадронами, и два эскадрона, предводимыхъ доблестными офицерами, появившись въ глубокомъ тылу у станціи Фандзятунъ, заставили наканунѣ рѣшительнаго сраженія въ равнинѣ отослать донскую дивизію въ глубокій тылъ. Это все—нервы.

Случалось ли вамъ въ разгаръ сраженія попасть въ тылъ арміи? Вотъ вы миновали линію стрѣлковыхъ цѣпей, гдѣ, несмотря на непрерывное щелканье выстрѣловъ, на тревожный свистъ пуль, на вихрь смерти, носящійся надъ людьми, царитъ жуткая тишина. Все припало къ землѣ, въ ней ища защиты. Лица блѣдны, глаза неестественно расширены. Чтобы встать здѣсь во весь ростъ нужно не мало мужества, появиться верхомъ на лошади—немыслимо.

Полоса земли 300--600 шаговъ и притаившись, закрывши голову руками, точно руки спасутъ отъ пуль, лежатъ поддержки... Тутъ пули свистятъ рѣже, ихъ свистъ не такой рѣзкій, болѣе пѣвучій, но и здѣсь блѣдныя лица, напряженное вниманіе и здѣсь царство смерти; никто не поднимается и только офицеръ въ полусидячей позѣ разглядываетъ въ бинокль позицію противника...

Отсюда бѣжитъ черною змѣею проволока телефона на батарею. Несмотря на вихрь смерти, проносящійся надъ батареею, на частые бѣлые дымки шрапнели, вдругъ появляющіеся впереди орудій, и на стремительный свистъ шрапнельныхъ пуль, несущихъ увѣще и смерть, на батарею уже какъ-то спокойнѣе. Люди бѣгаютъ; то прячутся въ ровикахъ, то вылѣзаютъ наружу, то лежатъ, то стоятъ во весь ростъ, и грохотъ пушекъ и ревъ снарядовъ заглушаютъ свистъ рѣдкихъ, далекихъ излетныхъ пуль. Дальше версты на полторы—только раненые, уныло бредущіе въ наскоро сдѣланныхъ, черныхъ отъ крови, повязкахъ. За какимъ-нибудь

прикрытіемъ притаились вѣстовые съ лошадьми, бредеть умный осликъ, безъ провожатаго несущій патроны въ цѣпь.

Затѣмъ — перевязочные пункты, заваленные ранеными и убитыми, возлѣ которыхъ ходятъ въ бѣлыхъ фартукахъ врачи, сестры, а въ сторонкѣ священникъ торопливо читаетъ отходную. Сюда пули не залетають, шрапнели рвутся далеко и все на одномъ и томъ же мѣстѣ, давая высокіе разрывы, но здѣсь уже начинаются настоящіе нервы. Здѣсь къ оборонѣ не способны.

Измученные непосильною работою, видомъ человѣческихъ страданій, раскромсанныхъ снарядами и ножами хирурговъ окровавленныхъ тѣлъ, не знающие, что дѣлается тамъ впереди — эти люди доживаютъ до высшаго переутомленія нервовъ...

Еще дальше въ новой войнѣ будутъ стоять большіе переносные сараи, бочки бензина, приборы для добыванія водорода, отсюда будутъ взлетать и сюда спускаться съ тревожнымъ трескомъ пропеллеровъ аэропланы.

Маленькія безпечныя прикрытія. Густыя массы лошадей возлѣ обозовъ и артилерійскихъ парковъ. Незвѣстность того, что дѣлается впереди, обиліе людей съ истрепанными нервами, безразличіе передъ смертію въ облакахъ, передъ смертію, нанесенною снарядомъ, пулями, ядрами, и ужасъ передъ человѣкомъ-убійцей, идущимъ съ шашкой, штыкомъ или пикой.

Маленькія группы людей, очень ученыхъ, очень искусныхъ въ механикѣ, высшей математикѣ и совсѣмъ не признающихъ рукопашнаго боя, капризные аэропланы, на которыхъ не всегда можно сѣсть и улетѣть, шумливые, издали видные автомобили; еще дальше — желѣзная дорога, большая сѣть телефоновъ и телеграфовъ, радіографныя станціи — та периферическая нервная система, которая идетъ къ главнокомандующему.

Подумайте, какъ все это хрупко! Какъ заманчивы рейды и набѣги именно сюда. Не на станцію Инкоу, гдѣ ничего нѣтъ, а на станцію Ляоянъ, гдѣ рѣшетъ бѣлый флагъ съ краснымъ кругомъ и расходящимися отъ него лучами красной матеріи... Не на Фандзятунъ, гдѣ одинъ фельдфебель Харинъ, не имѣющій къ тому же нервовъ, а на Мукденъ, гдѣ множество праздношатающагося военнаго и притомъ безоружнаго люда.

Вотъ задачи конницы... Вотъ громадная дѣятельность самостоятельной конницѣ, не связанной никакими частными задачами и получившей лишь общую директиву главнокомандующаго.

Вихрь, затерявшійся въ пустынѣ и который не найдешь и не обнаружишь — вотъ ея движенія.

Для охраненія и развѣдыванія пѣхотѣ тоже нужна конница и пусть она будетъ. Но одновременно съ нею должны быть взяты отборные люди по духу и по силѣ, самые предприимчивые и смѣлые, отборныя по рѣзвости и выносливости лошади и создано нѣсколько корпусовъ особой кавалеріи. Назовите ее какъ хотите—армейской, въ отличіе отъ дивизионной, самостоятельной, въ отличіе отъ приданной пѣхотѣ—но и въ мирное время ведите ее обученіе широко въ духѣ современнаго устава. Молодые вожди, всѣ аттестованные «безпокойными», всѣ самостоятельные характерами, твердые волею, неутомимые на конѣ, должны быть отобраны сюда и проходить здѣсь курсъ той смѣлой работы, выполнять которую имъ придется на войнѣ. Въ эти полки—кровныя лошади, въ эти полки—легкія горныя пушки, вьючный обозъ и пулеметы; при этихъ полкахъ—самолеты для широкой развѣдки, въ этихъ полкахъ—просторъ чистаго поля и отсутствіе нарядовъ на заставы, на ординарцы, на службу связи.

Половина донскихъ казаковъ, тѣхъ, что приходитъ съ низовьевъ Дона, что сидитъ на крупныхъ и кровныхъ лошадяхъ можетъ составить одинъ—два такихъ летучихъ корпуса, регулярная конница дастъ таковыхъ же два—три корпуса—остальное отдайте на службу пѣхотѣ для ближней развѣдки, для охраненія фланговъ, для службы связи.

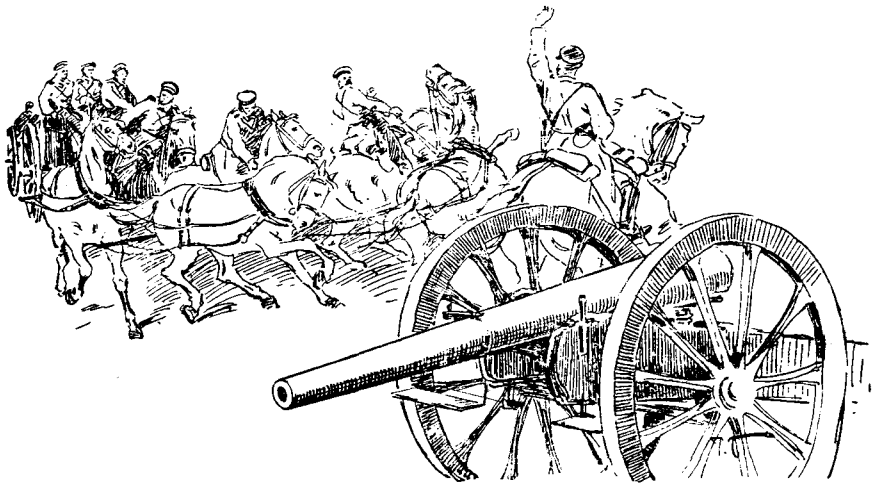
Золотой вѣкъ конницы начинается снова, отъ насъ зависитъ въ ближайшую войну любоваться ея подвигами и превозносить ея героевъ, или снова конфузиться передъ неудачами импровизированныхъ набѣговъ, составныхъ, не обученныхъ въ мирное время отрядовъ конницы, призванной для самостоятельной работы и не знающей этой работы въ мирное время...

Если нельзя вести обученіе всей конницы въ самостоятельномъ духѣ новаго устава, если у насъ на это нѣтъ ни силъ, ни средствъ—намъ нужно приступить теперь же къ организаціи и серьезному обученію самостоятельной конницы въ крупныхъ соединеніяхъ, прочно созданныхъ въ мирное время и остающихся нерушимыми въ военное.

Не надо забывать, что «организація не терпитъ импровизаціи», что на войнѣ мы хорошо будемъ дѣлать лишь то, что прочно усвоили въ мирное время... «*Sans une cavalerie expérimentée et suffisante les armées marchent en aveugle et sont compromises*».

Гр. А. Д.

СОВМѢСТНАЯ СТРѢЛБА АРТИЛЕРІИ СЪ ПѢХОТОЙ.

Совмѣстная стрѣлба артилеріи съ пѣхотой дѣло неновое. Стрѣлба эта производилась вѣроятно во всѣхъ частяхъ артилеріи, большею частью на зимовыхъ квартирахъ. Этого требовали всѣ наши наставленія, положенія и Инструкціи по стрѣлбѣ. Для этихъ стрѣлбъ ежегодно каждая батарея, изъ числа отпущенныхъ боевыхъ припасовъ на лѣтнюю практику оставляла часть ихъ, которая и называлась «На стрѣлбу съ пѣхотою». Новаго тутъ ничего нѣтъ, но почему-то въ послѣднее время объ этомъ заговорили, какъ о чемъ-то новомъ. Почему это? Трудно сказать, развѣ по той русской пословицѣ, что «ново то, что хорошо забыто», но къ данному случаю и эта пословица непримѣнима, такъ какъ никто никогда въ артилеріи этого не забывалъ. Почему же это? Да такъ! Захотѣли и заговорили. Что жъ, можетъ быть это такъ и надо. Заговорили, Богъ дастъ и договорятся до чего-нибудь путнаго.

Какъ производилась эта совмѣстная стрѣлба, всѣмъ очень хорошо извѣстно. Всѣ отлично знаютъ, что слово «совмѣстная», тутъ рѣшительно не причемъ. Никогда никакой совмѣстной стрѣлбы и не было.

Полагаю, оговаривать, что здѣсь рѣчь идетъ о стрѣльбѣ въ мирное время, не стоитъ, такъ какъ въ военное время другой стрѣльбы, какъ совмѣстной, и не бываетъ.

Совмѣстность стрѣльбы характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы цѣли были однѣ и тѣ же какъ для пѣхоты, такъ и для артилеріи, и если не въ строго точномъ смыслѣ этого, то въ томъ смыслѣ, чтобы взаимнымъ расположеніемъ своимъ онѣ составляли одинъ и тотъ же боевой порядокъ.

Въ дѣйствительности пѣхота, опасаясь случайныхъ поражений отъ нерѣдко бывающихъ преждевременныхъ разрывовъ артиллерійскихъ снарядовъ, отходить въ сторону на 300—400 сажень отъ артилеріи и тѣмъ разумѣется нарушаетъ связь съ нею, а слѣдовательно, и стрѣльба изъ совмѣстной обращается въ раздѣльную. Общимъ является только время стрѣльбы, а потому, пожалуй, было бы, быть можетъ, справедливѣе называть эти стрѣльбы не совмѣстными, а «одновременными», такъ какъ въ дѣйствительности совмѣстности тутъ нѣтъ никакой, а одновременность все-таки есть.

Часто слышатся такіа объясненія этому непонятному употребленію одного слова вмѣсто другого: предполагается, говорятъ, что хотя сомкнутая часть (правильнѣе было бы говорить о сомкнутыхъ частяхъ, такъ какъ односторонніе маневры есть событія вынужденныя чисто полигонными условіями) и находится обѣими своими половинами по сторонамъ артилеріи, вдали отъ нея, но половины эти связаны цѣпью, находящеюся и передъ артилеріей. Допустимъ, что это такъ, но что же изъ этого выходитъ? Положимъ, для примѣра, на позиціи полкъ съ батареею. Батарея занимаетъ по фронту 50—70 сажень. Удаленіе въ обѣ стороны пѣхотныхъ частей 600—800 сажень, да протяженіе 2-хъ баталіоновъ, занявшихъ позицію по обѣ стороны артилеріи (остальные 2 баталіона, положимъ, находятся въ частномъ резервѣ или въ бой вообще еще не введены), это тоже дастъ 500 сажень, итого 60 с. + 700 с. + 500 с., что составитъ въ общемъ 1.260 сажень, а проще—2¹/₂ версты, на полкъ же получается протяженіе по фронту всего 1 верста. Выходитъ, такимъ образомъ, что предположеніе, яко бы обѣ стрѣляющія части пѣхоты соединены цѣпью, неправдоподобно, такъ какъ такая цѣпь длиною въ 2¹/₂ версты отъбачаетъ дивизіи или бригадѣ, а ужъ никакъ не полку. Значитъ это натянутое объясненіе критики не выдерживаетъ. А разъ оно критики не выдерживаетъ, значитъ такими стрѣльбами мы приучаемъ глазъ къ неправильностямъ, могущимъ вредно отразиться на глазомѣрѣ въ будущемъ. А такъ

какъ вообще въ мирное время не слѣдуетъ учить ничему такому, чего не можетъ быть въ бою, то, слѣдовательно, такія стрѣлбы практиковать не слѣдуетъ. А что же, скажутъ, по вашему дѣлать? Отказаться совершенно отъ этихъ совмѣстныхъ стрѣлбъ? Жаль! Это вѣдь такъ красиво въ разговорѣ и на бумагѣ. Да, красиво, но не только бесполезно въ дѣйствительности, но даже, пожалуй, вредно въ учебномъ смыслѣ. Вредно потому, что это не только не сближаетъ стрѣляющія части, но даже разъединяетъ ихъ.

Припомните спокойно, кто бывалъ на этихъ стрѣлбахъ, чувствовала ли артилерія, что она стрѣляетъ вмѣстѣ съ пѣхотой? Ничуть. Точно также и пѣхота ничѣмъ не чувствовала, что она стрѣляетъ вмѣстѣ съ артилеріей. Сплошь и рядомъ не только не было чувства этой совмѣстности, но часто не было даже и одновременности. Начинали стрѣлять, пожалуй, и пѣхота, и артилерія одновременно, получая на то разрѣшеніе отъ начальника отряда или отъ руководителя, когда поле оказывалось готовымъ, но дальше—ничего общаго по времени рѣшительно не бываетъ. Другъ о другѣ пѣхота и артилерія вспоминаютъ лишь тогда, когда, окончивъ свою стрѣлбу, посылаютъ счетчиковъ пробоинъ, и вотъ тогда опять начальникъ пѣхоты появляется лично или даетъ о себѣ знать черезъ ординарца или по телефону, прося у начальника отряда или у руководителя разрѣшеніе выслать счетчиковъ, а частямъ пѣхоты идти домой.

Артилерія, какъ имѣющая большее число и разнообразіе цѣлей, всегда почти, по чисто мишеннымъ условіямъ, запаздываетъ сравнительно съ пѣхотой; поэтому, отчасти по нашей халатной добротѣ, а главное, по отдаленности расположенія пѣхоты отъ артилеріи, удаленія съ поля происходятъ врозь. Требованіе боевого отступленія при каждомъ маневрѣ, такъ какъ поля наши всѣ почти таковы, что пути съ позиціи въ лагерь всегда есть, отступленія практикуются рѣдко, да, строго говоря, и приучать войска къ отступленіямъ едва ли воспитательно. Учить этому не слѣдуетъ и теперь, какъ не учили этому и въ старину.

Значитъ, строго говоря, въ практикуемыхъ нынѣ стрѣлбахъ пѣхоты съ артилеріей нѣтъ ни совмѣстности, ни одновременности. А если нѣтъ одновременности, то не лучше ли будетъ совсѣмъ устранить одновременность, но зато сдѣлать стрѣлбу вполне совмѣстной въ томъ смыслѣ, какъ это было сказано выше. Но какъ же это сдѣлать? А вотъ какъ.

Наканунѣ дня стрѣлбы два отряда, каждый примѣрно силою

въ полкъ пѣхоты или кавалеріи и батареи артилеріи, получаютъ задания на двухсторонній маневръ, для чего отряды эти и разводятся на соотвѣтствующія разстоянія отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ на одной сторонѣ можно будетъ поставить мишени, а для другой—занять позиціи.

Разумѣется, было бы самымъ наилучшимъ дѣломъ въ смыслѣ поучительности, а главное, въ смыслѣ вниманія маневрирующихъ частей, если бы части не знали, которая изъ нихъ будетъ стрѣлять на другой день. Это можно было бы дѣлать только тогда, когда то позволяли бы наши учебныя поля, а для этого надо, чтобы размѣры ихъ были не менѣе 13×13 верстъ, не считая лагеря и стрѣльбищъ пѣхоты. Такихъ полей пока еще у насъ нѣтъ, но въ будущемъ они должны быть обязательно.

Далѣе. Въ назначенное для маневра время, по распоряженію руководителя, части начинаютъ движенія, для чего и высылаютъ, разъѣзды, дозоры и пр. Руководитель, имѣя на каждой сторонѣ помощнику для наблюденія, чтобы своевременно и безъ запозданія каждая часть начинала свои движенія, имѣетъ еще при себѣ или предсѣдателя мишеннаго комитета или начальника полигона, если маневръ происходитъ на полигонѣ, но гораздо лучше было бы стрѣльбы эти производить на незнакомой мѣстности; тогда навѣрное будетъ больше шансовъ на то, что явится возможность производить ихъ такъ, какъ сказано выше, т. е. какъ на полигонахъ съ размѣрами 13×13 , а то и болѣе верстъ.

При каждой маневрирующей части должны быть еще по одному а, если можно, и по 2 члена мишеннаго комитета.

Всѣ эти лица, т. е. руководитель, его помощники и лица полигона, должны быть связаны телефонами независимо отъ тѣхъ телефоновъ, которыми будутъ связаны маневрирующія части съ ихъ начальствующими лицами.

Во время хода маневра, помощники руководителя и лица полигона намѣчаютъ на планѣ мѣстности, на которой идетъ маневръ, моменты расположенія частей каждой стороны во время стрѣльбы той или другой части и свѣдѣнія о томъ, какая часть по какой стрѣляетъ, а, если можно, то и время продолжительности стрѣльбы по каждой части, особенно, если эта послѣдняя скрывается совершенно или перемѣняетъ позицію. Моменты эти могутъ быть или указываемы руководителемъ, если ему отлично видны всѣ части маневрирующихъ отрядовъ, или по заранѣ указаннымъ моментамъ времени, по точно свѣреннымъ часамъ всѣхъ лицъ, участвующихъ

въ организаціи маневра и стрѣлбы. Первый способъ проще, но онъ не всегда можетъ быть примѣнимъ; второй сложнѣе по дальнѣйшей своей разработкѣ по производству стрѣлбы, но зато всегда и всюду легко можетъ быть примѣнимъ.

По окончаніи маневра, руководитель собираетъ, какъ своихъ помощниковъ, такъ и лицъ полигона, а также и начальство маневрирующихъ частей и дѣлаетъ сперва разборъ маневра, а затѣмъ по совѣщаніи съ помощниками и лицами полигона, отпустивъ начальство маневрировавшихъ частей, составляетъ планъ расположенія мишеней и порядокъ стрѣлбы, руководствуясь, какъ своими личными впечатлѣніями, такъ и докладами помощниковъ и лицъ полигона. Въ планѣ мишеней должно быть показано: какая часть, на какомъ мѣстѣ, въ продолженіе какого времени, была обстрѣливаема отдѣльно пѣхотою и отдѣльно артилеріею. Въ порядкѣ стрѣлбы должно быть показано, какая часть, съ какого мѣста, по какой части и въ продолженіе какого времени вела стрѣлбу.

При составленіи этихъ плановъ отъ руководителя потребуется очень много ловкости и умѣнья для выбора изъ всѣхъ этихъ моментовъ тѣхъ, которые наиболѣе характерны, наиболѣе поучительны и наиболѣе жизненны, а главное—чтобы въ предстоящей на другой день стрѣлбѣ, исполненіе ея не потребовало бы чего-нибудь такого, что было бы неисполнимо или неудобноисполнимо, а самое главное, это то, чтобы предстоящая стрѣлба по выполненію своему была бы какъ можно ближе къ бывшему маневру.

Согласованіе порядка стрѣлбы артилеріи и пѣхоты, согласованіе такое, по которому отъ пѣхоты не потребовалось бы лишнихъ передвиженій по полю стрѣлбы, составляетъ самую главную и трудную часть роли руководителя, и потому руководителемъ долженъ быть такой начальникъ, которому одинаково дороги всѣ маневрирующія части и которому всѣ въ одинаковой мѣрѣ подчинены.

Выбравъ моменты и части и составивъ порядокъ стрѣлбы, руководитель даетъ указанія чинамъ полигона, гдѣ какія мишени, изображающія артилерію, должны быть поставлены и гдѣ должны быть указаны позиціи стрѣляющей артилеріи. Пѣхотныя части обоихъ отрядовъ должны быть обозначены такъ: въ обстрѣливаемомъ отрядѣ—всѣ, по ихъ моментамъ нахожденія, а въ стрѣляющемъ отрядѣ—только цѣни и поддержка. Мѣста остальныхъ частей пѣхоты стрѣляющаго отряда должны быть только намѣчены, какъ равно должна быть намѣчена и позиція стрѣляющей артилеріи, какъ выше и было уже сказано.

При производствѣ на слѣдующій день боевой стрѣльбы очень важнымъ факторомъ является время ея исполненія. Не только желательно, но даже обязательно, стрѣльба должна производиться строго въ то же время, въ какое производился и маневръ.

Освѣщеніе, зависящее отъ времени дня, играетъ такую существенную роль, что производить стрѣльбу не въ тѣ часы, въ которые былъ маневръ, равносильно полному умаленію пользы дѣла, такъ какъ, что было отлично видно въ одно время дня, на очень дальнія дистанціи, то можетъ быть совершенно не видно въ другое время дня и обратно, что не было видно во время маневра, можетъ быть, будетъ отлично видно во время стрѣльбы, если стрѣльба и маневръ будутъ производиться въ разное время дня.

Самая стрѣльба по распределеннымъ мишенямъ можетъ быть произведена тремя способами, а именно: первою можетъ стрѣлять артилерія, а второю—пѣхота или обратно: первою можетъ стрѣлять пѣхота, а затѣмъ артилерія или, наконецъ, производить стрѣльбу можетъ и пѣхота, и артилерія послѣдовательно одна послѣ другой, строго придерживаясь того порядка, въ которомъ шла стрѣльба на маневръ холостыми патронами.

Первые два способа стрѣльбы проще и удобоисполнимѣе, третій же способъ нѣсколько сложнѣе.

Объ исполненіи первыхъ двухъ способовъ нечего почти и говорить. Передъ стрѣльбой части собираются къ мѣсту, съ котораго началось наканунѣ развертываніе и выжидаютъ очереди вызова ихъ на стрѣльбу. Когда данная часть подойдетъ къ мѣсту, то руководитель или его помощникъ указываетъ ей цѣли и начало момента открытія огня и слѣдитъ за продолжительностью его.

О стрѣльбѣ по третьему способу приходится сказать нѣсколько словъ, главнымъ образомъ, о пѣхотѣ. Артилерія едва ли будетъ мѣнять позицію, да она и ни въ какомъ случаѣ нодѣ огонь своей пѣхоты не попадетъ, а при перемѣнѣ позиціи частями, выѣздъ части артилеріи подѣ прикрытіемъ огня другой—стрѣляющей, при внимательномъ ея веденіи огня, съ противоположнаго фланга, а еще лучше при временной его остановкѣ, тоже затрудненія не составитъ. Другое дѣло—движеніе пѣхоты. Пѣхота во все время боя двигается. Выбрать тѣ остановки для стрѣльбы, которыя наиболѣе существенны, дѣло, какъ выше сказано, руководителя. Выбирая ихъ, онъ долженъ такъ обдумать дѣло, чтобы отстрѣлявшая по данной цѣли

данная часть могла бы легко удалиться въ полосу безопасности ¹⁾ и въ случаѣ надобности, вновь выйти на это же мѣсто и продолжать движеніе и стрѣлбу, когда дойдетъ до новаго мѣста, т. е. до того, съ котораго она стрѣляла на маневрѣ.

Эти удаленія съ поля и вновь на него вступленія пѣхоты или спѣшенной кавалеріи—самыя сложныя и самыя трудныя эволюціи, самая нежелательная часть дѣла, но зато и картина стрѣлбы, въ общемъ, получится вполне правдоподобная.

Польза отъ такой стрѣлбы, помимо того, что она будетъ приучать глазъ ведущихъ стрѣлбу къ правильнымъ взаимнымъ расположеніямъ частей одной относительно другой, будетъ еще въ томъ, что, стрѣляя по непріятельскимъ частямъ, можно будетъ видѣть, насколько опасна стрѣлба наша для нашихъ же частей, такъ какъ части нашей пѣхоты, какъ сказано выше, будутъ обозначены мишенями въ тѣхъ положеніяхъ, какія онѣ занимали во время стрѣлбы, а теперь, во время стрѣлбы артилеріи, покинули эти мѣста. Особенно это важно тогда, когда наши части будутъ находиться отъ непріятельскихъ въ разстояніи 200—300 сажень. Осмотръ мишеней, изображающихъ наши части, воочію убѣдитъ стрѣляющихъ и находящихся подъ ихъ огнемъ, насколько опасно полагаться на теоретическіе расчеты и насколько надо проявить спо-

---

¹⁾ Безопасная полоса опредѣляется такъ. Къ самому крайнему направленію выстрѣла, при точкѣ стоянія флаговаго орудія, надо мысленно провести линію подъ угломъ 45° (75 дѣлений углемѣра) и все то пространство, которое будетъ находиться внѣ этой линіи, и будетъ безопасною полосою. На мѣстности, въ дѣйствительности эта безопасная полоса будетъ, не вездѣ въ ранѣе названную цифру 300—400 сажень, а будетъ такова: около орудія это разстояніе равно 0, т. е. пѣхота, на линіи огня артилеріи, можетъ примыкать къ ней сплошь и будетъ въ полной безопасности. На разстояніи 100 сажень отъ направленія огня она уже будетъ въ безопасности, въ 200 саженьяхъ—въ 200 саженьяхъ, въ 250—въ 250 саженьяхъ и такъ далѣе до 350 сажень. На этомъ разстояніи отъ стрѣляющей батареи есть самое дальнее удаленіе начала безопасной полосы. Дальнѣйшее увеличеніе разстоянія отъ стрѣляющей батареи больше не вызываетъ уже увеличенія разстоянія до начала безопасной полосы, такъ какъ это удаленіе въ 350 сажень нужно уже только для безопасности отъ пуль и осколковъ при разрывахъ шрапнелей.

Всѣ эти разсужденія разумѣется относятся къ тѣмъ случаямъ, когда стрѣлба артилеріи идетъ на разстоянія большія, чѣмъ удаленіе пѣхоты отъ батареи. Если бы случилось такъ, что пѣхота отошла отъ батареи, положимъ на 200 сажень, по директрисѣ, а батарея стрѣляла бы на то же разстояніе, то понятно, что въ этомъ случаѣ пѣхота должна будетъ отойти на разстояніе въ 350 сажень для безопасности отъ нормальныхъ и вообще поражающихъ цѣль выстрѣловъ, тогда какъ при стрѣлбѣ на дистанцію дальше удаленія пѣхоты, рѣчь идетъ только о конусѣ разлета пуль и осколковъ при случайныхъ разрывахъ и при возможныхъ отклоненіяхъ снарядовъ отъ направленія огня.

койствіе, попадая въ положеніе случайно поражаемыхъ, когда самъ поражаешь врага, наступая на него.

Очень можетъ быть, что при дальнѣйшемъ усовершенствованіи снарядовъ и трубокъ и достиженіи стрѣляющими высокаго искусства въ управленіи огнемъ, стрѣльбы черезъ головы своихъ войскъ и въ мирное время станутъ такими же обычными явленіями, какими онѣ являются нынѣ во время войны.

Пока же стрѣльбы въ томъ видѣ, какъ описано здѣсь, если и не дадутъ вполнѣ того, что бываетъ и будетъ на войнѣ, то все же онѣ сдѣлаютъ шагъ къ тому, чтобы научиться въ мирное время бить врага, не поражая своихъ, что разумѣется полезно будетъ даже и на войнѣ.

Въ заключеніе оговорюсь.

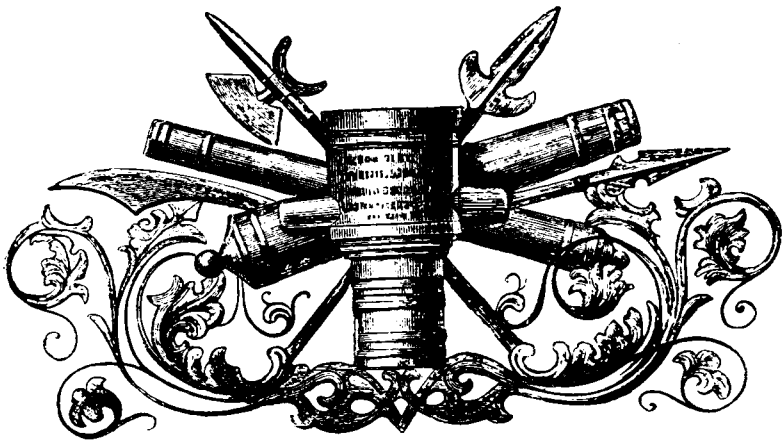
Увлекаться какъ чѣмъ бы то ни было, такъ равно и стрѣльбами подобнаго рода, артилеріи не слѣдуетъ. Во всемъ всегда должна быть постепенность.

Артилерія, какъ и всякій другой родъ войскъ, нуждается въ систематичности своего обученія. Систематичность должна заключаться сначала въ изученіи элементовъ, а затѣмъ уже въ практикѣ сложныхъ дѣйствій. Только что описанныя стрѣльбы должны быть концомъ занятій, а никакъ не серединою, а тѣмъ болѣе не началомъ ихъ.

Хотя по закону всякая артилерійская часть должна быть готова къ стрѣльбѣ во всякое время, но то же вѣдь относится и ко всѣмъ другимъ родамъ войскъ, а если они ежегодно лѣтнія свои практики начинаютъ съ азовъ, то нѣтъ никакого резона артилеріи начинать ихъ съ ижиць.

Б. Кобозевъ.

О ПОДГОТОВКѢ АРТИЛЕРІИ КЪ СТРѢЛБѢ.

Въ сводѣ замѣчаній генераль-инспектора артилеріи («Артилерійскій Журналъ» 1909 г. № 135) есть весьма цѣнное указаніе: «уже неоднократно указывалъ на то, что курсъ стрѣльбы проходится круглый годъ и ни первыхъ, ни послѣднихъ стрѣльбъ быть не должно. Неужели командиръ батареи, прокомандовавшій батареей нѣсколько лѣтъ, нуждается каждый годъ въ маѣ мѣсяцѣ въ стрѣльбѣ по открытой цѣли только потому, что эта стрѣльба первая въ данномъ году»? Выводъ отсюда несомнѣненъ: 1) командиръ батареи долженъ владѣть искусствомъ стрѣльбы; 2) всѣ послѣдующія стрѣльбы, которыя придется вести командиру батареи во время командованія ею, должны служить средствомъ для доведенія искусства стрѣльбы до доступнаго его способностямъ совершенства. Вотъ основное положеніе. Теперь необходимо установить, при какихъ условіяхъ должны протекать стрѣльбы командира батареи, чтобы добиться желаемыхъ результатовъ.

Въ настоящее время установлено, что боевой единицей артилеріи является дивизионъ, который, во-первыхъ, представляетъ собой мощную силу, способную на выполненіе сложныхъ боевыхъ задачъ и, во-вторыхъ, является предѣломъ того числа батарей (орудій), управленіе которыми доступно одному лицу. Разсмотримъ это нѣсколько подробнѣе.

Батарея въ 8 орудій нѣсколько громоздка, но зато можетъ быстрѣе пристрѣляться (выигрышъ полминуты имѣетъ большое значеніе) и развить интенсивный огонь. Дивизионъ въ 24 орудія безъ всякаго напряженія, на любую дистанцію, можетъ выпустить около ста патроновъ мѣткого огня, сосредоточеннаго по нужному

пункту; сила внушительная. Это одна сторона вопроса, другую составляет протяженіе фронта и организація связи.

Батарея при тридцати шаговыхъ интервалахъ между орудіями займѣтъ по фронту 70 сажень, а дивизионъ—230 сажень независимо отъ того, будетъ ли онъ занимать отдѣльный боевой участокъ или располагаться за пѣхотой. Въ зависимости же отъ мѣстныхъ условій длина фронта можетъ быть значительно больше, а хорошій наблюдательный пунктъ заставитъ, подчасъ, командира дивизиона отойти въ сторону версты на двѣ и больше.

Продолжительный опытъ и масса наблюденій въ этомъ направленіи приводятъ къ твердому выводу, что въ отношеніи управляемости дальше дивизиона идти нельзя; только дивизионъ при хорошей слаженности и умѣломъ руководствѣ способенъ выполнять своевременно приказанія о направленіи огня по данной цѣли, распределеніи и сосредоточеніи его въ нужную минуту и въ данный промежутокъ времени. Если на стрѣльбахъ мирнаго времени даже въ хорошо слаженныхъ частяхъ мы часто наблюдаемъ недостатокъ инициативы и отзывчивости со стороны батарей—то что можетъ быть въ бою? Оправданіемъ до нѣкоторой степени можетъ служить несвоевременное достиженіе до батарей приказанія, неясность опредѣленія ориентирнаго пункта (если нѣтъ рѣзко выдающихся предметовъ), наконецъ перевираніе приказанія; понятно, что, чѣмъ больше батарей будетъ сосредоточено въ однѣхъ рукахъ—тѣмъ больше будетъ недоразумѣній и задержекъ; все это вызоветъ переспросы, иногда необходимость отдачи приказанія наново, а цѣль движется или уже успѣла скрыться.

Такимъ образомъ, повторяю, при учетѣ разстоянія и времени, потребнаго на передачу приказанія, предѣльной величиной по управляемости слѣдуетъ признать дивизионъ, тѣмъ болѣе, что онъ удовлетворяетъ и первому (главному) условію: способности развить мощный огонь.

Какъ было сказано выше, командиръ батареи ко времени назначенія на эту должность обязанъ уже владѣть стрѣльбой батареи; дальнѣйшая работа, стало быть, должна протекать въ условіяхъ болѣе трудныхъ, чѣмъ стрѣльба отдѣльныхъ батарей, т. е. въ составѣ дивизиона. Это подтверждаетъ § 103 «Инструкціи для подготовки артиллеріи къ стрѣльбѣ»: «дивизионныя стрѣльбы служатъ для утвержденія командира дивизиона въ управленіи огнемъ дивизиона, а батарей въ совмѣстномъ маневрированіи и стрѣльбѣ». А такъ какъ тактической единицей артиллеріи признанъ дивизионъ, то и въ мирной практикѣ дивизионнымъ стрѣльбамъ слѣдуетъ отвести пер-

венствующее мѣсто. Въ войсковыхъ отчетахъ не разъ указывалось на то, что на дивизионныхъ стрѣльбахъ пораженіе мишеней оказывается обыкновенно значительно меньшимъ, чѣмъ на стрѣлбѣ отдѣльныхъ батарей, несмотря на болѣе число выпускаемыхъ патроновъ. Объяснить это можно только недостаткомъ упражненій въ практикѣ этого важнѣйшаго вида стрѣльбы (двѣ стрѣльбы въ годъ).

Итакъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) тактическая единица есть дивизионъ; 2) командиръ батареи долженъ совершенствоваться, упражняясь въ наиболѣе трудныхъ условіяхъ стрѣльбы; 3) дивизионныя стрѣльбы являются важнѣйшими, а результаты даютъ слабѣе—стало бытъ необходимо увеличить число упражненій этого рода; 4) такъ какъ нельзя командирамъ дивизионовъ гарантировать безсмертіе, то слѣдуетъ приготовить имъ замѣстителей въ лицѣ командировъ батарей, которымъ необходимо дать возможность упражняться въ управленіи дивизиономъ.

Если признать всѣ изложенные доводы справедливыми, то программа практики на артилерійскихъ полигонахъ будетъ состоять изъ ряда дивизионныхъ стрѣльбъ. Пять практикъ (три теперешнихъ командирскихъ и двѣ дивизионныя) будутъ проходить подъ управленіемъ командировъ дивизионовъ, причемъ батареями будутъ командовать командиры; три стрѣльбы старшихъ офицеровъ, также въ составѣ дивизиона, которымъ по очереди будутъ командовать командиры батарей, а старшіе офицеры выполнять всѣ обязанности послѣднихъ съ момента ввода въ паркъ.

Ни затрудненій, ни новыхъ расходовъ такой порядокъ не вызоветъ, но всѣмъ дастъ практику, какъ въ рѣшеніи тактическихъ задачъ, такъ и въ управленіи дивизиономъ или батареями. Необходимо, впрочемъ, сдѣлать небольшую оговорку. Среди молодыхъ старшихъ офицеровъ могутъ оказаться такіе, которые по недостатку практики не будутъ искусными стрѣлками, а, наоборотъ, потребуютъ обстановки болѣе простой, чѣмъ стрѣлба въ составѣ дивизиона.

Тогда стрѣльбы ихъ можно будетъ выполнять такъ: всю работу отъ выхода изъ парка и вплоть до момента открытія огня вести въ составѣ дивизиона; какъ только она окончена—огонь открываетъ очередная батарея, а прочія предполагаются въ наблюдательномъ положеніи. Такой порядокъ дастъ командующему дивизиономъ и батареями возможность во-первыхъ, рѣшить боевую задачу (§ 97 «Инструкціи»), а во-вторыхъ, самую стрѣлбу провести такъ, чтобы прослѣдить всѣ корректуры и получить результаты разрывовъ съ наблюдательныхъ приборовъ.

Теперь остается сказать еще о стрѣльбахъ младшихъ офице-

ровъ и нижнихъ чиновъ. Случай, когда имъ придется самостоятельно рѣшать боевую задачу, будетъ конечно исключеніемъ; въ подавляющемъ же числѣ случаевъ младшіе офицеры явятся замѣстителями убывшихъ (старшихъ ихъ) лицъ; въ этой роли ихъ и слѣдуетъ практиковать. Отдѣльныхъ практикъ имъ назначать не придется, а по окончаніи стрѣльбы дивизіона давать задачи на продолженіе стрѣльбы предшественника съ переносомъ огня на новую цѣль, какъ это дѣлается во многихъ частяхъ и теперь; стрѣльбы вести, конечно, отдѣльными батареями, дабы прослѣдить за ходомъ пристрѣлки, получить данныя съ наблюдательныхъ приборовъ и имѣть возможность сдѣлать подробный разборъ стрѣльбы.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ организаціи дивизіонныхъ стрѣльбъ. Тутъ придется рассмотреть двѣ стороны: маневрированіе и выполненіе самой стрѣльбы.

Время, когда артилерія скакала, какъ сама хотѣла, уже миновало; если въ періодъ завязки боя ей отводится первенствующее мѣсто, то есть много случаевъ, когда она сама примѣняется къ пѣхотѣ. Въ послѣднее время проводятся совершенно новыя мысли даже о первоначальномъ расположеніи артилеріи на позиціи. Такъ, въ «указаніяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ тактики», приложенныхъ къ приказу по академіи генеральнаго штаба отъ 9-го іюня 1909 г. за № 159, читаемъ: «Для артилерійскихъ частей спеціальныхъ интерваловъ въ боевомъ порядкѣ не оставляется. Артилерія располагается или противъ интерваловъ между пѣхотными частями, или позади пѣхотныхъ частей, соображаясь съ удобствомъ выполненія боевыхъ задачъ и мѣстностью. Такъ какъ массированіе орудій влечетъ за собой серьезныя неудобства (легкость пристрѣлки для противника, большія потери), а между тѣмъ дальноточность орудій позволяетъ сосредоточить огонь, не сосредоточивая орудій, то, если мѣстность и протяженіе фронта боевого порядка допускаютъ разсредоточенное расположеніе, — артилерія преимущественно располагается прерывчато, безъ нарушенія, однако, организаціи. При этомъ нѣкоторыя артилерійскія части могутъ оказаться въ районахъ боевыхъ участковъ, но быть въ подчиненіи не начальникамъ участковъ, а начальнику артилеріи отряда. Стрѣльба черезъ головы своей пѣхоты неизбѣжна». Въ этой выдержкѣ находятся опредѣленные указанія, какъ для выбора позицій, такъ и для расположенія на ней батарей.

Отсюда ясно, что вѣрное рѣшеніе задачи можетъ быть достигнуто только путемъ совмѣстнаго обсужденія вопроса начальниками пѣхоты и артилеріи. Слѣдовательно идеаломъ производства

дивизионныхъ стрѣльбъ являются стрѣльбы совмѣстно съ пѣхотой; со временемъ, когда будутъ корпусные лагеря, это такъ и будетъ; пока же трудно осуществимо. Вотъ почему до наступленія лучшихъ дней намъ надо работать въ предѣлахъ тѣхъ рамокъ, которыя доступны намъ при данныхъ условіяхъ, т. е., не увлекаясь воображаемымъ присутствіемъ фиктивной пѣхоты, заняться, главнымъ образомъ, доведеніемъ до возможнаго совершенства искусства управленія дивизиономъ и стрѣльбы батареями съ тѣмъ, чтобы не потеряться ни при какихъ условіяхъ.

Мнѣ приходилось не такъ давно высказаться на страницахъ «Русскаго Инвалида» о вредѣ увлеченія тактикой при производствѣ практикъ въ періодъ спеціально-артилерійскихъ сборовъ. Долженъ указать, что на дивизионныхъ стрѣльбахъ увлеченіе доходитъ до предѣла: три четверти работы отдается тактикѣ, а самая стрѣльба пристегивается въ видѣ лишь неизбежнаго приложенія.

При стрѣльбѣ совмѣстно съ пѣхотой, какъ рекогносцировка позицій, такъ и расположеніе на ней рѣшаются (въ особенности на началахъ приведенной выше выдержки) сравнительно просто: пѣхота намѣчаетъ фронтъ своего расположенія, уступая артилеріи нужные ей наблюдательные пункты; по этому фронту разставляются батареи. При стрѣльбѣ же одной артилеріи вопросъ осложняется тѣмъ, что придется сначала рѣшить задачу за пѣхотнаго начальника, иначе нозиція артилеріи не будетъ удовлетворять боевымъ условіямъ. Затратить время и трудъ на эту работу, конечно, не жаль, такъ какъ эта работа настоящая, реальная; но ею и слѣдуетъ покончить съ тактикой.

Чтобы доказать правильность этого взгляда, постараюсь отвѣтить на вопросъ: какую пользу дѣлу можетъ принести допускаемое «Инструкціей для подготовки артилеріи къ стрѣльбѣ» (§ 112) веденіе воображаемаго боя? Для разыгрыванія его нужно имѣть только изощренное воображеніе; ни особыхъ способностей, ни знаній не требуется. Въ періодъ зимнихъ занятій, при рѣшеніи задачъ на планахъ, мы поневолѣ прибѣгаемъ къ такому способу; при этомъ главной цѣлью ставится умѣнье хорошо читать карты, выбрать нозицію и намѣтить расположеніе на ней войскъ, умѣнье твердо и ясно изложить приказаніе и т. д. Когда же мы выходимъ не на маневръ даже, а на боевую стрѣльбу, то желательно имѣть живого сподвижника или, по крайней мѣрѣ, реальнаго врага въ видѣ мишенной обстановки, которую можно все же бить по настоящему. Добиться же этимъ путемъ развитія способности охватить поле дѣйствій, правильно оцѣнить обстановку, принять цѣлесообразное рѣ-

шеніе, воспитать волю, необходимую для приведенія въ исполненіе принятаго рѣшенія,—невозможно, а вѣдь въ этомъ вся суть дѣла.

Когда передъ нами, даже на маневрахъ, неожиданно поднимается пѣхота и открываетъ живой огонь, когда на насъ мчится въ атаку кавалерія—это импонируетъ намъ; слабый человекъ потеряется и надѣлаетъ, быть можетъ, ошибокъ; у сильнаго, наоборотъ, явится подъемъ, родится вдохновенная комбинація, какъ парировать ударъ, и рѣшимость тотчасъ осуществить ее. Воображаемый бой ничего подобнаго не дастъ, какъ не даетъ даже обозначенный противникъ; ибо, если на меня направлены два кавалериста съ желтыми флагами, то мое воображеніе отказывается видѣть въ нихъ эскадронъ; ничего, кромѣ двухъ лѣниво скачущихъ солдатъ, я не вижу, они не заставляютъ сердца моего биться сильнѣе и живѣе работать мой мозгъ.

Приведу, какъ иллюстрацію къ только что сказанному, случай изъ жизни знаменитаго генерала Зейдлица. Король Фридрихъ былъ возмущенъ тѣмъ, что Зейдлицъ ничего не понимаетъ въ развитіи сраженія, которое король разыгрывалъ на картѣ, и высказалъ ему это. Зейдлицъ отвѣтилъ: «Ваше величество, если бы я видѣлъ противника—я что-нибудь придумалъ бы».

Итакъ, что же намъ нужно дѣлать? Отвѣтъ находимъ въ томъ же сводѣ указаній генераль-инспектора артилеріи.

«Еще недостаточно правильно рѣшить тактическую задачу и правильно подготовить позицію, надо еще умѣть правильно отличать перелеты отъ недолетовъ и оцѣнивать высоты разрывовъ».

Въ этомъ указаніи заключается полная программа нашихъ спеціально артилерійскихъ сборовъ: 1) умѣть рѣшить боевую задачу (§ 97 «Инструкція»); 2) умѣть выбрать позицію и расположиться на ней; 3) умѣть правильно наблюдать, т. е. владѣть краеугольнымъ камнемъ искусства стрѣльбы.

Если трудно иногда наблюдать за разрывомъ снарядовъ при стрѣльбѣ отдѣльной батареи, то понятно насколько осложняется дѣло, когда одновременно стрѣляютъ нѣсколько батарей по цѣлямъ, близко одна около другой расположеннымъ. Поэтому, если въ періодъ спеціально-артилерійскихъ сборовъ мы ограничимъ тактику только что приведенными рамками, а главную часть энергіи затратимъ на развитіе умѣнья управлять огнемъ дивизіоновъ и батарей и искусства вѣрно наблюдать, то будемъ хорошо стрѣлять при всякой тактической обстановкѣ.

Ж. Злобинъ.

Артилерійскія единицы и ихъ стрѣльбы.

Въ §§ 17 и 18 «Наставленія для дѣйствія полевой артилеріи въ бою», изд. 1912 г. сказано, что дивизионъ есть тактическая артилерійская единица, а батарея — огневая (стрѣлковая) единица.

Однако и части батарей — полубатареи, взводы, отдѣльные орудія, — являются также какими-то единицами. Эти части — «способны, въ извѣстной мѣрѣ, къ самостоятельному веденію стрѣльбы и, при требующихъ того условіяхъ, могутъ примѣняться отдѣльно для рѣшенія простѣйшихъ задачъ» (§ 18 того же «Наставленія»).

Простѣйшихъ задачъ? А вся батарея, въ полномъ ея составѣ, согласно того же § 18, способна къ рѣшенію лишь «*несложныхъ*» боевыхъ задачъ?

Откровенно говоря, я, право, не могу уразумѣть разницы между «простѣйшими» и «несложными» боевыми задачами. Мнѣ кажется, что тутъ какое-то недоразумѣніе и, главнымъ образомъ, въ этихъ самыхъ артилерійскихъ *единицахъ*. Мнѣ кажется такъ — вотъ почему.

Не отмѣненный и обязательный для руководства § 5 «правиль стрѣльбы», изд. 1911 г., гласитъ: «Въ случаѣ раздѣленія батареи на части или одновременнаго обстрѣливанія частями ея различныхъ

цѣлей, стрѣльба ведется начальниками этихъ частей, а на обязанности командира батареи лежитъ тактическое управленіе огнемъ».

Запомните—«тактическое управленіе огнемъ».

Что же выходитъ? А выходитъ, что, *въ некоторыхъ случаяхъ, батарея будетъ вовсе не огневою, а тактической единицею.*

Очевидное противорѣчіе упомянутымъ §§ 17 и 18 «Наставленія». Однако и этого мало. Фактически и *части батареи* могутъ быть тактическими единицами.

Въ бою важно «не массированіе орудій», говоритъ § 446 полев. устава 1912 г., «а возможность сосредоточенія огня». Въ бою успѣшность дѣйствій артилеріи оцѣнивается только количествомъ тѣхъ снарядовъ—этой «живой силы» артилеріи,—которые произвели на противника желаемое впечатлѣніе. Артилерійская часть, разстрѣлявшая ея патроны, будь то хоть 100-пушечная масса, превращается въ обезсиленный, печальный обозъ, въ живой трупъ, не могущій противодѣйствовать даже только *одному* непріятельскому орудію. Для насъ совершенно безразлично одно ли орудіе, одна ли батарея, дивизионъ или бригада, но разъ они *дѣйствуютъ* и *разъ ихъ снаряды причиняютъ непріятелю ущербъ, то тѣмъ самымъ они рѣшаютъ ту или иную тактическую задачу.* Безъ послѣдней—будетъ не артилерійская боевая стрѣльба, а преступная, не оправдываемая никакими тактическими соображеніями и, слѣдовательно, *безцѣльная* трата цѣнныхъ патроновъ.

Вотъ почему думаю, что *въ артилеріи, какова бы ни была огневая единица, въ то же время она будетъ и тактической, а также... и наоборотъ.* Не даромъ говорятъ, тактика артилеріи—въ ея огнѣ. Не даромъ—совмѣстная и согласованная работа нѣсколькихъ дивизионовъ тѣмъ и заманчива, что, какъ выражается § 17 «Наставленія», «позволяетъ лучше использовать *огневую силу* ¹⁾»,—силу артилеріи».

Однако, быть можетъ, §§ 17 и 18 «Наставленія» имѣли въ виду какія-либо техническія, специально-артилерійскія, соображенія?

Конечно,—нѣтъ. Я не говорю уже про указанія упомянутаго выше § 5 «правиль стрѣльбы», но техника артилерійскаго дѣла подсказываетъ также иное.

Согласно §§ 47, 70, 74 и 87 «правиль стрѣльбы» и какъ вошло уже въ привычку артилеристовъ, *пристрѣлка* ведется не сразу всею массою расноложенныхъ на одной позиціи орудій, а серіями—*по четыре* выстрѣла въ каждой. Такъ выгоднѣе по тактическимъ и техническимъ соображеніямъ. Необходимость дѣлать по-

¹⁾ Курсивъ мой.

правки трубки не ранѣе наблюденія четырехъ разрывовъ, затѣмъ затрудненія по одновременному наблюденію за болѣе значительнымъ числомъ разрывовъ, въ-третьихъ, стремленіе къ экономному расходованію цѣнныхъ патроновъ и, наконецъ, желаніе возможно дольше не обнаруживать противнику дѣйствительнаго числа расположенныхъ на одной позиціи орудій—все вмѣстѣ наталкиваетъ на мысль, что, *во всякомъ случаѣ, если и считать что-либо за огневую (стрѣлковую) единицу, такъ естественнѣе считать современную полубатарею, вѣрнѣе 4-орудійную батарею.*

Недаромъ давно уже раздавались и до сей поры раздаются голоса, твердящіе о *необходимости 4-орудійныхъ батарей.*

Недаромъ многіе увѣрены, что, снабдивъ столь мелочною и сравнительно дешевою вещью, какъ *уголомѣръ*, нашихъ командировъ полубатарей, и *полубатарей* стали бы *вполнѣ* способны къ выполненію «простѣйшихъ», «несложныхъ», «самостоятельныхъ» огневыхъ и тактическихъ боевыхъ задачъ.

Какая простая вещь—этотъ самый уголомѣръ, а вотъ, подите-ка, только изъ-за принятія его въ полубатареяхъ, пришлось бы, пожалуй, вводить еще новую артиллерійскую единицу въ «Наставленіе» 1912 г.

Но что же тогда станетъ съ дивизионами? Увы! то же, что и теперь въ дѣйствительности, но отнюдь не то, о чемъ говорится въ § 17 «Наставленія» и что нуждается и теперь уже въ исправленіи. Дивизионъ, какъ и теперь, останется *простымъ команднымъ соединеніемъ 2—3 батарей*, могущихъ такъ же легко, какъ въ §§ 17 и 18 «Наставленія», стать какими угодно артиллерійскими единицами.

Дивизионъ въ артилеріи по существу тотъ же дивизионъ въ конницѣ, благо и именуются они одинаково. Однако, при построеніи конницею боевыхъ порядковъ, дивизионеръ-кавалеристъ, не воспитывающійся въ духѣ шаблоновъ о какихъ-то огневыхъ и тактическихъ единицахъ, становится зачастую, и безъ всякихъ разсужденій, во главѣ то трехъ, то двухъ, то четырехъ эскадроновъ. Не то въ артилеріи.... Попробуйте-ка, хотя бы даже въ силу условій мѣстности, поставить на одной позиціи 2 батареи, а на сосѣдней—4 батареи одной и той же бригады. Увѣренъ, что вы потеряете нѣсколько минутъ *золото* въ бою времени или на размышленія о выкраиваніи мѣста для «*нераздѣльнаго*» расположенія дивизионовъ, или же на разсужденія о нежелательности нарушать *существующую организацію.* Вѣдь въ § 17 «Наставленія» прямо говорится, что дивизионъ—«*тактическая единица*», дѣйствующая, въ видѣ общаго правила, «*нераздѣльно*».

Такое указаніе, по духу, противорѣчитъ даже полевому уставу

того же 1912 г. Тутъ сказано: «артилерійскія части могутъ на участкахъ располагаться раздѣльно, но для облегченія управленія огнемъ полезно дивизіоны безъ надобности не раздѣлять» (§ 446). И далѣе (§ 448) «при выборѣ позиціи для артилеріи первенствующее значеніе должно имѣть *успѣшное выполненіе ея боевыхъ задачъ*, а затѣмъ уже удобство техническихъ дѣйствій». Иначе говоря, даже вопросы о «раздѣльномъ» или «нераздѣльномъ» расположеніи какъ дивизіоновъ, такъ и батарей должны рѣшаться не по шаблону §§ 17 и 18 «Наставленія», не въ зависимости отъ весьма спорнаго еще наименованія ихъ тою или другою единицами, а *всецѣло въ зависимости отъ безконечно видоизмѣняющихся условій обстановки*.

При такихъ мысляхъ, какъ-то невольно становится грустно, что изъ-за ошибочнаго наименованія дивизіона «тактической артилерійскою единицею» мы нѣсколько *вредимъ надлежащей стрѣлковой подготовкѣ артилеріи въ мирное время*.

Оглянитесь на жизнь. Озабочиваясь почему-то «огневой» (стрѣлковой) подготовкой дивизіоновъ, мы очень и очень часто на, такъ называемыхъ, дивизіонныхъ стрѣльбахъ выпускаемъ львиную долю патроновъ изъ ежегоднаго отпуска для практическихъ занятій. Знаю такихъ командировъ батарей и полубатарей, которые *для личной практики*, какъ командировъ современныхъ и будущихъ «огневыхъ единицъ», выпустили за лѣто по 24—40 патроновъ, а для упражненій «по управленію огнемъ» дивизіона выпустили по 200—300 патроновъ. Знаю такихъ командировъ батарей и полубатарей, которые за все лѣто не имѣли ни одной спеціальной для *каждаго изъ нихъ «стрѣльбы на пораженіе»*, но которые зато, также безконтрольно, выпускали по 200—300 патроновъ во имя слаживанія какихъ-то призрачныхъ «тактическихъ единицъ». Знаю также, что почти ни одинъ изъ командировъ батарей ни разу въ жизни не упражнялся въ производствѣ стрѣльбъ разчлененными на части батареями, какъ то предусматриваетъ § 5 «правилъ стрѣльбы».

Я не говорю уже про то, что многіе и многіе изъ командировъ «огневыхъ единицъ», не достигнувъ хоть сколько-нибудь осязательнаго успѣха въ своей слабой стрѣлковой подготовкѣ, продолжали также плохо стрѣлять и на дивизіонныхъ упражненіяхъ. Я не говорю уже про то, что большинство изъ командировъ «огневыхъ единицъ» имѣютъ за лѣто самое большое только по 2—3 практики въ переносахъ огня съ одной цѣли на другую, да и то, зачастую, воспроизводятъ это крайне кропотливо, а иногда даже пошибочно.

Вспоминая все это—мнѣ становится жаль и времени, и патроновъ, удѣляемыхъ для дивизионныхъ стрѣльбъ. Особенно жаль потому, что для подготовки такихъ артилерійскихъ частей, какъ дивизионъ, бригада, артилерія корпуса — дѣло не столько въ боевыхъ патронахъ, сколько—*въ другомъ*.

Для чего, въ сущности, необходима командиру дивизиона эта масса боевыхъ патроновъ? По-моему, *только для полученія лишній, сверхъ батарейныхъ стрѣльбъ, разъ зрительныхъ пріятныхъ или непріятныхъ впечатлѣній отъ подготовки батарей* ²⁾.

И только для этого? Конечно, только для этого, такъ какъ все то, въ чемъ мы упражняемся, главнымъ образомъ, на дивизионныхъ стрѣльбахъ, все это можетъ быть продѣлано и въ достаточной, а иногда и въ большей мѣрѣ, провѣрено *безъ всякаго расхода боевыхъ патроновъ*.

Къ чему тратить боевые патроны на дивизионныя стрѣльбы, когда желательнѣе дать болѣе широкую, полезную и разнообразную практику въ стрѣльбѣ по подготовкѣ «огневыхъ единицъ»? Къ чему тратить патроны, когда для полученія и для увѣренности въ полученіи желательныхъ зрительныхъ впечатлѣній относительно разрывовъ снарядовъ, командиру дивизиона вполне достаточно только болѣе внимательно и планомѣрно руководить батарейными стрѣльбами, а также почаще заниматься въ зимнее и лѣтнее время, на планахъ и въ полѣ, слаживаніемъ команднаго состава вмѣстѣ съ командами телефонистовъ, сигнальщиковъ, ординарцевъ, развѣдчиковъ и наблюдателей.

Къ чему тратить боевые патроны, когда при условіяхъ мирнаго времени и при невозможности точно оцѣнить результаты дивизионнаго огня, гораздо полезнѣе, и во много разъ полезнѣе, обучать дивизионы маневрированію совмѣстно съ пѣхотою и конницею. Тутъ фактически и наиболѣе наглядно могутъ быть приложены всѣ справки, силы и средства по управленію дивизиономъ рука объ руку съ другими родами войскъ. Тутъ, и особенно на двухстороннихъ маневрахъ, дѣйствительно полезная практика для дивизионовъ, а отсутствіе боевыхъ патроновъ и многого еще другого, встрѣчаемаго при боевой дѣйствительности, можетъ быть вполне искуплено надлежащею организаціею маневровъ, соотвѣтственнымъ выборомъ руководителей съ посредниками и должнымъ отношеніемъ исполнителей.

Вотъ этимъ, безъ ущерба надлежащей стрѣлковой подготовкѣ

²⁾ Такія стрѣльбы носятъ иногда чисто смотровой характеръ. но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, сводить сразу по три батареи, а не повѣрять ихъ по частямъ, какъ повѣряемъ въ другихъ родахъ войскъ—отдѣльно роты и эскадроны. Смотръ же «огневой единицы» и долженъ заключаться въ повѣркѣ *только* ея стрѣльбы.

«огневыхъ единицъ», гораздо полезнѣе, нежели тратить боевые патроны, заниматься ³⁾ артилерійскимъ дивизионамъ и не имѣть *однимъ*.

Странно, что, говоря о раздѣльномъ или нераздѣльномъ расположеніи артилерійскихъ частей, наши официальные источники обратили вниманіе только на дивизионы. Говорю странно потому, что § 17 «Наставленія» самъ же опредѣляетъ нѣчто другое: *«совмѣстная и согласованная работа нѣсколькихъ дивизионовъ позволяетъ лучше использовать огневую силу артилеріи и даетъ послѣдней возможность рѣшать болѣе важныя и болѣе обширныя боевыя задачи»*.

Что же это? Неужели же мы, озабочиваясь наилучшей подготовкой себя къ бою, довольствуемся только упражненіями по управленію дивизиономъ? А лучшее использованіе огневой силы? А болѣе важныя и болѣе сложныя боевыя задачи? Неужели же мы игнорируемъ все то, что имѣетъ наибольшее боевое значеніе и представляетъ больше всего трудностей по управленію?

Увы, да. Мы манкируемъ упражненіями въ составѣ нѣсколькихъ дивизионовъ. Увы, мы, усиленно упражняясь въ управленіи дивизиономъ, упражняясь въ наиболѣе *легкомъ*, хотимъ, какъ будто, заняться импровизаціей болѣе сложнаго уже на полѣ сраженія. Тяжело въ ученіи, говорилъ Суворовъ, легко въ походѣ... Можетъ случиться и наоборотъ.

Однако, почему же мы манкируемъ этимъ? Неужели же и для этого необходимъ также отпускъ боевыхъ патроновъ? Въдѣ упражненія по управленію нѣсколькими дивизионами, какъ и однимъ дивизиономъ, заключаются только въ соотвѣтственномъ выборѣ позицій и наблюдательныхъ пунктовъ, въ умѣлой организаціи службъ развѣдки, связи, наблюденій и въ должной находчивости по отдачѣ распоряженій той или иной «огневой единицы» для направленія и веденія ея огня въ опредѣленную цѣль.

Почему же во всемъ этомъ мы упражняемся крайне рѣдко, а подчасъ и вовсе не упражняемся, даже на полигонахъ, куда для специальныхъ сборовъ собираются, *кстати*, большія массы артилеріи? Если изъ-за не отпуска боевыхъ патроновъ, то неужели они и тутъ необходимы для того же самаго, для чего только они и были нужны, при упомянутыхъ выше дивизионныхъ стрѣльбахъ?

Конечно, для того же, что постигается, повторяю, лучше маневрированіемъ съ другими родами войскъ, а не тратой боевыхъ патроновъ, цѣнныхъ, главнымъ образомъ, для обученія *«огневыхъ единицъ»* артилеріи.

В. Воронежскій.

---

³⁾ Кстати и полигонъ съ его окрестностями можетъ быть использованъ по всѣмъ направленіямъ, а не по шаблоннымъ, вполне опредѣленнымъ директрисамъ.

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ШКОЛЫ ФОРТИФИКАЦИИ.

Въ № 4 «Инженернаго Журнала» помѣщена статья «Фортификаціонныя заблужденія» г. С. Мордовина, направленная противъ новыхъ фортификаціонныхъ идей. Подробный разборъ этой статьи мною будетъ сдѣланъ въ специальной статьѣ, здѣсь же я только вкратцѣ коснусь нѣкоторыхъ изъ наиболѣе интересныхъ пунктовъ.

Обвиненія г. С. Мордовина можно сгруппировать въ четыре отдѣла:

1) Примѣры, приведенные въ «Миражѣ Русско-японской войны» онъ либо опровергаетъ, либо дѣлаетъ изъ нихъ противоположные выводы и, наконецъ, приводитъ рядъ своихъ примѣровъ.

2) Новыя фортификаціонныя идеи противорѣчатъ тактикѣ, строевому уставу и обученію войскъ.

3) Новыя фортификаціонныя идеи создаютъ, такъ называемую, «трусливую» фортификацію, гдѣ стрѣлки должны имѣть подавленный духъ и обороняться будучь не въ состояніи.

4) Новыя фортификаціонныя идеи настолько вредны, что Суворовъ, Наполеонъ и Скобелевъ ужаснулись бы, познакомившись съ ними.

Всѣ эти обвиненія тѣсно связаны съ вопросомъ о расположеніи оконовъ на наружныхъ скатахъ горъ (требованіе старой фор-

тификаціи), или на топографическомъ гребнѣ (одно изъ требованій новой фортификаціи).

Попробую дать краткое возраженіе по всѣмъ 4-мъ отдѣламъ:

І отдѣлъ. Изъ выводовъ г. С. Мордовина заслуживаютъ вниманіе слѣдующіе:

а) Какъ извѣстно, въ бою подъ Цинхеченомъ японцы, захвативши сильно укрѣпленный тактическій ключъ позиціи Бересневскую сопку, заставили насъ отступить. Г-нъ С. Мордовинъ объясняетъ, что этотъ бой былъ проигранъ не потому, что въ немъ (какъ вообще на укрѣпленныхъ позиціяхъ старой фортификаціи), вступила въ бой съ превосходными силами японцевъ, только ничтожная часть отряда (2 роты пѣхоты и 2 пулемета), остальные же войска оставались парализованными въ своихъ окопахъ на склонахъ и укрѣпленіяхъ, а потому что *«небольшіе отряды саперъ, вооруженные ручными гранатами, были направлены противъ укрѣпленія»*, имѣющаго ярусы окоповъ, заборы, проволочныя сѣти, фугасы,—словомъ, устроеннаго по всѣмъ правиламъ науки.

Если добавить къ этому, что наши саперы (еще съ сентября 1904 г.) тоже примѣняли ручныя гранаты, то старая фортификація не можетъ поблагодарить г. С. Мордовина за такую своеобразную защиту.

б) Въ бою на Гаотулинскомъ перевалѣ наши стрѣлки, по мнѣнію г. С. Мордовина, отбили ожесточенныя атаки въ упоръ отчасти и потому, что сзади нихъ былъ *отвѣсный обрывъ и имъ нельзя было отступить*. Эта мысль не новая, еще персы, китайцы и турки примѣняли такой способъ обороны, приковывая цѣпами своихъ артиллеристовъ къ пушкамъ. Но вѣдь изъ окопа на склонѣ тоже нельзя выйти наверхъ, однако, въ этомъ же эпизодѣ на Гаотулинскомъ перевалѣ японцы захватили окопъ на склонѣ безъ всякихъ затрудненій.

Относительно всего остального отдѣла, гдѣ выводы г. С. Мордовина расходятся съ мопми, можно замѣтить, что вообще бываютъ различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же бой. Такъ, на примѣръ, одинъ изъ моихъ оппонентовъ, желая доказать, что въ окопахъ на склонѣ войска не несли большихъ потерь, пишетъ: *«15-часовой артиллерійскій бой подъ Ташичао далъ въ тѣхъ же демаскированныхъ окопахъ всего нѣсколько десятковъ человѣкъ потерь въ 1-мъ и 4-мъ Сибирскихъ корпусахъ»*. (См. «Русскій Инвалидъ» № 180, 1910 г.). Участникъ же этого боя командиръ 1-го Сибирскаго корпуса генералъ Штапельбергъ доносилъ: *«Непріа-*

тель чрезвычайно сильнымъ артилерійскимъ огнемъ обстрѣливаетъ наши пѣхотные окопы. По-перь еще не имѣю, потому что окопы еще не заняты; съ занятіемъ же ихъ понесу значительныя потери, что слѣдуетъ избѣжать и пр.» (См. «Военно-Историческій Сборникъ» 1911 г., № 4 «Ташичао»).

II отдѣлъ. Для того, чтобы выяснить, почему новыя идеи противорѣчатъ тактикѣ, нужно знать, что подразумѣваетъ старая фортификація подъ этимъ словомъ. Позиція, укрѣпленная согласно «Тактикѣ», имѣетъ такую схему: представьте себѣ расположеніе боевого порядка, начиная съ дозоровъ и кончая полковыми и дивизіонными резервами. Прикажете этому боевому порядку окопаться. Дозоры выкопаютъ отдѣльные окопики, стрѣлковыя цѣпи—окопы, ротные резервы—заслоны для себя, баталіонные и полковые резервы построятъ редуты, дивизіонные резервы—тыловые узлы обороны и пр.

Это и будетъ русская схема укрѣпленія позицій, вполне согласованная съ тактикой и строевымъ уставомъ. (Споръ идетъ только о деталяхъ).

Съ началомъ боя все боевое расположеніе войскъ приходитъ въ движеніе, но такъ какъ фортификація не создала еще такихъ окоповъ, заслоновъ, редутовъ и узловъ обороны, чтобы они могли свободно передвигаться по всему полю сраженія, являясь тамъ, гдѣ они нужны по обстановкѣ боя, то приходится: либо мириться съ тѣмъ, что боевой порядокъ превращается въ какое-то парализованное состояніе, либо прибѣгнуть къ новымъ фортификаціоннымъ идеямъ. Насколько новая фортификація идетъ въ разрѣзъ съ современной тактикой, можно видѣть изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ рецензіи профессора Незнамова: «На развалинахъ фортификаціи» (см. «Извѣстія Императорской военной академіи» 1911 г., № 22). «Самыя идеи его заслуживаютъ полнаго вниманія, онѣ жизненны и продуманы» и «Идеи же заслуживаютъ, какъ я уже сказалъ выше, полнаго вниманія прежде всего за то, что въ основѣ ихъ лежитъ тактика».

III отдѣлъ. Чѣмъ вызванъ отказъ отъ окоповъ и укрѣпленій стараго типа, можно ли назвать новыя идеи «трусливыми», видно изъ копіи акта комиссіи, осмотрѣвшей одну изъ учебныхъ образцовыхъ позицій новой фортификаціи.

ПРОГРАММА

вопросовъ, на которые дала отвѣтъ комиссія по осмотру одной изъ учебныхъ горныхъ позицій.

В о п р о с ы.

О т в ѣ т ы (даны еди-
ногласно).

А. Со стороны атаки:

1) Находясь на высотахъ расположенія атакующаго, можно ли выяснить, какіе участки позицій заняты окопами, гдѣ расположены капониры, гдѣ расположены укрѣпленія, батареи и проч.

2) Можетъ ли атака найти себѣ закрытіе отъ огня съ позицій (стрѣлковаго, пулеметнаго и артилерійскаго).

3) Можно ли опредѣлить мѣста открытія огня обороняющагося и можно ли задавить этотъ огонь.

4) Можно ли помѣщать стрѣлкамъ и пулеметамъ обороняющагося непрерывно мѣнять свои мѣста въ зависимости отъ расположенія атакующаго.

1) Нѣтъ. (Комиссія производила наблюденіе съ разстоянія отъ 1.500 и ближе шаговъ. Пользовались биноклями).

2) Нѣтъ—при условіи организаціи надежнаго наблюденія со стороны обороны. Мѣры для облегченія этой организаціи на позиціи приняты. Мѣста, могущія служить для накопленія противника въ непосредственной близости къ укрѣпленію, изучены и поражаются фланговымъ шрапнельнымъ огнемъ и ночью.

3) Нѣтъ.

4) Нѣтъ. (Во время объѣзда комиссіей, позиція была занята стрѣлками, которые

вели по ней непрерывный огонь холостыми патронами. Ни одного стрѣлка комиссия до окончанія всѣхъ своихъ работъ не замѣтила).

Б. Со стороны обороны:

5) Можно ли найти на позиціи такіе участки, съ которыхъ, не сходя съ мѣста, оказалось бы возможнымъ обстрѣливать противника на всемъ протяженіи его атаки.

5) Нѣтъ.

6) Есть ли на позиціи хотя одинъ окопъ, спущенный на наружный склонъ горы

6) Нѣтъ.

7) Есть ли хоть одинъ участокъ позиціи, окопъ или капониръ, связь котораго съ остальной позиціей не обезпечена.

7) Нѣтъ.

8) Есть ли хоть одна фортификаціонная постройка, которой могъ бы воспользоваться противникъ съ выгодой для себя.

8) Нѣтъ.

9) По мѣрѣ приближенія противника обороняющійся будетъ постепенно очищать передовыя, фланговыя и проч. огневыя позиціи, всѣ ли эти позиціи обстрѣливаются сзади и выше расположенныхъ позицій.

9) Да — всѣ.

10) Можетъ ли обороняющійся во время огневой борьбы открывать огонь всѣми своими стрѣлками, не оставляя ни одной молчащей винтовки.

10) Можетъ.

11) Можетъ ли атакующій помѣшать капонирному огню пулеметовъ, обстрѣливая ихъ фронтальнымъ огнемъ.

11) Нѣтъ — не можетъ.

12) Не занявши укрѣпленія позиціи можетъ ли атака захватить позицію и ею воспользоваться.

12) Нѣтъ — не можетъ.

13) Когда противникъ сосредоточился подъ укрѣпленіемъ, можетъ ли обороняющійся въ свою очередь стянуть стрѣлковъ съ огневыхъ позицій къ укрѣпленію.

13) Можетъ.

14) Достаточно ли обеспечено укрѣпленіе отъ дневныхъ и ночныхъ атакъ съ фланга и тыла.

15) Имѣются ли въ укрѣпленіи огневые позиціи для обороны горжи.

16) Можетъ ли противникъ воспользоваться этими огневыми позиціями для отраженія контръ-атаки.

17) Внутри и около укрѣпленія имѣется ли достаточно убѣжищъ для всѣхъ стянувшихся къ нему резервовъ.

18) Есть ли внутри укрѣпленія такія мѣста, которыми могъ бы воспользоваться противникъ

19) Можетъ ли противникъ, не занявши самаго укрѣпленія, расположиться снаружи напольнаго фаса (у гребня) и обстрѣлять внутренность укрѣпленія и тылъ позицій.

20) Можно ли защищать укрѣпленіе неполнымъ числомъ стрѣлковъ, а одной третью или четвертью нормального гарнизона. (Защита только редюита).

21) Условные знаки, расположенные у всѣхъ возможныхъ огневыхъ позицій атакующаго достаточно ли обеспечиваютъ (безпрерывное) опредѣленіе точнаго разстоянія до противника.

22) Если противника на данномъ фронтѣ нѣтъ, или онъ ведетъ атаку малыми силами, можно ли оставить всю позицію безъ войскъ, чтобы нанести ударъ въ рѣшительномъ мѣстѣ боя. Словомъ, можно ли сказать, что гарнизонъ данной учебной позиціи можетъ измѣняться отъ 0 и до величины всего отряда.

14) Обеспечено — достаточно.

15) Да—имѣются.

16) Нѣтъ — не можетъ.

17) Имѣется достаточно.

18) Нѣтъ.

19) Нѣтъ — не можетъ.

20) Защищать все укрѣпленіе нельзя, но не допустить противника во внутрь укрѣпленій, впредь до подхода резервовъ, можно.

21) Обеспечиваютъ вполне.

22) Можно, такъ какъ положеніе противника, захватившаго нечаянно позицію, значительно ухудшилось послѣ произведенныхъ на ней работъ. Расходъ стрѣлковъ для производства наблюденія за противникомъ какъ до, такъ и послѣ произведенныхъ работъ на пози-

ции остается, конечно, неизмѣннымъ.

23) Для того, чтобы отобрать контръ-атакой всю позицію назадъ, достаточно ли отобрать только укрѣпленіе.

23) Достаточно.

24) Обезпечена ли вполнѣ эта контръ-атака.

24) Обезпечена.

25) Обезпечена ли возможность всѣмъ батареямъ позиціи мѣнять свои мѣста невидимо для противника.

25) Обезпечена.

26) Обезпечена ли возможность сосредоточенія войскъ обороняющагося вполнѣ невидимо для противника; обезпечена ли невозможность противнику незамѣтно перевести свои войска для отраженія контръ-атаки съ одного фронта атаки на другой. Есть ли проѣзды для батарей контръ-атаки. Словомъ, обезпечена ли возможность неожиданнаго перехода съ позиціи въ контръ-атаку.

26) Обезпечена.

27) Такъ какъ при контръ-атакѣ осматрѣнной позиціи, стрѣлки знаютъ, что захвативши какой бы то ни было окопъ или укрѣпленіе, они найдутъ для себя удобныя, укрытыя позиціи, съ которыхъ можно окончательно уничтожить противника, способствуетъ ли это «Порыву впередъ».

27) Да — способствуетъ.

28) На осматрѣнной позиціи стрѣлки ведутъ непрерывно огонь по противнику, наносятъ ему потери во всѣхъ его положеніяхъ, оставаясь сами неуязвимыми, скопившись къ укрѣпленію, открываютъ огонь въ упоръ по противнику, остановленному препятствіями, вступаютъ въ штыковой бой не цѣпью, а въ массѣ.

28) «Приподнятое — увѣренное въ побѣдѣ».

Какое у стрѣлковъ должно быть настроеніе «подавленно-трусливое» или «приподнятое-увѣренное въ побѣдѣ».

29) Ознакомившись съ горной мѣстностью, можно ли найти такой хребетъ или вершину горы, чтобы, расположивши окопъ на склонахъ, имѣть обстрѣлъ до подошвы горы.

29) Нѣтъ — нельзя. Склонъ каждой горы имѣетъ много перегибовъ, либо выпуклую

30) Сколько примѣрно ярусовъ окоповъ нужно сдѣлать для фронтальнаго обстрѣла хребта осматрѣнной позиціи.

31) На какомъ разстояніи примѣрно будутъ расположены ярусы окоповъ другъ отъ друга.

32) Возможно ли замаскировать подобные окопы.

33) Возможно ли связать эти окопы ходами сообщеній вверхъ.

34) Можетъ ли воспользоваться противникъ этими окопами, какъ закрытіемъ отъ нашего огня съ тыла.

35) Можно ли вести изъ этихъ ярусныхъ окоповъ огонь во время обстрѣливанія ихъ шрапнелью и пулеметами.

поверхность, либо и то и другое вмѣстѣ.

30) Въ связи съ положеніемъ фасовъ укрѣпленія, коммиссія осматрѣла два направленія и нашла: въ первомъ направленіи нужно добавить къ окопу на гребнѣ еще 4 яруса окоповъ на склонѣ, а во второмъ направленіи нужно добавить 7 ярусовъ окоповъ.

31) Разстояніе между ярусами отъ 40 до 110 шаговъ. Наибольшій ближній огонь въ 200 шаговъ даютъ только окопы, расположенные у гребня. (Это, конечно, частный случай).

32) Нѣтъ. Солнце даетъ тѣни, нижніе ярусы обнаруживаютъ свои заднія стѣнки.

33) Въ полевой войнѣ невозможно. (Времени для устройства этой связи потребуется больше чѣмъ на постройку всей позиціи и кромѣ того необходимо примѣнить лѣсной матеріалъ).

34) Можетъ.

35) Нѣтъ.

36) Можно ли вести по этимъ окопамъ огонь вплоть до подхода къ нимъ атакующаго на 20--30 шаговъ.

36) Можно.

37) Извѣстно ли комиссiи, что на опытной стрѣльбѣ осенью 1911 г. пулеметы съ разстоянiя 2.400 шаговъ перебили всѣ 100 головныхъ (205 пробойнъ) мишеней, обозначающихъ противника, открывшаго огонь изъ окопа на склонѣ по контръ-атакѣ, уже подшедшей къ нему на 30 шаговъ, и что ни въ одной изъ мишеней, обозначающихъ стрѣлковъ контръ-атаки, не было ни одного пораженiя.

37) Извѣстно.

38) Если окопъ или укрѣпленiе обнаружены противникомъ (будь они на склонѣ или на вершинѣ), то атака своимъ огнемъ можетъ заставить ихъ замолчать до момента удара въ штыки. Приняты ли на позицiи мѣры для отраженiя этого удара: огнемъ въ упоръ скопившихся къ этому мѣсту стрѣлковъ, искусственными препятствiями и, наконецъ, обезпеченностью контръ-атаки.

38) Мѣры приняты.

39) Ночью дальнiй огонь отсутствуетъ; обезпечиваютъ ли принятыя на позицiи мѣры возможность отраженiя ночныхъ атакъ въ упоръ.

39) Обезпечиваютъ.

40) Какiя бы мѣры на позицiи ни были приняты, возможенъ ли случайный захватъ окопа или укрѣпленiя.

40) Возможенъ.

41) Опасенъ ли этотъ случайный захватъ на осматрѣнной позицiи.

41) Нѣтъ—если послѣдуетъ немедленная контръ-атака.

42) Опасенъ ли захватъ окопа или укрѣпленiя стараго типа.

42) Опасенъ.

43) Возможно ли замаскировать укрѣпленiе стараго типа, опоясывающее вершину горы.

43) Нѣтъ—нельзя.

44) Возможно ли вести изъ этого укрѣпленiя огонь по фронту и во флангъ (съ боковыхъ фасовъ) во время его бомбардированiя.

44) Нѣтъ—нельзя.

45) Возможно ли выбить нашимъ огнемъ

45) Нѣтъ—нельзя.

съ тыла противника, ворвавшегося хотя бы случайно, въ укрѣпленіе стараго типа.

46) Извѣстно ли комиссіи, что на опытахъ осенью 1911 г. изъ 400 мишеней, обозначающихъ противника, нечаянно ворвавшегося въ укрѣпленіе, было перебито только пулеметнымъ огнемъ съ тыла (2.400—1.200 шаговъ) 65% мишеней.

47) Разъ контръ-атака укрѣпленія и окоповъ стараго типа не обезпечена, то можно ли оставлять ихъ безъ гарнизоновъ, подобно укрѣпленію и окопамъ новаго типа.

48) Требуя полной свободы въ своихъ дѣйствіяхъ (маневрированіе), можно ли допустить на осмтрѣнной позиціи хотя бы одинъ окопъ на склонѣ или укрѣпленіе стараго типа (хотя бы они и имѣли надежный обстрѣлъ).

49) Въ учебникахъ фортификаціи есть типъ окопа на гребнѣ, задняя стѣнка окопа не срѣзана на нѣтъ и даетъ позицію для стрѣльбы въ тылъ. Возможно ли допустить подобные окопы на осмтрѣнной позиціи.

50) На осмтрѣнной позиціи есть окопы на склонѣ, служащіе нормально ходами сообщенія (но могутъ оказаться пригодными для огневыхъ позицій). Съ тыла они прострѣливаются вдоль. Можно ли допустить подобные окопы на склонѣ.

51) Стрѣлки во время обстрѣливанія окопа на склонѣ сидятъ на днѣ его; тотъ обстрѣлъ, который былъ до появленія противника, исчезъ. Чувствуется приближеніе и накапливаніе противника для удара въ штыки. Помощи съ боковъ и сверху ждать нельзя. Какое у стрѣлковъ должно быть настроеніе «подавленное» или «приподнятое».

52) Не является ли требованіе невидимости позиціи и ея жизни (такъ же, какъ и появленіе закрытыхъ артилерійскихъ позицій),

46) Извѣстно.

47) Нѣтъ—нельзя.

48) Нѣтъ—нельзя.

49) Нѣтъ—нельзя.

50) Можно.

51) «Подавленное».

52) Да, является.

какъ неизбежный результатъ совершенства оружія и зрительныхъ приборовъ.

53) Осмотрѣнныя позиціи имѣютъ ли хоть одинъ окопъ или участокъ укрѣпленія профилью сильнѣе, чѣмъ окопъ для стрѣльбы стоя (безъ ступеньки).

54) Осмотрѣнная позиція имѣетъ ли хоть одинъ блиндажъ, или вообще примѣненъ ли на ней какой-либо другой матеріалъ кромѣ земли (исключая препятствія).

55) Если бы укрѣпленіе позиціи производилось подъ огнемъ противника, возможно было бы выполнить осмотрѣнную позицію.

56) Осмотрѣнная позиція давала ли бы закрытіе во всѣхъ стадіяхъ своего развитія, начиная съ самоокапыванія стрѣлковъ.

57) Если бы на позиціи были примѣнены окопы и укрѣпленія стараго типа, можно ли было бы выполнить работы подъ огнемъ противника, можно ли было позицію занимать до окончанія работъ.

58) Считаетъ ли комиссія возможнымъ, чтобы во время огневой борьбы стрѣлки обороняющагося лежали, или сидѣли бы ярусами совершенно открыто на наружныхъ скатахъ хребта.

59) Не противорѣчитъ ли требованіе «располагать войска на наружныхъ скатахъ горъ», требованію, «чтобы каждый стрѣлокъ обязательно примѣнялся къ мѣстности».

53) Нѣтъ — неимѣютъ.

54) Нѣтъ — не имѣетъ.

55) Возможно.

56) Давала бы.

57) Нѣтъ — нельзя.

58) Комиссія считаетъ, какъ правило, подобное расположеніе стрѣлковъ не допустимымъ. Въ зависимости отъ огня противника подобное расположеніе стрѣлковъ возможно, какъ исключительное явленіе.

59) Отъ cadaго стрѣлка требуется, чтобы онъ сначала позаботился объ обстрѣлѣ и потомъ о своемъ закрытіи. Чѣмъ ниже спустится стрѣлокъ по скату, тѣмъ больше онъ уменьшаетъ свой дальній обстрѣлъ, теряя

командованіе. Ближній же фронтальный огонь (согласно п. 31 сего акта) не только не увеличивается, но даже иногда уменьшается. Ухудшая свой дальній огонь, стрѣлокъ кромѣ того лишается естественнаго закрытія за гребнемъ, гдѣ онъ совершенно невидимъ и можетъ свободно передвигаться для достиженія лучшаго обстрѣла. Члены комиссіи, участники упорныхъ боевъ въ горной мѣстности (всѣ неоднократно ранены) добавляютъ, что они никогда не спускали своихъ стрѣлковъ на наружный скатъ. Окоповъ же, вырытыхъ ярусами на склонѣ, они старались совсѣмъ не занимать, такъ какъ стрѣлки, будучи въ нихъ замѣнены, несли большія потери, лишались возможности вести огонь по противнику и должны были оставаться неподвижными.

60) Расположеніе и количество войскъ обоняющагося на осмотровѣнной позиціи можетъ безпрепятственно мѣняться въ зависимости отъ обстановки каждаго момента боя. Эта особенность не уменьшаетъ ли значенія плановъ и фотографій позицій, добытыхъ воздушными развѣдчиками противника.

60) Да, уменьшаетъ.

61) Осмотрѣнная горная учебная позиція соответствуетъ ли тактическимъ указаніямъ проф. Незнамова: «Бой въ горахъ» («Извѣстія Императорской военной академіи» № 1, 1912 г.).

61) Вполнѣ соответ-
ствуетъ.

IV отдѣлъ. Защищая старую фортификацію, г. С. Мордовинъ ссылается на авторитетъ Наполеона, Суворова и Скобелева. И какъ доказательство приводитъ слова Скобелева: «Ни боевая линія, ни резервъ не должны подчиняться окопамъ». Читателямъ, ознакомившимся съ «актомъ комиссіи», должно быть ясно, что новыя позиціи удовлетворяютъ этому требованію. Но какимъ образомъ эту выдержку можно отнести къ позиціямъ старой фортификаціи, мнѣ неизвѣстно.

У насъ, въ арміи, имѣются военные авторитеты, мнѣніемъ которыхъ мы обязаны руководствоваться, даже если они не сходятся съ мнѣніемъ авторовъ учебниковъ фортификаціи.

Вотъ мнѣніе генерала Рененкамфа объ окнахъ на склонѣ. (Цитирую на память выдержки изъ одного приказа 1911 г. по 3-му корпусу). *«Окопы на переднихъ скатахъ имѣютъ такіе недостатки, что давно пора отъ нихъ отказаться». «Въ данномъ случаѣ, хотя окопы были расположены на скатахъ, все-таки обстрѣла достигнуто не было» и «Обстрѣлъ достигается искуснымъ расположеніемъ группы окоповъ».*

Вотъ мнѣніе генерала Самсонова, осмотрѣвшаго учебную позицію новаго типа: *«Нахожу идею позиціи и ея выполнение, насколько я могъ замѣтить, блестящимъ».*

Вотъ мнѣніе военного министра, осмотрѣвшаго, случайно, эту же позицію: *«Правильная мысль повлекла за собой правильное исполненіе».*

Заканчивая на этомъ свой краткій отвѣтъ г. С. Мордовину, я снова указываю:

а) Мало дать принципъ—надо умѣть проводить его въ жизнь.

б) Суть новой фортификаціи не въ томъ, что въ окнахъ на склонѣ или укрѣпленіяхъ стараго типа, войска несли большія потери, а въ томъ, что войска, занимая эти постройки, не имѣли возможности маневрировать и этимъ парализовать или самимъ наносить удары противнику.

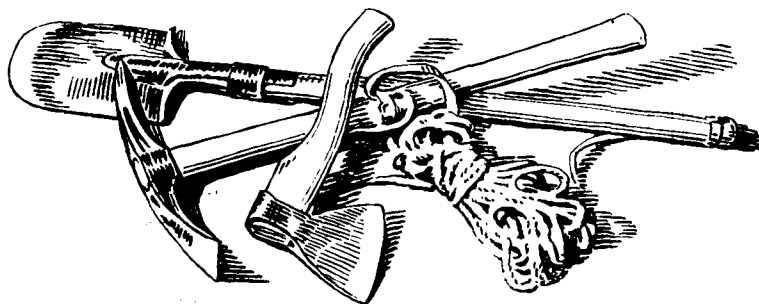
в) Если бы на протяженіи всѣхъ 100 верстъ Мукденской по-

зиціи наши войска сидѣли въ броневыхъ башняхъ, то и тогда бой былъ бы проигранъ.

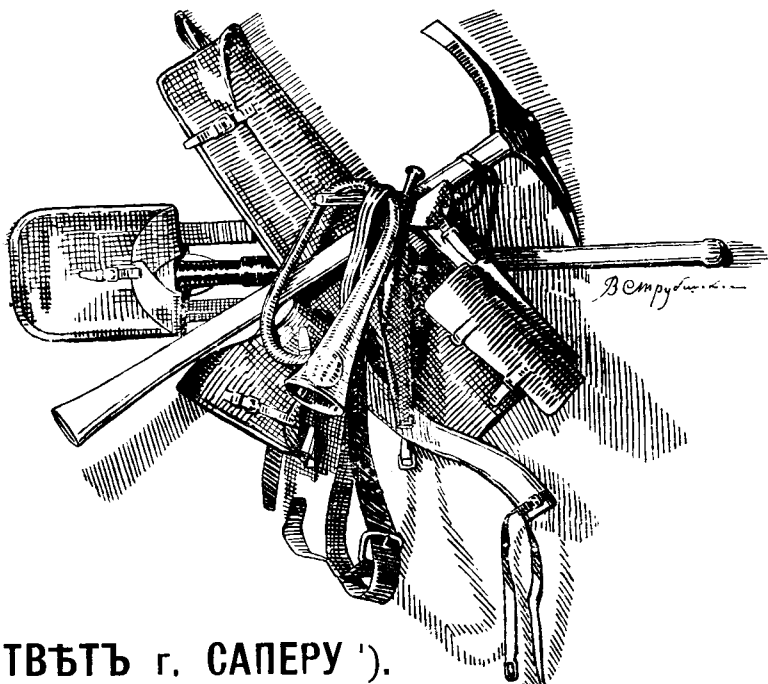
г) Мертвыя пространства для атаки являются громаднымъ подспорьемъ; научитесь отвѣчать на мертвыя пространства въ рукахъ противника подготовкой своихъ мертвыхъ пространствъ. Примѣняя же старую фортификацію, вы искусственно лишаете оборону возможности пользоваться этимъ средствомъ.

д) Эти четыре пункта и объясняютъ, почему наши войска вели ожесточенные бои на укрѣпленныхъ позиціяхъ, не поддаваясь ни шагу назадъ и, наоборотъ, при защитѣ укрѣпленій стараго типа и окоповъ на склонѣ, очищали эти постройки, чтобы затѣмъ драться на свободѣ, въ естественныхъ условіяхъ боя.

Б. М. Милѣцковъ.

Вс.

ОТВѢТЪ г. САПЕРУ ¹⁾.

Чтобъ укрѣпить позицію, надо знать тактику, имѣть здравый смыслъ и нѣкоторый навыкъ.

Въ «туманѣ фортификаціонныхъ теорій» изъ опыта послѣдней войны г. Саперъ обращаетъ свои взоры на генеральный штабъ и ждетъ отъ него, какъ отъ органа вѣдающаго вопросами тактики, яснаго, точнаго и опредѣленнаго рѣшенія съ указаніемъ, гдѣ въ этомъ туманѣ теорій ишеница, а гдѣ плевелы. Своего сужденія на этотъ предметъ г. Саперъ имѣть не желаетъ, ибо «всякъ сверчокъ—знай свой шестокъ» ²⁾.

Имѣя нѣкоторую претензію на грамотность въ военномъ смыслѣ, постараемся дать г. Саперу посильные отвѣты на вопросы, помѣщенные въ его статьѣ.

Но прежде всего напомнимъ, что фортификація не представляетъ чего-либо самостоятельнаго—это лишь прикладная наука въ тактикѣ; поэтому всѣ ея теоріи, которыя не будутъ согласованы съ требованіями тактики, должны быть, какъ плевелы, отброшены. Вотъ ключъ для разрѣшенія всѣхъ сомнѣній г. Сапера. Съ этимъ, кажется, согласенъ и онъ самъ, такъ какъ въ туманѣ фортификаціонныхъ теорій онъ ищетъ отвѣтовъ тактики, а не фортификаціи.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8, 1912 г.

²⁾ Собственное признаніе г. Сапера.

Сохраняя дословность вопросовъ, которые предлагаетъ г. Саперъ, начнемъ ихъ разборъ по порядку.

Вопросъ 1-й. Считаетъ ли тактика возможнымъ практическое созданіе узловъ обороны на перестыченной мѣстности, не говоря уже о горной?

Отвѣтъ. Да, считаетъ это возможнымъ. Тактика учитъ, что всякая оборонительная позиція дѣлится по мѣстнымъ рубежамъ на рядъ боевыхъ участковъ (узловъ обороны). Войска такихъ узловъ, въ связи съ общей задачей всего отряда, ведутъ вполне самостоятельный бой и сами устраняютъ вредное вліяніе случайностей въ предѣлахъ своего участка.

Вопросъ 2-й. Считаетъ ли тактика возможнымъ ввести въ правило «бой на короткѣ», отбивать атаки съ 20—30 шаговъ, имѣя въ 30 шагахъ передъ фронтомъ мертвья пространства въ 200—300 шаговъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, считаетъ невозможнымъ, такъ какъ смыслъ принимаемыхъ формъ боевого построенія заключается въ томъ, чтобы дать возможность пѣхотѣ съ наибольшей выгодой использовать всѣ баллистическія качества своего ружья, т. е. какъ можно лучше поражать противника не только ближнимъ огнемъ, но главнымъ образомъ на разстояніи дѣйствительнаго ружейнаго огня.

Огонь въ современномъ бою — это могущественное средство, это его основа, и пренебреженіе имъ можетъ привести къ неудачамъ и катастрофѣ.

Вопросъ 3-й. Какія формы фортификаціонныхъ укрытій тактика признаетъ «архаическими» и какія необходимыми, отвѣчающими современнымъ требованіямъ боя?

Отвѣтъ. Тактика учитъ, что боевымъ порядкомъ называется такая форма строя, въ которой пѣхота группируется для огнестрѣльнаго боя. Она же рекомендуетъ пѣхотѣ, для полного использования силы ружейнаго огня, принимать линейное расположеніе боевой части. Отсюда слѣдуетъ, что тѣ формы фортификаціонныхъ укрытій, которыя будутъ отвѣчать современнымъ тактическимъ требованіямъ веденія боя, будутъ необходимы, такъ какъ будутъ способствовать пораженію противника и укрытію своихъ войскъ.

Всѣ же прочія формы, которыя по своему начертанію не только не будутъ примѣняться къ боевому расположенію войскъ, а напротивъ, уродуя до неузнаваемости тактическій боевой порядокъ, будутъ заставлять его примѣняться къ своимъ искусственнымъ начертаніямъ, явятся не только нежелательными, но и опасно вредными.

Можетъ быть въ прежнія времена такія формы фортифика-

ціонныхъ сооруженій и имѣли какой-либо тактическій смыслъ, но теперь, съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія и съ расширеніемъ современныхъ полей сраженій, они его потеряли, отошли въ область преданій и стали достояніемъ одной лишь исторіи.

Это—архаическія формы.

Вопросъ 4-й. Какія формы фортификаціонныхъ сооруженій должны быть на фронтѣ позиціи, на тактическихъ ключахъ ея, на флангахъ и въ тылу?

Отвѣтъ. Формы фортификаціонныхъ сооруженій должны всегда и во всѣхъ мѣстахъ соответствовать боевому расположенію войскъ. Сопротивляются не фортификаціонныя сооружения, а войска. Не войска должны примѣняться къ формамъ фортификаціи, а эти послѣднія къ тактическому боевому порядку.

Въ каждомъ частномъ случаѣ расположеніе войскъ будетъ зависѣть отъ обстановки, къ чему и должны будутъ примѣняться формы фортификаціонныхъ сооруженій, при этомъ надо помнить, что не войска для нихъ, а они для войскъ.

Шаблонамъ здѣсь нѣтъ мѣста.

Вопросъ 5-й. Считаетъ ли тактика возможнымъ маневрировать на позиціи тѣми же войсками, кои ее занимаютъ и можетъ ли этотъ маневръ имѣть принципиально рѣшающее значеніе для боя?

Отвѣтъ. Нѣтъ, тактика считаетъ это невозможнымъ, такъ какъ она не рекомендуетъ предлагать на рѣшеніе однимъ и тѣмъ же войскамъ сразу нѣсколько вопросовъ. Это будетъ болѣе понятнымъ при разсмотрѣніи элементовъ, изъ которыхъ состоитъ всякій боевой порядокъ.

Извѣстно, что боевой порядокъ отдѣльно дѣйствующаго отряда, при занятіи имъ позиціи, будетъ состоять изъ боевыхъ участковъ, маневреннаго резерва, резерва старшаго начальника и частей для наблюденія за флангами.

Каждый боевой участокъ будетъ имѣть боевую (стрѣлковую) часть и участковый (частный) резервъ. Первая занимаетъ огневую линію и ведетъ бой на фронтѣ позиціи, истощая тѣмъ силы противника, а второй—усиливаетъ оборону въ угрожаемыхъ пунктахъ и гдѣ только возможно своими активными дѣйствіями парализуетъ усилія атакующаго, но въ предѣлахъ своего участка.

Маневренный резервъ (ударное крыло)—это подвижной боевой участокъ, служащій для нанесенія рѣшительнаго удара противнику, преимущественно на одинъ изъ его фланговъ.

Резервъ старшаго начальника (общій резервъ) служитъ для управленія боемъ и отраженія случайностей на протяженіи всей

позиціи. Его маневрированіе придаетъ оборонѣ силу и упругость.

Наконецъ, части для наблюденія за флангами служатъ для предупрежденія о непріятельскихъ дѣйствіяхъ.

Всѣ перечисленныя здѣсь активныя и пассивныя части боевого порядка несутъ въ общемъ боевомъ расположеніи отряда строго опредѣленныя обязанности, и навязываніе какой-либо изъ нихъ несвойственной ей роли влечетъ нарушеніе гармоніи всего боевого порядка и даже можетъ угрожать его цѣлости.

Такъ, маневрированіе боевой части вдоль фронта позиціи представляетъ такую опасную операцію, которая можетъ привести весь боевой порядокъ къ разрыву и нежелательнымъ послѣдствіямъ. Такой маневръ имѣетъ рѣшающее значеніе для боя, но лишь въ отрицательномъ смыслѣ.

Вопросъ 6-й. Какая схема, отвѣчая требованіямъ тактики современнаго боя, можетъ быть реально осуществлена на мѣстности и должна быть принята къ руководству?

Отвѣтъ. О какой-либо схемѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ она приведетъ къ шаблону, котораго будутъ держаться «аки мертвой стѣны».

Въ бою войска примѣняются къ обстановкѣ, фортификаціонныя же формы должны всегда отвѣчать боевому расположенію войскъ. Такъ примѣненныя фортификаціонныя сооруженія повысятъ моральный духъ обороны и будутъ служить ей не только для укрытія отъ непріятельскаго огня, но и для лучшаго пораженія противника. Опыты войнъ показали, что хорошо укрытый стрѣлокъ гораздо мѣтче стрѣляетъ, чѣмъ открытый.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ подчеркнуть напрасную иронию г. Сапера по поводу замѣны подлаго слова «оборона» выраженіемъ «выжидательный бой». Эта замѣна имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ «правильно называть — правильно понимать».

Подлая оборона давала представленіе о пассивномъ сопротивленіи, о парированіи лишь ударовъ противника и о полномъ подчиненіи его волѣ, что рано или поздно приводило къ пораженію.

Выжидательный же бой ставилъ конечною цѣлью захватъ у противника почина дѣйствій и нанесенія ему встрѣчнаго рѣшительнаго удара, переходомъ въ благопріятную минуту возможно большимъ числомъ войскъ въ наступленіе.

Какъ видно, разныя понятія ставятъ разныя цѣли: одниъ приводятъ къ пораженію, а другія — къ побѣдѣ.

М. Трузевичъ-Нечай.

ТЕЛЕГРАФЪ ИЛИ ТЕЛЕФОНЪ?

Всего только 25 лѣтъ тому назадъ извѣстный тогда преподаватель физики К. Д. Краевичъ, объясняя идею телефона, тутъ же добавлялъ, что эта интересная игрушка врядъ ли можетъ получить какое-либо практическое значеніе и въ то время никто и не предполагалъ, что телефонъ получить такое широкое примѣненіе даже въ арміи и что возможно будетъ разговаривать на 1.000 и болѣе верстъ.

Въ то время въ арміи *единственнымъ* быстрымъ способомъ передачи на значительное разстояніе тѣхъ или другихъ распоряженій служилъ военно-полевой телеграфъ, дѣйствовавшій въ широкихъ размѣрахъ въ войну 1877—78 гг.

Прежніе «телеграфные парки» были расформированы и обращены затѣмъ въ нынѣ существующія военно-телеграфныя роты, входящія въ составъ саперныхъ баталіоновъ.

Послѣ войны 1904—5 гг., спустя лѣтъ пять, всѣ входящія въ составъ армейскаго корпуса войсковыя части были снабжены необходимымъ телефоннымъ имуществомъ, для обслуживанія котораго въ полкахъ сформированы особыя телефонныя команды съ офицеромъ во главѣ.

Согласно Пр. В. В. 1910 года № 538 въ пѣхотныхъ частяхъ корпуса положено содержать:

8 пѣхотн. полковъ . . .	80	верстъ	провода,	16	двуколокъ,	16	лошадей.
2 штаба дивизіи . . .	38	"	"	4	"	4	"
1 штабъ корпуса . . .	15	"	"	2	"	2	"
<hr/>							
Всего . . .	133	версты	провода,	22	двуколки,	22	лошади,

что даетъ на 10 верстъ провода < 0,2 двуколки и < 0,2 лошадей (кроме того, въ саперныхъ ротахъ, въ полевомъ инженерномъ паркѣ и въ телеграфной ротѣ всего имѣется 74 версты *телефоннаго* провода съ аппаратами, а также вся артиллерія имѣетъ свой телефонъ, но я не буду этого принимать во вниманіе).

Согласно Пр. В. В. 1908 г. № 588 ¹⁾ въ саперномъ баталіонѣ положено содержать телеграфнаго провода, повозокъ и лошадей:

телеграфная рота . . .	85	верстъ,	74	повозки,	149	лошадей
однѣхъ инженерныхъ . . .			58	повозокъ,	108	лошадей,

что даетъ на 10 верстъ:

въ первомъ случаѣ	0,85	повозки,	1,75	лошади.
во второмъ случаѣ	0,60	"	1,2	"

Такимъ образомъ, принятый въ арміи *военный* проволочный *телеграфъ* по сравненію съ военнымъ полевымъ *телефономъ* на однѣ и тѣ же 10 верстъ провода требуютъ:

въ первомъ случаѣ:

$$\text{въ } \frac{0,85}{0,2} = \text{въ 4 раза болѣе повозокъ } ^2) \text{ и}$$

$$\text{въ } \frac{1,75}{0,2} = \text{въ 8 разъ болѣе лошадей;}$$

во второмъ случаѣ (если не принимать интендантскій обозъ):

$$\text{въ } \frac{0,6}{0,2} = \text{въ 3 раза болѣе повозокъ и}$$

$$\text{въ } \frac{1,2}{0,2} = \text{въ 6 разъ болѣе лошадей.}$$

Такой отрицательный результатъ получается потому, что полки возятъ съ собой лишь *безусловно необходимое* для установленія телефоннаго сообщенія: аппараты съ батареями, катушки съ проводами, коммутаторъ и кое-какой инструментъ, между тѣмъ какъ

¹⁾ Послѣ реформы въ телеграфныхъ ротахъ штаты измѣнены и количество телеграфнаго имущества и число кабельныхъ отдѣленій увеличено.

²⁾ Эти цифры вѣрны для троечной (старой) запряжки; при двукольномъ обозѣ цифры еще болѣе будутъ неблагоприятны для телеграфа.

телеграфная рота снабжена совершенно *ненужными на войну* (да еще въ такомъ большомъ количествѣ) добавочными техническими средствами: каждое отдѣленіе *самостоятельно* (и шестовое и кабельное) везетъ отдѣльныя мастерскія — слесарную, кузнечную, плотнично-столярную, шорную, для ковки лошадей; запасныя части къ обозу; для чистки лошадей, которыхъ, благодаря такому грузу, набирается очень много и, наконецъ, для каждаго шестового отдѣленія почти по 700 деревянныхъ шестовъ. Итого въ *одной* ротѣ (по новой организаціи) всѣхъ этихъ *мастерскихъ* имѣется *четыре комплекта* и 1.400 деревянныхъ двухъ-саженныхъ шестовъ. Если выбросить шесты, то *идеальный* проводникъ придется замѣнить *кабелемъ*, который, конечно, тяжелѣе проводника голаго.

Въ *бою* надо забыть что-либо чинить или исправлять: въ ближайшемъ тылу надо имѣть ограниченное количество запасныхъ частей для быстрой *замѣны* испорченнаго, а починки производить въ болѣе дальнемъ тылу, а не таскать всюду съ собою, допустимъ, хотя бы двухъ-пудовыя наковальни, да еще въ учетверенномъ количествѣ.

Даже при такомъ «роскошно-грузномъ» снабженіи указанныя мастерскія лишь при счастливыхъ условіяхъ могутъ оказаться полезными: каждый предметъ, а слѣдовательно и двуколка, скажемъ, хоть со слесарнымъ инструментомъ, можетъ пребывать въ какомъ-нибудь *одномъ мѣстѣ*, напримѣръ, на конечной телеграфной станціи; порча же произошла, допустимъ, на другой станціи, отстоящей отъ первой при полной длинѣ — въ шестовомъ отдѣленіи на 25 верстѣ, а въ кабельномъ даже болѣе 30 верстѣ. Гдѣ же тутъ исправлять что-либо?

Мало и этого. По сравненію съ имуществомъ телефоннымъ телеграфное имущество (даже кабельныхъ отдѣленій, не требующихъ для прокладки изолированнаго провода добавочнаго груза въ видѣ деревянныхъ шестовъ и изоляторовъ), несравнимо тяжелѣе, а потому обозъ гораздо больше и грузнѣе: телеграфныя аппараты, батареи, провода, — все это тяжелѣе соотвѣтственныхъ телефонныхъ, такъ какъ телеграфная передача требуетъ затраты болѣе энергіи и толще проводовъ.

Вѣдь достаточно изъять изъ имущества телеграфной роты *всю* мастерскія (включая, конечно, и шорную и ковальную) какъ обозъ уменьшится значительно, а слѣдовательно сокращается и число лошадей, для ковки которыхъ достаточно имѣть *одну* походную *кузницу* при штабѣ баталіона. Это тѣмъ болѣе возможно, что такія

же мастерскія деревяннаго и металлическаго дѣла возятся и въ каждой изъ 3-хъ саперныхъ ротъ.

Но это была бы полумѣра, хотя и полезная.

Хочется спросить: «Какая нужда имѣть въ арміи такое грузное (даже безъ мастерскихъ) сообщеніе, какъ телеграфное и не полезно ли было *вовсе* изъять его изъ категоріи военныхъ»?

Уже въ прошлую японскую войну тѣ телеграфныя роты, которыя имѣли въ достаточномъ количествѣ телефонные аппараты (1 сибирскій саперный баталіонъ и др.), при всѣхъ случаяхъ недолговременныхъ стоянокъ пользовались почти исключительно *телефоннымъ* сообщеніемъ и только на продолжительныхъ остановкахъ въ ту же линію вращивали «для порядка» телеграфные аппараты, пользуясь все-таки, главнымъ образомъ, телефономъ.

Кромѣ первенствующаго отрицательнаго свойства полевого телеграфа—малопригодности его, какъ *военнаго* телеграфа, по его *грузности* (аппаратовъ, батарей, проводовъ, шестовъ и т. д.)—качествъ положительныхъ я не вижу. Можно удивляться, почему до сихъ поръ этотъ проволочный телеграфъ въ нашей арміи сохраняется до сего времени. Не разъ и со многими военными телеграфистами приходилось говорить по этому поводу. Не буду приводить ихъ, по моему мнѣнію, второстепенныхъ, несущественныхъ доводовъ въ защиту этого телеграфа, отъ которыхъ они скоро сами отрекались, но замѣчательное дѣло, что почти всѣ они торжественно выставляли *неоцѣнимое достоинство* (?): телеграфъ составляетъ послѣ себя *документъ*!

Этимъ все сказано: если воевать не для того, чтобы принести своей родинѣ побѣду, а чтобы принести впослѣдствіи для оправданія или объясненія всѣхъ понесенныхъ *пораженій* сохраненные документы (?) въ видѣ телеграфныхъ *лентъ*—тогда, безъ сомнѣнія, это соображеніе очень важное.

Однако, зачѣмъ же обманывать другихъ: есть ли хоть малѣйшее основаніе придавать значеніе документа какой-то телеграфной лентѣ, на которой остались тѣ или другіе знаки азбуки Морзе? Документомъ служить лишь *подлинное* письменное распоряженіе начальника, подписанное имъ самимъ или лицомъ на это уполномоченнымъ.

Вѣдь если воевать, имѣя въ основѣ недовѣріе, что *телефонистъ* можетъ злостно передать депешу невѣрно, или если передастъ ее съ вредными для боя ошибками, то все это возможно и на *телеграфѣ*. Подлинная депеша говоритъ: «двигайтесь на сѣ-

веръ на д. Смѣла», а злостный *телеграфистъ* передалъ «двигайтесь на югъ на д. Труса»; что толку въ томъ, что на лентѣ остался послѣдній документъ (!), уличающій телеграфиста и что на другой или третій день отыскиали причину проигрыша боя, когда все уже было потеряно: разстрѣломъ измѣнника не вернуть прошлаго.

Выводъ тутъ можетъ быть только одинъ: къ такому важному дѣлу, какъ передача боевыхъ распоряженій, должны быть допускаемы люди чести и сыны своей родины.

Приводятъ также въ защиту телеграфа скорость передачи депешъ. Сравнительная скорость передачи депешъ телеграфомъ и телефономъ въ концѣ концовъ выразится (въ пользу перваго) на всю депешу въ размѣрѣ всего какихъ-нибудь нѣсколькихъ *секундъ*, что никакого *практическаго* значенія въ *практическомъ* дѣлѣ, конечно, не имѣетъ. Военное дѣло несравненно болѣе бы выгадало, если бы мы всѣ научились боевые распоряженія отдавать кратко и точно, а не длиннѣйшими телеграммами со всякаго рода условностями и неопредѣленностями.

Упускаютъ также при телефонномъ сообщеніи неоцѣнимое его качество, что вы по тембру голоса, ранѣе передачи важнаго распоряженія, можете сами убѣдиться, съ тѣмъ ли лицомъ вы говорите.

Наконецъ и при телеграфномъ и при телефонномъ сообщеніи, вообще при всѣхъ письменныхъ и словесныхъ сношеніяхъ, при необходимости соблюденія секрета или тайны, можетъ быть примѣненъ шифръ, конечно, не въ той мѣрѣ, какъ это обычно у насъ примѣняется шифрованіемъ *сплошь* всей депеши, не разбирая важнаго и неважнаго, а дѣйствительно только тѣхъ немногихъ словъ, въ которыхъ заключается все дѣло. Тогда и расшифрованіе такихъ депешъ, т. е. чтеніе, не составитъ никакого затрудненія.

Нельзя не обратить вниманія и на другую сторону вопроса: сколько ежегодно тратится усилій на изученіе нижними чинами телеграфнаго дѣла. Правда, они занимаются съ похвальнымъ усердіемъ, такъ какъ очень хорошо знаютъ, что знаніе телеграфнаго дѣла дастъ имъ возможность поступить, по выходѣ въ запасъ, на службу въ правительственный телеграфъ. Этимъ самымъ, невольно наши «военно»-телеграфныя роты исполняютъ роль правительственныхъ телеграфныхъ школъ, выпускающихъ ежегодно къ новому году до одной тысячи обученныхъ телеграфистовъ.

Если бы телеграфныя роты были переформированы въ роты «телефонныя», то весь указанный трудъ упростился бы значительно: передавать и принимать телефонограммы можетъ всякій

грамотный нижній чинъ. Нужно было бы изучать одинъ телефонный аппаратъ.

Несомнѣнно, что и современный телефонъ можетъ быть значительно улучшенъ за счетъ утяжелѣнія всего телефоннаго имущества: толще провода, большее число элементовъ при аппаратѣ и т. п., и тогда это будетъ безотказный инструментъ.

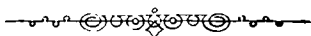
Необходимо по поводу телеграфа замѣтить еще, что, согласно «Полевому управленію войскъ въ военное время» въ составъ штаба корпуса, кромѣ полевыхъ контроля, почтовой конторы, и пр., входитъ еще корпусный (гражданскій) телеграфъ, имѣющій аппараты, провода, элементы и изоляторы. Этотъ телеграфъ устанавливается на продолжительныхъ стоянкахъ гражданскими телеграфными чиновниками при помощи наемныхъ рабочихъ. Связывается онъ съ постоянными правительственными телеграфными линіями въ тылу.

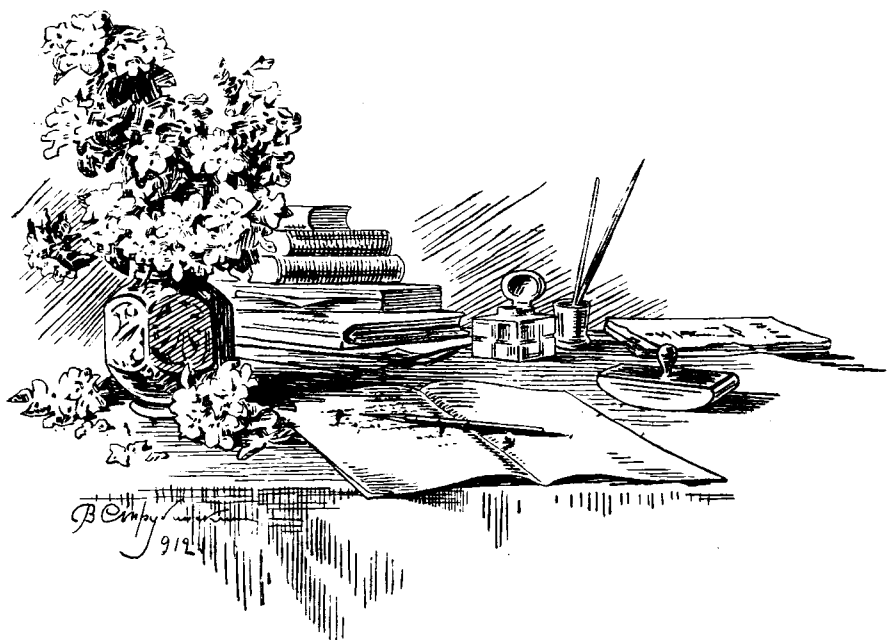
По моему мнѣнію, это также ненужная на войнѣ роскошь, особенно при обиліи въ настоящее время на всякомъ театрѣ готовыхъ правительственныхъ линій, и наличія въ арміи перевозимыхъ (подвижныхъ) станцій безпроводнаго телеграфа, дѣйствующихъ болѣе, чѣмъ на 100 верстъ каждая.

Но если признать правильнымъ, что телеграфныя роты нынѣ при развитіи телефоннаго дѣла и при наличіи въ войскахъ корпуса (пѣхота, артилерія, саперы и пр.) болѣе 250 верстъ телефоннаго провода являются совершенно *лишними* со своимъ громаднымъ телеграфнымъ обозомъ, то что же съ ними дѣлать?

Это частный вопросъ, относящійся къ разрѣшенію общей коренной реорганизаціи всѣхъ инженерныхъ войскъ; здѣсь же скажу — обратить, напримѣръ, ихъ въ искровыя роты. Инженерный обозъ послѣднихъ ничтожный. Для этого надо расформировать *слишкомъ дорого стоящія отдѣльныя искровыя роты, имѣющія полковое хозяйство при штатномъ числѣ нижнихъ чиновъ въ 150—180 человекъ!*

Ж. Исаковъ.

„ЗА“ И „ПРОТИВЪ“ ПСИХОЛОГІИ г-на Ш—А.

Относясь съ величайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ г-ну Ш—у за его плодотворные труды въ области психологін, поучаясь его изслѣдованіями въ этой области, тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ выступить противъ его двухъ послѣднихъ статей, въ особенности противъ его «За и противъ военной психології» въ № 8 «Военнаго Сборника», чтобы доказать читателямъ, да и самому г-ну Ш—у, что нѣкоторые мѣста въ этой статьѣ прямо противоположны выводамъ психології и могутъ зародить не только нежелательное, но прямо-таки опасное направленіе въ воспитаніи бойца и арміи, тѣмъ болѣе въ виду высокаго авторитета г-на Ш—а.

Авторъ доказываетъ тѣмъ, «которые, заступаясь яко бы за честь воина и заботясь также о должномъ воспитаніи будущихъ бойцовъ, увѣряютъ, что бойцы на войнѣ *не могутъ* волноваться, *не могутъ* страшиться, что *они не боятся* и не отчаиваются и т. п.».

Прежде всего здѣсь или опечатка или невольная ошибка автора: такихъ, которые увѣряли бы, что на войнѣ *не могутъ* волноваться, бояться и пр. нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ. Есть же такіе (къ нимъ принадлежу и я), которые говорятъ, что воины, въ особенности вожди *не должны* поддаваться страху, *не должны* *выказывать* волненіе, какъ принято это обозначать — распускаться,

вообще *должны* силой воли и ума дѣйствовать на свои низшія чувства; для этого и необходимо воспитаніе, т. е. развитіе силы духа, главнымъ образомъ, силы воли, а также развитіе чувствъ высшихъ и обузданіе низшихъ.

То, что тамъ написано о страхѣ, волненіи и пр. такъ противорѣчить и самому г-ну Ш—у и психологіи, что я усумнился—дѣйствительно ли это писалъ г-нъ Ш—ъ.

«Тотъ изъ бойцовъ, который *потерялъ страхъ*, тотъ на войнѣ не боится смерти... У такого воина нѣтъ страха ни передъ смертью, ни передъ людьми, ни передъ родиной, ни передъ Царемъ, ни передъ Богомъ. Развѣ намъ нуженъ такой воинъ?»

Но зачѣмъ же самъ г-нъ Ш—ъ въ концѣ статьи предлагаетъ клеймить, даже какъ будто карать трусость—одинъ изъ видовъ страха? По психологіи, страхъ есть психическое состояніе, которое испытываетъ живое существо, когда оно ожидаетъ опасность жизни; получаетъ представленіе возможнаго наступленія страданія, зла, боли. Это чувство относится къ инстинкту самосохраненія.

Отношенія же къ людямъ, къ родинѣ, къ Царю, къ Богу базируются и регулируются не чувствомъ страха, а высшимъ (возвышеннымъ) чувствомъ человѣка, а именно чувствомъ долга или совѣстью. А потому потеря въ бойцѣ страха, если бы такая потеря была возможна, обозначала бы только отсутствіе чувства, предупреждающаго живое существо о близости опасности для жизни, о близости страданія, зла, боли, несчастія, однимъ словомъ—отсутствіе чувства *самосохраненія*, причѣмъ, теряя это относящееся къ низшему психизму чувство, этимъ самымъ еще болѣе усиливалось бы высшее чувство человѣка—чувство долга или совѣсти, превращаясь изъ *самосохраненія* въ *самоотверженіе*; именно тогда и будетъ имѣть мѣсто высшій въ мірѣ героизмъ и высота чувства: нѣтъ больше сея любви, да кто душу свою положить за други своя; за ближнихъ, за родину, за Царя, за Бога своего.

И дѣйствительно, по примѣру своего Бога, легіоны хрістіанскихъ мучениковъ *теряли страхъ* смерти, пытокъ, жесточайшихъ страданій, но при этомъ не только безъ ущерба своихъ высшихъ чувствъ къ Богу, къ ближнимъ, но даже съ возвышеніемъ ихъ.

Это и понятно: страхъ имѣетъ отношеніе только къ самому себѣ и противится пользѣ общей, пользѣ ближнихъ, пользѣ Царя и родины, если только можетъ пострадать свое «я».

Такимъ образомъ, г-нъ Ш—ъ глубоко ошибается, задавая такой вопросъ: «Развѣ намъ нуженъ такой воинъ»? Да, воинъ безъ страха былъ бы идеаломъ! Недаромъ слылъ идеаломъ «рыцарь.

безъ страха и упрека» (значить отсутствіе страха было связано и съ отсутствіемъ упрека—во всѣхъ отношеніяхъ, предусмотрѣнныхъ и не предусмотрѣнныхъ г-мъ Ш—ъ).

И я, лично, совершенно отказываюсь понять выраженія у г-на Ш—а, относимыя къ бойцамъ: «спасительный страхъ», «въ этихъ чувствахъ» (бояться), «если и кроются причины нашихъ неудачъ, то въ нихъ же и залогъ нашихъ побѣдъ». Не могу себѣ никакъ представить, чтобы можно было побѣдить опасеніемъ лично для отдѣльнаго индивидуума бѣды боли, страданій, смерти! Не могу себѣ представить спасительности подобныхъ опасеній!

Значить даже полная потеря страха дала бы памъ идеальнаго бойца, котораго *«можно было бы убить, но не побѣдить»*. Но достиженіе такого идеала, т. е. потери страха въ бойцахъ, вещь невозможная, какъ невозможна полная потеря воли. Я даже не понимаю выраженія г-на Ш—а «заглушить страхъ», такъ какъ лично признаю только возможность при помощи *самообладанія* силы воли *обуздать* страхъ и, что самое важное и необходимое при воспитаніи бойца, это—научиться *не показывать наружу страха*. При высшей степени развитія силы воли, при постоянныхъ упражненіяхъ достигаютъ сравнительной легкости въ обузданіи страха, но не навсегда, а на каждый разъ особо—тоже подобно обузданію боли отвлеченіемъ всего вниманія на постоянный предметъ ¹⁾.

Въ воспитательномъ отношеніи въ высшей степени полезно ознакомленіе каждаго бойца съ фактомъ, что *каждый человекъ подверженъ страху, но герои и доблестные умѣютъ обуздать его, не выказывать*.

Вспоминаются не разъ сдѣланныя мнѣ откровенныя признанія: «видно я не рожденъ быть храбрымъ,—чувствую иногда страхъ, когда приходится идти въ бой».

— Но вы идете?

— Конечно, иду; чувствую опасность, но иду и страхъ какъ-то отходитъ; начинаешь думать обо всемъ и ни о чемъ...

— А вы знаете опредѣленіе храбрости Ксенофонтomъ: храбрый тотъ, кто знаетъ, что впереди есть опасность и все-таки идетъ на нее?

Собесѣдникъ показывалъ радостное удивленіе и сильно поощрялся сознаніемъ, что онъ можетъ быть храбрымъ, такъ какъ храбрость оказывается не только удѣломъ немногихъ—по природѣ, а

¹⁾ Вообще объ упражненіяхъ къ обузданію и преодолѣнію чувства страха предполагаю написать особо.

всѣхъ тѣхъ, кто силой воли побѣдить, преодолѣть чувство опасности, т. е. страхъ.

Затѣмъ авторъ спрашиваетъ: какая польза для военнаго дѣла отъ бойца, который не волнуется?

«Бойца, котораго не волнуютъ битвы, не волнуетъ видъ убитыхъ и раненыхъ, не будутъ волновать и интересы дѣла. Этотъ боецъ равнодушенъ къ жизни, равнодушенъ къ дѣлу; его не волнуютъ ни уколы самолюбія, ни честолюбіе, ни радости успѣха, ни горе разочарованія и неудачъ, словомъ, онъ ко всему равнодушенъ...

Бойцы не раздражаются... но что они не будутъ раздражаться, не будутъ сердиться, не будутъ озлобляться. Желательны ли намъ такіе бойцы?»

По-моему, безусловно не только боецъ, но даже мужчина не долженъ *выказывать* своихъ волненій и раздраженій. Я привелъ бы тѣ же доказательства, что и относительно страха и тотъ же самый антитезъ повышенной или распушенной чувствительности, представляющій въ то же самое время не только желательное, но даже обязательное качество для вождя и бойца, это—*самообладаніе*.

Авторъ же доказываетъ.

«Пока живетъ человѣкъ, будетъ ли онъ штатскій или военный, онъ волнуется, беспокоится, раздражается, боится, иногда отчаивается, надѣется, вѣритъ и въ заботахъ стремится къ желаемому. Словомъ, нѣтъ волненій лишь у мертваго».

Все это такъ и противъ этого никто и не думалъ возражать, какъ противъ «свойства человѣческой природы», однако, военная психологія и даже просто психологія воспитанія говорить: «человѣкъ началъ выходить изъ состоянія варварства лишь тогда, когда научился управлять собой, т. е. управлять своими наслѣдственными рефlekсами...»; военная психологія называетъ это внутренней дисциплиной.

Значить управлять собой или какъ просто выражаются—«взять себя въ руки» — необходимо бойцу и всякому мужчине. Нѣкоторые выражаются: «силой воли боецъ долженъ убить въ себѣ низшія чувства»; (опять-таки—убить эти чувства, какъ и страхъ невозможно, но *совладать* съ ними, *не выказывать наружу* — можно и должно); въ этомъ и заключается обаяніе людей съ самообладаніемъ, съ «олимпійскимъ» спокойствіемъ.

Самообладаніе и спокойствіе, какъ антитезы «волненію и раздраженію страху», воину крайне необходимы на томъ основаніи, что только при спокойствіи можно быстро и правильно рѣшать безпрестанно возникающія въ боевой обстановкѣ задачи. Воины

волнующіеся, раздражительные—чрезвычайно вредны. Да и не военные таковые—непріятны.

Волненіе и раздражительность—свойства человѣческой природы, но у людей культурныхъ, людей съ высшимъ духовнымъ развитіемъ, людей съ развитой силой воли, въ этого волненія, этой раздражительности не замѣтите и за это... лишь проникнетесь большимъ къ нимъ уваженіемъ и почтеніемъ, какъ къ болѣе сильнымъ духомъ (напримѣръ—къ англичанамъ). Зачѣмъ отстаивать волненіе и раздражительность для бойцовъ? Это—не военная психологія.

Что если бы къ г. Ш—у, какъ психиатру, прпшелъ не воинъ, а просто «мужчина» и пожаловался на то, что по «свойству человѣческой природы» и потому, что много «охваченъ жизнью», у него «много волненій, опасеній и раздраженій»?

Думаю, что самъ г. Ш—ъ посовѣтовалъ бы ему *успокоиться, перестать волноваться и раздражаться*, или же далъ бы ему успокоительнаго.

Г. Ш—ъ говорить: «Бойцы съ развитыми чувствами, но способные сдерживать эти чувства въ предѣлахъ должнаго—вотъ желательные бойцы будущаго. Наше счастье, что бойцы на войнѣ не теряютъ способности чувствовать, волноваться, раздражаться, вѣрить, надѣяться, бояться, стремиться (это вѣдь не чувство, а напряженіе воли) и т. п. Въ этихъ чувствахъ, если и кроются причины нашихъ неудачъ, то въ нихъ же и залогъ нашихъ побѣдъ...»

А на основаніи нашего величайшаго психолога—сердцевѣда Суворова, а также и Драгомирова увѣренъ, что это было бы нашимъ величайшимъ несчастьемъ. Суворовъ и Драгомировъ рекомендовали и учили бойцовъ какъ разъ обратному: «надлежитъ быть храбру, твердо, рѣшиму, настойчиву, спокойну, справедливу, благочестиву...» однимъ словомъ только акты *воли* и *высшія чувства*, какъ совѣсть (чувство долга), любовь къ Царю и отечеству и никакой «чувствительности».

Да и возможна ли «способность сдерживать развитыя чувства волненія и раздражительности? Не противорѣчить ли вторая часть цитаты первой?

Не противорѣчить ли этой статьѣ статья того же автора въ № 182 «Русскаго Инвалида»—«Вліяніе живыхъ примѣровъ на доблесть войскъ»? Гдѣ «истинный храбрецъ съ вѣчно улыбающимся лицомъ, вѣчно веселый...», будучи много разъ раненъ, не волновался, не раздражался, а шутилъ и смѣялся и именно этимъ поднималъ духъ и бодрость товарищей. А затѣмъ, полкъ оставался геройскимъ, благодаря оставшимся 30-ти героямъ, оказы-

вается не изъ-за волненій, раздраженій страха, а наоборотъ—храбрости.

Примѣчаніе. Кстати я никакъ не могу понять, почему при разсказахъ о подвигахъ этого героя съ 36-ю ранами—«они убѣждались, что люди служатъ полку (??) и значить (?) военному дѣлу не только за награды, но и по совѣсти...»

Неужели же перестали учить, что «солдаты слуга Царю и Отечеству...» и «служить Царю *въ* полку», а начали учить, что «служить полку и значить военному дѣлу»?

И вообще, почему дѣлается удареніе на полкъ, какъ будто «вліяніе живыхъ примѣровъ» возможно только по психологіи въ полку, а не во всей арміи?

Изъ дальнѣйшаго выясняется главная мысль этой статьи; мысль чрезвычайно важнаго значенія для военнаго дѣла, это—*необходимость изучить, изслѣдовать всѣ возможные положительныя и отрицательныя, но свойственныя природѣ человека проявленія его духа и на основаніи этого изученія, изслѣдованія—ознакомить, подготовить всѣхъ, кому придется быть участникомъ или сотрудникомъ, пособникомъ великаго дѣла—войны.*

И противъ этой главной мысли, какъ глубоко обоснованной и изученіемъ, и собственными наблюденіями г-на Ш—а во время войны и мира,—только не я буду возражать. Но я къ ней считалъ самымъ необходимымъ прибавить: и въ проявленіяхъ духа, какъ и въ тѣлѣ имѣются здоровыя и болѣзненныя; а потому мало одного изслѣдованія и изученія, а затѣмъ оповѣщенія о «чумѣ», «холерѣ» и др.; *необходимо еще такъ подготовить организмъ, чтобы сдѣлать его совсѣмъ не воспріимчивымъ или минимально воспріимчивымъ къ болѣзнямъ духа бойцовъ: прививкой или укрѣпленіемъ организма.* Это—задача воспитанія, и командиръ, вождь на своемъ мѣстѣ (всѣгда психологъ) не упуститъ случая научить людей—какъ совладать съ собой, главнымъ образомъ съ болѣзненными, хотя и свойственными человѣческой природѣ, проявленіями духа, какъ страхъ, волненія, безпокойство (ужасное зло въ военномъ дѣлѣ), раздраженіе и т. п.; въ особенности, чтобы никто не смѣлъ *выказывать* страха, что страшно заразительно.

А. Дмитребскій.

НА ДОНУ.

В это лѣто за довольно короткій промежутокъ времени мнѣ удалось побывать въ родныхъ краяхъ два раза. Первое мое посѣщеніе было слишкомъ кратковременно для того, чтобы поближе присмотрѣться къ станицѣ, казаку, его горю и радостямъ, а тутъ еще, какъ на зло, стояла и дурная погода—дождь лилъ, какъ изъ ведра; зато во второй разъ все благопріятствовало моимъ наблюденіямъ—пріѣздъ совпалъ со страдой лѣтнихъ работъ.

— Эхъ! нынче что-то приключилось неладное, жаловались казаки,—дожди всѣ наши лѣтніе распорядки перепутали. Вотъ теперь августъ мѣсяцъ, а мы только сѣна убираемъ. Спасибо, что кругомъ пошли машины: косимъ машиной, гребемъ машиной, остается перекопнить, да стоги скидать, а тамъ и за хлѣбъ надо браться.

— Ну, а что же теперь-то урожаи выжняютъ? спросилъ я своего содесятника по покосу.

— На низу да на полугорѣ ничего, благодареніе Богу, а на горѣ плохо.

— Плохо на горѣ, плохо! поддержалъ старый казакъ Лосевъ, задѣлывая свою обычную крученку въ палецъ толщины и намѣреваясь, очевидно, «покалякать», — на горѣ хоть бы сѣмяна взять и то

слава Богу, а на низу, мотри, десятина ячменя дасть нидовъ по полтораста.

— Ну, полтораста не у всякаго, а подъ сто наберется! поправиль Лосева другой содесятникъ.

— А можетъ подъ сто, быстро согласился старикъ,—да оно и лучше: все меньше будетъ работы, а то прямо изъ силъ выбьешься! подшутиль онъ.

— Эхъ! Левонъ Андревичъ, да что у тебя дѣтей-то нѣтъ—некому замѣнить?

— Да что дѣти! вонъ какіе работники стали: сынъ только съ полка пришелъ, ему бы одному въ пору косилку, или копны таскать, а ёнъ норовить либо быковъ водить, либо пойдеть ихъ привирачивать, да и пропадетъ. Все жалуется на службу: чижало больно. И гдѣ тамъ чажести? За службу только разбалуются! ворчалъ старикъ, высказывавшій иногда неудовольствіе по адресу сына.

— Да! добро въ полку, вставиль молодой Лось, лѣнливо потягиваясь подъ копной,—ни грестъ не надо, ни копнить, а бери себѣ готовое у фуражира и дѣлу конецъ.

— Ну, а ты бы, Левонъ Андревичъ, женилъ его скорѣй, вотъ бы и были тебѣ лишнія рабочія руки.

— Женить-то легко, а вотъ руки-то рабочія взять трудно. А коли понадетъ баба брездѣльная, такъ чего хуже! закончилъ старикъ. Снова взялся за вилы и работа пошла обычнымъ порядкомъ, а сынъ его ворочался, какъ говорятъ казаки: «какъ пенъ черезъ колоду».

— Да! мѣняется жистъ, заговорилъ черезъ нѣсколько минутъ старый Лось снова, подбивая копну вилами,—народу все прибавляется, а угодьевъ остается по-старому. Вѣдь бывало-то на етихъ самихъ мѣстахъ была вольница, а нонѣ въ дѣлежъ все пустили.

— Какъ вольница?

— Такъ! Изволите видѣть вонъ енти самыя груши? и старикъ ткнулъ вилами на громадныя вѣковыя деревья, отличающіяся своими темными листьями отъ пышныхъ веребъ, густыми зарослями покрывающихъ нашъ лугъ.

— Ну, вижу.

— А вотъ ентотъ бурьянъ-то на берегу Аксайчика видите? и старикъ снова показалъ вилами на громадную высокую заросль сорныхъ травъ, пышнымъ кустомъ разросшихся среди покоса.

— Вижу.

— А знаете откуда все это?

— Да вѣдь тутъ прежде «хуторовали» наши дѣды, отвѣтилъ я.

— Вотъ то-то и дѣло, что хуторовали. А куда все это подѣвалось? Вѣдь вотъ мы съ ихъ высокоблагородіемъ это еще помнимъ— при нашей памяти было! и старикъ обратился къ моему отцу.

— Да! какъ же не помнить? поддержалъ его отецъ; вотъ на мѣстѣ этой самой заросли стоялъ дѣдовскій флигель; къ Аксайчику лицомъ, къ переду причелкомъ, а правѣй, гдѣ трава погуще, все бизы были, а кругомъ садъ. При мнѣ-то онъ ужъ немного порѣдѣлъ, а прежде, говорятъ, садъ отличный былъ! вспоминалъ старикъ давно прошедшіе годы.

— Да какъ же не отличный, заволновался Лось,—вѣдь еще при мнѣ сколько етой груши, яблоковъ въ городъ-то отправляли, а родитель мой рассказывалъ, что при ихъ памяти съ етихъ самихъ хуторовъ помимо отправки въ городъ и вся станица кормилась. А нонѣ-то, что уцѣлѣетъ отъ проклятаго майскаго жучка, такъ дѣтвора зеленцомъ пообнесетъ. Бывало здѣсь и жили и скоть пасли. А скота-то сколько было!

— А давно отсюда переселились?

— Во время хомутовской воды ¹⁾. Стояли мы всѣ въ церкви, день былъ праздничный. Вдругъ кто-то приходитъ и говоритъ: тамъ по займищу ²⁾ вода идетъ прямо стѣною. Ну, народъ не достоялъ службы, бросились свое добро спасать. Много чего погибло, а хутора залило такъ, что съ нихъ всѣ выселились на бугоръ, гдѣ теперь наша станица и съ той поры и хуторовать перестали. Да! привольно было, просторно на Дону—сколько етой птицы разной по займищу, рыбы по рѣчкамъ да озерамъ. Прямо невпроворотъ. И запретовъ никакихъ не было, и свидѣтельствъ на охоту, а нонѣ все по-новому.

— Ну, а какъ, Леонъ Андреевичъ, новое-то хуже старого стало?

— Да какъ сказать, ваше б—іе, хуже тѣмъ, что народъ сталъ озорной—другъ друга норовятъ живьемъ поглотать, а лучше было тѣмъ, что прпвольнѣй было: вѣдь вотъ сколько по займищу грушъ

¹⁾ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ—наказный атаманъ войска Донского съ 1848—1862 г., сначала въ чинѣ генераль-лейтенанта, впоследствии генерала-отъ-кавалеріи и въ званіи генераль-адъютанта.

²⁾ Займище—заливной дугъ.

есть, все это вольные хутора были, а теперь вся земля отошла въ общество.

— Ну, а теперь на новые хутора у насъ много уходитъ изъ станицы?

— Человѣкъ семь. Самые бездомные. Ты ихъ не то, что на хутора, а хоть куда угодно посади—все ни кола, ни двора не будетъ. Вѣдь оно на хуторѣ подручный хорошему хозяину, а не голяку. Ну, а хорошему хозяину здѣсь все бросать тоже дѣло неподходящее: вся у него абселюція ³⁾ здѣсь, опять же у каждого садъ виноградный. А храмъ-то Божій?! Вѣдь тоже къ нему привыкли.

— А какъ же въ другихъ станицахъ идутъ на хутора? спросилъ я.

— Да оно, ваше б— ie, есть по всякому: кто на хутора, а кто съ хуторовъ, а вообще на хутора идутъ тѣ, у кого земли меньше, чѣмъ у мужиковъ стало, ну, а у насъ хоть и немного—около семи десятинъ на душу, такъ зато же мы не считаемъ садовъ, опять-таки займище. Гдѣ вы такое займище найдете, какъ наше Заплавское? Вѣдь вотъ мы покосъ еще не кончили, а ужъ подъ сотню копенъ сѣна накосили, а гдѣ его взять теперь-то, коли бы у насъ займища не было?

— А когда наши хуторяне выселяются?

— Богъ ихъ знаетъ! по-моему врядъ ли они и выселятся-то?

— А что?

— Да теперь ужъ многіе на попятный дворъ, а надѣсь въ правленіи сказывали, что окружной объявилъ, что тѣ, кто записался на хутора, ужъ не могли отказываться, хоша и передумалъ...

Черезъ нѣсколько дней я возвращался изъ города (Новочеркасска). Кругомъ на токахъ оживленіе: скрипятъ катки, покрикиваютъ казаки и казачки на кормильцевъ-бычковъ, мѣрнымъ шагомъ совершающихъ свой безконечный путь вокругъ высокихъ столбовъ, врытыхъ въ центрѣ токовъ, погромыхиваютъ вѣялки, пожелтымъ скошеннымъ посѣвамъ въ разныхъ направленіяхъ ползаютъ громадныя возилки съ нагруженнымъ на нихъ хлѣбомъ, свозимымъ съ загоновъ на тока для молотбы, неподалеку отъ станицы тонкій столбъ дыма высоко вздымается къ небу—это работаетъ паровая молотилка, появившаяся въ нашемъ юртѣ впервые.

³⁾ Слово «абселюція» казаки производятъ отъ корня селиться, селеніе и подразумеваютъ подъ этимъ всѣ хозяйственныя постройки и домъ.

— Ваше б—іе, а ваше б—іе! обзываетъ меня кто-то изъ-за копны хлѣба.

Оглядываюсь и вижу двухъ казаковъ нашей станицы. Одинъ изъ нихъ уже пожилой человѣкъ лѣтъ за 40, а другой мой сверстникъ по приходскому училищу.

— Что такое?

— Сдѣлайте милость подвезите до станицы.

— Ну, садитесь. Вы откуда?

— Ъздили въ городъ оформить, значить, купчую.

— Какую купчую?

— Да вотъ я продалъ свое имѣніе, потому на хутора собираюсь, заявилъ мнѣ старшій изъ казаковъ—ну, какъ водится, вспрыснули покупку и немного развезло, а нашъ подводчикъ п бросилъ насъ посреди дороги. И шли мы, и шли съ Миколоаеьмъ, ноги отшибли, легли, проспались, а теперь вотъ домой надо.

Я въ душѣ подсадовалъ на себя, что согласился подвезти гулякъ, но они, очевидно, уже успѣли проспаться, такъ какъ никакихъ признаковъ опьяненія не было замѣтно. Съ другой стороны мнѣ представлялся удобный случай поговорить съ будущими «хуторянами», такъ какъ оба казака были изъ числа записавшихся на хутора. Про старшаго изъ нихъ если и нельзя сказать, что «нѣтъ ни кола, ни двора», но у насъ въ станицѣ его хозяйство слыветъ не за завидное: кромѣ поставленной еще его отцомъ каменной хаты, полуразвалившагося сарая, да 4—5-ти грушъ вдоль плетня—больше ничего, зато слава вѣчнаго гуляки установилась за нимъ очень прочно. Младшій—сынъ зажиточнаго казака-гвардейца, большой шелопаи и скандалистъ изъ числа молодыхъ, стремящихся «на отдѣлъ», т. е., пытающихся стать на свое собственное хозяйство.

Невольно припоминая приведенную выше характеристику нашихъ будущихъ «хуторянъ», я попытался съ ними заговорить на интересующую меня тему, но ничего опредѣленнаго добиться не могъ. Старшій изъ нихъ заявилъ, что онъ просто хочетъ «попробовать» и неоднократно старался пояснить, что рѣшился на ликвидацію своего дѣла въ станицѣ съ согласія своего сына, находящагося на службѣ, а младшій пояснилъ, что онъ, быть можетъ, на хутора и не пойдетъ, а причину перемѣны своего рѣшенія тоже почему-то не могъ объяснить. Изъ бесѣды со своими спутниками я вынесъ только такое впечатлѣніе, что и на хуторахъ они принесутъ столько же пользы дѣлу, сколько и въ станицѣ. Какъ разъ въ

это время мы подъѣхали къ улицѣ, гдѣ жили будущіе «хуторяне» и я ихъ высадила, а самъ тронулся дальше, рассматривая по пути свою станицу.

Невольно я перенесся мыслями лѣтъ на 20 назадъ и постарался сравнить нашу станицу того времени съ тѣмъ, что раскинулось передъ моими глазами въ описываемый моментъ. Какъ сейчасъ передо мной стоитъ моя родная колыбель въ томъ видѣ, какъ я припоминаю ее въ годы дѣтства: бѣленькія покшившіяся на бокъ землянки съ нарощими на крышахъ вѣнками, съ полуразвалившимися крытыми камышемъ сараями и съ искривившимися на бокъ плетнями, въ дыры которыхъ пользующіеся полной свободой казачьи свиньи совершали свои опустошительные набѣги на сады и огороды. Изъ всей станицы было только 5—6 приличныхъ домовъ подъ желѣзной крышей, да и то большая часть изъ нихъ принадлежали не казакамъ: одинъ — школа, другой — станичное правленіе, а третій домъ моего отца. Все остальное носило отпечатокъ бѣдности, а ужъ скромности во всякомъ случаѣ. Прошло 20 лѣтъ и та же родная колыбель приняла иной видъ: сама станица разрослась почти вдвое, широкія правильныя улицы, чистенькіе, деревянные дома, зачастую обложенные кирпичемъ и чуть ли не на полъ станицы подъ желѣзными крышами. Плетни уже отходятъ въ область преданій, развѣ только встрѣтите ихъ у такихъ хозяевъ, какъ одинъ изъ «будущихъ хуторянъ», только что разставшихся со мной. На смѣну плетнямъ явились правильныя деревянные изгороди. Цвѣтетъ станица, цвѣтутъ частныя постройки, цвѣтутъ и общественныя: вотъ подъ бокомъ станицы дымитъ кирпичный заводъ, вонъ съ другой стороны ея высится громадная паровая мельница, на которой уже зажгли электричество, а вотъ на площади раскинулся громадный магазинъ. Хозяинъ его, жалуясь на плохія дѣла, все-таки не остановился передъ расширеніемъ въ этомъ году своей постройки вдвое и это только послѣ 10 лѣтъ торговли; вотъ громадное зданіе станичной школы, выстроенной подъ кирпичъ, а вотъ и громадный вѣковой храмъ, выросшій чуть ни вдвое на моихъ глазахъ.

Смотришь на все это, вспоминаешь недавнее прошлое, сравниваешь его съ настоящимъ, припоминаешь вѣчный плачъ мѣстной и столичной прессы на тему объѣднѣнія Дона и невольно останавливаешься надъ вопросомъ: ужъ точно ли такъ объѣднѣлъ Донъ, какъ объ этомъ кричать? Что же тогда за причина: кричать, что

Донъ бѣднѣеть, а наша и сосѣднія съ нею станицы цвѣтутъ не по днямъ, а по часамъ. Прежде о машинахъ только разговаривали, а теперь, не говоря уже о травокоскахъ, лобогрѣйкахъ, грабляхъ, вѣялкахъ, коихъ въ станицѣ сколько хочешь, появилась паровая молотилка, а слѣдомъ за ней простой рядовой казакъ заводитъ конную молотилку за 850 рублей. Прежде ѣздили наши казаки на скрипучихъ прадѣдовскихъ возахъ на деревянномъ ходу, а теперь, не говоря уже о желѣзныхъ осяхъ, появились и рессоры. А взгляните на то, какъ народъ одѣвается? Куда подѣвались скромныя женскія «кубилеки», куда пропали замѣнившія ихъ ситцевыя «кирасы»? Было время — да прошло. Теперь посмотришь на бабъ и дѣвокъ въ праздникъ — и шелкъ не диковинка, а всякій маломальски приличный казакъ блеститъ на солнцѣ своими лакированными сапогами и щеголяетъ дорогими «тройками» или отличными диагоналевыми шароварами и касторовыми мундирами. А взгляните осенью на сезонъ станичныхъ свадебъ. Разливанное море: купить на свадьбу на 50 рублей вина и водки это уже и не такъ страшно для зажиточныхъ сватовъ.

— Что же ты, Иванъ Петровичъ, дочку замужъ не выдаешь? спросилъ я какъ-то своего родственника казака.

— Да сватали прошлымъ годомъ, а немного деньжатъ не хватило, а абы какъ отдавать не хотѣлось.

— А сколько надо на то, чтобы справить дѣвку?

— По хорошему справить, меньше трехсотъ не уберешь, а то и всѣ пятьсотъ. Теперь не тѣ времена стали: вонъ я свою жену взялъ съ сундукомъ ситца да съ парой подушекъ, а нонѣ шелки пошли, кашемиры, кровати желѣзныя, самовары, перины, зеркала да моды...

И нравъ, тысячу разъ правъ мой собесѣдникъ: тѣ, кто знаетъ станицу не по наслышкѣ, не по рассказамъ и литературѣ, да еще литературѣ только «ноющей» о томъ, что «казачество обѣднѣло», «казачество стонетъ подъ тягостью службы», тѣ никогда не могутъ согласиться съ искренностью этихъ крокодильихъ слезъ. И я за время 20-лѣтнихъ наблюденій казачьей жизни, казачьяго быта въ батареѣ и станицѣ вынесъ иное заключеніе: не скажу про Донъ, что онъ бѣднѣеть, когда на моихъ глазахъ богатѣютъ *дѣльные, хозяйственные* казаки, когда на казачьихъ земляхъ наживаются пришельцы иногородніе. Вѣдь привлекаетъ же что-то ихъ на Донъ, если по даннымъ переписи 1897 г. на 1.000 человекъ

населенія области войска Донского (изъ 2.564.238 душъ) приходится 476,9 крестьянъ и 95,7 мѣщанъ, а «войсковыхъ казаковъ» только 400,4. Вѣдь эти цифры краснорѣчиво говорятъ, что врядъ ли жалобы на обѣднѣніе Дона справедливы — «отъ нужды нужды не ищутъ». Въ подтвержденіе моихъ доводовъ могу добавить: нашъ (Черкасскій) округъ въ смыслѣ пресыщенія его иногороднимъ элементомъ одинъ изъ тѣхъ 4-хъ округовъ (Донецкій, Черкасскій, Ростовскій, Таганрогскій), въ которыхъ сосредоточено $\frac{4}{5}$ всѣхъ крестьянъ, населяющихъ область. Слѣдовательно набивающіеся на Донъ иногородніе, вѣроятно, вопреки жалобъ на обѣднѣніе Дона, продолжаютъ богатѣть именно въ тѣхъ краяхъ, о которыхъ пишу и я въ своихъ замѣткахъ, подчеркивая, что на мой взглядъ *не обѣднѣли наши края, а наоборотъ—обогащаются...*

Да у насъ еще казачье богатство не такъ замѣтно, какъ это мнѣ пришлось наблюдать въ Задоньи, о которомъ можно было бы сказать еще больше, чѣмъ о нашихъ причеркасскихъ краяхъ.

Въ эту поѣздку ѣду какъ-то по Задонью. Между сѣдоками одной изъ типичныхъ задонскихъ бричекъ, то и дѣло попадавшихся намъ навстрѣчу, узнаю казака своего взвода, сослуживца по Маньчжуріи. Вижу—обросъ бородой; я, видно, тоже измѣнился за 7 лѣтъ разлуки, но другъ друга узнали. Останавливаюсь и подзываю къ себѣ. Не скрою, пріятно было встрѣтить стараго сослуживца, хотя во взводѣ-то онъ былъ не пзъ лучшихъ—любилъ переброситься въ картишки. Пулей сорвался бородачъ со своего высокаго экипажа, какъ 7 лѣтъ назадъ такой-же пулей срывался со своего рыжого меренка (нынѣ запряженнаго въ парную бричку) по командѣ «съ передковъ» и стремглавъ летѣлъ къ хоботу орудія. Застегнулъ свою тужурку на всѣ пуговицы, поправилъ заломленную на бекрень артилерійскую фуражку, подходитъ. Ну, какъ водится, расцѣловались и заговорили о житьѣ-бытьѣ, о хозяйствѣ. Отвѣчалъ, отвѣчалъ мой бородачъ, смотрю слезы крупными каплями покатились изъ глазъ и слова не выговорить.

— Ты чего же плачешь, Касьяновъ?

— Да какъ же не плакать, ваше б—іе, вѣдь за семь-то лѣтъ сколько разъ вспоминалъ, думалъ, что не придется увидѣться и услышать о родной батарее, а вотъ привелъ же Господь...

Извиняюсь передъ читателемъ, что невольно уклонился отъ темы, но привелъ эти небольшія подробности лишь для того, чтобы попутно подчеркнуть, что все-таки не всѣ еще казаки забываютъ

родные полки и батареи. Видно служба не для всѣхъ злая мачеха...

Ну, а теперь возвращаюсь къ дѣлу.

— Ты гдѣ же живешь? спрашиваю казака.

— На хуторѣ Платовомъ Бочаевской станицы.

— Помню. А куда ѣдешь?

— Въ станицу.

— Зачѣмъ?

— Да облюбовалъ тамъ мѣстечко—хочу купить и переходить.

— Ты что же это—люди на хутора изъ станицъ ѣдутъ, а ты въ станицу.

— Плохо стало, ваше б—іе.

— А что?

— Да годъ цѣльный прокрутишься, а коли за это время останутся тамъ какіе-нибудь рублей сто, только и нашего.

Долженъ замѣтить, что эти «какіе-нибудь рублей сто» были произнесены такимъ тономъ, что и я, и мой спутникъ товарищ-офицеръ долго потомъ разговаривали на эту тему—видно было, что для нашего собесѣдника эти сто рублей были не деньги; каждый изъ насъ съ большимъ почтеніемъ относится къ этой суммѣ, которой за годъ изъ жалованья не останется.

— Ну, а что же ты тамъ хочешь дѣлать?

— А буду заниматься тѣмъ же чѣмъ и тамъ, а окромя этого можно на свободѣ и другимъ чѣмъ позаняться. Ну, къ примѣру, торговымъ дѣломъ.

— Сколько же съ тебя просятъ за мѣсто?

— Немного дороговато, ваше б—іе, 2¹/₂ тысячи съ постройками.

— А ты сколько же могъ бы дать?

— Да 1.700 далъ бы.

Эта цифра опять была произнесена совершенно спокойно, будто разговоръ шелъ не о тысячахъ, а о копейкахъ.

Что же это опять результаты обѣднѣнія Дона, когда первый встрѣтившійся казакъ, да и казакъ не изъ зажиточныхъ во взводѣ, ворочаетъ такими деньгами?

— Ну, а какъ за войну твое хозяйство не разстроилось? спросилъ я своего собесѣдника.

— Никакъ нѣтъ, ваше б—іе, даже кой что поддержалъ за это время.

— Какъ же это такъ? удивился я.

— А у насъ общество давало ушедшимъ на войну по 10 десятинъ лишнихъ земли на выработку—вотъ, значить, два года за время войны земля у меня побыла, потомъ я по приходѣ попросилъ еще на годъ оставить—оставили. Ну, и слава Богу, кой-что осталось.

Поговорили еще и распрощались...

А вотъ передо мной три письма другихъ моихъ сослуживцевъ-казаковъ по батарее. Вотъ что они пишутъ о хозяйствѣ ⁴⁾:

1) «Пропишу я Вамъ про свое житье; домашніи обстоятельства мои по какой часъ четыре пары воловъ, пара лошадей. У меня жена да трое дѣтей старшій мой сынъ 12 л. находится въ приходскомъ училищѣ въ третьемъ отдѣленіи, учится пока молодцомъ съ похвальными листами переходилъ съ перваго и втораго отдѣленій. Домашніе и семейное обстоятельства пока неплохое, жить еще можно...» Урядникъ В. А.

2) «Разкажу про свое житье. Все время я занимаюсь хозяйствомъ, т. е. хлѣбопашествомъ. Веду хозяйство уледотворительно. Весна была холодная, сады морозы побили, хлѣба пока еще хорошіе, разливъ воды былъ хорошъ, рыбы мало...» Урядникъ П. В.

3) «Семейство мое состоитъ изъ меня и жены Маріи Оетисевны и дочери Вассы Емельяновны. За нуждой въ люди не ходимъ, своей сколько хочешь. Какъ говорится слава казачья, но житье собачья, а затѣмъ земли у насъ плохія, года неурожайные, житье плохо. Если бы и Вы, Ваше Б—іе В. В., нашли бы съ своей стороны мѣстечко мнѣ хотя бы руб. на 25 въ мѣсяцъ я могъ бы служить. А все-таки мы храбрые Донцы духомъ не падаемъ... А засимъ по написаніи сего письма остаюсь живъ и здоровъ известный Вамъ слуга и храбрый воинъ бомбардиръ Е. Ч.»

Я умышленно сдѣлалъ характерныя выдержки изъ всѣхъ трехъ писемъ, полученныхъ мною. О первыхъ двухъ говорить не буду, остановлюсь на послѣднемъ. Въ немъ если и проглядываетъ противорѣчіе высказаннымъ мною взглядамъ, то читатель, я думаю, видитъ по духу взятой изъ письма выдержки, что автора его «храбраго воина» на какую землю не посади, въ какой хуторъ или станицу не загони, все равно толку не будетъ никакого: вѣчно у него будутъ «неурожай и плохіе года», а рядомъ болѣе хозяйственные и положительные сосѣди будутъ говорить въ это же самое время:

---

⁴⁾ Орфографія сохраняется по подлинникамъ.

«домашніе и семейные обстоятельства пока неплохіе, жить еще можно» или еще скромнѣе «веду хозяйство уледотворительно».

А что плохо на Дону стало, такъ это дѣйствительно: сердолюбивыя маменьки нѣютъ о тяжести службы, стало появляться по станицамъ много любителей увильнуть отъ нея, на службу казаки справляются не всегда аккуратно, сильно трясутъ для этой надобности станичную кассу, двери которой, къ слову сказать, открыты очень широко. Правда, это дѣлается заимообразно, но странно то, что прежде, когда по моимъ наблюденіямъ Донъ былъ бѣднѣе, шероховатостей въ этомъ отношеніи было меньше. Еще болѣе страннымъ становится все это, когда, прислушиваясь къ разговорамъ старыхъ казаковъ, къ ихъ воспоминаніямъ о былыхъ, да еще боевыхъ дняхъ, изъ этихъ разсказовъ выносишь впечатлѣніе, что не такъ смотреть на службу отслужившій элементъ Дона, какъ рисуетъ ее себѣ современная молодежь.

Въ эту же поѣздку собрались мы какъ-то на рыбную ловлю. Закупили сѣтку для постройки бредня и отправляемся къ старому рыболову Лисицѣ. Увидѣлъ хромой, изуродованный «скверной болѣзнью» служака сѣтку—куда и недомоганіе дѣвалось: быстро и весело «зашкандыбалъ» онъ плохо служащими ему ногами въ садъ къ рѣкѣ, закипѣла работа, а между дѣломъ полились разговоры и, конечно, на военные темы. Вспоминаетъ полуглухой и полуслѣпой дѣдъ походы, вспоминаетъ свое бывшее начальство и какъ онъ любовно отзывался о тѣхъ, кои заслужили хорошую память на бранномъ полѣ, сколько души, сколько восторга въ этихъ воспоминаніяхъ!

— Командовалъ нами Яковъ Петровичъ Баклановъ. Славный былъ начальникъ, царство ему небесное. Стрѣлокъ былъ замѣчательный: бывало ѣдемъ по линіи, а черкесы ему у слѣдъ кричать «Бокмо, Бокмо!» ѣдемъ молча, а потомъ опостылѣетъ ему слушать черкесскую брехню, возьметъ у кого-нибудь винтовку и говорить: «А ну ка черкесская рожа! Я покажу тебѣ, какъ дразниться!» и заразъ ссадитъ его на землю. Промаховъ не давалъ. А въ дѣлѣ за-всегда бывало впереди всѣхъ. Въ сорокъ шестомъ году принялъ онъ нашъ полкъ, ну и пошла жисть иная: никому казаковъ не довѣрялъ и изъ строя не выпускалъ. Бывало въ дѣло итить—тишина, порядокъ, потому строй, а какъ на отдыхъ скомандуютъ ему «смирно», замахаешь руками—не надо молъ, пущай отдыхаютъ. Дюже сердечный и храбрый былъ человекъ—съ такимъ и служи-

лось хорошо, а теперь есть чѣмъ и вспомнить службу-то. А нонѣ наши кужата все службы пугаются, а развѣ она ужъ такая чи-жолая? Сытъ самъ, сытъ конь, жалованье идетъ, а намъ всѣмъ етимъ надо было самимъ промышлять...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора приходитъ ко мнѣ мать одного изъ казаковъ гвардейцевъ, находящагося на службѣ, съ просьбой передать сыну посылку.

— Ты что же ему пошлешь?

— А что вы возьмете?

— Давай, что хочешь, лишь бы не было громоздко да чтобы прилично было все запаковано и зашито.

Отправилась казачка домой, а въ день отъѣзда приносить ящичекъ съ разными станичными лакомствами и мѣшочекъ съ сухарями. Вмѣстѣ съ нею пришла и молодайка, жена служиваго. Начались причитанія бабъ о своемъ болѣзньемъ служивомъ и гаданье — «какъ-то ему тамъ живется?»

— А вы думаете, какъ ему живется?

— А кто же его знаетъ!

— Вѣдь онъ кончилъ учебную команду?

— Кончилъ?

— Ну, вотъ то-то. Смотри на сверхсрочную останется?

— Ну, не дай Богъ! Что же ему дома хуже что ли?

— Да, видно, на службѣ тоже не плохо, когда на сверхсрочную охотниковъ сколько хочешь. Вѣдь тутъ пойди весь день съ утра до вечера быкамъ хвосты крути, какъ говорятъ у насъ на Дону, а тамъ-то уряднику и лошадей почистять и подадутъ осѣдланную.

— А, може, и такъ? смотреть на меня недоувѣрчиво чадолюбивая мать.

— Повѣрь, что такъ.

Бабы успокаиваются.

Черезъ три дня я разговаривалъ со служивымъ, вызваннымъ мною по телефону для полученія поклоновъ и посылокъ. Пошли разспросы о семьѣ, о хозяйствѣ, объ урожаяхъ, а закончились всѣ разговоры высказанными служивымъ предположеніями остаться на сверхсрочную.

— Да вѣдь мать же говорила, что Боже упаси! передаю я.

— А они тамъ Богъ вѣсть, что думаетъ, а по мнѣ служи, сколько хочешь. Исправно служишь и начальство цѣнить. Жало-

ванье нонѣ хорошее. Чего не служить? Вотъ только родители не захотятъ.

— Ну, а какъ же быть?

— Да придется остаться самовольно.

Вспомнилъ я причитанія жены и матери, сопоставилъ съ намѣреніями ихъ сына, вспомнилъ рассказы дѣда Лисицы и стараго Лося, вспомнилъ трудовой день въ станицѣ и понятны мнѣ желанія молодого казака и его родителей.

— Добро въ полку, тамъ ни косить, ни грестъ не надо, а бери себѣ готовое у фуражира и дѣлу конецъ! промелькнули у меня въ памяти слова молодого казака Лосева, высказанныя имъ на покосѣ.

Банунъ воскресенья. Съ поля тянутся возы и дроги къ станицѣ, гдѣ уже раздается звонъ къ вечернѣ. Наша лошаденка тщательно тащитъ дроги по крутому песчаному берегу р. Аксая. Мы ѣдемъ компаніей на рыбную ловлю на ночь. Встрѣчающіеся казаки высказываютъ пожеланія удачи лаконичными возгласами: «часть добрый!» Разговоръ у насъ идетъ о томъ, какъ удачно лавливали мы рыбу въ предыдущіе годы, и всѣ желанія сводятся къ тому, чтобы не возвратиться домой съ пустыми руками.

Удушливая дневная жара смѣнилась пріятной прохладой лѣтнаго вечера, приобретающаго особенную мягкую свѣжесть въ обширномъ красивомъ лугу, мѣстами испещренномъ громадными стогами и частыми копнами сѣна, мѣстами живописно убранномъ пышными порослями камышей, душистыхъ сочныхъ травъ и веселыхъ, привѣтливыхъ зеленыхъ, какъ изумрудъ, вербъ. Быстрые южныя сумерки окутываютъ даль, а лошаденка старательно плетется туда въ темноту по хорошо извѣстной и ей и намъ луговой дорожкѣ. Слышавшіеся до наступленія сумерекъ ружейные выстрѣлы казаковъ-охотниковъ, разбредшихся послѣ тяжелаго трудового дня по озерамъ, мало-по-малу стихаютъ. Верстахъ въ 17-ти вправо отъ дороги на громадной горѣ видны огоньки Новочеркасска, а еще дальше и немного лѣвѣе видно зарево электрическаго освѣщенія шумнаго и суетливаго Ростова; впереди виденъ яркій огонь маячнаго фонаря на Дону, откуда слышны заунывные свистки пароходовъ, далеко разносящіеся по испещренному безконечными рѣчками и озерами лугу. А вотъ и конечный пунктъ нашей поѣздки илистая, съ крутыми, поросшими осокой и тальникомъ берегами рѣчка Бакланцы. Выпрягши лошадь, облачившись въ свои рыбацкіе «забродскіе» костюмы, мы тихо вошли въ воду и,

разбросивъ бредень, медленно побрели вдоль берега. Тишина изрѣдка нарушается вслескомъ рыбы да шуршаніемъ бредня о нависшія надъ водой вѣтки тальника. По временамъ до насъ доносится несогласованный звонъ часовъ изъ трехъ ближайшихъ станицъ; не взирая на взаимную близость, каждая изъ нихъ ведетъ свой учетъ времени съ разницей до получаса. На самомъ крутомъ берегу Бакланцовъ стоитъ шалашъ сторожа, слѣдящаго, чтобы казаки не ловили рыбы недозволенными снастями. Иногда исполнительность этихъ служакъ выходитъ изъ предѣловъ законности, такъ какъ они пытаются запрещать ловъ рыбы даже и такой узаконенной снастью, какъ бредень.

На этой почвѣ у меня былъ разговоръ съ однимъ изъ сторожей года 3—4 тому назадъ. Оказалось, что сторожъ, съ своей точки зрѣнія, правъ—онъ получилъ такое распоряженіе отъ хозяина. Тогда я заинтересовался, откуда же хозяинъ получилъ такія полномочія. Оказалось, что, сдавая въ аренду рѣку, общество приговоромъ предоставило это право арендатору и тотъ хотѣлъ было имъ воспользоваться въ полной мѣрѣ, но представители того же общества, которое дало приговоръ, не пожелали подчиняться своему же собственному, хотя и незаконному, распоряженію.

Да! хорошее дѣло по основной идеѣ наше казачье общественное управленіе, но часто наталкиваешься на такія постановленія общественныхъ воротилъ, которыя ставятъ тебя втупикъ. Припоминаю такой случай.

День былъ праздничный. По улицамъ станицы, по заведенному обычаю, сновали разряженные дѣвки, а казаки небольшими группами тянулись къ станичному правленію. Мнѣ казалось, что станичниковъ интересуетъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ интересоваться тотъ вопросъ, который, на мой взглядъ, представлялся гвоздемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію станичнаго схода—это вопросъ о переходѣ на хуторское хозяйство. Но каково же было мое удивленіе, когда я попалъ въ станичное правленіе. Тамъ, несмотря на поздній часъ (5 ч. вечера, а начало схода было объявлено въ 12 ч. дня), почти никого не было: десятка 2—3 казаковъ сидѣли небольшими группами и мирно бесѣдовали на различные темы, но только не на тему о хуторахъ. Въ писарской комнатѣ толпилось нѣсколько мужиковъ, а вокругъ нихъ лебезили хозяева станицы. Писаря что-то усиленно писали. Послѣ нѣкотораго времени наблюденій и изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ мнѣ, наконецъ,

удалось выяснить причины, вызвавшія ухаживанія станичниковъ за невзрачными, но важными на видъ хохлами.

— Може, мою землю возьмете? суетился почтенный, убѣленный сѣдинами урядникъ передъ юнцомъ, по всѣмъ признакамъ инороднымъ.

— А у тебя гдѣ она? небрежно бросилъ тотъ.

Урядникъ началъ свое длинное поясненіе, изъ котораго я понималъ, что его припаякъ соприкасается съ землей, уже заарендованной мужикомъ. Противно было смотрѣть на этотъ подобострастный видъ станичнаго общественнаго дѣателя передъ разбогатѣвшимъ на казачьихъ паяхъ пришельцемъ-хохломъ, а между прочимъ дѣло объяснилось очень просто.

Черта 3-й станицы лежитъ по обѣ стороны Дона. До прошлаго года станичники надѣляли земель ближе къ станицѣ казаковъ хлѣбоборововъ, а тѣмъ, кто самъ не пашетъ, они отводили надѣлы за Дономъ, т. е., подальше отъ станицы, гдѣ всѣ пай уже сдавались въ аренду инородному элементу, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе наводняющему плодородные края войска. Казалось, что могло быть лучше этого благоразумнаго разрѣшенія вопроса? Но это пришлось не по нутру станичнымъ воротиламъ. Они рѣшили, что тѣ казаки, пай которыхъ за Дономъ, богатѣютъ за счетъ другихъ. Подкладка «справедливости» налицо. Начали «горланить» и добились передѣла земли на новый ладъ. Всѣ безъ исключенія станичники получили надѣлы въ трѣхъ мѣстахъ: по $1\frac{1}{4}$ десятины, за Дономъ, по $1\frac{1}{8}$ десятины, такъ называемой, толѣчной земли подъ станицей и по 4 десятины тоже близъ станицы, но немного долѣе толѣчной. Я думаю, всякій порядочный хозяинъ станетъ втупикъ передъ этимъ остроумнымъ рѣшеніемъ: люди толкуютъ объ уничтоженіи чрезполосицы, принимаютъ всѣ мѣры къ облегченію и улучшенію вопроса землепользованія хлѣбоборововъ, а тутъ сами земледѣльцы дробятъ землю такими клочками. Зачѣмъ? Почему? невольно напрашиваются вопросы, на которые я получилъ отвѣтъ въ бесѣдѣ съ однимъ изъ представителей станичнаго сбора.

— Думали, ваше б—іе, наши «воротилы», что за Дономъ всѣ за надѣлъ деньги заработаютъ, а тѣ, кто побогаче, намѣтили толѣчные припайки за безцѣнокъ поскупить, а потомъ на нихъ деньги нажить. А получилось что? Хохолъ понимаетъ, что каждый изъ насъ не поѣдетъ за Донъ обрабатывать $1\frac{1}{4}$ десятины, ну и даетъ теперь за нихъ, что хочетъ, а нашему брату куда же дѣваться?

Вонъ, смотрите, ходять теперь за хохлами да Христомъ Богомъ упрашиваютъ забрать припайки.

И дѣйствительно, казаки ходили за важно выступавшими по правленію хохлами, упрашивали ихъ, тѣ ломались, давали, что хотѣли... а затѣмъ—затѣмъ магарычи по случаю сдачи земли въ аренду; пропивались полученные гроши. Изъ правленія валилъ народъ въ пивную бывшего станичнаго атамана, неоднократно судившагося за нечистыя дѣла по управленію станицей, но получившаго «прощеніе» общества и сохранившаго среди станичниковъ авторитетъ...

Кромѣ разговоровъ о сдачѣ въ аренду земли я слышалъ и другіе, но ни слова не слышалъ о «хуторахъ»—повидимому, нашу станицу этотъ вопросъ не интересовалъ совершенно. Къ слову сказать, сборъ въ этотъ день такъ и не состоялся. Вотъ вамъ и рѣшаемъ вопросы сами. А какъ насъ заставить работать? Хочу—иду на сходъ, хочу—не иду. Денежный штрафъ побудилъ бы выборныхъ не манкировать службой, но дѣло въ томъ, что установить этотъ штрафъ можетъ все тотъ же станичный сходъ, а кому охота составлять приговоръ на свою голову?

Описанный здѣсь фактъ имѣлъ мѣсто не дальше, какъ въ прошломъ году и онъ такъ ярко запечатлѣлся въ моей памяти, что я, кажется, всегда буду вспоминать его въ тѣ минуты, когда мысли мои сосредоточатся на отрицательныхъ сторонахъ общественнаго самоуправленія Дона.

Странно вѣдь то, что каждый, или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ десятидворныхъ выборныхъ станицы—люди благоразумные, а соберутся массой—получится что-то несуразное, вопреки пословицѣ «умъ хорошо, а два лучше». Въ этомъ году мнѣ опять пришлось завести разговоръ объ этомъ дѣлѣ и удалось выяснить, что большинство казаковъ ничего не имѣютъ противъ раздѣла земли на два надѣла близъ станицы, такъ какъ земля разная и одному можетъ достаться плохая, а другому хорошая; что же касается отрѣзковъ по $1\frac{1}{4}$ десятины за Дономъ, то здравомыслящіе люди смотрятъ на это, какъ на недоразумѣніе; никто не ѣздитъ за Донъ обрабатывать эту землю, а она сдается въ аренду за ненадобностью. Ну, а тогда, конечно, было бы проще ее давать тѣмъ казакамъ, кои сами хлѣбопашествомъ не занимаются.

Поздно ночью мы возвратились съ довольно удачной рыбной ловли. Станица спала. Сверхъ обыкновенія не было слышно ни пѣсенъ, ни визга гармоники. Говорять, что новый станичный атаманъ прижалъ немного публику и, если за хулиганами трудно услѣдить внѣ станицы, то въ чертѣ ея при желаніи, конечно, можно навести порядки и оградить мирныхъ жителей, если не отъ набѣговъ воровъ, то хотя бы отъ рева и безчинства развязной веселящейся молодежи, а то страсти разгорѣлись ужъ черезчуръ. Не такъ давно убили ребята хозяина сада лишь только за то, что тотъ поймалъ ихъ съ краденными фруктами на мѣстѣ преступленія.

Вотъ что говорилъ мнѣ все тотъ же старый Лось, возмущаясь поведеніемъ обнаглѣвшей молодежи:

— Чего имъ не убивать-то, ваше б—іе! Бей теперь сколько хочешь — либо оправдаютъ, нашедши подходящее смягченіе, либо въ тюрьму на отдыхъ засадятъ. То-то ему страшно это! Нѣтъ, но-моему, убилъ человѣка — такъ и убійцу повѣсь, оно другому неповадно будетъ. Законы тѣ же остались, что и раньше были, а только толкователи-то другіе...

Слушая эти слова, я невольно вспоминалъ глубокоправдивое и жизненное описаніе тяжелыхъ истинъ, затронутыхъ г. Родіоновымъ въ его произведеніи «Наше преступленіе». Аналогичные убійство и судъ имѣли мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ моихъ родныхъ краяхъ. Сходство до того поразительное, что невольно задаешь себѣ вопросъ: ужъ не изъ жизни ли моей родины взяты нѣкоторыя «бытовые» картинки казакомъ-писателемъ?

Кончился отпускъ. Проѣздомъ черезъ Новочеркасскъ попадаю въ офицерское собраніе на вечеръ. Странное впечатлѣніе произвело оно на меня: это скорѣе дѣтская площадка или ученическій пикникъ, а не лѣтнее офицерское собраніе. Народу мало, всѣ ходятъ какъ-то вяло, скучая. Подъ жалкіе звуки тощаго оркестра по площадкѣ носится учащаяся молодежь: пляшутъ кадеты (кадетъ и дирижируетъ танцами), пляшутъ гимназисты, вертятся реалисты и гимназисты, подвизаются студенты; среди дамъ все больше подросточки учащіяся, да нѣсколько барышень, очевидно, послѣдняго выпуска изъ института и гимназій. Офицерства въ танцахъ не видно, да и въ собраніи-то его неособенно много. И такъ вѣдь изъ года въ годъ. Наше собраніе только и оживляется на рождественскихъ святкахъ, да и то опять-таки учащимся міромъ, а мы,

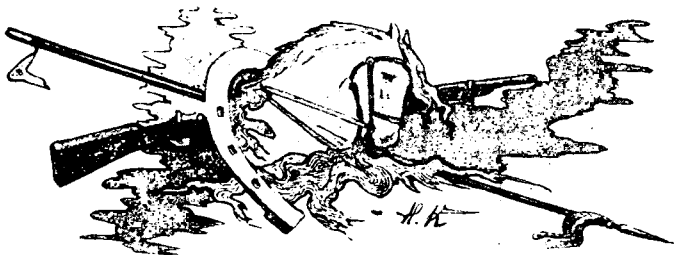
хозяева, бродимъ изъ угла въ уголъ, если попадемъ въ собраніе, а попадаемъ-то туда, къ сожалѣнію, неособенно часто. Что за причина, что наши офицеры такъ мало любятъ свое собраніе? Ну, а публика, особенно дамы, въ отвѣтъ на приглашеніе туда, обычно отвѣчаютъ:

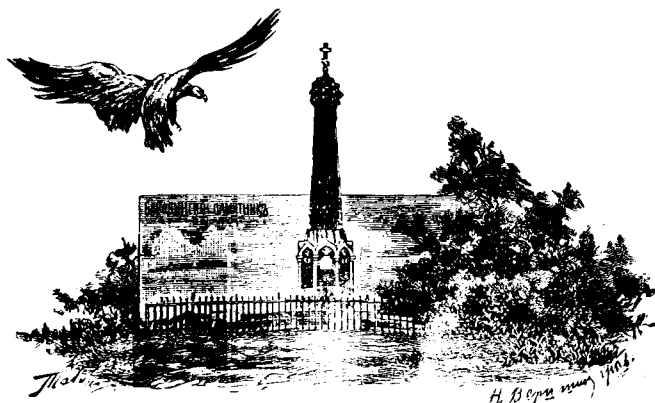
— Ну, тамъ тощища ужасная! Ужъ если идти, такъ въ городской клубъ или въ ротонду.

— А ну-ка что тамъ хорошаго? заинтересовался я и завернулъ и въ эти два учрежденія, но и тамъ почти никого. Да! вяла и скучна столица Дона—спитъ непробуднымъ сномъ съ застывшей и почти неизмѣнившейся за 20 лѣтъ фizioноміей.

Особенно ощутительно въ Новочеркасскѣ отсутствіе постоянного большого гарнизона. Городъ вѣдь большой и ласкающая взглядъ выправкой и внѣшнимъ видомъ отдѣльная сотня и мѣстная команда какъ-то расплываются по городу совершенно незамѣтно. А между прочимъ такъ и хотѣлось бы послушать ту лихую казачью пѣсню и увидѣть стройныя сотни, полки и батареи, которыхъ такъ не достаетъ столицѣ Дона и по которымъ такъ тосковалъ нашъ извѣстный писатель-донецъ П. Красновъ во время своего посѣщенія Новочеркасска.

В. Добрынинъ.

СЛУЖЕНІЕ СВЯЩЕННИКА НА ВОЙНѢ ¹⁾.

(Изъ наблюденій участника Русско-японской войны).

«Въ Русско-японскую войну мы повторили тѣ же ошибки, что и въ послѣднюю Русско-турецкую», — это мнѣ неоднократно приходилось и въ печати читать, и изъ устъ живыхъ свидѣтелей слышать. Болѣзненно горько сознавать, что такъ легко могутъ пропадать у насъ даваемые жестокой дѣйствительностью военнаго времени, окупаемые кровью и огромной затратой народнаго труда, силъ и богатствъ, уроки прошлаго. Не подмѣчая ошибокъ, не запоминая и не исправляя ихъ, нельзя научиться работать и тѣмъ болѣе нельзя работать съ желаннымъ успѣхомъ. Жизнь — въ совершенствованіи; кто не идетъ впередъ, тотъ остается позади; а совершенствованіе — прежде всего въ распознаваніи ошибокъ и устраниеніи ихъ; не изучившій пути можетъ спотыкаться каждый разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; начинать каждый разъ съ начала — самая безотрадная исторія, не могущая сулить добра.

Правда, повторенныя въ Русско-японскую войну ошибки прошлаго не перестаютъ и въ печати, и на академической кафедрѣ, и въ арміи подмѣчаться, изучаться и освѣщаться. Нельзя, конечно, быть увѣреннымъ, что будущее, забывъ урокъ, снова не повторить

¹⁾ Помѣщая эту статью, положительныя достоинства которой уже были отмѣчены въ «Рус. Инв.» (Обзоръ печати), редакция имѣетъ въ виду подчеркнуть, что интересъ ея распространяется далеко за предѣлы «Вѣст. воен. и морск. духовенства», гдѣ она была напечатана. Въ нашей арміи, которой близки духовные интересы ея сыновъ, должны отнестись къ этой статьѣ съ большимъ вниманіемъ. *Ред.*

ихъ, но приходится и тѣмъ утѣшаться, что ими теперь интересуются. Остается пожелать, чтобы такое изученіе коснулось не нѣкоторыхъ только, а всѣхъ сторонъ боевой жизни арміи, не исключая и духовной — религіозной.

Если когда, то въ настоящее время особенно сильно сознается, что религіозная сторона имѣетъ огромное значеніе въ воспитаніи русскаго воинства, въ развитіи брѣпкаго и могучаго духа русской арміи и что роль священника въ арміи — почтенная и отвѣтственная роль, роль молитвенника, просвѣтителя и вдохновителя русскаго воинства.

Такова роль военнаго священника въ мирное время.

Въ военное время эта роль становится еще важнѣе и отвѣтственнѣе, а вмѣстѣ съ этимъ — и плодотворнѣе.

Обстановка боевого времени дѣлаетъ ее такой.

Огромная напряженность военной работы въ боевое время требуетъ духовной поддержки для воиновъ со стороны пастыря церкви; постоянныя опасности, близость смерти переносятъ мысль воина къ вопросамъ вѣчности; душа воина на войнѣ жаждетъ молитвы, чутко прислушивается къ слову о вѣчномъ, просится къ Богу. А отсутствіе повседневныхъ заботъ, развлеченій, разнообразіе жизни только побуждаютъ воина въ это время тянуться къ церкви и богослуженію. Тутъ и слабовѣрующіе и невѣрующіе притекаютъ къ ней. Пусть даже послѣдніе идутъ сюда гонимые бездѣльемъ, не по чистому влеченію сердца, а лишь для того, чтобы скоротать время, разогнать скуку, но развѣ слово пастыря не можетъ дойти и до ихъ слуха, развѣ благодать Божія не можетъ коснуться и ихъ сердца и оставить на нихъ слѣдъ на всю жизнь? Какъ часто бывало это!

Въ мирное время роль военнаго пастыря каждому военному священнослужителю ясна и понятна, а условія прохожденія ея въ общемъ каждому извѣстны. Но военное время предъявляетъ священнику свои требованія и ставитъ дѣятельность его въ новыя условія, которыя не сразу всякимъ могутъ быть поняты и оцѣнены. Между тѣмъ это непониманіе священнослужителемъ условій военнаго времени, неумѣніе оріентироваться въ окружающей его обстановкѣ можетъ ослаблять, а то и совсѣмъ парализовать его работу.

Къ сожалѣнію, надо сказать, что для этой области уроки давняго прошлаго почти канули въ вѣчность. Даже опытъ минувшей Русско-японской войны почти не использованъ, а въ печати и совершенно не взвѣшенъ.

Кромѣ отдѣльных замѣчаній о дѣятельности того или другого священнослужителя, кромѣ небольшихъ разсказовъ, рисующихъ скорѣе бытовые, чѣмъ идейныя, стороны пастырской работы на войнѣ, почти ничего серьезнаго въ печати не дано: принципиальныхъ вопросовъ не затронуто, недоумѣній не разрѣшено и дѣятельность священника на войнѣ—не очерчена. Если этотъ вопросъ и дальше оставить безъ разрѣшенія, то военнымъ пастырямъ пришлось бы идти на новую войну съ тѣмъ же опытомъ, съ какимъ шли ихъ предшественники на Русско-японскую войну, вѣрнѣе—идти безъ всякаго опыта.

Живо вспоминаю свои сборы, когда я долженъ былъ въ февралѣ 1904 г. отправиться на войну, въ только что сформированный полкъ.

Что брать съ собою, чѣмъ запастись на войну? Мнѣ совѣтовали: одни—взять больше нижняго бѣлья, и рубашки—непремѣнно чечучовыя; другіе—больше консервовъ, такъ какъ на войнѣ ждать голодовка; третьи—уговаривали меня не брать болѣе одного верхняго костюма, такъ какъ война скоро кончится, да и ни къ чему верхніе лишніе костюмы. Я послушался и тѣхъ и другихъ. И что же вышло? Часть нижняго бѣлья я черезъ два года привезъ нетронутымъ, консервы пришлось выбросить, такъ какъ нужды въ нихъ не оказалось; зато черезъ полгода верхній костюмъ мой совсѣмъ истрепался, а высланный на выручку изъ Россіи затерялся на почтѣ... Это, конечно, мелочь, но и она характерна.

Также дѣло обстояло и съ болѣе серьезнымъ. На мой вопросъ: есть ли въ полку походная церковь и нужныя для богослуженія принадлежности,—мнѣ отвѣчали: «навѣрное, есть». Къ счастью, я запасаю всѣмъ нужнымъ для совершенія богослуженія и, только благодаря этому, не оказался въ критическомъ положеніи. Я пріѣхалъ въ полкъ 12-го марта, въ концѣ марта была Пасха, а церковь походную съ принадлежностями полкъ получилъ только въ концѣ мая... Хорошо бы я утѣшилъ свою паству въ Страстную недѣлю и Пасху, если бы мнѣ не съ чѣмъ и не въ чемъ было совершить богослуженіе?...

Задачи для дѣятельности священника въ военное время въ общемъ тѣ же, что и въ мирное время: 1) священникъ обязанъ удовлетворять религіозное чувство и религіозныя нужды воиновъ, черезъ совершеніе богослуженій и требы; 2) священникъ пастырскимъ словомъ и примѣромъ долженъ вліять на свою паству. Исключительная обстановка боевого времени и возникающіе у воиновъ

подъ ея вліяніемъ особенные религіозно-нравственныя нужды и запросы требуютъ лишь, чтобы священникъ въ выполненіи основныхъ задачъ своего служенія примѣнился къ такой обстановкѣ, угадалъ запросы и нашелъ способы удовлетворенія ихъ.

Какъ же выполнялись священникомъ маньчжурскихъ армій и какъ должны бы выполняться та и другая задача?

Такъ какъ время сраженій ставило священниковъ въ совершенно новыя условія и предъявляло къ нимъ особыя требованія, то мы будемъ разсматривать особо дѣятельность священниковъ въ промежуточное между сраженіями время и дѣятельность священниковъ во время сраженій.

Промежутки между боями въ Русско-японскую войну были очень продолжительны.

На лѣвомъ флангѣ первый бой былъ 18-го апрѣля у Тюренчена, на правомъ 1-го—2-го іюня у Вафангоо; слѣдующій бой былъ 10-го—11-го іюля у Ташичао, затѣмъ, въ половинѣ августа у Ляояна, а 8-го января у Сандепу и, наконецъ, въ февралѣ у Мукдена. Въ промежутки между этими боями нерѣдко происходили схватки съ непріятелемъ, но онѣ касались отдѣльных частей и для послѣднихъ были эпизодическими. Въ общемъ же жизнь въ частяхъ въ это время проходила ровно и достаточно спокойно. Аккуратному отправленію богослуженій въ это время могли мѣшать передвиженія частей съ мѣста на мѣсто, которыя, надо сказать, не были особенно частыми. Всѣ другія занятія: работы по укрѣпленію позицій, рекогносцировки и ночныя нападенія на врага производились обыкновенно ротами, баталіонами, но не всей частью, и не могли мѣшать совершенію богослуженій. Чаше препятствіе представлялось съ другой стороны,—со стороны маньчжурской природы, съ ея ливнями, безпокойными ураганами и холодами, и со стороны походной жизни, лишавшей иногда возможности запастись церковнымъ виномъ и просфорами, но и эти препятствія при добрыхъ усиліяхъ такъ или иначе могли препобѣждаться.

Священникъ на войнѣ долженъ твердо помнить, что совершеніе богослуженій во всѣ воскресные и праздничные дни—его священный долгъ, и всякій разъ употребить всѣ усилія, чтобы побѣдить встрѣчающіяся на пути къ исполненію этого долга препятствія. Слишкомъ великое дѣло—богослуженіе на войнѣ. Побывавшему на войнѣ трудно было не убѣдиться въ этомъ. Мнѣ никогда не забыть бывшаго со мною слѣдующаго случая. Это было 24-го октября 1904 г. Полкъ нашъ, послѣ долгихъ, начавшихся 21-го

сентября, странствованій и тяжелаго Шахэйскаго боя, только что сталъ около дер. Хуаньшань. Въ теченіе этого времени мнѣ не пришлось ни разу совершить ни всенощной, ни литургіи,—зародилась дурная привычка пропускать службу. Не безъ вліянія этой привычки я и 24-го не сталъ служить, воспользовавшись тѣмъ предлогомъ, что полкъ еще не устроился на мѣстѣ и нѣсколько ротъ ушли утромъ на работу. Въмѣсто того, чтобы служить, я отправился въ главную квартиру Командующаго арміей, стоявшую въ дер. Хуаньшань, по какому-то дѣлу. Когда я подходилъ къ деревнѣ, до меня съ другой стороны деревни донеслись звуки херувимской пѣсни: на горкѣ, около деревни служили литургію.

Трудно словами передать, что я переживалъ въ это время!

Вспомнилась мнѣ и родина и родная, въ которой я служилъ передъ войной, церковь; на душѣ пріятно — пріятно разлились звуки священной пѣсни, почувствовалась особенная сладость ихъ; мысль оторвалась отъ всего окружающаго и унеслась въ другой, чистый міръ. Я остановился и долго слушалъ, находя въ простыхъ, незатѣйливыхъ мелодіяхъ «Вѣрую», «Милость мира» и т. д. все новые и новые оттѣнки высокаго чувства; новыя и новыя мысли лѣзли въ мою голову; въ словахъ богослужебныхъ пѣсней, которыя я раньше слушалъ и самъ воспѣвалъ тысячи разъ, теперь мнѣ открылись совершенно новыя глубины богословской мысли и религіознаго чувства; теперь они какой-то особой теплотой согрѣли мою душу. Кончилась служба... Смолкли звуки... Я пришелъ въ себя. Точно молотомъ ударило меня по головѣ: «что я дѣлалъ?! Какъ я смѣлъ оставлять службу?! Вѣдь, и на многихъ другихъ богослуженіе можетъ произвести такое же впечатлѣніе, какое произвело теперь на меня. И многіе другіе также могутъ обновиться отъ него и мыслью и душой... А я лишалъ ихъ этого высокаго наслажденія. Нѣтъ, больше не бываетъ этому!» Я, душевно разбитый вернулся на бивакъ; стыдно мнѣ было смотрѣть въ глаза и нижнимъ чинамъ, и офицерамъ, точно я совершилъ передъ ними огромное преступленіе. Зато послѣ этого случая я не упускалъ повода, чтобы совершить въ полку богослуженіе.

Другой театръ военныхъ дѣйствій въ районѣ какого-либо христіанскаго государства представилъ бы гораздо больше удобствъ по отправленію богослуженія, чѣмъ Маньчжурія. Здѣсь же на огромномъ протяженіи отъ Портъ-Артура до Харбина имѣлось всего пять небольшихъ храмовъ: въ Портъ-Артурѣ, Инкоу, Ляоянѣ, Мукденѣ и Харбинѣ, которыми могла воспользоваться только не-

значительная доля арміи. Всѣ же части должны были пользоваться походными церквами, которыми были снабжены пѣхотные и кавалерійскіе полки.

Эти походныя церкви, сооруженныя для полковъ, по заказу интендантства, фабр. Ж.,—одно изъ печальныхъ воспоминаній прошлой войны. Церкви представляли комплектъ нужныхъ при богослуженіи церковныхъ вещей, безъ толку подобранныхъ, несуразно устроенныхъ и въ несуразномъ ящикѣ размѣщенныхъ. Нужнаго тутъ не было, а ненужнаго было очень много: не было, напримѣръ, апостола, зато былъ мѣдный чайникъ. Всѣ книги были тяжеловѣсны, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ для походнаго богослуженія совсѣмъ излишни. Иконъ всего было двѣ, на доскахъ—Спасителя и Божіей Матери. Первая икона почему-то была чуть не въ два раза больше второй. Въмѣсто лишнихъ книгъ можно было бы съ большимъ удобствомъ и пользой имѣть лишнюю икону на холстѣ, а не на доскѣ. Дарохранительницы закрывались такъ неплотно, что пзъ нихъ сыпались Св. Дары,—это сосудъ для храненія величайшей святыни! Также небрежно и непрочно были устроены и другіе предметы—кадила, сосуды. Ихъ скоро приходилось замѣнять другими. Ящикъ для вещей былъ неуклюжій и громоздкій, какъ бы нарочито для того устроенный, чтобы повозка съ нимъ скорѣе могла застрять въ маньчжурской грязи. Нѣкоторые командиры полковъ рѣшительно отказывались держать этотъ ящикъ въ обозѣ перваго разряда изъ опасенія потерять его, и ящикъ пребывалъ всегда вдали отъ полка ²⁾).

Съ такою походною церковью мало чѣмъ было лучше, чѣмъ совсѣмъ безъ церкви.

Полки собственными усиліями и, въ общемъ, съ успѣхомъ восполняли недочеты казеннаго снаряженія. И офицеры, и нижніе чины съ рѣдкой охотой помогали священникамъ, чтобы обставить богослуженіе большимъ благолѣпіемъ, а главное—создать хотя бы подобіе настоящаго храма. При дружномъ содѣйствіи чиновъ устраи-

2) Наоборотъ, духовное начальство, въ первый періодъ войны, требовало, чтобы повозка съ церковнымъ ящикомъ всегда находилась въ обозѣ 1-го разряда. По нашему мнѣнію, и то и другое рѣшеніе вопроса, гдѣ быть церковному ящику, было ошибочнымъ: находясь при полку и во время боя, церковный ящикъ подвергался опасности быть захваченнымъ неприятелемъ, что и случилось въ 4-мъ Вост.-Сиб. стрѣлковомъ полку въ бою при Шахѣ; когда же онъ и въ не боевое время находился вдали отъ полка, тогда онъ оказывался для полка бесполезнымъ. Его мѣсто: во время боя—вдали отъ полка, въ обозѣ 2-го разряда; въ промежуточное между боями время, особенно когда полкъ стоитъ въ арьергардѣ,—при полку въ обозѣ 1-го разряда.

вались приличныя церкви въ китайскихъ фанзахъ, госпитальныхъ шатрахъ, зимой—въ землянкахъ. Изъ скуднаго матеріала: ротныхъ иконъ, нѣсколькихъ кусковъ разноцвѣтной китайской «дрели», гао-ляна и обрубковъ дерева сооружали иконостасы, подсвѣчники, изъ проволоки и патронныхъ гильзъ—паникадила, изъ китайскихъ колоколовъ—звонницы. Иногда среди чиновъ находились живописцы, которые, пользуясь минутами досуга, не жалѣли трудовъ, чтобы увеличить благолѣпіе храма. Какъ важенъ былъ для чиновъ этотъ примитивный храмъ, трудно и представить. Онъ переносилъ ихъ въ родную обстановку православныхъ храмовъ, настраивалъ ихъ на молитвенный тонъ, душѣ давалъ отраду и, само собою понятно, съ особою любовью посѣщался ими.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было устроить временный храмъ, богослуженіе совершалось подъ открытымъ небомъ: покрытый пеленой столъ или сдѣланное изъ дерну возвышеніе замѣняло престолъ; небольшой, заграждавшій святиню отъ вѣтра и дождя навѣсъ изъ палатокъ,—алтарь, а сводъ небесный—куполъ храма. Въ тихую, ясную погоду богослуженіе подъ открытымъ небомъ и особенно совершеніе литургіи представляло трогательную картину: кругомъ необозримыя маньчжурскія поля; передъ палаткой, въ которой совершается таинство,—море головъ, точно созрѣвшая нива; надъ ними солнышко, какъ величественная зажженная лампада, и далеко, далеко по странѣ, еще не узнавшей Христа, изъ груди пришедшихъ умирать за братьевъ несутся могучія хвалебныя пѣсни Источнику истинной жизни и Побѣдителю смерти...

Китайцы толпами стекались смотрѣть на наше богослуженіе, и это еще усиливало величественность картины.

При главныхъ квартирахъ Главнокомандующаго и Командующихъ арміями, гдѣ было больше перевозочныхъ средствъ, были приобрѣтены походные иконостасы и вполне достаточное количество утвари и облаченій, что давало полную возможность обставить богослуженіе еще благолѣпнѣе.

Въ госпиталяхъ дѣло съ устройствомъ походныхъ церквей обстояло почти такъ же, какъ и въ полкахъ. Но здѣсь встрѣчалось меньше препятствій къ совершенію богослуженія, такъ какъ госпитали располагались на значительномъ разстояніи отъ боевой линіи, рѣже, чѣмъ полки, двигались съ мѣста на мѣсто. Госпитальнымъ священникамъ, кромѣ того, легче было добывать просфоры и вино. Здѣсь дѣло страдало отъ другихъ причинъ: нѣкоторые госпитальные священники 1) получили при отправленіи на войну перков-

ныя вещи въ недостаточномъ количествѣ и плохого качества и 2) совсѣмъ не получили, какъ не положенныхъ по табели, антиминсовъ. Прибывъ на войну, нѣкоторые изъ госпитальныхъ священниковъ пытались уже здѣсь приобрести св. антимины, но и тутъ имъ было отказано на томъ же основаніи... А между тѣмъ для госпиталя совершеніе литургіи еще нужнѣе и возможности тамъ больше совершать литургію. И госпитальному священнику, и чинамъ госпиталя особенно тяжело было оставаться безъ литургіи въ Страстную седмицу и въ день св. Пасхи, какъ и въ Рождественскія Святки,—а эти дни пришлось пережить на войнѣ дважды. Въ маѣ 1905 г. Главнокомандующій замѣтилъ эту несообразность и потребовалъ снабженія госпиталей тыла св. антиминами. Нужда эта, впрочемъ, еще ранѣе была замѣчена и удовлетворена въ арміяхъ.

Важную сторону богослуженія составляетъ пѣніе. Въ общемъ, церковное пѣніе на войнѣ во всѣхъ почти полкахъ стояло очень высоко, можетъ быть лучше, чѣмъ въ мирное время. На войнѣ больше было усердія къ нему, недостатка же въ пѣвцахъ никогда не бывало.

Значительно мѣшала развитію хора частая смѣна пѣвцовъ, убывавшихъ послѣ каждого боя ³⁾. Зато хоръ для своихъ упражненій не нуждался въ свободномъ времени, котораго всегда доставало съ избыткомъ. Препятствій къ занятію церковнаго хора пѣніемъ никто не ставилъ. Поэтому хоръ не налаживался только тамъ, гдѣ священникъ не желалъ удѣлить ему никакого вниманія. Устраивавшіяся на бивакахъ спѣвки церковнаго хора всегда привлекали множество слушателей, не знавшихъ часто, какъ занять время, и получавшихъ при этихъ спѣвкахъ и утѣшеніе, и развлеченіе. И въ этомъ отношеніи церковные хоры были чрезвычайно полезны и дороги.

Говоря о совершеніи богослуженія на войнѣ и объ огромномъ вліяніи его на войска, нельзя умолчать о тѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя не имѣли своихъ священниковъ. Къ прискорбію, такихъ частей въ нашей арміи—множество. Почти всѣ артилерійскія бригады, войска пограничной стражи, казачьи полки, саперные и желѣзнодорожные баталіоны, всѣ дивизіонные обозы и лазареты, телеграфныя роты, понтонныя баталіоны, транспорты, сборные пункты и пр. и пр.,—словомъ, добрая половина дѣйствующей арміи не имѣла своихъ священниковъ. Какъ же эти части устраи-

³⁾ Вѣдь, въ нѣкоторыхъ полкахъ составъ въ теченіе войны перемѣнился нѣсколько разъ.

вались съ церковнымъ дѣломъ, отъ кого они питались духовно? Не ровно. Въ лучшемъ положеніи находились артилерійскія части. Онѣ всегда располагались около пѣхотныхъ полковъ,—бригада чаще всего разбивалась на батареи, которыя размѣщались между полками дивизіи. Находясь около полковъ, части эти обслуживались полковыми священниками и слушали богослуженіе вмѣстѣ съ полками. Чаще всего бывало такъ, что батареи распредѣлялись между священниками дивизіи и послѣ этого каждый священникъ обслуживалъ свою батарею. Въ такомъ же почти положеніи находились телеграфныя роты и саперныя баталіоны. Они, однако, не могли всегда располагаться около полковъ и тѣмъ болѣе—около однихъ и тѣхъ же полковъ. Въ несравненно худшемъ положеніи находились дивизіонныя обозы (всегда) и казачьи полки (часто); первые располагались въ тылу, вторые—впереди арміи, часто на крайнихъ флангахъ, и тѣ и другіе—вдали отъ частей, имѣющихъ своихъ священниковъ. Положеніе казачьихъ частей, когда онѣ находились на крайнихъ флангахъ, было ужасно: чины умирали безъ напутствія, погребались безъ священническаго благословенія: по мѣсяцамъ не видѣли священника и не слышали богослуженія. Въ дивизіонныя обозы заглядывалъ только нарочито командированный священникъ, но о такихъ командировкахъ догадывались рѣдко ⁴). Такой непорядокъ не долженъ повторяться на слѣдующей войнѣ. Если нельзя дать священниковъ всѣмъ частямъ, то тѣмъ болѣе нельзя оставить войска съ наличнымъ числомъ священниковъ. Въ минувшую войну въ дивизіи имѣлось четыре священника. Эти четыре священника не имѣютъ никакой возможности обслужить не только четыре пѣхотныхъ полка, но и всѣ части, входящія въ составъ дивизіи. Что жъ остается сдѣлать? Увеличить число священниковъ въ дивизіи. Думается, что если бы прибавить въ каждую дивизію двухъ священниковъ, имъ хватило бы по горло дѣла! ⁵).

⁴) Бывали случаи, что цѣлыя отряды не имѣли своего священника. Таковъ, напримѣръ, былъ отрядъ полковника Мадритова, находившійся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, вдали отъ арміи. Отрядъ самъ пріискалъ себѣ за какое-то вознагражденіе священника, какого-то безграмотнаго іеромонаха Іосифа. Трудно было отряду съ безграмотнымъ іеромонахомъ, но и о. Іосифу было не легко съ отрядомъ: отрядъ неаккуратно платилъ ему жалованье, а затѣмъ и совсѣмъ отказался платить «за отсутствіемъ источника». Штабамъ досталось не мало работы разбирать денежную тяжбу между о. Іосифомъ и полк. Мадритовымъ.

⁵) Независимо отъ этого при главномъ полевомъ священникѣ должно быть не менѣе 3 священниковъ для командировокъ. Они постоянно требуются для исполненія требъ на сборныхъ пунктахъ, въ отдѣльныхъ отрядахъ и пр. Между тѣмъ въ минувшую войну были совсѣмъ упразднены должности священниковъ для командировокъ при главныхъ священникахъ арміи, хотя по Высочайше утвержденному положенію при каждомъ главномъ священникѣ полагался одинъ такой священникъ.

Въ то время, какъ полковые священники обслуживали бы пѣхотные полки и артилерію, эти два служили бы въ саперныхъ, понтонныхъ, лазаретныхъ, обозныхъ и другихъ частяхъ, а въ случаяхъ болѣзни или убыли полковыхъ священниковъ — замѣняли ихъ. Независимо отъ этого надо дать особыхъ священниковъ казачьимъ полкамъ.

Останавливаться передъ неизбежнымъ для этого расходомъ было бы преступно. На содержаніе арміи тратились въ минувшую войну милліоны въ день. Что значить въ этой массѣ золота расходъ на содержаніе лишнихъ пятидесяти—ста священниковъ? Между тѣмъ духовные интересы арміи заслуживаютъ вниманія: родина какъ будто не въ правѣ отказать въ грошовомъ расходѣ на удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ воиновъ, которые въ жертву ей несутъ жизни свои. Удовлетвореніе же духовныхъ нуждъ арміи дастъ большіе плоды и этими плодами съ лихвою вознаградить сдѣланныя затраты. Распространяться по этому поводу нѣтъ нужды, — все само собою ясно.

Если же родина не захочетъ порадовать о духовныхъ нуждахъ арміи, тогда священники, находящіеся на войнѣ, должны пожалѣть нуждающихся. Они, хотя бы съ затратою послѣднихъ силъ, должны послужить и тѣмъ частямъ, которыя не имѣютъ своихъ священниковъ. Позаботиться же о томъ, чтобы ни одна часть не осталась безъ пастырскаго надзора и помощи и чтобы пастырскій трудъ между наличными священниками арміи былъ распределенъ равномѣрно, — это долгъ полевого главнаго священника и благоточинныхъ.

Резюмируемъ изложенное. Священнослужители — участники будущей войны — должны твердо помнить, что аккуратное, по возможности, неопустительное совершеніе богослуженій на театрѣ военныхъ дѣйствій — ихъ священнѣйшій долгъ, къ выполненію котораго они должны приложить всѣ усилія; чтобы богослуженіе было болѣе благолѣпнымъ, они должны вмѣстѣ съ этимъ неустанно заботиться о развитіи хоровъ; всѣ священники, находящіеся на войнѣ, должны быть снабжены св. антиминсами: священникъ, не имѣющій возможности совершать литургіи, — явленіе ненормальное; богослуженіе безъ литургіи — не полное богослуженіе. Полевые главные священники обязаны позаботиться, чтобы священники могли добывать безъ особаго труда и просфоры и вино ⁶⁾. Поле-

⁶⁾ Печеніе первыхъ могли бы принять на себя хлѣбопекарни; доставка вина могла бы производиться экономическимъ обществомъ или тѣмъ же интендантствомъ.

вые главные священники и благочинные должны позаботиться, чтобы не остались безъ удовлетворенія русскія національныя нужды частей, не имѣющихъ своихъ священниковъ, а священники должны не пожалѣть своихъ силъ на удовлетвореніе этихъ нуждъ.

Учительная дѣятельность священника на войнѣ.

Жизнь на войнѣ рѣзко отличается отъ жизни въ мирное время. Идетъ бой—люди изнемогаютъ отъ труда, напряженія силъ и лишеній. Настаетъ затишье, люди не знаютъ куда дѣвать время. Дѣла, занятій мало, а здоровыхъ развлеченій нѣтъ. Въ мирное время можно скоротать время книжкой, газетой, а тутъ нѣтъ ни того, ни другого. И вотъ въ минуты бездѣлья тоска по родинѣ, по семьѣ, какъ заберется въ сердце, какъ заглохнетъ его, не трудно тогда человѣку отдаться первому развлеченію, какъ бы пошло не было оно. Бездѣлье и отсутствіе добрыхъ развлеченій—самые страшные враги человѣка, передъ которыми и сильные сдаются. Война страшна этой своей стороною. Сильные и храбрые гибнутъ въ бою, а слабые, безвольные, слабовольные и неосторожные—въ затишѣ,—гибнутъ отъ того врага, который не переставая бродить по русской землѣ, унося тысячи, сотни тысячъ жертвъ,—отъ хмѣльнаго вина. Другіе ищутъ развлеченія въ картежной игрѣ, нерѣдко принося этому Молоху въ жертву и свое, и своихъ семействъ благополучіе, а иногда и жизнь свою. И винопитіе, и картежная игра не мало унесли жертвъ въ минувшую войну.

Бороться съ тѣмъ и другимъ зломъ, охъ, какъ трудно, такъ какъ тутъ приходится бороться не съ пороками только, но и съ обстановкой, съ бездѣльемъ, напряженностью нервовъ,—словомъ съ тѣми условіями, которыя благопріятствуютъ развитію этихъ пороковъ, но все же священники обязаны бороться. Давать совѣты священнику, какъ вести это дѣло борьбы, тутъ трудно. Разумъ и сердце должны подсказать ему, какъ надо спокойно, осторожно, не задѣвая и не раздражая самолюбія, по дружески, по отечески подойти къ офицеру и поддержать, успокоить, предостеречь его. Конечно, на полную побѣду и уничтоженіе враговъ, рискованно тутъ разсчитывать, но въ то же время усилія священника, если только онъ мудро приложить ихъ, могутъ сильно ослабить зло.

Нижніе чины еще болѣе нуждаются на войнѣ въ духовномъ руководствѣ. Для простого человѣка еще нужнѣе въ трудныя

минуты нравственно-религіозная поддержка. И по опыту скажу: никто не можетъ такъ поддержать, ободрить, наставить и направить на войнѣ нашего солдата, какъ можетъ сдѣлать это священникъ, если только онъ по пастырски отнесется къ дѣлу.

Вести свою пастырскую проповѣдническую работу на войнѣ священнику и легче, и проще. Здѣсь священники всегда въ кругу солдатъ и солдаты вокругъ него. Тутъ онъ—какъ отецъ, окруженный своими дѣтьми. И дѣло свое онъ долженъ вести тутъ по отечески. Не надо ему здѣсь назначать опредѣленныхъ часовъ для бесѣды, не надо искать аудиторій, не надо посредствомъ приказовъ по полку собирать слушателей; тѣмъ болѣе не надо ему читать своимъ слушателямъ лекцій. Стоить ему отойти нѣсколько шаговъ отъ своей палатки, заговорить съ однимъ солдатомъ, какъ подойдетъ другой, третій, соберется группа, образуется толпа, и тогда говори батюшка, какъ отецъ съ дѣтьми, говори просто, безъ риторскихъ прикрасъ и заученныхъ выраженій, говори, какъ говорить близкіе люди, говори обо всемъ, о чемъ благовременно поговорить, учи правдѣ Божіей, поддерживай вѣру и бодрость духа, вѣрность долгу, царю и родинѣ, разбирай всѣ вопросы, какіе выдвинула полковая жизнь и боевое время, подготавливай свою часть къ бою, къ побѣдѣ, чтобы бой встрѣтила она безъ страха и къ побѣдѣ пришла. Нижніе чины сами подскажутъ батюшкѣ рядъ вопросовъ, на которые надо отвѣтить. А его дѣло лишь не оставить ихъ безъ отвѣта.

Очень дѣйственны и цѣнны такіа бесѣды священника на войнѣ.

Жизнь безъ грѣховъ не обходится. И на войнѣ случаются грѣхи: струсить, обидить солдатъ мѣстнаго жителя, напиться до пьяна, струсить въ бою и т. п.—священникъ долженъ быть на стражѣ такихъ поступковъ. Это не трудно для него: на войнѣ самое незначительное происшествіе въ части сразу становится всѣмъ извѣстно. Священникъ долженъ отозваться на всякій такой случай; только обличать виновнаго онъ долженъ не при всѣхъ, а, по заповѣди Спасителя, сначала наединѣ и только, если виновный не исправится, при свидѣтеляхъ. Не долженъ священникъ забывать и о нуждѣ, о горѣ солдатскомъ и стараться облегчить ихъ. Каждое слово добраго священника, съ лаской и отзывчивостью сказанное, каждая, самая незначительная матеріальная помощь, священникомъ оказанная, быстро передаются въ полку между нижними чинами. Этимъ обязаны пользоваться священники и какъ можно чаще бесѣдовать съ нижними чинами, какъ группами, такъ и по-

одинокѣ, интересоваться ихъ жизнью и не оставлять ихъ безъ своихъ совѣтовъ.

Большой пособницей пастырскаго слова является хорошая книжка. Къ сожалѣнію, передъ войной о ней забыли. Въ списокѣ вещей, какими должна быть снабжена на войну воинская часть, даже такая крупная, какъ полкъ, о библіотекѣ нѣтъ помину. Библіотеками и не запасались ни части, ни священники, отправлявшіеся на войну. Предполагалось, что библіотека будетъ лишнимъ грузомъ, стѣсняющимъ передвиженіе части, у которой все должно быть взвѣшено и размѣрено. О библіотекѣ вспомнили на войнѣ, когда люди въ промежутки между боями томились отъ скуки и бездѣлья и съ жадностью голоднаго набрасывались на каждую печатную строку. Но... библіотекъ не было, а въ обозѣ частей въ это время нерѣдко возилось много лишняго скарбу; мнѣ извѣстенъ случай, что въ одномъ полку возился нарядный полный столовый сервизъ, занимавшій шесть двуколокъ ⁷⁾. Нѣсколько выручали изъ бѣды добрые люди, присылавшіе изъ Россіи книги, да еще священники выписывали на церковныя средства книги и брошюры, но и то и другое не могло замѣнить настоящей библіотеки, если бы она была тщательно подобрана передъ отправленіемъ части на войну. Особенно чувствовалась необходимость книжки въ госпиталяхъ для выздоравливающихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ маѣ 1905 г. для госпиталей одной изъ армій было выписано изъ Петербурга 20 библіотечекъ. Каждая библіотечка состояла изъ 173 названій книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго и патриотическо-историческаго характера. Подборъ книгъ былъ сдѣланъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви прот. Ф. Н. Орнатскимъ чрезвычайно удачно. Недорогія по цѣнѣ (номинальная стоимость каждой около 15 р.; «Общество» взяло за каждую съ пересылкой 10 р.) онѣ дали массу разнообразнаго и интереснаго матеріала для чтенія. Книжки брались нарасхватъ и читались не только нижними чинами, но и офицерами съ захватывающимъ интересомъ. Даже чины другихъ частей, узнавъ о существованіи библіотеки, издалека приходили (за 6 и больше верстъ), чтобы получить книжку. Эти библіотечки принесли огромную пользу.

Въ будущемъ и «библіотечная» ошибка должна быть уstra-

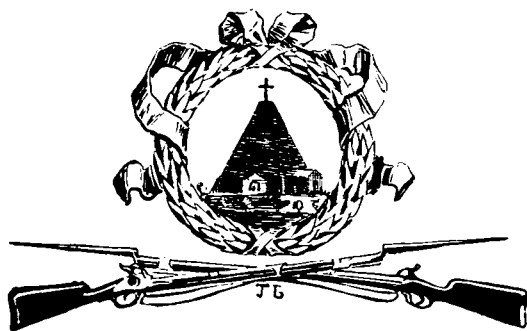
---

⁷⁾ Въ этомъ же полку багажъ полковой лавочки возился на 12 двуколкахъ.

нена. Въ комплектъ вещей, которыми снабжается на войну воинская часть, непременно должна значиться библиотечка съ добрымъ подборомъ книгъ. Лишняго груза она не можетъ составить. Если находится мѣсто въ обозѣ для хлѣба обыкновеннаго, то должно найтись мѣсто и для духовнаго; возьмется сухари,—должна возиться и библиотека. Да и могутъ ли оказаться тяжелымъ бременемъ лишнихъ два—три пуда книгъ для обоза, рассчитаннаго на тысячи пудовъ. Объ этомъ и говорить не стоитъ. Надо лишь понять значеніе для части библиотеки, пожелать имѣть ее, и въ каждой части найдется мѣсто для нѣсколькихъ библиотекъ. А стоитъ понять, стоитъ пожелать...

Г. Шабельскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Шесть задач стрѣльбы для пѣхотныхъ частей и пулеметныхъ командъ,

продѣланныхъ въ окрестностяхъ сел. Höflein 12-го сент. 1911 г.

(Сообщеніе Императорско-Королевской армейской стрѣлковой школы ¹⁾)

Въ 1911 году въ лѣтній періодъ занятій армейскою стрѣлковою школою нѣсколько разъ были использованы стрѣльбища, расположенныя внѣ обычнаго района ея дѣйствій.

Цѣли избирались самыя простыя, въ большинствѣ случаевъ — неподвижныя мишени. Только во время нѣкоторыхъ упражненій $\frac{1}{3}$ цѣлей состояла изъ автоматически падающихъ мишеней. Последнее рекомендуется особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда не видно мѣста паденія пули и когда правильное положеніе снопа траекторій можетъ быть оцѣнено лишь по дѣйствию, произведенному попаданіемъ пули (напримѣръ, по движенію самой мишени).

Нежелательно, чтобы, при такого рода стрѣльбѣ, примѣняли болѣе $\frac{1}{3}$ автоматически падающихъ мишеней, такъ какъ случается, что

¹⁾ Въ Австрій.

большая часть мишеней бываетъ разстрѣлана сравнительно быстро и тогда получаютъ промежутки, которые въ дѣйствительномъ бою будутъ заполнены резервами; замѣна же разстрѣланныхъ мишеней во время стрѣльбы невозможна безъ специальныхъ для этого приспособленій. Кромѣ того, въ бою, при условіи, что непріятельскія цѣли хорошо укрыты, невозможно прослѣдить за попаданіемъ въ отдѣльныхъ стрѣлковъ; тѣмъ не менѣе, при управленіи огнемъ, надо заботиться, чтобы онъ былъ направленъ соотвѣтствующимъ образомъ.

Съ этою цѣлью, въ большинствѣ случаевъ, продолжаютъ обстрѣливаніе участковъ, гдѣ сначала были замѣчены цѣли, тогда какъ во время упражненій, если злоупотреблять чрезмѣрнымъ количествомъ падающихъ мишеней, то этимъ совершенно произвольно будетъ достигнуто сосредоточеніе огня лишь противъ стоячихъ мишеней.

Гдѣ обстоятельства требовали, чтобы мишень была видимой лишь въ извѣстные моменты, тамъ, для достиженія этого, пользовались очертаніями или закрытіями мѣстности.

Такой способъ установки цѣлей, на ряду съ его простотою, наиболѣе близко подходитъ къ боевой обстановкѣ, допускаетъ оборудованіе стрѣльбища въ кратчайшій срокъ, исключаетъ необходимость сооруженія искусственныхъ закрытій, специальныхъ мишеней и т. п. и, благодаря этому, имѣетъ за собою и преимущество большей дешевизны.

Послѣ основательной рекогносцировки стрѣльбища самимъ руководителемъ, послѣ опредѣленія на мѣстности задачъ, подлежащихъ рѣшенію, и назначеніе цѣлей, самое оборудованіе стрѣльбища и постановка всѣхъ мишеней были закончены въ полъ-дня.

Вышеупомянутыя преимущества представляются особенно цѣнными, если принять во вниманіе, что для оборудованія стрѣльбищъ вообще требуется большія команды рабочихъ, которыя весьма часто затрачиваютъ на это до 8-ми и болѣе дней, благодаря чему эти люди отрываются отъ строевой подготовки; между тѣмъ изображеніе цѣлей мишенями все же даетъ картину далекую отъ того, что мы встрѣчаемъ въ дѣйствительномъ бою.

Что касается самаго исполненія задачъ, то практика вполне выяснила необходимость частой перемѣны мѣста стрѣльбищъ, такъ какъ на обычныхъ постоянныхъ стрѣльбищахъ не всегда достаточно ясно обрисовывается трудность управленія огнемъ, а между тѣмъ, опытъ указываетъ на необходимость такой постановки обу-

ченія, которая обезпечивала бы правильное управленіе огнемъ при любой обстановкѣ, несмотря ни на какія затрудненія.

По вышеизложеннымъ причинамъ предлагаемыя задачи имѣютъ общій интересъ и значеніе.

Обстановка.

Состояніе погоды: погода очень хорошая, средняя температура 20°—26° Цельсія, вѣтеръ переменнй силы и направленія, солнце до полудня сзади, послѣ полудня—слѣва.

Паденіе пуль, благодаря тому обстоятельству, что почти всюду была сухая пахоть, отлично поддавалось наблюденію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ этому препятствовало очертаніе мѣстности.

Составъ стрѣляющей части: 1—2 взвода и пѣхотная пулеметная команда. Составъ каждого взвода—45 стрѣлковъ, при 4-хъ отдѣленныхъ начальникахъ и одномъ унтеръ-офицерѣ за фронтомъ. Полуротными и взводными командирами были назначены слушатели 4-го курса военной школы.

Пулеметная команда выступила подъ главенствомъ своего начальника въ составѣ, положенномъ для него по мирному времени.

Всѣ части были взяты изъ состава учебныхъ командъ и потому, надо полагать, были отлично обучены въ стрѣлковомъ отношеніи. Обстоятельство это слѣдуетъ принять во вниманіе при оцѣнкѣ дѣйствительности стрѣлбы и условій управленія ихъ огнемъ.

Вооруженіе и снаряженіе. Всѣ стрѣляющія части выступили въ полномъ походномъ снаряженіи, съ шанцевымъ инструментомъ, имѣя при себѣ полное положенное число патроновъ, съ дальномѣрами, а у отдѣленныхъ начальниковъ были, кромѣ того, и бинокли.

Изображеніе цѣлей. Что касается силы противника (величина мишени) и его расположенія, то изображеніе ихъ было строго согласовано съ основами тактики: такимъ образомъ, допускалось расположеніе мишеней посреди кукурузнаго поля, нѣсколько отступая отъ опушки лѣса и т. п.

Степень видимости цѣлей, въ зависимости отъ освѣщенія, была неединзкова, но въ общемъ хороша. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлей не было видно или когда онѣ различались съ трудомъ, руководитель сообщалъ стрѣляющимъ частныя данныя, касающіяся дѣйствительности огня этихъ частей противника.

Что касается деталей изображенія цѣлей, то, насколько нужно,

этотъ вопросъ будетъ разобранъ особо въ каждой изъ поставленныхъ задачъ.

Задача № 1.

Стрѣляющая часть—одна полурота; *вътеръ* средней силы, слѣва.

Цѣль упражненія: завязка огнестрѣльнаго боя передовыми патрулями при случайномъ столкновеніи съ непріятелемъ.

Заданіе и исходное положеніе. Непріятель наступаетъ черезъ лѣсъ, что къ сѣверо-западу отъ Хёфлейна (Höflein), въ направленіи на послѣдній.

Нашъ полкъ наступаетъ черезъ Хёфлейнъ навстрѣчу противнику.

Изображеніе цѣлей (см. схему № 1-й). Цѣль *A*—20 открыто и 10 укрыто лежащихъ фигуръ—изображаетъ непріятельскую стрѣлковую цѣль, которая только что расположилась въ кукурузномъ полѣ. Протяженіе 40 шаг.

Цѣль *B*—20 перебѣгающихъ фигуръ на неодинаковомъ разстояніи другъ отъ друга—изображаетъ отдѣленіе, удлиняющее впереди расположенную стрѣлковую цѣль. Протяженіе 40 шаг.

Цѣль *C*—2 конныхъ фигуры и 5 фигуръ, расположенныхъ въ глубину,—изображаетъ ротнаго командира съ состоящими при немъ лицами (его штабомъ) и только что прибывшаго начальника головного отряда.

Цѣль *D*—20 (расположенныхъ въ глубину) фигуръ въ колоннѣ со вздвоенными рядами—изображаетъ идущее походнымъ порядкомъ отдѣленіе. Глубина цѣли 20 шаг.

Разстояніе между группами мишеней *C* и *D* равнялось 280 шаг. Разстояніе отдѣльных мишеней отъ часовни можетъ быть опредѣлено по схемѣ № 1-й. Мишени эти должны были изображать головной отрядъ противника въ моментъ его развертыванія.

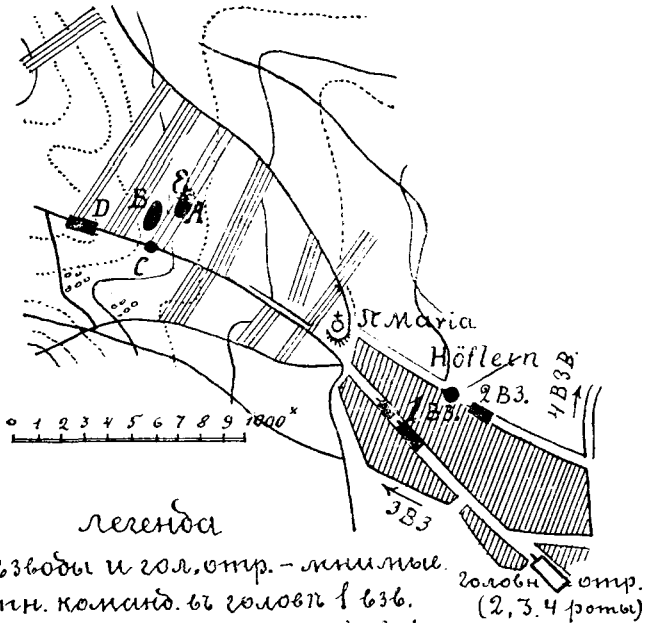
Степень видимости отдѣльных цѣлей. Цѣль *B* можно было видѣть уже при выходѣ изъ селенія, откуда остальные цѣли еще видны не были.

Цѣль *A* съ трудомъ была видна даже съ 1-й стрѣлковой позиціи, но для опытнаго глаза все же представляла нѣкоторую ориентировочную данную; въ бинокль она была видна хорошо.

Цѣли *C* и *D* отъ часовни были ясно видны.

Условія мѣстности. Часовня расположена выше выхода изъ

Схема 1

легенда

3, 4 взводы и гол. отр. — минные.
ротн. команд. въ головн 1 взв.   головн отр.
(1) стрѣлковая позиция 1 и 2 взв.   (2, 3, 4 роты)

у часовни St. Maria

расстояние до цѣли $A = 850^*$
 " " " $B = 950^*$
 " " " $C = 930^*$
 " " " $D = 1210^*$

селенія; отъ нея вся мѣстность совершенно открыта для наблюденія.

Лѣвѣе (юго-западнѣе) часовни находится небольшое закрытіе удобное, какъ часть первой стрѣлковой позиціи. Передъ всѣмъ фронтомъ тянулось нѣсколько полосъ кукурузы, которыя, однако, не закрывали впереди лежащей мѣстности.

Исполненіе задачи. Ротному и обоимъ взводнымъ командирамъ были даны свѣдѣнія о противникѣ и о своихъ войскахъ согласно вышеуказанному: имъ было сообщено, что столкновеніе съ противникомъ можетъ произойти въ каждый моментъ и что намѣреніе командира полка заключается въ овладѣніи высотой подъ названіемъ «Красная песчаная гора».

Какъ только началось движеніе и голова 1-го взвода приблизилась къ сѣверо-западному выходу изъ селенія Höfflein, ротный командиръ, который тѣмъ временемъ приблизился къ головѣ колонны, а равно и командиръ 1-го взвода увидѣли цѣль *B*.

У выхода изъ селенія командиръ роты отдалъ командиру 1-го взвода приказаніе: «Наступленіе! Сначала 1-мъ взводомъ съ вышешности лѣвѣ часовни открыть огонь по перебѣгающему противнику (цѣль *B*). Для этого скрыто дебутировать ихъ селеніе. 2-й взводъ развернется правѣ». Послѣднее приказаніе было передано командиру 2-го взвода черезъ ординарца.

Послѣ этого 1-й взводъ разсыпался въ цѣпи въ садахъ правѣ улицы, продвинулся къ часовнѣ и расположился по обѣ ея стороны, такъ какъ указаннаго для него мѣста было недостаточно.

Съ этой стрѣлковой позиціи командиръ взвода увидѣлъ также цѣли *C* и *D* и открылъ огонь по цѣли *B* двумя правыми разсыпанными въ цѣпь отдѣленіями, а по цѣли *C* двумя лѣвыми.

Прицѣлъ 1.100 шаг.; частый одиночный огонь.

Цѣль *D* предполагалась немногимъ дальше цѣли *C*; поэтому она не подверглась специальному обстрѣливанію, ибо командиръ взвода предполагалъ, что она и безъ того попадетъ въ полосу пораженія огня, направленного противъ *C*. Цѣль *A* не была замѣчена.

Принимая во вниманіе, что около цѣли *B* наблюдалось паденіе лишь небольшого количества пуль, прицѣлъ по цѣли *B* былъ увеличенъ до 1.200 шаг.

По сообщеніи руководителемъ, что взводъ сильно обстрѣливается со стороны кукурузнаго поля, расположеннаго впереди отдѣльно стоящаго дерева (цѣль *A*), командиръ взвода перенесъ туда огонь крайняго праваго отдѣленія съ установкою прицѣла на 700 шаг. Вслѣдъ затѣмъ руководитель сообщилъ, что цѣль *B* слѣдуетъ считать скрывшейся, послѣ чего командиръ взвода приказалъ и 2-му правому отдѣленію перенести огонь на цѣль *A*, увеличивъ высоту прицѣла для обоихъ отдѣленій до 800 шаг.

Послѣ открытія огня 1-мъ взводомъ, 2-й взводъ выдвинулся на линію огня правѣ 1-го, причемъ командиръ этого взвода назначилъ лишь два отдѣленія для удлиненія цѣпи 1-го взвода, а полъ-взвода удержалъ въ резервѣ у часовни.

Передъ самымъ вступленіемъ въ бой 2-го взвода руководителемъ даны были указанія, что цѣли *C* и *D* также слѣдуетъ считать скрывшимися, а потому болѣе не подлежащими обстрѣливанію.

Командиръ 2-го взвода, который не сразу понялъ указанія руководителя, приказалъ сначала въ теченіе очень короткаго времени обстрѣливать цѣль *В* съ установкою прицѣла на 1.000 шаг. и лишь послѣ этого перевели огонь всего полу-взвода на цѣль *А* при установкѣ прицѣла на 800 шаг.

Тѣмъ временемъ уже и 1-й взводъ сосредоточилъ свой огонь всѣхъ четырехъ отдѣленій на цѣли *А* и вскорѣ началъ наступленіе, что побудило 2-й взводъ, для усиленія огня, влить въ боевую цѣпь справа свой резервъ. Послѣ того какъ 1-й взводъ продвинулся впередъ приблизительно шаговъ на 80—100, занятіе было закончено. Продолжительность огня въ общей сложности 9 минутъ 30 секундъ.

Разборъ. Способъ дѣйствія находился въ зависимости отъ имѣвшагося времени и характера непріятельскаго противодѣйствія.

Обстановка повелительно требовала быстрого рѣшенія и быстрой отдачи соотвѣтствующихъ приказаній для того, чтобы 1-й взводъ еще до выхода своего изъ деревни былъ ориентированъ относительно ожидавшей его задачи. Ротный командиръ вполнѣ правильно рѣшилъ атаковать противника, который только что начиналъ развертываться; его рѣшеніе вполнѣ соотвѣтствовало намѣреніямъ командира полка и поэтому ему оставалось лишь обдумать порядокъ приведенія своего плана въ исполненіе.

Всякое наступленіе—вообще, всякое тактическое дѣйствіе, которое должно быть разрывлено огнемъ—сводится къ выполнению слѣдующихъ требованій: 1) свой огонь долженъ быть доведенъ до максимальной силы; 2) дѣйствіе огня противника должно быть ослаблено до минимума.

Для того, чтобы выполнить эти требованія, ротному командиру необходимо прежде всего *личнымъ осмотромъ ознакомиться съ мѣстностью и съ расположеніемъ противника.*

Если бы ротный командиръ вмѣстѣ съ головными частями быстро выдвинулся къ часовнѣ (для этого онъ верхомъ) и, по возможности, скрыто продвинулъ черезъ селеніе 1-й взводъ, то онъ сразу увидѣлъ бы противника и поле своихъ дѣйствій, не теряя при этомъ ни одной секунды и не имѣя надобности останавливать подходъ части. Между тѣмъ онъ этого не сдѣлалъ, вслѣдствіе чего приказаніе было отдано впопыхахъ и потому почти ни одно распоряженіе его не было выполнено.

Завязка наступательнаго боя должна была состоять изъ подготовки движенія огнемъ 1-го взвода. Но для исполненія этого не

доставало одного, именно условія внезапности. Противникъ навѣрное въ такой же степени былъ освѣдомленъ о наступленіи роты, насколько эта послѣдняя ориентирована относительно его самого; на это указываетъ его наступленіе цѣпами. И, если его было видно по выходѣ изъ селенія, то, несомнѣнно, и онъ долженъ былъ замѣтить наступленіе 1-го взвода.

Приказаніе расположиться на 1-й стрѣлковой позиціи лѣвѣе часовни не было исполнено, такъ какъ указанное мѣсто оказалось недостаточнымъ для цѣлаго взвода.

Обстрѣливаніе цѣли *B* было произведено не полностью всѣмъ 1-мъ взводомъ, такъ какъ взводному командиру, по достиженіи первой стрѣлковой позиціи, представились еще три цѣли (*A*, *C* и *D*), изъ которыхъ онъ увидѣлъ *C* и *D* и открылъ огонь также и по *C*. Такой способъ дѣйствій нельзя признать цѣлесообразнымъ.

Управленіе огнемъ въ серьезномъ бою, кромѣ волненія, вызываемаго опасностью, связано еще со многими другими трудностями. Поэтому все стараніе должно быть направлено къ тому, чтобы, по возможности, сократить число послѣднихъ, для чего лучшимъ средствомъ является *точное указаніе цѣли для открытія перваго огня*.

И безъ того довольно часто придется прибѣгать къ проявленію самостоятельности и частной инициативы со стороны низшаго команднаго состава; а потому, если уже съ первой стадіи развитія боя, вслѣдствіе неполноты отданнаго приказанія, большая часть рѣшеній будетъ предоставлена усмотрѣнію низшихъ командующихъ лицъ, то этимъ самымъ управленіе боемъ будетъ вырвано изъ рукъ командира и все будетъ имѣть случайный характеръ. *Поэтому слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на правильность и точность приказанія объ открытіи огня.*

Это первое приказаніе часто будетъ единственнымъ, которое дойдетъ до всѣхъ, и потому оно должно заключать въ себѣ директивы низшимъ командующимъ лицамъ для ихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Конечно, могутъ встрѣтиться случаи, когда придется ограничиться приказаніемъ: «открыть огонь!», но если только представляется возможность спокойно взвѣсить свои распоряженія, то вышеуказанное слѣдуетъ требовать всегда.

Въ данномъ случаѣ такое категорическое и точное приказаніе было вполне возможно.

Что касается самаго управленія огнемъ, то требованіе довести

его до возможной силы и дѣйствительности, въ связи съ цѣлесообразнымъ развертываніемъ предназначенныхъ для стрѣлковаго боя частей, требуетъ отъ управляющаго огнемъ распоряженій, направленныхъ къ тому, чтобы весь снопъ пуль стрѣляющихъ отдѣленій былъ сосредоточенъ на цѣли, наиболѣе важной въ тактическомъ отношеніи.

Цѣль *A* какъ по готовности къ открытію огня, такъ и по разстоянію, являлась важнѣйшею, противъ которой и слѣдовало бы направить огонь нашихъ отдѣленій; но, принимая во вниманіе, что она не сразу была замѣчена, важнѣйшими являлись наступающія цѣли *B* и *D*, изъ которыхъ наиболѣе выгодной по своимъ размѣрамъ была цѣль *D*.

Самое естественное и потому самое простое распредѣленіе огня для 1-го взвода выразилось бы въ томъ, чтобы однимъ полувзводомъ обстрѣлывать части противника, наступающія вправо отъ дорогъ, а другимъ—наступающія лѣвѣе по дорогѣ. Особенно слѣдовало обстрѣлывать цѣль *D*, наступавшую вдвоенными рядами; для цѣли же *C* достаточно было назначить нѣсколько отдѣльныхъ хорошихъ стрѣлковъ.

Вслѣдъ за выборомъ и распредѣленіемъ цѣлей однимъ изъ важнѣйшихъ требованій является *правильный выборъ высоты прицѣла*.

Полуротный командиръ, имѣя при себѣ дальномѣръ, долженъ былъ поспѣшить впередъ къ часовнѣ и опредѣлить разстояніе. Такъ какъ онъ не замѣтилъ цѣли *A*, то ему слѣдовало обратить свое вниманіе на далеко видимое отдѣльно стоящее дерево вблизи цѣли *B*, которое являлось лучшимъ ориентировочнымъ пунктомъ при обстрѣливаніи мѣняющихся цѣлей.

Понятно, надо было постараться опредѣлить разстояніе на глазъ. Измѣреніе приборомъ могло потребовать слишкомъ много времени и въ данномъ случаѣ могло быть и невыполнимымъ, благодаря возможному дѣйствительному огню противника.

Результатъ оцѣнки разстоянія долженъ былъ быть сообщенъ обоимъ взводнымъ командирамъ. Первая стрѣлковая позиція для 1-го взвода была выбрана удачно; только взводу этому, вслѣдствіе недостатка мѣста и ожидаемаго удлиненія цѣпи 2-мъ взводомъ, непремѣнно слѣдовало удлинить цѣпь влѣво, что уменьшило бы густоту ея и тѣмъ самымъ ослабило бы потери отъ огня.

Если бы была произведена рекогносцировка, а затѣмъ принято рѣшеніе на основаніи осмотра мѣстности, то, при условіи,

что полуротный командиръ не замѣтилъ цѣли *A*, какъ это и произошло на самомъ дѣлѣ, первое приказаніе могло бы быть приблизительно такое: «Наступленіе!». Первый взводъ въ цѣль на гребень влѣво отъ часовни и далѣе до сарая, открыть огонь полувзводами по противнику, наступающему вправо и влѣво отъ дороги. 2-му взводу наступать правѣе 1-го въ направленіи на дерево (за цѣлью *A*). Разстояніе до отдѣльно стоящаго дерева 900 шаговъ. Для дачи указаній командиру 2-го взвода остается достаточно времени. Ему все равно придется выдвинуться къ часовнѣ, а если бы его тамъ и не оказалось, то за нимъ можно послать ординарца или вызвать условнымъ знакомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, при подобной обдуманной отдачѣ приказаній, можно рассчитывать съ большею увѣренностью на то, что огонь будетъ сосредоточенъ именно туда, гдѣ это является желательнымъ для командира въ интересахъ исполненія намѣченной имъ задачи, въ данномъ случаѣ атаки.

Указанное командиромъ 1-го взвода распредѣленіе огня было исполнѣе правильно, хотя и несогласно съ приказаніями полуротнаго командира. Нецѣлесообразнымъ является лишь то, что, убѣдившись въ недостаткѣ назначеннаго мѣста на 1-й стрѣлковой позиціи, онъ подался вправо, занимая такимъ образомъ участокъ, указанный для 2-го взвода; въ этомъ не было никакой надобности въ виду того, что влѣво мѣста было достаточно.

Первоначальная болѣе правильная установка прицѣла была опрометчиво измѣнена установкою на 1.200 шаг., благодаря чему положеніе траекторій относительно цѣли значительно ухудшилось; подобное распоряженіе основывалось единственно на томъ, что было замѣчено, какъ нѣсколько пуль ясно ударились передъ цѣлью *B*, причемъ было упущено изъ виду, что за цѣлью *B* простиралось кукурузное поле, которое не давало возможности слѣдить за паденіемъ пуль.

Подводя итогъ всему сказанному, мы видимъ, что цѣль *A* не была замѣчена вовсе, что разстояніе до цѣли *C* взято слишкомъ малое, что промежутокъ между цѣлями *C* и *D* ошибочно принятъ меньше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ и, кромѣ того, направленіе снопа траекторій, относительно цѣли *B*, рассчитано неправильно.

Отсюда ясно, что надо обратить особенное вниманіе на: *рекогносцировку мѣстности, обнаруженіе трудно видимыхъ цѣлей, оценку разстояній и умѣнье правильно направить снопъ траекторій* пуль.

Каждый офицеръ, который уяснить себѣ всю важность этихъ вопросовъ, нѣвѣрное постарается совершенствоваться въ нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ; руководители задачъ могутъ лишь, какъ это здѣсь и подчеркнуто, указывать на упущенія и на проистекающія отъ этого вредныя послѣдствія.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что какъ взводный командиръ, такъ и отдѣленные начальники, прямо прокричали свои приказанія перебѣгающимъ частямъ и потому врядъ ли ихъ слова были услышаны всѣми людьми.

По крайней мѣрѣ затѣмъ потребовалось нѣкоторое время, пока отданныя приказанія были исполнены всѣми.

Впереди лежащія полосы кукурузы, какъ закрытія, были использованы слишкомъ мало; значительная часть цѣпи размѣстилась впереди ихъ.

Въ деталяхъ управленіе огнемъ зависитъ отъ взводныхъ командировъ и ихъ помощниковъ—отдѣленныхъ начальниковъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не привѣтствовать § 335 Проекта новаго строевого устава, въ которомъ отдѣленному начальнику предоставлена болѣе широкая инициатива по сравненію съ § 318 устава 1903 года.

На управляющихъ огнемъ начальникахъ лежитъ обязанность регулировать его интенсивность, дабы, «довести свой огонь до возможно большей степени дѣйствительности». Частый огонь 1-го взвода по перебѣгающимъ цѣлямъ былъ совершенно умѣстенъ, тѣмъ болѣе, что умѣніе людей стрѣлять и дисциплина огня обезпечивали необходимую въ данномъ случаѣ кучность попаданій.

Послѣ того какъ было объявлено, что перебѣгающія фигуры исчезли, огонь достаточно быстрый, хотя и не столь интенсивный, какъ раньше, по цѣлямъ *C* и *D*, былъ перенесенъ на цѣль *A*; такая мѣра вполне соответствовала тактической обстановкѣ и величинѣ представляющихся цѣлей.

Достойно особенной похвалы, что нѣкоторые стрѣлки, на основаніи наблюденныхъ рикошетовъ, сами исправляли высоту прицѣла и сообщали свои наблюденія товарищамъ.

Цѣль *A* впервые была замѣчена одиночными людьми въ цѣпи, которые сейчасъ же сообщили объ этомъ взводному командиру, что тоже заслуживаетъ похвалы.

2-му взводу было значительно легче; ему, собственно говоря, пришлось имѣть дѣло съ одною лишь цѣлью *A*, такъ какъ всѣ прочія цѣли къ тому времени уже предполагались скрывшимися.

Но и здѣсь, очевидно, не доставало спокойнаго обсужденія за-

дачи и точной отдачи приказаній, такъ какъ все дальнѣйшее указываетъ на противное.

Взводу надлежало наступать, имѣя передъ собою одну лишь цѣль *A*; казалось бы, что самымъ естественнымъ въ данномъ случаѣ рѣшеніемъ было ввести въ бой все наличное число людей, а не удерживать половины въ резервѣ, чтобы, доведя такимъ образомъ свой огонь до наибольшей силы, подготовить наискорѣйшимъ образомъ возможность наступленія. Такое рѣшеніе оправдывалось еще и тѣмъ, что въ сущности взводъ въ боевомъ отношеніи разсматривается какъ самостоятельная боевая единица въ такой же степени, какъ и полурота, за которою слѣдовалъ головной отрядъ, имѣвшій возможность вступить въ бой черезъ нѣсколько минутъ.

Усиленіе огня 2-мъ взводомъ во время наступленія 1-го обозначилось рельефно, не требуя вмѣшательства взводнаго командира, что указываетъ на вполне сознательныя дѣйствія отдѣльных стрѣлковъ и отдѣленныхъ начальниковъ.

Скорость стрѣльбы: въ 1-мъ взводѣ (продолжительность огня 9 мин. 30 сек.) прибл. 4 патрона на 1 чел. въ 1 мин.; во 2-мъ взводѣ (продолжительность огня 5 мин. 30 сек.) болѣе 5 патроновъ на 1 чел. въ 1 мин.

Здѣсь необходимо оговорить, что, при оцѣнкѣ результатовъ, слѣдуетъ разсматривать отдѣльно успѣхъ, который приходится на долю управленія огнемъ, и успѣхъ, который зависитъ исключительно отъ умѣнія лучшихъ стрѣлковъ.

Цѣль *C* (930 шаг.) была обстрѣляна при установкѣ прицѣла на 1.100 шаг. и, если въ ней оказались одиночныя пробоины, то это объясняется самостоятельнымъ исправленіемъ прицѣла отдѣльными начальниками и лучшими изъ стрѣлковъ. Полное отсутствіе попаданій въ мишени *D*—исключительная вина руководителя огня, который не уяснилъ себѣ важности цѣли *D*, не направилъ на нее огня и неправильно опредѣлилъ разстояніе между мишенями *D* и *C*.

Но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить похвальную дисциплину огня у людей, такъ какъ очевидно никто изъ одиночныхъ стрѣлковъ не стрѣлялъ по мишени *D*; иначе, при установкѣ прицѣла на 1 100 шаг., въ ней бы навѣрное оказались пробоины.

При управленіи огнемъ не сумѣли сосредоточить на цѣли *B* дѣйствительнаго огня: первоначально была взята черезчуръ большая высота прицѣла (1.100 шаг.), которая потомъ, благодаря неправильнымъ наблюденіямъ, была еще увеличена до 1.200 шаг.

Результаты стрельбы схема 2.

Если въ этой цѣли и оказались пробойны, то это объясняется лишь тѣмъ, что, во-первыхъ, она была по ошибкѣ обстрѣляна 2-мъ

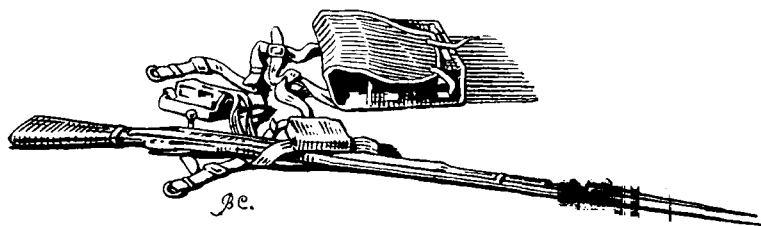
взводомъ, а, во-вторыхъ, лучшіе стрѣлки 1-го взвода частью сами исправили высоту прицѣла.

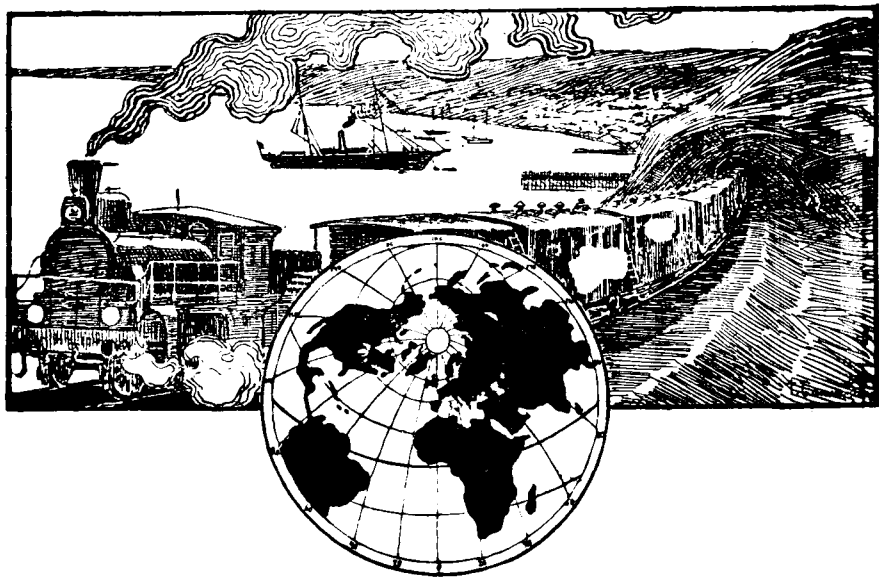
Что касается цѣли А (800 шаг.), то здѣсь въ полной мѣрѣ сказалась одиночная подготовка и дисциплина огня у людей: стрѣлки стрѣляли лишь по тѣмъ цѣлямъ, которыя можно было взять на мушку; фигуры, въ которыхъ пробоинъ не оказалось дѣйствительно были совершенно закрыты кукурузой; фактъ этотъ съ одной стороны указываетъ на особенную тщательность стрѣльбы, подчеркивая съ другой полезность хорошо использованныхъ мѣстныхъ закрытій.

Къ сожалѣнію невозможно установить въ какое время цѣль А попала подъ дѣйствительный огонь, а между тѣмъ это очень важно, такъ какъ, принимая во вниманіе, что она долго не обстрѣливалась, надо полагать, что, въ дѣйствительномъ бою, она должна была дѣйствовать весьма удачно противъ скученнаго 1-го взвода, влияя на спокойствіе его огня и этимъ самымъ значительно ослабляя его дѣйствительность.

Пер. К. Ф.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЪ АЛАЙСКОЙ ДОЛИНЫ ДО МАРГЕЛАНА.

(Изъ путевыхъ очерковъ по Средней Азiи).

Г л а в а I.

Дораутъ-Курганъ.—Киргизское коневодство.

Намъ съ докторомъ N предстояло проѣхать въ Маргеланъ изъ урочища Дораутъ-Курганъ, которое считается за начало Алайской долины со стороны Ферганской области.

Нѣсколько киботокъ около рѣки съ загородками для скота и нѣсколькими тощими деревьями, запорошенными снѣгомъ, не давали возможности сдѣлать какое-либо заключенiе объ этомъ мѣстѣ, а потому оно мелькнуло передъ глазами, не оставивъ почти никакого впечатлѣнiя. Втянувшись въ боковое ущелье, мы вмѣстѣ съ тѣмъ выѣхали изъ Алайской долины, слѣдуя долгое время по дну какой-то рѣченки, вода которой журчала изъ-подъ снѣга.

То держась одного изъ береговъ, то переправляясь черезъ воду и преодолевая ея небольшую глубину, мы все же благодаря брызгамъ, летѣвшимъ изъ-подъ копытъ лошадей, порядочно промокли, когда подъѣхали къ перевалу.

Скользя по узкой тропѣ, извилинами поднимавшейся вверхъ, на перевалѣ насъ встрѣтилъ жестокий сѣверный вѣтеръ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ превратившій наше мокрое платье въ ледяныя брони, стучавшія при каждомъ движеніи.

Совершенно незамѣтно для глаза мы поднимались все выше и выше и невдалекѣ отъ урочища Какъ-Сай уже достигли вновь серьезной высоты 12-ти тысячъ футовъ. Дорога сдѣлалась труднѣе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невольно вспомнилась крутизна хребта Петра Великаго.

Заросли довольно большого лѣса съ разбросанными по склонамъ горы огромными камнями и ущельями дѣлали горный ландшафтъ очень красивымъ.

Сѣрые мрачные утесы поднимались вверхъ, образуя до крайности дикую картину.

Сдѣлавъ привалъ у урочища Лянгара и обогрѣвшись около разложеннаго костра, мы довольно долго отдыхали, сушились и закусывали трофеями охоты—куропатками, жаренными на вертелѣ. Заманчивый запахъ далеко разносился по окрестностямъ и, сдѣлавъ по тяжелой, трудной дорогѣ почти сорокъ верстъ, мы накнулись на это вкусное блюдо.

Порою намъ на рѣкѣ попадались небольшіе водопады, на которыхъ вода съ шумомъ неслась между камнями, унося съ собою массу снѣга, падавшаго съ боковъ ущелья. Очень крутые спуски и подъемы при стремительно бѣжавшей водѣ рѣки придавали суровый видъ этой горной долиנѣ, протянувшейся на нѣсколько десятковъ верстъ.

Шагъ за шагомъ мы снова осторожно двигаемся, на каждой тропѣ ежеминутно рискуя поскользнувшись слетѣть съ довольно большой высоты.

— Однако, не даромъ говорятъ, что Исфайрамское ущелье одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ, сказалъ докторъ.

Жаль только мы его не видѣли въ полномъ цвѣтѣ лѣтомъ или весною, тогда, вѣроятно, оно особенно привлекательно. Принявъ же во вниманіе, что по склонамъ горъ здѣсь встрѣчаются пашни можно съ увѣренностью сказать, что всѣ эти мѣста, какъ нельзя больше подходятъ къ условіямъ жизни великороссовъ, изъ средней Россіи.

Непонятно, почему до сихъ поръ не обращено совершенно никакого вниманія на долины и предгорья Алайскаго и другихъ Памирскихъ хребтовъ, въ которыхъ, не говоря уже объ огромной

Алайской долины, есть большія пространства вполне пригодныя для земледѣлія и вполне удобныя для водворенія русскихъ переселенцевъ, которыхъ въ сущности снѣжными зимами при морозахъ лишь въ 10—12 градусовъ не испугаешь, а потому, разумѣется, они бы легко приспособились къ жизни на этой безлюдной окраинѣ.

Говорить же о томъ, что распашка площадей, нынѣ служащихъ для кочевковъ киргизъ, нарушаетъ ихъ интересы, по меньшей мѣрѣ, странно, такъ какъ кочевая жизнь, являющаяся первобытною формою человѣческаго существованія, силою вещей должна прекратиться, уступивъ мѣсто болѣе культурной формѣ—осѣдлости и, такимъ образомъ, съ приходомъ земледѣльца вполне логично кочевнику необходимо уступить ему мѣсто и самому также перейти въ число осѣдлыхъ, а тогда, разумѣется, всѣмъ земли хватитъ съ избыткомъ.

— Но позвольте, вѣдь это невозможно выполнить въ короткій срокъ, попробоваль я оппонировать доктору.

— Полноте, у насъ уже въ Семирѣчьи есть рядъ примѣровъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили одни лишь кочевники киргизы, жаловавшіеся на недостатокъ у нихъ земли, оказалось возможнымъ устроить русскіе поселки, выдѣливъ подъ нихъ часть пастбищъ, а послѣ этого, черезъ нѣсколько лѣтъ, уже почти всѣ киргизы превратились въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, почти уничтоживъ свои табуны.

Здѣшнее же коневодство никакой почти пользы государству принести не можетъ, такъ какъ, не имѣя хорошихъ производителей, киргизское табунское коневодство выработало мелкую непородную лошадь, не могущую быть взятою ни въ армію, ни даже служить рабочею силою для земледѣльца.

Держать же эти табуны для кумыса, для мяса, кожи, да еще выручаютъ небольшой доходъ, продавая по 20—25 рублей лошадь на туземныхъ базарахъ.

Состоя много лѣтъ въ комиссіяхъ по покупкѣ ремонтныхъ лошадей и зная всѣ условія коневодства, я невольно долженъ былъ согласиться съ этими заключеніями.

Киргизская лошадь Восточной Бухары и Алайской долины давно уже сильно измельчала, благодаря отсутствію притока чистопородной крови, при помощи производителей. Общій упадокъ коневодства во всемъ Туркестанѣ особенно сильно отразился на нѣкоторыхъ раіонахъ, вырабатывавшихъ въ прежнее время отличныхъ

лошадей. И вслѣдствіе многихъ крайне неблагоприятныхъ условій лошади Ура-Тюбинскія и Сандзарскія исчезли почти совершенно. Знаменитые же туркменскіе аргамаки настолько рѣдки и дороги, что представляютъ собою какой-то мифъ, о которомъ не можетъ мечтать даже богатый коневодъ, а про средняго и говорить нечего.

Персидскіе, турецкіе и арабскіе жеребцы, которые прежде приводились паломниками, при возвращеніи изъ Мекки, вслѣдствіе совершенія ими нынѣ этого путешествія по желѣзной дорогѣ, не приводятся вовсе. И если къ этому прибавить, что подарки жеребцами, которые жаловались многимъ туземцамъ кокандскими ханами и бухарскими эмирами изъ числа приводившихся изъ Турціи, Персіи и Аравіи, дававшіе возможность улучшать породу, также давно прекратились, а афганскій эмиръ запретилъ выводить жеребцовъ изъ Афганистана, то станетъ вполне понятнымъ, что достать производителей негдѣ.

Убѣдившись въ достоинствахъ англо-аравовъ и англійскихъ кровныхъ лошадей, нѣкоторые богатые бои, хотя и мечтаютъ о нихъ, но достать лошадей этихъ породъ за неприводомъ ихъ въ Фергану также почти невозможно.

Такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ, могущимъ улучшить киргизское коневодство, явится устройство случныхъ конюшенъ въ Ново-Маргеланѣ, Ошѣ и Алайской долинѣ и въ г. Кулябѣ и Гиссарѣ, причемъ въ первыхъ трехъ пунктахъ это должно бы взять на себя государственное коннозаводство, а въ послѣднихъ двухъ городахъ необходимо настоятельное представленіе бухарскому эмиру, съ разработкою всего вопроса улучшенія коневодства во всемъ бухарскомъ ханствѣ и учрежденіемъ случныхъ конюшенъ и въ другихъ городахъ ханства, а именно: Чарджуѣ, Бурдалыкѣ, Хатырчахъ, Керкахъ, Каршахъ, Шахризаябѣ, Ширабадѣ, Кермине, Дайну, Нурадѣ, Курганъ-Тюбе и Балъджуанѣ, что можетъ не только поддержать падающее коневодство въ ханствѣ, но и создать вновь богатый конскій районъ, откуда могутъ получаться прекрасныя лошади въ ремонты кавалеріи, при условіи учрежденія постоянной ремонтной комиссіи въ Самаркандѣ.

Глава II.

Преданіе о Соломонѣ.

Пробираясь по узкой тропинкѣ, пролегавшей параллельно стремительно несшимся водамъ рѣки, глубоко ушедшей между скали-

стыхъ и обрывистыхъ береговъ, мы буквально ползли этотъ трудный переходъ. Лошади переступали нога за ногу, скользя по глинистой размягченной почвѣ.

Небольшіе водопады своимъ шумомъ нарушали тишину, разнообразя своимъ видомъ дорогу.

Густые кустарники покрывали склоны ущелья, образуя значительныя заросли, среди которыхъ кое-гдѣ поднимались отдѣльныя деревья, а мѣстами и цѣлыя куртины.

Животрепещущіе мостики, переброшенные черезъ рѣку, попадались довольно часто, вынуждая особенно осторожно переѣзжать черезъ нихъ, внимательно осматривая настилку, въ которой чернѣли широкія дыры.

Кеклики, горныя куропатки и горлицы начали подниматься изъ зарослей, когда мы вѣзжали въ нихъ.... Съ шумомъ, клекотаніемъ взлетали они вверхъ, разсѣкая со свистомъ воздухъ при своемъ стремительномъ полетѣ.

— Хорошая птица, одобрилъ старикъ аксакаль, ѣхавшій съ нами вмѣстѣ до Маргелана. Наши люди очень ихъ любятъ и большія деньги за кекликовъ платятъ. Потомъ бой имъ устраиваютъ, и деньги въ закладъ при этомъ ставятъ. У кого попадется сердитый, сильный кекликъ много денегъ заработать такой человѣкъ можетъ.

Самъ Сулейманъ-Росулъ любилъ эту птицу, хотя онъ всякую птицу любилъ и не только птичій, но также и языкъ всего живущаго на землѣ, подъ землею и въ водахъ рѣчныхъ и морскихъ, понималъ. Великій былъ Хозретъ у самаго престола Милосерднаго сидитъ онъ теперь, записывая всѣ грѣхи всего живущаго на свѣтѣ въ книгу жизни, а на землѣ больше всего онъ любилъ горлицъ.

Слышалъ ли ты, тюра, какъ нѣжно воркуютъ горлицы весною? Живутъ онѣ парами и любятъ другъ друга. Полюбятъ такъ, что одна не можетъ жить безъ другой. И если убить одну, другая умираетъ отъ тоски. И никто изъ живущихъ на свѣтѣ не умѣетъ такъ сильно любить, какъ маленькая птица—сѣрая горлица. Самая любящая изъ всѣхъ маленькихъ созданій.

И лишь самъ Хозретъ-Сулейманъ могъ такъ же сильно любить, какъ никто изъ людей.

И слагалъ онъ чудныя пѣсни въ честь тѣхъ, кто владѣлъ его сердцемъ и доставлялъ ему блаженство.

Наши горы видѣли его богатые шатры, поставленные среди зеленыхъ луговъ, на которыхъ паслись табуны коней и стада барановъ, принадлежавшихъ его людямъ.

Не было въ то время падишаха могущественнѣе и мудрѣе его, и всѣ народы признавали его власть, неся дань къ подножью трона, а все живущее преклонялось передъ его мудростью и воздавало ему честь.

Больше всего любилъ онъ, ища въ знойное лѣто прохлады, проводить на той высокой горѣ, которая и понынѣ носить имя Солиманъ-Тахта, находясь къ югу за долиною, въ которой протекаетъ широкой многоводный Пянджъ.

Здѣсь въ тихія лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны, слагалъ онъ свои чудныя пѣсни, а днемъ рѣшалъ дѣла и бесѣдовалъ съ царями, мудрецами, простыми людьми, животными и птицами. И для каждаго изъ живущихъ находилъ онъ ласковое слово.

А судъ его былъ справедливъ и всѣ люди, и птицы, и животныя собирались къ подножью его престола и приносили ему свои жалобы. Даже волшебница Балкисъ-Султанша далекой Савской стороны сидѣла у его ногъ и слушала мудрыя рѣшенія.

Счастливъ, доволенъ былъ всегда Хозретъ, но стала омрачаться его душа грустью, когда началъ приближаться закатъ жизни. Славя Аллаха, онъ молилъ Всемогущаго вновь оживить его старое тѣло и открыть послѣднюю тайну ему неизвѣстную—указать, гдѣ струится вода жизни.

И внялъ Аллахъ мольбѣ Великаго Хозрета. Въ сіяніи молній явился къ нему на мгновеніе Джебраилъ посланецъ Милосерднаго и, поставивъ передъ нимъ драгоцѣнную чашу, сказалъ: «Творецъ Вселенной, Всемогушій, Всевѣдущій, Милостивый, да будетъ прославлено имя Его во вѣки, посылаетъ тебѣ, Великій Хозретъ, чашу, содержащую въ себѣ живую воду, возвращающую молодость и дающую вѣчную жизнь на землѣ».

Поклонился въ землю Сулейманъ-Росулъ небесному вѣстнику, но не протянулась рука его за драгоцѣнную чашею, ибо, получивъ желанное, напало на него тяжелое раздумье.

Собрались въ это время вокругъ царя-царей эмиры, султаны, шахи, простые люди, звѣри и птицы.

Окинулъ взглядомъ всѣхъ Сулейманъ-Росулъ и сказалъ: «Вода жизни даетъ вѣчную жизнь брэнному тѣлу, дастъ въ жизни снова много радости и счастья. Но слѣдуетъ ли мнѣ выпить эту чашу и не буду ли я потомъ сожалѣть о сдѣланномъ, но непоправимомъ?»².

И всѣ въ одинъ голосъ и люди, и звѣри, и птицы стали просить Хозрета выпить скорѣе воду жизни, ибо живя бесконечно и

пользуясь счастьемъ, онъ сдѣлаетъ также и жизнь его окружающихъ счастливою и радостною.

Еще сильнѣе задумался тогда Сулейманъ-Росуль. И послѣ долгаго молчанія спросилъ: «Всѣ ли здѣсь люди и звѣри, и птицы, надъ которыми я властвую, и всѣ ли согласны съ этими рѣчами?»

И были всѣ вокругъ царя-царей, но не успѣла лишь прилетѣть сѣрая горлица, залетѣвшая куда-то далеко-далеко въ каменные ущелья южныхъ горъ.

Приказалъ тогда Хозретъ волшебной птицѣ Гудъ-Гудъ ¹⁾ найти горлицу, какъ можно скорѣе и привести ее на собраніе.

Взмахнула своими огненно-красными крыльями Гудъ-Гудъ и унеслась быстрѣе вѣтра на поиски.

Еще не успѣлъ Хозретъ разобраться въ своихъ мысляхъ, какъ уже вернулась Гудъ-Гудъ, а съ нею вмѣстѣ прилетѣла и горлица.

Опустилась она на плечо Хозрета, заплѣла слова любви, которыя такъ хорошо знала, ибо шли они у нея прямо изъ сердца.

Обрадовался Хозретъ, увидѣвъ свою любимицу, самую любящую изъ всѣхъ земныхъ созданий.

И, лаская ея сѣрыя перышки, заговорилъ: «О, моя горлица, скажи, хорошо ли будетъ, если царь-царей, твой господинъ выпьетъ чашу съ живою водою и получить для своего брэннаго тѣла безсмертіе на землѣ?»

Примолкла горлица, прислушиваясь, но потомъ заворковала. «О, господинъ, трудна поставленная тобою задача мнѣ, маленькой птицѣ, незнающей ничего, кромѣ любви.

Но если ты требуешь этого послѣ того, какъ уже сказали всѣ кромѣ меня, то отвѣтъ мнѣ раньше:

Для всѣхъ ли тѣхъ, кого ты любишь, предназначена эта вода или же она только для одного тебя, о, царь царей?»

— «Ты видишь, неразумная горлица, самая любящая изъ всѣхъ земныхъ созданий, что чаша мала и воды жизни въ ней немного, а потому ея не можетъ хватить на всѣхъ, кто любить меня и кого люблю я самъ, ибо ихъ на землѣ такъ много».

И заворковала вновь горлица своимъ звенящимъ голосомъ:

«О, царь-царей, господинъ мой, ты одинъ выпьешь сладкую живую воду, а въ это же время всѣ тѣ, кто тебя любятъ и кого ты самъ любишь—будутъ пить горькую воду смерти.

Съ кѣмъ же останешься ты на землѣ, когда все, что любишь ты самъ, исчезнетъ въ вѣчности?»

¹⁾ Жарь-птица.

О, господинъ мой, тогда твоя любовь останется лишь для тебя тяжелымъ воспоминаніемъ, ибо не будетъ около тебя тѣхъ, кто тебя любилъ.

Я знаю, что любовь моего маленькаго сердца песчинка передъ твоею, но я, маленькое созданіе Аллаха, не могу жить безъ того, кого я люблю и умираю отъ тоски послѣ смерти своей подруги.

Выпивъ чашу съ живою водою, твое тѣло будетъ жить вѣчно, но вся твоя жизнь будетъ однимъ мученіемъ, ибо вокругъ тебя будетъ все время витать ангелъ смерти Азраиль, а въ душѣ твоей всегда останется воспоминаніе о тѣхъ, которые ушли въ вѣчность, и ты ихъ больше никогда не увидишь.

Подумай объ этомъ, мой любимый великій господинъ!»

Задумался Хозретъ Сулейманъ, окинулъ онъ внимательнымъ взоромъ красавицъ женъ своихъ, дѣтей, друзей, слугъ, звѣрей и птицъ.

И безконечно стало ему жаль, что никто изъ нихъ не раздѣлить съ нимъ счастья вѣчной жизни на землѣ и всѣ исчезнутъ въ вѣчности, перейдя въ долину смерти.

Вздохнулъ онъ тяжело о недостижимомъ, но сердцемъ своимъ онъ уже раздѣлялъ все высказанное любящею горлицею и, поклонившись до земли небесному вѣстнику, отдалъ ему чашу съ водою жизни, не приложивъ ее къ своимъ устамъ....

Умеръ великій Хозретъ, когда пришелъ его часъ, перейдя вмѣстѣ со всѣми его любившими въ долину смерти, встрѣчая въ ней cadaго еще оставшагося на землѣ, прославляя Милосерднаго, пославшаго къ нему ангела Азраила, въ то время, когда онъ, насыщенный жизнью, хотѣлъ лишь покоя.

Г л а в а   Ш .

Отрывки воспоминаній о завоеваніи края и положеніе мусульманства.

Зимовка Ауспанъ съ нѣсколькими киргизскими юртами показалась особенно привлекательной, вслѣдствіе сильнаго утомленія тяжелой дорогой и возможностью отдыха подъ кровомъ. Невольно эти примитивныя человѣческія жилища мы считали вполне комфортабельными помѣщеніями.

Мангалъ, распространявшій тепло и чадившій порою немилосердно, казался лучше всякаго камина, а пара ватныхъ одѣялъ на толстой кошмѣ являлись высшимъ комфортомъ, который доступенъ для путника въ дорогѣ.

Несмотря на незначительное разстояніе, въ пятьдесятъ только верстѣ, до ближняго русскаго города, въ жизни киргизовъ ни въ чемъ не было замѣтно культурнаго вліянія русскихъ, и вся обстановка кибитки была мѣстной работы, выполненной киргизскими женщинами изъ овечьей и верблюжьей шерсти, кошмы, хуржумы, веревки, ковры.

Лишь около мангала виднѣлся чугунный кумганъ для воды и пара грубыхъ фарфоровыхъ чайныхъ чашекъ, да на видномъ мѣстѣ, рядомъ съ кучей одѣяль, отсвѣчивалъ металлическимъ блескомъ кованный сундучекъ русской работы.

Усаживаясь на кошмѣ, докторъ обратилъ мое вниманіе на всѣ эти вещи.

— Не правда ли странно, болѣе сорока лѣтъ живемъ мы бокъ о бокъ съ киргизами, а вѣдь почти ничего не внесли въ ихъ жизнь, которая осталась тою же, что и 300—400 лѣтъ тому назадъ. Отчего это?

— Не находите ли вы, что узаконивъ кочевую жизнь, какъ привычную туземному населенію форму, мы не приняли никакихъ мѣръ къ понужденію кочевниковъ перейти на осѣдлое положеніе? Мнѣ кажется, что главная вина сдѣлана нашими поземельно-податными комиссіями, размежевавшими киргизскимъ обществамъ огромные участки земли, благодаря чему у нихъ не было никакой необходимости отъ стараго уклада жизни переходить къ новому осѣдлому состоянію.

Тотъ принципъ справедливости, который все время проводился въ отношеніи туземцевъ, является въ сущности глубокою несправедливостью къ завоевателямъ, не могущимъ до сихъ поръ, несмотря на огромныя земельныя площади, остающіяся свободными, получить земли для поселенія. Какъ никакъ, а кочевой образъ жизни уже отжилъ свой вѣкъ, а потому его слѣдуетъ окончательно уничтожить, лишь постепенно уменьшая площади владѣній кочевниковъ и понуждая ихъ этимъ къ переходу на осѣдлое положеніе.

Киргизка, мать хозяина, привѣтливо улыбнувшись намъ своимъ беззубымъ ртомъ, вошла въ кибитку, неся нѣсколько только что испеченныхъ лепешекъ. Лпцо старухи, покрытое все морщинами, какъ печеное яблоко, было добродушно, напоминая собою отчасти упитаннаго стараго католическаго монаха, какими ихъ изображаютъ на картинахъ иностранныхъ художниковъ.

Сѣвъ неподалеку, она внимательно стала разсматривать пасъ, дѣлясь вслухъ своими впечатлѣніями съ окружающими и высказы-

вая удивленіе, что урусы не сидятъ на мѣстѣ въ своихъ теплыхъ домахъ, о которыхъ она много слышала, а ѣздить по дальнимъ мѣстамъ, какъ бездомные бродяги, терпя всякія лишенія.

— Ханумъ, много жила на свѣтѣ и много видѣла? обратился я къ ней, чтобы начать разговоръ.

— Да, таксырь, много прожила, но только видѣла одни горы, среди которыхъ прошла вся жизнь. Лишь на зарѣ моей жизни пришлось видѣть однажды большой городъ Кокандъ, а потомъ уже ни разу не бывала въ городахъ.

Но, таксырь, зато я удостоилась говорить съ самимъ Урусъ-Акь-Пашей, съ гордостью добавила старуха, вспоминая Бѣлаго генерала М. Д. Скобелева. Давно это было, еще въ то время, когда Худояръ-ханъ въ Кокандѣ ханомъ былъ. Нашъ родъ вмѣстѣ съ другими стоялъ на лѣтовкахъ въ Алайскихъ горахъ, гдѣ жила сама царица Алая. Тогда наши люди держали сторону Пулатъ-хана и вмѣстѣ съ Абдуль-бекомъ воевали противъ войскъ урусовъ. Только не могли кара-киргизы ничего сдѣлать. Какъ коршунъ прилетѣлъ со своими сарбазами Урусъ-Акь-Паша—Скобелевъ и побилъ много людей. Собрала тогда всѣхъ стариковъ Курбанъ-Джанъ-Датха — царица Алая и держала совѣтъ съ ними и, наконецъ, сказала: «Не слѣдуетъ проливать даромъ кровь киргизскую, противъ большой силы ничего не сдѣлаемъ, лучше покориться урусамъ». Долго не соглашались наши, ну, а потомъ сами видятъ, что Датха говорить правду, рѣшили покориться. Поѣхала Курбанъ-Джанъ-Датха, царица Алая, вмѣстѣ съ стариками навстрѣчу Урусъ-Акь-Пашѣ и много людей съ ними, которые подъ рукой Курбанъ-Датхы всегда жили. Мой мужъ еще молодымъ былъ мирахуромъ-баши, служилъ при Датхѣ. Поѣхала и я со всѣми. Не слыхала я, что говорилъ Акь-Паша, а только потомъ Датха сама мнѣ рассказывала, принявъ онъ ее, какъ добрый сынъ мать принимаетъ, надѣлъ самъ ей на плечи золотой халатъ и общалъ Падишаху написать про нее. Тутъ же помню Датха при мнѣ людей своихъ уговаривала, приказавъ не трогать урусовъ и жить тихо въ своихъ кочевкахъ, не сходя въ долины къ городамъ. Такъ и было, и никто ужъ больше изъ нашихъ родовъ не ходилъ на войну. А Акь-Паша былъ такой высокій—выше всѣхъ и съ рыжею бородою. Потомъ Курбанъ-Датха долго жила и только недавно умерла, все время управляя кара-киргизами. А сынъ ея у урусовъ волостнымъ былъ.

— Что же, ханумъ, не боялась русскихъ?

— Нѣтъ, таксырь, боялась, молодая, красивая была, а красивой женщинѣ всегда страшно. Думала все отнимуть у мужа и увезуть съ собою. При ханахъ такъ часто бывало, насильно увозили. А урусы этого не дѣлали. Денегъ много давали, золотыхъ тилля и къ нимъ сами женщины шли. Мужья же не мѣшали своимъ женамъ хозяйство устраивать помучше. Почти недѣлю около урусовъ наши кибитки стояли. Потомъ каждый въ свою сторону пошелъ, а въ эту недѣлю каждый вечеръ той былъ. Наши бай, аксакалы и понсаты дѣлали, а у урусовъ музыка играла, пѣсни нѣлп. Весело было....

Не хорошо только тѣмъ нашимъ ханумъ было, у которыхъ черезъ годъ бѣлоголовые ребятишки бѣгали около кибитокъ, сосѣди дразнили. Но только и это прошло. Выросли и бѣлоголовые хорошими киргизами, а что у иного борода свѣтло-русая, а не черная, кто теперь знаетъ отчего это сдѣлалось. Видно Аллахъ захотѣлъ такъ.

Топотъ копытъ нѣсколькихъ лошадей и лай собакъ, съ остервенѣніемъ бросившихся на кого-то, прервалъ словоохотливую старуху.

Киргизы вышли изъ кибитки, за стѣнами которой сейчасъ же послышался тихій разговоръ, а затѣмъ нѣсколько времени спустя вновь открылся входъ и изъ-за приподнятой кошмы показалась какая-то толстая фигура, сказавшая селямъ и сейчасъ же начавшая снимать съ себя сильно промокнувшій отъ дождя верхній халатъ, послѣ чего мы увидѣли почтеннаго старика-киргиза, самого хозяина дома, вернувшагося изъ поѣздки въ Учъ-Курганъ, куда онъ ѣздилъ на базаръ.

Спросивъ о нашемъ здоровьи и высказавъ въ самой любезной формѣ радость видѣть у себя такихъ почетныхъ гостей, старикъ присѣлъ около мангала.

Освѣщенное красноватымъ свѣтомъ тлѣющихъ углей лицо его рѣзко выдѣлялось, невольно останавливая на себѣ наше вниманіе огромнымъ шрамомъ, пересѣкавшимъ отъ лба черезъ переносье до противоположной щеки. Видимо, это была старая рубленая рана отъ сильного удара шашки.

— Отецъ навѣрное былъ въ бояхъ? обратился я къ нему.

— Да, таксырь, когда я былъ молодымъ, а это было очень давно, кровь обращалась быстрѣе въ жилахъ, сердце билось сильнѣе, а голова всегда была горячая; поэтому, когда въ Ферганѣ была война съ урусами, я вмѣстѣ со всѣми ходилъ подъ бунчуками Канаатъ-Ша-Зуль-Фагаръ-бека и Пулатъ-хана. Мнѣ урусы зла не сдѣлали,

но муллы говорили, что они невѣрные и съ ними надо сражаться, и я пошелъ со всѣми людьми.

Муллы говорили, что намъ пошлетъ Аллахъ силу лъвиную, храбрость сокола и неутомимость верблюда, и войска урусовъ побѣгутъ передъ нами, какъ трусливые зайцы. Но только, таксырь, не такъ было! Наши мултуки не могли сравниться съ ихъ ружьями, а сарбазы Великаго Акъ-Падишаха были храбрые, сильные люди, которые идя, въ нашъ край, давали клятву умирать въ бою. И не только отряды, но каждый сарбазъ стоилъ цѣлаго войска.

Я помню, таксырь, какъ будто вчера, съ Алимъ-ханомъ мы окружили горсть урусовъ подъ Иканомъ. Цѣлыми толпами съ именемъ Аллаха на устахъ, кидались наши въ бой, но усѣвая землю своими тѣлами, принуждены были отходить, не смогли сломить силу урусовъ. Ты скажешь, что ихъ было много, но насъ было еще больше—тысячи на коняхъ съ острыми саблями!

Я видѣлъ, тюра, другой бой. Съ Зюль-Фагаръ-бекомъ въ ночную пору мы двинулись въ числѣ больше тысячи человекъ, чтобы уничтожить тѣ станціи, которыя устроили урусы для смѣны лошадей джигитовъ, возившихъ бумаги въ Ташкентъ. Всѣ мы думали—какъ блохъ задавимъ тѣхъ одного—двухъ урусовъ, которые сидѣли въ этихъ станціяхъ въ Курганчахъ, а джигиты ихъ, навѣрное, сами разбѣгутся.

Ночью подошли мы къ курганчѣ Мурза-Рабатъ, рѣшивъ напасть на нее внезапно. Но шайтанъ помогъ сидѣвшему въ ней урусу. Ворота были заперты, и онъ встрѣтилъ насъ выстрѣлами изъ своей винтовки, поражавшими больше чѣмъ за версту.

Два дня и ночь лѣзли самые храбрые изъ насъ на стѣну, подсаживая другъ друга, но, поражаемые выстрѣлами, падали храбрецы и умирали у ихъ подножья. Къ счастью пришла одному изъ стариковъ мысль выкурить уруса изъ курганчи огнемъ. Собрали много сухого клевера, зажгли и стали кидать за стѣны, а потомъ влѣзли на крышу и, сломавъ потолокъ, забросали горящими снопами середину помѣщенія, въ которомъ укрылся смѣлый урусъ.

И чтобы ты думалъ, таксырь, не сдался онъ!

Какъ шайтанъ, весь черный отъ дыма, выскочилъ урусъ изъ огня п, размахивая своею винтовкою, какъ дубиной, кинулся на насъ, убивая каждого, кто попадался подъ его удары. Онъ хотѣлъ видно пробиться къ невдалекѣ стоявшей надъ родникомъ башнѣ, но Кысметъ-судьба сказала свое послѣднее слово. Десятки нашихъ людей бросились на него и изрубили его своими острыми

саблями, а когда потомъ отрубленную голову уруса выставили на копѣ, то всѣ отъ нея отворачивались—очень ужъ страшно смотрѣли мертвые глаза....»

Старикъ, какъ будто подавленный этимъ воспоминаніемъ, замолчалъ и началъ набивать трубку мелко крошеннымъ табакомъ.

— Вы не помните, что это за дѣла, о которыхъ онъ рассказываетъ? спросилъ внимательно слушавшій докторъ.

— Какъ же, знаю. Въ этомъ разсказѣ все отвѣчаетъ дѣйствительности и совершенно вѣрно. Это исключительное дѣло въ лѣтописяхъ завоеванія Средней Азіи. Страница исторіи, въ которую свое имя записалъ стрѣлокъ 3-го Туркестанскаго баталіона Степанъ Яковлевъ, служившій старостой на Мурза-Рабатской почтовой станціи и защищавшій ее одинъ противъ тысячнаго скопища киргизъ въ теченіе двухъ сутокъ, отсиживаясь за укрѣпленными стѣнами и погибшій въ августѣ 1875 г., оставленный разбѣжавшимися киргизами-ямщиками. Имѣя два ружья и винтовку, онъ, сидя въ башнѣ, поддерживалъ ружейный огонь противъ киргизъ, кидавшихся на приступъ, затѣмъ, когда станцію обложили сухимъ клеверомъ и подожгли—рѣшилъ пробиться сквозь толпу враговъ, но погибъ подъ сабельными ударами, успѣвъ самъ уложить ихъ добрый десятокъ.

Офицеры 3-го баталіона поставили на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, памятникъ, въ видѣ гранитной скалы съ мраморнымъ крестомъ и чугунною доскою съ надписью на ней золотыми буквами: «Стрѣлку Степану Яковлеву доблестно-павшему 6 Августа 1875 г. послѣ двухъ-дневной защиты имъ станціи Мурза-Рабатъ противъ шайки кокандцевъ».

Имя Степана Яковлева—почетное имя, какъ не говорите. Сумѣлъ исполнить свой долгъ до конца и умеръ такою прекрасною смертью.

— Да, тюр, это вѣрно—хорошо умеръ, подтвердилъ, прислушивавшійся къ нашему разговору старикъ. Такъ всегда батыри умираютъ и у насъ. А урусы храбрые люди—умѣютъ умирать.

Вставъ со своего мѣста и подбросивъ въ мангалъ свѣжихъ углей, старикъ помѣшалъ огонь и затѣмъ, какъ будто что вспомнилъ и, всматриваясь въ языки голубого пламени, появившіеся среди мангала, снова заговорилъ:

— Я видѣлъ, таксырь, какъ умирали урусъ-сарбазы въ Маргеланѣ, когда мы вели войну съ ними.

Захватили урусовъ въ разныхъ мѣстахъ въ плѣнъ во время битвы и захотѣли наши муллы показать всему народу ихъ униженіе.

Объявили по всѣмъ базарамъ, что урусы, находящіеся въ плѣну, будутъ отрекаться отъ своей вѣры и принимать мусульманство передъ всѣмъ народомъ.

Собрались тысячи людей на регистанъ въ Маргеланѣ, каждый хотѣлъ посмотреть.

Вывели тогда съ десятокъ урусовъ-сарбазовъ. Сидѣли они долго въ зинданѣ ²⁾ въ колодкахъ и уже много мукъ вытерпѣли. Исхудали, обросли волосами и были они покрыты клочьями отъ своихъ износившихся одеждъ.

Сталъ главный мулла предлагать имъ перейти въ мусульманство и возгласить славу Аллаху, обѣщая райское блаженство на небѣ, а на землѣ богатую почетную жизнь, халаты, землю, много денегъ, красивыхъ женъ изъ дочерей самыхъ знатныхъ людей. Но не согласился никто изъ урусовъ измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ.

Разсердился тогда Пулатъ-ханъ, какъ услышалъ отъ переводчика, что не хотятъ урусы принимать исламъ. Крикнулъ онъ своихъ нукеровъ, что стояли тутъ же, и приказалъ зарѣзать нѣсколько человѣкъ ихъ для устрашенія остальныхъ. Начали рѣзать имъ по одному горло, поваливши на землю. Зарѣжутъ одного, отрѣжутъ голову и покажутъ остальнымъ.

А муллы снова ихъ начинаютъ уговаривать, только ни одинъ не послушался.

Тогда приказалъ Пулатъ-ханъ одному изъ нихъ, что старшій былъ, пальцы рубить, ремни изъ спины рѣзать, ноги на огнѣ поджаривать: всѣ думали, что, не стерпя такую муку, откажется онъ отъ своей вѣры. Но только не отказался урусъ.

Цѣлыхъ полдня съ нимъ возились, даже устали нукеры, потомъ видятъ, что ничего не выходитъ, бросили отрѣзавши и ему голову, а всѣ тѣла бросили потомъ собакамъ.

— А это что за исторія такая? послѣ долгаго молчанія задалъ снова вопросъ докторъ, подавленный этою страшною картиною лютыхъ нечеловѣческихъ мукъ, которымъ подвергли несчастнаго.

Я долго вспоминалъ. Что-то знакомое слышалось мнѣ въ этомъ разсказѣ, напоминавшемъ такую же смерть при почти такой же обстановкѣ бомбардира Агаѳона Никитина, но то было во время

---

²⁾ Зинданъ — подземная тюрьма.

завоеванія Ахаль-Теке. А въ Ферганѣ? Напрягая всю силу памяти, я не могъ справиться сразу съ этою задачею.

Поужинавъ жирнымъ пловомъ, свареннымъ съ кунжутнымъ масломъ, и уже улегшись на покой, я, наконецъ, вспомнилъ и подѣлился съ докторомъ своими свѣдѣніями.

21-го ноября 1875 г. во время завоеванія Ферганы въ Маргеланѣ, послѣ цѣлаго ряда понесенныхъ пораженій, Пулатъ-ханъ, желая поднять духъ своихъ войскъ и народа, устроилъ торжество обращенія русскихъ плѣнныхъ въ магометанство, выведя ихъ передъ толпы собравшагося народа. Но успѣха уговоры и обѣщанія никакого не имѣли, и всѣ русскіе категорически отказались принять исламъ, предпочитая смерть измѣнѣ религіи.

Зарѣзавъ самымъ звѣрскимъ образомъ большую часть плѣнныхъ, киргизы съ особенною настойчивостью хотѣли сломить упорство унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Ѳомы Данилова, котораго подвергли цѣлому ряду страшныхъ мученій, отрубая пальцы по одному суставу за другимъ, вырѣзывая ремни и поджаривая на угольяхъ. Но мученикъ остался непреклоннымъ и умеръ, не измѣнивъ присягѣ и вѣрѣ.

Государь, по докладу объ этой исключительной преданности своему долгу и стойкости покойнаго, пожаловалъ его вдовѣ пенсію въ 120 р. въ годъ, приказавъ принять дочь на казенное содержаніе, а Самарское земство, изъ уѣзда котораго происходилъ Даниловъ, собрало его вдовѣ по подпискѣ 1.300 р.

Г л а в а IV.

Таджикскія селенія.

Весь переходъ въ 25 верстѣ до кишлака Учъ-Кургана мы ѣхали по населеннымъ мѣстамъ, частью долиною Исфайранъ-Сая.

Киргизскія кибитки виднѣлись группами, а кое-гдѣ среди нихъ поднимались курганчи съ высокими сѣрыми стѣнами, указывавшими, что начались мѣста, въ которыхъ живетъ осѣдлое населеніе.

Обработанныя поля разстилались по склонамъ холмовъ и долинамъ, окружая довольно значительный кишлакъ Данги. Населеніе здѣсь было преимущественно киргизское, уходящее лѣтомъ въ Алайскую долину.

Богатый населенный кишлакъ Учъ-Курганъ, т. е. три крѣпости, широко раскинулся на равнинѣ, занимая своими садами, окружен-

ными дувалами, огромное пространство въ нѣсколько верстъ съ населеніемъ до двухъ тысячъ человѣкъ.

Большой базаръ съ массою лавокъ указывалъ на торговое значеніе этого пункта, служащаго посредникомъ по скупкѣ въ долині Алая и ближайшихъ мѣстахъ Каратегина зерна, привозимаго потомъ въ Маргеланъ.

Когда-то мѣсто это имѣло большое стратегическое значеніе, защищая выходъ въ Ферганскую долину, а потому и было сильно укрѣплено нѣсколькими крѣпостями (калами), съ глинобитными стѣнами, но время разрушило ихъ, и теперь лишь видны слѣды этихъ укрѣпленій, потерявшихъ, съ завоеваніемъ Кокандскаго ханства русскими, свое бывшее значеніе оплота противъ кочевниковъ Алайской долины и нападеній каратегинскаго Мира.

Мы попали къ началу уразы ³⁾, а потому весь кишлакъ и базаръ, проведя ночь въ веселіи, спали непробуднымъ сномъ и казались совершенно вымершими. Праздникъ этотъ, проводимый днемъ въ воздержаніи, а ночью во всякихъ излишествахъ, совершенно измѣняетъ на время всю жизнь населенія, превращая ночь въ день, а день въ ночь.

Закрытыя лавки базара не давали возможности видѣть всѣхъ товаровъ и ихъ сортовъ. Лишь значительное количество сложенныхъ снаружи бидоновъ керосина указывало на его большой спросъ туземнымъ населеніемъ.

— Здѣсь, тюра, въ караванъ-сараѣ мы ничего не достанемъ, сообщилъ успѣвшій произвести развѣдку Ахметъ. Надо ѣхать къ волостному.

— Стоитъ ли, запротестовалъ докторъ, проѣхали всего 25 верстъ. Можно двигаться свободно дальше, лишь надо напоить лошадей, да дать имъ по снопу клевера.

Я изъявилъ согласіе и, послѣ кратковременной остановки, мы выѣхали дальше къ Ново-Маргелану, до котораго оставалось около тридцати верстъ.

Впереди разстилались передъ нами обработанныя поля и виднѣлся рядъ кишлаковъ, окруженный куртинами растительности. Вся эта полоса занята таджиками, выселившимися еще во время завоеванія Ферганы русскими изъ Каратегинскаго бекства. Устроившись на плодородныхъ земляхъ, поселенцы, отдохнувъ отъ произвола бухарскихъ властей, въ короткое время достигли большого благосостоянія и въ настоящее время живутъ зажиточно.

³⁾ Уразы — мусульманскій постъ и праздникъ Курбана.

Кишлаки Кара-Теке, Авваль-Узбекъ, Легонъ, Кады-Сіепъ, Той-Гильды, похожіе одинъ на другой по мѣстоположенію и постройкамъ, не представляли уже ничего по своему внѣшнему виду интереснаго, вслѣдствіе чего мы поторопились доѣхать засвѣтло до Акъ-Тене, гдѣ и переночевали въ послѣдній разъ въ туземной обстановкѣ.

Широкій дворъ амина, у котораго мы остановились, не былъ похожъ на тѣсныя скученныя постройки горныхъ таджиковъ и во всемъ видно было вліяніе земельного простора и заимствованій у жителей равнины.

Чисто выравненныя отштукатуренныя ганчемъ ⁴⁾ стѣны, украшенныя рисунками, довольно сложнаго орнамента, освѣщались небольшою висячею лампою. Въ стрѣльчатыхъ нишахъ лежали какія-то книги, бумаги, а дальше висѣло ружье и повѣшенная на колышкахъ разная одежда. Желѣзная печка была сдѣлана изъ керосинового бидона, съ желѣзною трубою, протянувшейся черезъ всю комнату у потолка. Все это показывало на стремленіе къ нѣкоторому комфорту.

Устроившись на толстой киргизской кошмѣ и подложивъ подъ бокъ ватное одѣяло, мы, послѣ шестидесяти-верстнаго перехода, раньше всего по выработанному практикою обыкновенію занялись чаепитіемъ, пригласивъ и хозяина.

— Какъ живетъ, аминъ? началъ я съ нимъ разговоръ.

— Хорошо, тюра, урожай хорошій. Никто не обижаютъ. Живемъ и Аллаха благодаримъ, увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ аминъ, открыто и безхитростно смотря прямо въ глаза.

— Вѣдь вы всѣ не здѣшніе, а переселились сюда?

— Да, тюра, наши отцы вышли изъ Каратегина, не смогли нести тяготы, которая ложилась на плечи отъ податей. Лютый былъ Каратегинскій Миръ—Мурадъ-Ша. Онъ съ людей послѣднюю рубашку снималъ. Тогда собрались наши и ушли къ урусамъ, которые намъ дали здѣсь землю. А тѣ родичи, что остались на Каратегинской землѣ, до сихъ норъ плачутъ, но ничего сдѣлать нельзя. Сразу уйти всѣмъ—бекъ не пуститъ, да и земли не найдешь здѣсь свободной, а ноодинокѣ, если кто уходитъ, такъ на ихъ родныхъ большіе штрафы накладываютъ, поѣтому сидятъ на мѣстахъ и терпятъ.

Намъ же здѣсь жить хорошо. Старики говорятъ, что никогда такъ прежде не жили. Урусъ-Акъ-Падишахъ не позволяетъ на

⁴⁾ Ганчъ — алебастръ.

своей землѣ обижать маленькихъ людей. Губернаторъ, Хакимъ, приставъ насъ не трогаютъ. Мы молимъ Аллаха о здоровьи Акъ-Падишаха, не то что кара-киргизы... Когда было въ Андижанѣ возстаніе, ни одинъ нашъ человѣкъ съ ними не ходилъ. Наши муллы и ишаны на это не были согласны, а народъ не любитъ кара-киргизъ и узбековъ, помня какъ они насъ обижали въ ханское время.

— А какъ кара-киргизы живутъ, довольны ли они теперь русскими порядками или нѣтъ?

— Какъ тебѣ сказать, тюра, началъ уклончиво аминъ. Разные среди нихъ есть. Но затѣмъ, видимо, вспомнивъ какія-то обстоятельства, онъ уже безъ вопросовъ сталъ продолжать.

— У нихъ старики вмѣстѣ съ муллами идутъ въ согласіи, а тѣ урусовъ не любятъ. Да и кромѣ того, тюра, были изъ нихъ многіе, если не сами, то отцы ихъ беками, датхами, пансатами, при холахъ служили, могли съ простыхъ людей много доходовъ имѣть, ну, а теперь всѣ они сами простые люди. И богатства прежняго уже нѣтъ.

Молодые въ городахъ—тѣ не такъ. Они дѣла торговые съ урусами ведутъ, ну а кишлакъ-адашы ⁵⁾, тѣ ни во что не мѣшаются, сами не думаютъ, а за нихъ муллы все думаютъ и дѣлаютъ. Вотъ, кто въ Меккѣ побывалъ, тотъ ужъ святой и урусовъ не любитъ, потому что они невѣрные. А мы, тюра, думаемъ, что это не такъ: у всѣхъ одинъ Аллахъ, только каждый ему молится по-своему.

Невольно въ этихъ безхитростныхъ опредѣленіяхъ вырисовывалось современное отношеніе этой части мусульманскаго населенія къ русскимъ.

Болѣе безправные въ ханское время таджики, принадлежащіе къ различнымъ сектамъ, относятся въ общей массѣ несравненно терпимѣе и благожелательнѣе къ русскимъ, нежели узбеки и киргизы, постоянно враждебно возбуждаемые своими ишанами и дервишами.

Г л а в а V.

Современныя теченія въ мусульманствѣ.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ мусульманствѣ замѣчается стремленіе къ нравственному и политическому возрожденію и къ объединенію всего мусульманскаго міра, и въ настоящее время тѣ постоянные теологическіе споры между послѣдователями шиизма и сунны, которые занимали прежде мусульманскихъ ученыхъ и публи-

---

⁵⁾ Кишлакъ-адашъ—поселянинъ.

цистовъ, давно уже заброшены, а вмѣсто нихъ на страницахъ персидскихъ, турецкихъ и татарскихъ газетъ усиленно проповѣдывается необходимость полной солидарности всѣхъ мусульманскихъ государствъ въ вопросахъ политическихъ и объединенія народовъ, исповѣдующихъ исламъ.

«Турція, Египетъ, Персія и Афганистанъ—мы всѣ погибнемъ, какъ политическія цѣлыя, и подвергнемся участи Кавказа, Бухары и Индіи», страстнымъ призывомъ прозвучали слова публициста въ газетѣ «Ал-Ахрамъ», «если не вернемся къ чистымъ завѣтамъ Пророка, заповѣдавашаго, что въ единеніи всѣхъ правовѣрныхъ лежитъ великая непобѣдимая сила. Почему мы слабы и принуждены уступать свои земли и богатства невѣрнымъ? Потому что мы не только забыли о національной гордости и патріотизмѣ, но и объ единой правотѣ вѣрѣ, общей для всѣхъ.

Слушайте мусульмане всего міра. Еще не поздно соединиться намъ всѣмъ вмѣстѣ, тогда имя Пророка прогремитъ по всему свѣту, какъ гремѣло оно при первыхъ калифахъ».

Этотъ призывъ, раздавшійся десять лѣтъ тому назадъ, не остался безъ результата. Почти во всѣхъ персидскихъ, турецкихъ и индійскихъ газетахъ появились не менѣе страстныя статьи, призывавшія мусульманскіе народы къ примиренію и объединенію. А тайныя общества и дервишскіе ордена усилили свою дѣятельность, направляемую турецкимъ обществомъ «Единеніе и Прогрессъ», ставшимъ во главѣ его движенія.

Революціи въ Турціи и Персіи были лишь прямымъ слѣдствіемъ работы, которая ведется турецкими эмиссарами не только черезъ паломниковъ, посѣщающихъ Мекку, но и посылая разныхъ лицъ во всѣ мусульманскія государства, не исключая даже и долго державшагося въ сторонѣ ото всѣхъ Афганистана, куда въ 1910 г. были отправлены изъ Турціи военные инструкторы съ опредѣленными задачами.

Наши Средне-азиатскія владѣнія не остались, разумѣется, внѣ этого вліянія, распространяемаго при помощи могущественныхъ дервишскихъ орденовъ, хотя, къ глубокому сожалѣнію, у насъ на это еще не обратили должнаго вниманія и не замѣчаютъ многихъ симптомовъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что наблюденія за дѣятельностью дервишей вообще никакого въ дѣйствительности не существуетъ, благодаря малому знакомству чиновъ администраціи съ туземными языками.

Вспомнивъ невольно сорокалѣтнее наблюденіе за туземцами

знатока туземной жизни нашего извѣстнаго ориенталиста уважаемаго И. П. Остроумова, приходится признать, что въ недалекомъ будущемъ Европѣ придется считаться съ гигантскою силою ислама, а Россія, какъ и раньше, первая испытаетъ на себѣ въ Средней Азійи его первые натиски, притомъ, какъ и всегда, не будучи готова ихъ встрѣтить, благодаря установившемуся у многихъ неправильному взгляду, что исламъ не жизнь и не опасность.

Андижанское возстаніе, бывшее въ свое время громомъ среди совершенно безоблачнаго неба, не заставило принять никакихъ особыхъ мѣръ предосторожности въ Средне-азиатскихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе чего новое возстаніе, какъ и всегда, окажется для насъ снова такимъ же неожиданнымъ, но, разумѣется, болѣе тяжелымъ въ отношеніи умиротворенія края, на населеніе котораго смотрятъ сквозь розовые очки и совершенно не знаютъ ни его настроеній, ни тѣхъ теченій, которыя въ немъ идутъ особенно сильно послѣдніе годы.

— Да, слишкомъ сильны среди туземнаго населенія память о прошломъ и надежды на будущее возрожденіе мусульманскаго царства, какъ бы отвѣчая на мои мысли, заговорилъ докторъ.

— Какъ не говорите, а мусульманское населеніе никогда не сольется съ христіанскимъ, имѣя совершенно различные идеалы, и рассчитывать на то, что мы прикрѣпимъ Среднюю Азію къ себѣ, по меньшей мѣрѣ—тщетная надежда.

Лишь путемъ широкой колонизаціи русскими поселенцами и постепеннымъ вытѣсненіемъ кочевниковъ, которые должны дать мѣсто болѣе культурному славянскому племени—возможно держать страну въ рукахъ, да и то до первыхъ событій.

Желтая опасность для Европы вопросъ не шуточный, а Россія обречена испытать снова на себѣ натискъ монгольскихъ народовъ и въ Средней Азійи, и въ Сибири.

Не дай Богъ, если среди мусульманъ появится какой-нибудь энергичный, даровитый вождь въ родѣ Тамерлана или Надиръ-Шаха. Онъ можетъ легко увлечь за собою всѣ мусульманскіе народы.

Вѣдь если взять число мусульманъ на всемъ свѣтѣ, то можно прийти въ ужасъ отъ этой колоссальной цифры 275 мил. послѣдователей ислама, изъ которыхъ на долю Азійи приходится 170 мил. человекъ⁶⁾, причемъ въ Англо-индійскихъ владѣніяхъ—62 мил., въ Нидерландской Индіи—30 мил., далѣе по мѣрѣ удаленія отъ этого центра количество мусульманъ равняется: въ Афганистанѣ—99%.

⁶⁾ Шателъе. «Экономическое положеніе ислама».

всего населенія, въ Бухарѣ и Средней Азій—94⁰/₀, въ Персіи—93⁰/₀, въ Аравіи—98⁰/₀, въ Месопотаміи—86⁰/₀ и въ Малой Азій—78⁰/₀. Въ Африкѣ на 166 мил. населенія—60 мил. мусульманъ. Въ Европѣ, на Балканскомъ полуостровѣ—3 мил., въ Европейской Россіи—3 мил.

Неужели васъ не пугаютъ эти чудовищныя цифры, увеличивающіяся съ каждымъ годомъ. Какъ это не удивительно, но христіанство почти не находитъ послѣдователей среди магометанъ и по отчетамъ синода за послѣдніе 40 лѣтъ приняло изъ нихъ православіе въ Россіи около 150 человекъ, и въ то же время на нашихъ глазахъ инородцы, исповѣдывавшіе ламаизмъ и шеманство, массами переходятъ въ исламъ. Надо думать, что простота въ отпращиваніи богослуженія, ясность догматовъ религіи играютъ въ этомъ главную роль, а кромѣ того исламъ какъ будто принаровленъ во всемъ къ главнѣйшей человѣческой слабости—я разумѣю въ этомъ случаѣ отношенія къ женщинѣ и полигамію... Какъ вы полагаете?

Невольно приходилось согласиться съ этимъ заключеніемъ, вспомнивъ необходимость большой подготовки для пониманія православнаго и католическаго христіанства.

Завернувшись съ головою въ теплое одѣяло, я еще долго слышалъ, какъ докторъ продолжалъ свои предсказанія, основанныя на глубокомъ знаніи исторіи и современныхъ теченій Востока, до сихъ поръ для большинства представляющаго вполне *terra incognita*.

Послѣдній переходъ до Ново-Маргелана въ десять съ небольшимъ верстъ былъ посвященъ обсужденію вопроса ликвидаціи нашихъ перевозочныхъ средствъ и дорожныхъ вещей.

Широкая равнина въ осеннюю пору была уныла и не радовала глазъ. Безконечныя поля протянулись во всѣ стороны, а сплошной рядъ курганчей и отдѣльныхъ сакль указывалъ на приближеніе къ большому городу. Сады съ виноградниками и фруктовыми деревьями, стоявшіе съ пожелтѣвшею листвою, были обширны. Ряды тополей, шапки шаровидныхъ карагачей и огромные сѣрые стволы чинаръ вырисовывались по мѣрѣ приближенія. Безконечныя дуваны, окружающіе сакли и сады, постепенно начали соединяться, образуя узкую извилистую улицу съ глинобитными постройками туземнаго типа, стоявшими на дворахъ.

Еще немного и открылся городъ съ бѣлѣвшими сквозь растительность домами русской архитектуры.

Остановившись въ номерѣ гостиницы и въ тотъ же день про-

давъ своихъ верховыхъ лошадей за хорошую цѣну, мы направились раньше всего въ парикмахерскую, чтобы привести себя въ порядокъ и, лишь сбривъ отросшія бороды и постригшись, приняли прежній видъ.

Продолжительное пребываніе среди дикой, безъ всякихъ культурныхъ удобствъ, обстановки походной жизни давало себя знать и невольно являлось постоянное желаніе присѣсть на полъ, а стулья, отъ которыхъ достаточно отвыкли, казались до крайности неудобными для сидѣнія.

Сутолока же городского движенія на улицахъ быстро насъ утомила и казалась какою-то странною и безтолковою.

Ярко освѣщенный вокзалъ желѣзной дороги съ массою сидѣвшей въ залѣ публики наглядно подчеркнулъ, что мы находимся уже среди культурныхъ условій.

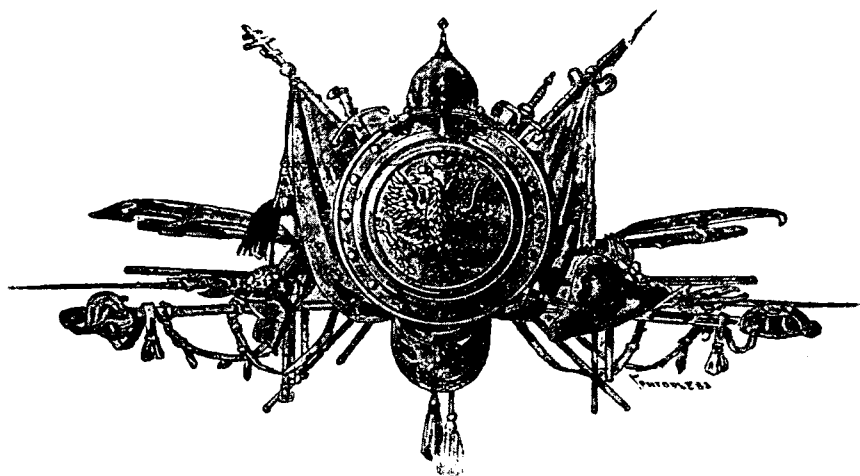
Громкіе свистки локомотивовъ, грохотъ поѣздовъ, такъ сильно разнился отъ дикихъ суровыхъ картинъ горной страны, еще такъ недавно развѣтывавшихся передъ нашими глазами.

Бездонныя пропасти, ледники, снѣговыя шапки горъ, дикія ущелья, темные недоступные скалистые обрывы, своеобразная растительность, быстрыя рѣки съ шумными водопадами — все это вставало въ памяти, смѣняя другъ друга, а среди всего этого вспоминались тихіе трудолюбивые люди, живущіе совершенно особою иною жизнью, — честные, правдивые, неиспорченные и глубоко вѣрующіе, но подавленные страшнымъ гнетомъ бухарской администраціи.

И какъ-то сразу они сдѣлались такими близкими, что захотѣлось непременно увидѣться съ ними въ будущемъ вновь, въ другихъ условіяхъ жизни, всѣмъ довольными, прославляющими Великую Россію и относящимися съ полными симпатіями къ русскимъ, какъ давшимъ имъ просвѣщеніе и выведшимъ ихъ изъ тяжелаго безправнаго положенія рабовъ эмира Бухары благородной.

Д. Логофетъ.

По Монголіи до границъ Тибета.

Глава XIV ¹⁾).

Въ Цайдамъ.

Снова въ бассейнъ Желтой рѣки.—Одиночество каравана экспедиціи и баснословное обиліе медвѣдей.—Наши охоты на нихъ.—Впечатлѣніе при видѣ голубыхъ волнъ озера Русскаго.—Знакомая стоянка.—Встрѣча съ Ивановымъ и полученіе почты.—Радостный приходъ въ Цайдамъ.

Теперь, когда экспедиція оставила послѣднія кочевья тибетскихъ номадовъ, мы могли разсчитывать съ большею вѣроятностью, что слѣдующихъ мѣстныхъ обитателей встрѣтимъ только въ Цайдамѣ, такъ какъ промежуточный высоко горный районъ на протяженіи почти пятисотъ верстъ не обитаемъ, благодаря крайней суровости климата и постоянному рысканью нголоковъ-разбойниковъ. Словомъ, мы очутились въ такомъ же одинокомъ положеніи, въ какомъ находились годъ тому назадъ, при вступленіи экспедиціи на тибетское нагорье.

---

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1912 г., № 10.

Самою большою непріятностью въ настоящее время для насъ было тибетское ненастье, выражающееся въ видѣ дождя, чаще же снѣжной крупы и снѣга. Тибетское ненастье съ сѣрыми низкими тучами скорѣе переносить къ представленію объ осенней или зимней погодѣ, нежели о весенней или лѣтней. Зато караванныя животныя не томились отъ жары и докучливыхъ насѣкомыхъ и въ свободное время были заняты ѣдою свѣжихъ травъ, мѣшавшихся съ прошлогодними.

Въ районѣ маршрута нашей экспедиціи хребетъ Водораздѣлъ въ верхнемъ ноясѣ имѣетъ замѣчательно плоскій характеръ. Непосредственно на вершинахъ переваловъ часто залегаютъ характерные для всего плоскогорья Тибета «ширики» или болота со множествомъ лужъ и малыхъ озерковъ, разбросанныхъ въ беспорядкѣ.

Какъ на самомъ водораздѣлѣ, такъ равно и по сторонамъ отъ него раскидывается плоскогорье, видимое на большее или меньшее пространство въ зависимости отъ положенія наблюдателя: чѣмъ выше онъ находится и чѣмъ менѣе волнисто плоскогорье, тѣмъ болѣе широкій горизонтъ представляется обзорѣванію и наоборотъ. Спокойная прозрачная атмосфера способствуетъ яркому отраженію многочисленныхъ рѣчекъ и озерковъ, вдоль которыхъ нерѣдко красиво сияютъ отдаленныя цѣпи горъ. Тамъ и сямъ перемѣщаются стада дикихъ яковъ, косяки хулановъ и группы антилопъ или характернымъ пятномъ выдѣляется косолапый представитель Тибета — медвѣдь, разрывающій норки безчисленныхъ *Lagomys'*овъ. Откуда бы ни наблюдалъ путешественникъ, картина животной жизни представляется одинаковой, измѣняются только детали. Можно положительно утверждать, что сѣверо-тибетское нагорье еще на много десятковъ, если не сотенъ, лѣтъ обезпечено въ своей дѣвственно-дикой оригинальной прелести.

Движеніе нашего каравана по безлюдному тибетскому нагорью шло въ общемъ удовлетворительно: ежедневно мы проходили отъ пятнадцати до двадцати верстъ, стараясь выполнить самый переходъ до полудня; такимъ образомъ, остальное время караванныя животныя могли отдыхать на хорошихъ пастбищахъ. При однообразномъ характерѣ мѣстности, однообразно тянулось и самое путешествіе, не только въ теченіе дней, но даже и недѣль. Путешественникъ устаетъ смотрѣть безконечные увалы и промежуточные рѣчки; минуетъ одну долину, съ вершины холма или высоты открывается слѣдующая, за нею еще и еще и такъ безъ конца. Правда,

въ сухую, ясную погоду горизонтъ значительно расширяется и даетъ возможность порою видѣть горы, отстоящія на большое разстояніе, къ тому же лучшая погода вноситъ и большее оживленіе по отношенію къ животной жизни; въ наблюденіяхъ за нею время бѣжитъ несравненно быстрѣе. Старшій проводникъ Болу ѣхалъ со мною впереди и охотно дѣлился свѣдѣніями не только о тибетцахъ Дза-чю-кава, но даже и объ ихъ сосѣдяхъ, такъ какъ за свой вѣкъ онъ перебивалъ во многихъ странахъ. Подобно всѣмъ тибетцамъ, Болу обладалъ отличнымъ зрѣніемъ и почти всегда раньше насъ усматривалъ вдали что-либо интересное—звѣря или тибетскій развѣздъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ просилъ насъ прибѣгать къ помощи бинокля, чтобы разрѣшить его догадку или предположеніе.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ—пяти дней, считая съ девятнадцатаго мая, экспедиція продвинулась около восьмидесяти верстъ, минуя грань водораздѣла, и съ вершины поперечныхъ холмовъ увидѣла довольно обширную долину рѣчки Сэрг-чю, которая извивается среди мягкихъ зеленыхъ площадей и окаймляющихъ долину горъ, протянувшихся въ сѣверо-западномъ и юго-восточномъ направленіи. Болу радостно замѣтилъ, что по той же самой долинѣ Сэрг-чю и проходитъ нашъ дальнѣйшій путь къ озерамъ верхней Хуанъ-хэ; затѣмъ, прочтя на нашихъ лицахъ удовольствіе, онъ добавилъ, что скоро мы должны увидѣть также и тибетцевъ съ караванами соли, направляющихся къ юго-востоку, въ область Сэрта.

Дѣйствительно, съ перваго дня вступленія на лѣвый берегъ Сэрг-чю, экспедиція стала встрѣчать караваны съ солью, шедшіе вверхъ по долинѣ. Владѣльцы каравановъ сэртасцы выглядѣли такими же грубыми, дикими, подозрительными, какъ и всѣ остальные кочевники-тибетцы, видѣнные нами. Въ дорогѣ они были очень осмотрительны и по отношенію къ караванамъ, и по отношенію къ самимъ себѣ. Небольшіе караваны не превышали сотни яковъ. Отъ численности животныхъ въ караванѣ зависитъ конечно и составъ людей: чѣмъ больше караванъ, тѣмъ многочисленнѣе и отрядъ или партія, его сопровождающая; обыкновенно на десять яковъ приходится одинъ погонщикъ. Днемъ сэртасцы двигались обычнымъ способомъ, громко посвистывая и покрикивая на животныхъ, но ночью ухитрялись проходить съ соблюденіемъ полной тишины, обезпечивъ фланги, авангардъ и арьергардъ. Сэртасцы ѣхали

въ полной боевой готовности съ ружьями за плечами, саблями у пояса и пиками въ правой рукѣ.

Съ перваго нашего бивака на берегу рѣчки Сэрг-чю, наши проводники-дзачюкавасы получили отъ насъ условленную плату и, сверхъ того, подарки и запасы продовольствія въ дорогу, затѣмъ, пріятельски распрощавшись съ нами, укатили во-свояси, стараясь быть не замѣченными сэртасцами, которыхъ они уже успѣли ввести къ заблужденію относительно настоящаго дня своего отъѣзда.

Какъ здѣсь, въ долину Сэрг-чю, такъ и южнѣе и сѣвернѣе ея, на всемъ нашемъ пути по безлюдному нагорью, но въ особенности въ районѣ бассейна рѣчки Сэрг-чю, намъ ежедневно приходилось наблюдать отъ пяти—шести до десяти—двѣнадцати и болѣе медвѣдей, промышлявшихъ то поодиночкѣ, то большею частью по два, по три, а однажды пришлось видѣть четырехъ взрослыхъ пищухоѣдовъ, бродившихъ тѣсною компаніей. Въ открытой долині Сэрг-чю, гдѣ среди шириковъ, залегаютъ въ видѣ островковъ глинистыя возвышенія, населенныя пищухами, мы насчитывали съ одного наблюдательнаго пункта до десятка медвѣдей: тамъ, невдалекѣ, рѣзвится медвѣдица съ двумя дѣтенышами, здѣсь двое взрослыхъ звѣрей отдыхаютъ, грѣясь на солнцѣ, вдоль сосѣдняго ручья пробираются разрозненной компаніей три медвѣдя, къ одному изъ которыхъ, самому крупному, подходятъ двое изъ нашихъ охотниковъ, и т. д. Обилію медвѣдей въ Тибетѣ, конечно, способствуетъ и то обстоятельство, что туземцы ихъ не стрѣляютъ, за исключеніемъ охотниковъ, желающихъ воспользоваться шкурой, какъ ковромъ, во время охотничьихъ экскурсій за травоядными. Что же касается нашей экспедиціи, то мы, наоборотъ, рѣдко упускали случай, чтобы не поохотиться на этого звѣря. Всѣми нами въ общей сложности за двѣ весны было убито до сорока медвѣдей, изъ которыхъ пятнадцать пришлось на мою долю.

Въ большой маммологической коллекціи, поступившей въ даръ Зоологическому музею Императорской Академіи Наукъ, имѣются пищухоѣды всякихъ возрастовъ и всевозможныхъ оттѣнковъ шерсти: въ ней найдете и довольно темныхъ съ бѣлымъ ошейникомъ, и однообразныхъ темнобурыхъ, и чалыхъ или пестрыхъ, и даже очень свѣтлыхъ съ совершенно бѣлымъ передомъ. Такихъ медвѣдей, однако, встрѣчается немного: по заключенію туземцевъ по одному на тысячу. Во всякомъ случаѣ, дѣлая подборъ коллекціи *Ursus la-*

Караванъ изъ яковъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ.

gomuarius, намъ удалось добыть три экземпляра, съ болѣе или менѣе свѣтлой окраской шерсти, подъ стать четвертому наиболѣе свѣтлому, котораго я добылъ еще въ минувшее путешествіе въ среднемъ Нань-шанѣ.

Охота на медвѣдей здѣсь, въ Тибетѣ, производится въ «открытую», если можно такъ выразиться. Дѣйствительно, замѣтивъ медвѣдя еще издали, охотникъ смѣло идетъ къ нему поближе, сообразуясь, съ какой бы изъ сторонъ всего удобнѣе его скрасть, т. е. приблизиться на выстрѣлъ незамѣченнымъ, считаясь съ отличной способностью медвѣдя далеко чутъ по-вѣтру. Зрѣніе же у этого звѣря, сравнительно, довольно слабое. Всего удобнѣе подходить къ медвѣдю въ то время, когда онъ занятъ ловлей пищухъ или предается отдыху, и наименѣе подходящее время, когда звѣрь направляется скорымъ «ходомъ», будучи напуганъ. Если же медвѣдь спокойно разрываетъ грызуновъ, то обыкновенно норовятъ идти къ нему ускоренно, останавливаясь во время поворотовъ звѣря въ сторону охотника. Если на пути къ медвѣдю имѣются хотя маломальскія прикрытія, то не трудно приблизиться къ цѣли на сотню шаговъ, а то и ближе. Подойдя къ звѣрю, охотникъ съ колѣна или лежа стрѣляетъ въ медвѣдя. Въ большинствѣ случаевъ опытный охотникъ и умѣлый стрѣлокъ однимъ—двумя самымъ большимъ тремя выстрѣлами изъ обыкновенной винтовки уложить звѣря.

Для охоты на тибетскихъ медвѣдей мы употребляли именно трехлинейныя винтовки, стрѣлая или обыкновеннымъ патрономъ, или же патрономъ съ отверстіемъ посерединѣ конуса, залитымъ воскомъ. Послѣдніе патроны, какъ болѣе разрушительные или убойные, мы называли разрывными и примѣняли при первыхъ одномъ—двухъ выстрѣлахъ, при прочихъ же, въ особенности при дострѣливаніи звѣря, употребляли обыкновенные. Бывало, однако, и такъ, что мишка падалъ, словно подстрѣленный перепелъ, и отъ одной простой пули, но это случалось рѣдко, когда выстрѣлъ приходился въ сердце, позвоночникъ или голову.

Изъ многочисленныхъ охотъ на медвѣдей, веденныхъ мною и моими спутниками въ послѣднюю весну въ Тибетѣ, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, почему-либо наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ. Первый случай имѣлъ мѣсто на рѣчкѣ Шур-чю, южномъ склонѣ хребта Водораздѣлъ, двадцатаго мая. Мы успѣли сдѣлать переходъ и расположиться лагеремъ въ глубокой, узкой долинѣ, окаймленной луговыми скатами. Нѣкоторые изъ

людей отряда отправились на охоту. я же прилежъ вздремнуть, какъ вдругъ слышу голосъ тибетца Болу, который, надо замѣтить, былъ въ свое время страстнымъ охотникомъ, «пэмбо, джэму эдже-ри!» — т. е. «господинъ, медвѣдь идетъ!»! Дѣйствительно, стоило мнѣ только приподняться, какъ я уже увидѣлъ медвѣдя, медленно шедшаго по косогору. Звѣрь, повидимому, не обращалъ вниманія на нашъ большой бивакъ. Недолго думая, я взялъ свою винтовку, вложилъ въ нее всѣ пять патроновъ—два разрывныхъ и три обыкновенныхъ—и направился на пересѣченіе пути медвѣдя. Однако высота, около 15.000 футовъ надъ моремъ, даетъ себя чувствовать: горло пересыхаетъ, ноги подкашиваются, сердце учащенно бьется. Садисься. Невольно смотришь въ сторону медвѣдя и не спускаешь съ него глазъ; мишка попрежнему то движется впередъ, то разрываетъ землю. Наконецъ, зайдя навстрѣчу звѣрю, я прилежъ за бугоркомъ. Жду. Медвѣдя нѣтъ и нѣтъ. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнѣніе охотника исчезло: медвѣдь невдалекѣ прилежъ. Ползкомъ продвинувшись десятка два шаговъ, я достигъ второго бугорка. Въ бинокль отлично было видно, какъ вѣтерокъ колыхаетъ длинную блестящую шерсть медвѣдя; кругомъ тихо, спокойно; могучіе пернатые хищники зачуяли добычу и кружатъ на фонѣ неба; нашъ бивакъ словно замеръ: вниманіе всѣхъ приковано къ медвѣдю и охотнику. Раздался выстрѣлъ, медвѣдь сердито зарычалъ и тяжело приподнялся на ноги; глухо щелкнула вторая пуля—звѣрь грузно свалился наземь. Не мѣняя положенія, я взглянулъ въ бинокль: медвѣдь лежалъ не шевелясь. Встаю и направляюсь къ обрыву, находившемуся отъ меня шагахъ въ двухстахъ поодаль отъ медвѣдя, чтобы оттуда взглянуть по сторонамъ. Тѣмъ временемъ двое препараторовъ казаковъ уже покинули бивакъ и шли къ медвѣдю. Подойдя къ обрыву, я отъ усталости невольно тяжело вздохнулъ, медвѣдь вскочилъ, словно ужаленный, потрясъ своей мохнатой головой и съ страшной стремительностью направился ко мнѣ, неистово рыча и фыркая. Подпустивъ разъяренного медвѣдя шаговъ до десяти, я выстрѣломъ въ грудь свалилъ его; звѣрь кубаремъ черезъ голову покатился внизъ. Послѣдній рѣшающій моментъ, когда озлобленный мишка несея съ окровавленной пастью, надолго запечатлѣлся въ моей памяти; въ немъ, въ этомъ моментѣ, и заключалось то особенное чувство, которое такъ дорого и привлекательно охотнику...

Въ долині Сэрг-чю мой юный спутникъ Мадаевъ, какъ препа-

раторъ, а можетъ быть и будущій коллекторъ, искалъ среди эгихъ звѣрей наиболѣе интереснаго — бѣлсаго; съ такимъ расчетомъ онъ обошелъ большой участокъ, видѣлъ нѣсколько темныхъ звѣрей, а свѣтлый все не попадался. Уставъ бродить, забайкалецъ рѣшилъ идти домой, на бивакъ, такъ какъ солнце уже склонилось къ горизонту. Покуривая неизмѣнную трубочку, Мадаевъ неожиданно для себя замѣтилъ, наконецъ, бѣлсаго медвѣдя и осторожно изъ за бугорка сталъ подползать къ нему. Звѣрь, ничего не подозревая и не замѣчая, въ свою очередь, также подходилъ къ нашему охотнику ближе и ближе. «Забавно, говорилъ Мадаевъ, было смотрѣть на медвѣдя, какъ онъ, словно парнишка, рылъ мышей, а онъ все отъ него уходили; я долго наблюдалъ и сердился на медвѣдя, который такъ и не поймалъ ни одной мыши». Совершенно забывъ, что это звѣрь и его надо стрѣлять, нашъ Мадаевъ опомнился тогда лишь, когда медвѣдь ушелъ далеко въ сторону. Охотникъ рѣшилъ направиться къ нему всерьезъ, но на сей разъ звѣрь, замѣтивъ человѣка, пустился на уходъ и только случайнымъ выстрѣломъ Мадаевъ убилъ медвѣдя наповаль, иначе ограничился бы одними наблюденіями.

Не могу не разсказать еще про одинъ курьезнѣйшій случай, имѣвшій мѣсто, впрочемъ, съ нашей собакой Гарза, разбудившей медвѣдя и обнюхивавшей его, словно собаку. Сообразивъ, затѣмъ, мишка вдругъ рывкнулъ и Гарза быстро отскочилъ, но немного спустя, собака опять начала радостно прыгать и ласкаться, будто передъ нею находился не медвѣдь, а такое же животное, какъ она сама. Вся эта исторія происходила въ виду каравана, двигавшагося по долинѣ Сэрг-чю. Пока медвѣдь и собака знакомились другъ съ другомъ, нѣсколько человѣкъ казаковъ открыли по звѣрю безпорядочную стрѣльбу, поранивъ, впрочемъ, медвѣдя въ пятку, отчего мишка неуверенно побѣжалъ спасаться отъ непрошенныхъ гостей. Гарза не отставалъ отъ медвѣдя и я удивляюсь, какъ его не задѣла ни одна шальная пуля. Тибетцы-проводники, вошедшіе въ охотничій азартъ, стремительно понеслись на лошадяхъ за мишкой; послѣдній неуклюже прыгалъ вблизи нашего каравана, часто оглядываясь назадъ. Въ концѣ концовъ мы съ А. Н. Казнаковымъ прикончили съ медвѣдемъ. Послѣдній оказался беззубымъ старикомъ и вызвалъ среди насъ немало искренняго смѣха.

Прекрасному впечатлѣнію, вынесенному вообще о сэргчюской долинѣ способствовала также и порядочная погода, стоявшая нѣ-

сколько дней къ ряду. Въ солнечные, прозрачные проблески сѣверныя и южныя горы представлялись очень красивыми, въ особенности передъ закатомъ солнца, долго не погасавшаго своихъ лучей на ихъ главныхъ вершинахъ, окутанныхъ фіолетовой дымкой. Надъ озеромъ Оринъ-норомъ часто висѣли темныя тучи съ свѣтло-сѣрыми дождевыми полосами.

Тридцатаго мая, по обыкновенію на восходѣ солнца, нашъ караванъ оставилъ послѣднюю изъ значительныхъ рѣчекъ долины Сэрг-чю и сталъ постепенно подниматься въ гору. При взглядѣ на югъ, оставляемая нами долина выдѣлялась рѣзче и, рѣзче: это своего рода Одонъ-тала или «звѣздная степь» со множествомъ блестящихъ озерковъ, лужъ и затѣйливыхъ очертаній ручьевъ и рѣчекъ, извивающихся по болотамъ.

Вскорѣ, затѣмъ, экспедиція поднялась на вершину невысокаго безымяннаго перевала, откуда, дѣйствительно, могла радостно привѣтствовать голубую, зеркальную поверхность знакомаго бассейна озера Русскаго. Почти годъ минулъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его покинули съ запада, теперь же вблизи находился его юго-восточный край, манившій насъ своею мягкою лазурью. Въ сѣверной дали вырисовывался силуэтъ хребта Амнэ-нкоръ, бѣлоснѣжныя вершины котораго сливались съ облаками. Цѣлые полчаса я простоялъ на перевалѣ, любясь видами въ ту или другую сторону. Южный горизонтъ будилъ воспоминанія о красотѣ и богатствѣ природы Кама, сѣверный радовалъ счастливымъ достиженіемъ конца нашей главной тибетской задачи. Пропустивъ весь караванъ мимо себя, мнѣ пріятно было прочесть на лицахъ моихъ спутниковъ удовольствіе и радость. Лично же моей радости въ значительной степени способствовало еще и то очень важное обстоятельство, что моя маршрутно-глазомѣрная съемка, веденная на громадномъ протяженіи по восточному Тибету, сомкнулась безъ какихъ бы то ни было мало-мальски существенныхъ натяжекъ.

Еще часъ—другой и нашъ бивакъ уже красовался на возвышенномъ берегу, о который гулко ударялись высокія, прозрачныя волны озера...

На противоположномъ берегу того же самаго залива, экспедиція Н. М. Пржевальскаго отбила нападеніе нголоковъ-хорчи, нѣсколько разъ смѣло бросавшихся тогда на насъ въ атаку. Все прошлое живо возстановилось въ моей памяти. Не хотѣлось вѣрить, что уже минуло семнадцать лѣтъ со времени посѣщенія этой

части озера Русскаго первымъ изслѣдователемъ природы центральной Азіи.

Два дня экспедиція шла по восточному берегу озера, прежде нежели достигла своей прежней стоянки на его сѣверномъ берегу при истокѣ Хуанъ-хэ.

Высокій нагорный берегъ озера состоитъ изъ луговыхъ уваловъ, болѣе или менѣе полого спускающихся отъ гребня главной гряды и круто обрывающихся къ озерной поверхности. Очень удобная дорога проходитъ самымъ берегомъ и съ наиболѣе высокихъ береговыхъ мысовъ открываетъ превосходные виды. Темно-голубая поверхность озера въ большинствѣ случаевъ пестрѣла волнами, плавно катившимися на просторѣ и гулко разбивавшимися о скалистые или песчано-галечные берега. Южные и западные береговые мысы вырисовывались слабо, такъ какъ надъ озернымъ бассейномъ висѣла туманная дымка, сокращавшая горизонтъ. Съ береговыхъ утесовъ и скалъ то и дѣло снимались гнѣздившіеся на нихъ индійскіе гуси, турпаны, бакланы, на волнистой поверхности дивно-прозрачныхъ водъ, словно поплавки, качались чайки, крачки, крахали, оголи и другія плавающія птицы. Вблизи берега, въ глубокихъ омутахъ, стояли стаи крупныхъ рыбъ. Пышныя прибрежныя пастбища ютили стройныхъ антилопъ-ада, рогатыхъ оронго, рѣже аргали и хулановъ; медвѣдей не встрѣчалось вовсе.

Придя къ истоку Хуанъ-хэ, экспедиція расположилась лагерь на прежнемъ мѣстѣ, на правомъ берегу рѣки. Сухой аргаль нашихъ караванныхъ животныхъ послужилъ отличнымъ топливомъ. На площадкѣ бивака, кое-гдѣ изрытой медвѣдями, валялись ненужные предметы, брошенные нами при прежней здѣсь стоянкѣ но зато цинковыхъ ящиковъ, зарытыхъ подъ очагомъ, не оказалось; вѣроятно нголки произвели хорошій осмотръ въ наше отсутствіе и сочли пустые ящики за какую либо драгоценность. Мы же такъ бережно спрятали куда негодные цинковые ящики отъ патроновъ просто изъ любопытства.

Въ день нашего вступленія на сѣверный берегъ Оринъ-нора, перваго іюня, испортившаяся было погода вновь исправилась; утренній дождь снособствовалъ лишь очищенію и большей прозрачности воздуха. Хребетъ Амнэ-нкоръ рѣзко выдѣлялся на сѣверѣ горизонта. Ко времени погасанія зари не осталось ни одного облачка. Немного позднѣе мои знакомыя созвѣздія предстали во

всей прелести и дали мнѣ возможность произвести повторительный рядъ астрономическихъ наблюдений, очень важный для проверки хода хронометровъ. На слѣдующій день тѣ же опредѣленія удались и по отношенію къ дневному свѣтилу; затѣмъ, не успѣвъ еще убрать инструмента, какъ небо покрылось тучами, по долину пронесся порывистый вѣтеръ, озеро потемнѣло, нахмурилось и стало грозно ударять своими пѣнистыми волнами. Позднѣе сталъ накрапывать дождь, не перестававшій въ теченіе всей ночи. Въ такую погоду намъ особенно хотѣлось скорѣе попасть въ Цайдамъ.

Движеніе экспедиціи въ области Амнэ-нокора шло въ общемъ успѣшно. Новаго противъ прежнихъ наблюдений ничего не прибавилось. Самый перевалъ представлялъ прежнія удобства и неудобства; попрежнему у гребня, на сѣверномъ склонѣ, лежалъ снѣгъ; попрежнему въ верхнемъ поясѣ было сыро, прохладно и попрежнему самой дорогой добычей по части зоологическихъ сборовъ послужили интересные выюрки (*Kozlowia Bobowskii*).

Подходя къ нашей старой стоянкѣ у скаль, окаймленныхъ тальникомъ, мы увидѣли большое стадо куку-ямановъ, пасшихся по гребню горъ. Дадай при этомъ замѣтилъ: «здѣсь напрасно искать медвѣдей, ихъ нѣтъ, иначе куку-яманы не паслись бы такъ открыто; эти звѣри обладаютъ великой способностью видѣть и чуютъ медвѣдя на порядочное разстояніе». Нами еще раньше рѣшено было дневать въ этомъ мѣстѣ и послать отсюда на складъ въ Цайдамъ одного изъ пайдамскихъ монголовъ—Гардэ, съ письмомъ къ Иванову, чтобы послѣдній ѣхалъ къ намъ навстрѣчу.

Въ долину Алыкъ-норинъ-холь сильно сказывалось ближайшее сосѣдство сухой, знойной котловины Цайдама; согрѣтый воздухъ былъ наполненъ тонкой пылью; вдоль рѣчки часто проносились высокіе столбы вихрей. Промчавшійся табунъ хулановъ также оставлялъ за собою большое облако пыли. Кромѣ хулановъ, часто смѣло подбѣгавшихъ къ нашему каравану на разстояніе до ста шаговъ, у подножій горъ паслись стада дикихъ яковъ и антилопъ-оронго; тамъ и сямъ показывались волки, лисицы и ярссы, промышлявшіе за пищухами; по зарослямъ обленихи держалось много зайцевъ.

Мои спутники съ большимъ интересомъ охотились на послѣд-

нихъ дикихъ яковъ и антилопъ-оронго; медвѣдей не встрѣчалось, за исключеніемъ одного, застигнутаго, пожирающимъ хулана. вѣроятно, подстрѣленнаго монголами или другими охотниками. Интересно, между прочимъ, то обстоятельство, что тибетскій медвѣдь остатки своей добычи зарываетъ или засыпаетъ землей. Наблюдая медвѣдя за этимъ занятіемъ издали, мы долгое время не могли понять, что имѣемъ дѣло съ означеннымъ звѣремъ, который, находясь впереди нашего каравана, то поднимался на подобіе чело-вѣка, то опускался уподобляясь звѣрю, и только приблизившись къ нему на полверсты, мы отлично различили въ бинокль, что это былъ никто иной, какъ медвѣдь, направившійся затѣмъ въ горы. Соблюдая нѣкоторую осторожность, мнѣ удалось встрѣтиться съ медвѣдемъ на очень близкомъ разстояніи и застрѣлить его.

Между тѣмъ нетерпѣніе наше попасть въ Цайдамъ расло съ каждымъ днемъ. Мы всѣ невольно всматривались въ ту часть хребта Бурханъ-Будда, откуда могъ и долженъ былъ показаться нашъ Ивановъ. Послѣдній, дѣйствительно, былъ обнаруженъ въ ожидаемый нами день и приблизительно въ намѣченномъ направленіи. Пріѣздъ Иванова оживилъ нашъ бивакъ. Пошли справки и разспросы... Прежде всего цайдамскій отшельникъ порадовалъ меня докладомъ о хорошемъ состояніи склада, а затѣмъ врученіемъ почты—первой со времени нашего двухлѣтняго странствованія, если не считать десятка писемъ, полученныхъ пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ въ Сининѣ. Кто-то изъ моихъ спутниковъ справедливо замѣтилъ, что Ивановъ, пріѣхавшій къ намъ на прекрасной откормленной лошади, въ бѣломъ нарядномъ кителѣ съ разодѣтымъ цайдамскимъ монголомъ, составилъ полный контрастъ по отношенію даже къ членамъ экспедиціи, не говоря уже про конвой,—такъ обносились мы всѣ, участники тибетской экскурсіи. Лица наши вполне гармонировали съ нашимъ потрепаннымъ одѣяніемъ.

Спустя нѣкоторое время Ивановъ болѣе спокойно рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Цайдамѣ. Самымъ великимъ лишеніемъ, говорилъ онъ, для всѣхъ ихъ составляло неполученіе прямыхъ свѣдѣній объ экспедиціи; тѣ же чуждые рассказы, которые передавались богомольцами или другими странниками-туземцами ихъ не только не удовлетворяли, но еще пуще огорчали; нѣкоторому сомнѣнію въ благополучіи экспедиціи способствовали позднѣйшіе толки, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ Тибета и согласо-

вавшіеся между собою о гибели экспедиціи, но они твердо вѣрили, что этого не могло случиться, хотя и допускали возможность утраты кого-либо изъ персонала экспедиціи.

До поздней ночи отрядъ не ложился спать; да и въ постеляхъ долго еще можно было слышать мягкіе голоса путниковъ, мирно бесѣдовавшихъ о своей родинѣ: повидимому у всѣхъ на душѣ было легко, хорошо. Къ тому же ночь стояла превосходная: тихая, ясная; сводъ неба былъ унизанъ звѣздами и серпомъ молодой луны.

Переваль Бурханъ-Будда былъ первымъ и послѣднимъ переваломъ на пути экспедиціи по нагорью Тибета. Имѣя наиболѣе низкія точки на сѣверѣ (Цайдамъ 9.380 футовъ) и на югѣ (окрестности Чамдо 11.170 футовъ), въ мѣстахъ, гдѣ проведено экспедиціей всего нѣсколько дней, мы все остальное время находились, принимая во вниманіе, конечно, срокъ лишь одной тибетской экскурсіи, значительно выше—отъ 14.000 до 16.000 футовъ надъ моремъ. Даже относительно низкая и теплая долина ущелье Рэ-чю, гдѣ зимовала экспедиція, и та имѣетъ около 12.000 футовъ. Средняя же высота страны, охваченной маршрутомъ экспедиціи имѣетъ болѣе 13.000 футовъ надъ моремъ или, что то же самое, около четырехъ верстъ выше Петербурга.

Такимъ образомъ, наша тринадцати-мѣсячная тибетская экскурсія была счастливо доведена до конца.

Въ привѣтливомъ и богатомъ пастбищемъ урочищѣ Шар-тологойнын-амынъ, приподнятомъ почти на 11.000 футовъ надъ моремъ, куда Ивановъ перенесъ свой пастушескій лагерь для встрѣчи экспедиціи, мы всѣ, тибетскіе странники, почувствовали себя легко и хорошо. Нашъ обширный бивакъ удобно расположился на береговой террасѣ, среди густой свѣжей зелени, прорѣзанной журчащими канавками прозрачной воды.

Солнце пригрѣвало по-лѣтнему; по утрамъ и вечерамъ, да и днемъ нерѣдко, насъ донимали комары, отъ которыхъ положительно нигдѣ нельзя было уберечься. Эти кровопійцы проникали съ цайдамскихъ болотъ не только въ предгорья, но даже въ средній и отчасти въ верхній поясъ горъ, не щадя никого и ничего. По счастью, конвой экспедиціи, благодаря заботѣ моей жены, получилъ достаточное количество русскихъ платковъ съ историческими рисунками, сослужившими хорошую службу при защитѣ отъ этого сибирскаго «гнуса». Изъ животныхъ, болѣе другихъ страдали отъ

Цайдамскіе отшельники Ивановъ и Афутинъ.

(Въ своемъ лагерь въ горахъ Цайдама въ ожиданіи экспедиціи).

укусовъ комаровъ, верблюды, которые находились въ это время въ сильномъ линяннѣ. Экспедиціонныхъ верблюдовъ къ нашему приходу въ Цайдамъ состояло налицо тридцать одинъ; лошадей—четыре. О пріобрѣтеніи первыхъ, о доведеніи ихъ числа до пятидесяти пяти, пришлось серьезно позаботиться. Но мы не падали духомъ, такъ какъ пришедшая одновременно съ нами въ Цайдамъ добавочная почта развязывала намъ руки. Экспедиціонный денежный пакетъ, счастливо миновавшій разбойниковъ, боксеровъ, былъ полученъ Россійскимъ посольствомъ въ Пекинѣ и благодаря предупредительности и любезности нашего посланника, глубокоуважаемаго М. Н. Гирса, переводъ китайскаго серебра въ Сининъ на мое имя уже состоялся. Только теперь, болѣе или менѣе обстоятельно, мы узнали о минувшей европейско-китайской войнѣ. Оказывается, весь періодъ войны экспедиція находилась въ глубинѣ Тибета и счастливо избѣжала, могущихъ произойти съ китайцами нежелательныхъ осложнений. Теперь мы болѣе, нежели въ свое время въ Тибетѣ, радовались, что наша комбинація попасть въ Сун-пан-тинъ не удалась; въ Сун-пан-тинѣ, среди китайцевъ, особенно враждебно настроенныхъ тамъ противъ европейцевъ, могла пострадать экспедиція.

Оба китайца-переводчика, командированные сининскимъ Цинъ-цаемъ съ пакетами въ экспедицію, долго не вѣрили собственнымъ глазамъ, что нашли всѣхъ насъ живыми. Имъ было строжайше приказано, въ случаѣ экспедиціи не окажется въ Цайдамѣ, слѣдовать въ Тибетъ, но говорили они: «Мы бы, конечно, дальше Цайдама никуда не ушли, ибо и сюда попасть намъ стоило не малыхъ трудовъ и лишеній. Какъ теперь будетъ радъ нашъ да-жень, узнавъ о вашемъ благополучіи; вѣдь въ Сининѣ почти увѣрены, что русская экспедиція погибла и что главному начальнику края придется отвѣтить за безпечность. Намъ, продолжалъ говорить старшій переводчикъ, на всякій случай приказано, узнавъ объ экспедиціи, переписать ея оставшихся въ живыхъ участниковъ, равно отмѣтить количество вьюковъ, животныхъ и скорѣе направиться обратно». Подъ радостнымъ впечатлѣніемъ китайцы, однако, прожили у насъ на бивакѣ около недѣли, въ теченіе которой я имѣлъ возможность помимо официальныхъ донесеній и телеграммъ, написать еще и частныя письма къ роднымъ и друзьямъ, болѣвшимъ за насъ душою.

Пока я писалъ отчетъ и письма, у насъ на бивакѣ, несмотря

на отдаленность, перебивало немало цайдамцевъ, во главѣ съ Барунъ-цзасакомъ, давшимъ о моихъ людяхъ, о ихъ сверхъ годичномъ пребываніи въ Цайдамѣ, самый лучший отзывъ. Въ свою очередь, я достойнымъ образомъ аттестовалъ всѣхъ четырехъ монголовъ, сопутствовавшихъ мнѣ въ Тибетѣ, и наградилъ ихъ свыше ожиданій деньгами и вьючнымъ скотомъ, служившимъ экспедиціи въ странѣ Далай-ламы.

Трогательно распрощавшись со спутниками монголами и приготовивъ почту въ Россію, я отправился на метеорологическую станцію, отстоящую въ тридцати верстахъ къ сѣверу. Мнѣ сопутствовали, помимо сининскихъ китайцевъ, В. Θ. Ладыгина, Бадмажанова, еще и двое гренадеръ. Бивакъ остался въ вѣдѣніи А. Н. Казнакова. Разстояніе до хырмы Барунъ-цзасака мы проѣхали въ теченіе пяти утреннихъ часовъ по глинисто-каменистой или песчаной равнинѣ, имѣвшей болѣе или менѣе пологое паденіе въ слѣдуемомъ нами направленіи. На складѣ, украшенномъ гирляндами цвѣтковыхъ растений, я нашелъ образцовый порядокъ. Лицо моего незамѣнимаго наблюдателя Муравьева дышало искренней радостью; ввѣренная ему метеорологическая станція работала непрерывно, всѣ инструменты дѣйствовали исправно и онъ лучшимъ образомъ справился не только съ обычными періодическими наблюденіями, но даже и съ часовыми, производимыми ежедневно съ семи часовъ утра до девяти вечера въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ—іюля, октября, января и апрѣля, т. е. среднихъ изъ каждаго времени года. Мнѣ только теперь пришло на умъ, кто бы замѣнилъ Муравьева, если бы онъ вдругъ заболѣлъ?... По счастью, этого не случилось: экспедиціонный отшельникъ чувствовалъ себя очень порядочно, отдавшись цѣликомъ своему занятію. Производство Муравьева въ старшіе унтеръ-офицеры являлось съ моей стороны лишь выраженіемъ должнаго признанія его значительныхъ заслугъ....

На станціи я произвелъ цѣлый рядъ повѣрочныхъ астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій.

Мѣстное населеніе отчасти ютилось посрединѣ равнины на лучшихъ пастбищахъ; большею же частью жило въ сосѣднихъ горахъ, отстоящихъ къ югу. Тѣ и другіе обитатели, отъ времени до времени, заглядывая въ хырму для осмотра имущества, навѣщали и меня; теперь они были богаты кумысомъ и всѣ несли въ подарокъ этотъ полезный напитокъ. Наши отношенія съ цайдамцами

еще болѣе улучшились, въ особенности, послѣ того, какъ возвратившіеся изъ Тибета ихъ довольные собраты подробно рассказали имъ о нашемъ совмѣстномъ, богатомъ приключеніи, странствованіи среди воинственныхъ племенъ Кама.

Такимъ образомъ, совершенно незамѣтно для меня мелькнулъ недѣльный періодъ, проведенный мною вдали отъ главнаго бивака. На послѣднемъ, по сообщенію А. Н. Казнакова, «опять наступило военное время». Какъ-то разъ, когда оба наши препаратора, Телешовъ и Мадаевъ, уѣхавъ въ сообществѣ монгола вверхъ по ущелью Хату за двадцать верстъ отъ бивака, увлекались охотою, въ одного изъ нихъ, а именно Мадаева, разбойники тангуты, устроивъ засаду, предательски стрѣляли. Но счастье... который уже разъ... опять выручило! Одна изъ пуль разбойниковъ прострѣлила фуражку и чуть-чуть обожгла голову. Первый выстрѣлъ, вѣроятно, лучшаго изъ стрѣлковъ, былъ такъ неожиданъ, что Мадаевъ, быстро повернувшись на мѣстѣ, оступился и полетѣлъ съ кручи внизъ; только оправившись и понявъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ отвѣчать огнемъ своей винтовки, цѣлясь на дымъ, появлявшійся отъ слѣдующихъ беспорядочныхъ выстрѣловъ прочихъ тангутовъ. Самихъ же разбойниковъ не было видно, за исключеніемъ одного, выглянувшего вслѣдъ за произведеннымъ первымъ выстрѣломъ; они сидѣли за скалистымъ гребнемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что мой юный страстный охотникъ экскурсировалъ съ двумя ружьями—дробовикомъ и винтовкой; въ моментъ чуть не рокового выстрѣла онъ разсматривалъ свою добычу—куку-ямана и уллара, убитыхъ въ розсыпяхъ. Отъ звѣря Мадаевъ собирался взять небольшую часть мяса, а птицу бережно завернуть и спрятать въ ягдташъ, но то и другое, конечно, осталось на мѣстѣ, такъ какъ Мадаевъ, отстрѣливаясь отъ разбойниковъ, направился къ охотничьему лагерю, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидалъ Телешовъ. Обсудивъ свое положеніе, препараторы осѣдлали лошадей и благополучно возвратились на главный бивакъ.

Монголы, узнавъ объ этомъ происшествіи, въ одинъ голосъ твердили, что тангуты-разбойники, по всему вѣроятію, не подозревали о возвращеніи русскихъ изъ Тибета, иначе они ни за что не рѣшились бы этого сдѣлать, будучи достаточно проучены годъ тому назадъ двумя русскими людьми во время ихъ ночного подступа къ русскимъ верблюдамъ. «Теперь, продолжали говорить тѣ же монголы, можно быть увѣреннымъ, что разбойники не при-

близятся къ русскимъ даже на порядочное разстояніе въ теченіе всего пребыванія ихъ экспедиціи въ Цайдамъ, но горе будетъ намъ послѣ ухода русскихъ: тангуты непременно отомстятъ за неудачу хоть тѣмъ, что нападутъ на насъ».

Предсказаніе монголовъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ намъ, сбылось. Послѣдующія экскурсіи въ районъ тѣхъ же горъ были вполнѣ благополучны и обогатили нашъ зоологическій сборъ медвѣжьимъ скелетомъ, припарированнымъ на мѣстѣ.

Въ области разсматриваемыхъ горъ медвѣдь смѣло заходитъ по ночамъ на монгольскія стойбища и крадетъ барановъ. Незадолго же до нашего возвращенія изъ Тибета, мишка неожиданно появился днемъ и, приблизившись къ открытой двери одной изъ юртъ, остановился, разинулъ пасть и началъ громко реветъ. По счастью, въ юртѣ оказалось двое охотниковъ, которые тутъ же на мѣстѣ и уложили непрошеннаго гостя. Минувшей же осенью, въ двадцатыхъ числахъ ноября, въ ущельи Бургусутай тибетскій медвѣдь произвелъ настоящій погромъ. По словамъ монголовъ, произошло слѣдующее: одна изъ цайдамскихъ семей, состоявшая изъ старухи матери и молодого сына съ женою, со всѣмъ своимъ скарбомъ и скотомъ перекочевывала изъ средняго пояса горъ въ нижній. Прибывъ въ намѣченное для лѣтовки урочище, кочевники приготовились устраивать свое походное жилище, какъ неожиданно, изъ ближайшихъ кустовъ, къ нимъ вышелъ медвѣдь. Хозяинъ дома встрѣтилъ звѣря ударомъ сабли, не причинившимъ, однако, медвѣдю серьезнаго вреда. Озлобленный мишка быстро покончилъ съ монголомъ, круто изогнувъ его желѣзный клинокъ, и напалъ на несчастныхъ женщинъ, которыя подверглись той же участи. По умерщвленіи монгольской семьи, звѣрь разорвалъ цѣпную собаку и нѣсколькихъ барановъ. Отвѣдавъ затѣмъ мяса людей и барановъ, свирѣпый мишка стащилъ всѣхъ своихъ жертвъ въ одно углубленное мѣстечко и покрылъ войлоками, деревьями и другими принадлежностями юрты; образовавъ, такимъ образомъ, груды изъ хлама, онъ расположился на немъ отдыхать. Эту картину засталъ одинъ монголъ, не рискнувшій, однако, выстрѣлить на бросившагося на него медвѣдя; потомъ, трое лучшихъ мѣстныхъ охотниковъ убили злобнаго звѣря.

Въ послѣднихъ числахъ іюля прибылъ, наконецъ, изъ командировки въ цайдамскіе хошуны Бадмажановъ, отлично выполнившій всѣ возложенныя на него порученія. Вслѣдъ за симъ, экспеди-

ція начала усиленно готовиться къ выступленію въ дальнѣйшій путь, къ дому. Верблюдовъ у насъ было теперь около шестнадцати, лошадей также полный комплектъ. Тибетскіе кони все еще не привыкли къ верблюдамъ, хотя уже не такъ ретиво фыркали и перестали взвизывать на дыбы при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ.

Тридцатаго іюля нашъ большой караванъ оставилъ насиженное мѣсто и въ два перехода перенесъ свой бивакъ въ сосѣдство метеорологической станціи, гдѣ при ключевомъ урочищѣ Багатурюкъ, расположился на дневку. Сюда были доставлены остальные вьюки, хранившіеся на складѣ въ хырмѣ Барунъ-цзасака; сюда же прибылъ и нашъ отшельникъ, завѣдывавшій метеорологической станціей, и отвѣтственный наблюдатель Муравьевъ, привезшій намъ достаточное количество печенаго хлѣба, изготовленнаго имъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней. Разставаясь съ хырмой, я опечаталъ метеорологическую будку, на которую прибилъ металлическую дощечку съ надписью на русскомъ и англійскомъ языкахъ: «Метеорологическая станція Тибетской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

Монголы, приходившіе прощаться, положительно осаждали нашъ лагерь; какъ и прежде, они угощали насъ неизмѣннымъ кумысомъ. Прибыли также Барунъ-цзасакъ и Хамбо-лама, тибетецъ, оба подарившіе мнѣ на память по лошади. Наши подарки приходили къ концу. Кромѣ монголовъ барунскаго хошуна, ко мнѣ пріѣхали съ прощальнымъ привѣтомъ и представители хошуна Цзунъ-цзасака и представители Курлыкъ-бэйсэ. Для меня не могло быть большаго удовольствія, какъ то, которое я теперь переживалъ, убѣждаясь въ искренности лучшихъ къ намъ отношеній монгольскаго народа.

Глава XV.

По восточному Нань-шаню.

Поперекъ Нань-шаня.—Дуланъ-хитъ.—Новый путь черезъ долину озера Далай-дабасу.—Вдоль южнаго берега Куку-нора.—Китайскіе города Донгаръ и Сининъ; дружелюбная встрѣча съ администраціей послѣдняго.

Если съ приходомъ экспедиціи въ Цайдамъ съ сѣвера считался оконченнымъ первый актъ ея дѣятельности, то съ возвращеніемъ

въ эту страну съ юга окончился и второй—самый важный, составлявшій основную задачу путешествія. Теперь всталъ на очередь третій и послѣдній актъ—слѣдованіе экспедиціи къ роднымъ предѣламъ.

Второго августа 1901 г., чуть забрезжила на востокъ заря, нашъ караванъ отправился на пересѣченіе обширной долины Цайдама, держа сѣверо-восточное направленіе. Утренняя тишина воздуха нарушалась отдѣльными голосами птицъ, вспархивавшихъ и перелетавшихъ съ ближайшихъ къ дорогѣ кустовъ. Хребетъ Бурханъ-Будда провожалъ насъ сурово: надъ нимъ висѣли мрачныя грозовыя тучи, тогда какъ надъ долиной и впереди лежавшими горами, небо было почти безоблачнымъ. Съ каждымъ послѣдующимъ часомъ воздухъ нагрѣвался ощутительнѣе; мучительная мошка исчезла, но на смѣну ей появились еще болѣе мучительныя для животныхъ—овода. Покорные верблюды шли съ обычнымъ смиреніемъ, но лошади сильно отбивались, то и дѣло останавливаясь на ходу. Монгольскій скотъ стоялъ, понутивъ головы, подлѣ жилищъ кочевниковъ или забивался куда-либо въ чащу кустарниковъ.

Баянъ-голъ въ это время имѣлъ широкій, свыше ста саженой, плёсъ, по краямъ котораго быстро неслись грязныя волны рѣки, въ видѣ двухъ рукавовъ, разобщенныхъ песчано-глинистою мелью. Наибольшая глубина брода не превышала двухъ футовъ и мы, благодаря опытности проводника Баля, благополучно переправились. Правый или сѣверный берегъ Баянъ-гола отличался еще болѣе тучными пастбищами, нежели лѣвый; съ сѣвера долину пріятно разнообразяють обширныя болота Иргицюль и Даланъ-тургынъ, съ многочисленными озерами, обставленными высокимъ камышемъ. По утрамъ и вечерамъ здѣсь замѣчалось оживленіе среди плавающихъ и голенастыхъ пернатыхъ.

Въ густыхъ прибрежныхъ заросляхъ хармыка, судя по оставленнымъ слѣдамъ, бродили медвѣди.

По дорогѣ, намъ попались навстрѣчу цайдамскіе монголы, возвращавшіеся изъ Донгэра со всевозможными покупками, необходимыми въ обиходѣ кочевника. Обрадованные неожиданнымъ свиданіемъ съ экспедиціей, цайдамцы откровенно говорили намъ, что своему благополучію въ дорогѣ они обязаны исключительно русскимъ, т. е. намъ, кого такъ сильно боятся кукунорскіе тангуты. Считааясь съ этимъ обстоятельствомъ, монголамъ достаточно

было заявить, что они везутъ русскую почту, чтобы исполнѣ гаран-тировать свою безопасность со стороны неоднократныхъ подступовъ грабителей оронгынъ. На прощаніи, находчивые монголы просили насъ, при случаѣ, не выдавать тангутамъ ихъ «военную хитрость».

За долиной Баянъ-гола мѣстность на нашемъ пути постепенно повышается; глинисто-солончаковая почва смѣняется песчаной или хрящеватой; взаимнѣ же богатыхъ равнинныхъ пастбищъ, поднимаются пустынные холмы или увалы, придающіе пейзажу крайне печальную картину. Послѣдняя еще болѣе омрачилась дождемъ, не перестававшимъ падать почти весь день. По случаю той же ненастной погоды мы не могли видѣть съ командующихъ высотъ, какъ весною прошлаго года, колоссальнаго хребта Бурханъ-Будда, чтобы бросить этой сѣверной грани Тибета нашъ прощальный взглядъ.

Къ сумеркамъ погода улучшилась, облака порѣдѣли, а затѣмъ и совершенно исчезли, открывъ темно-голубой сводъ неба, на которомъ, кромѣ яркихъ звѣздъ и планетъ, красиво выдѣлялся серпъ молодой луны. Со времени оставленія тибетскаго нагорья, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, я ни разу не наблюдалъ такого дивно прозрачнаго неба. Между тѣмъ въ воздухѣ ощущалась крайняя сырость. Утромъ сосѣднія горы вновь «закурились» кучевыми облачками, картинно отдѣлявшимися въ высь и заполнявшими собою, словно льдины въ рѣкѣ, свободныя лазоревыя пространства. Ко времени выступленія каравана, надъ долиною уже висѣли сплошныя сѣрыя осеннія тучи и полился мелкій дождь, къ счастью не надолго—черезъ часъ выглянуло солнце: облака исчезли столь же скоро, сколь скоро появились. Въ быстрѣ согрѣтомъ воздухѣ слышалось сплошное жужжаніе комаровъ и мошки, роями витавшихъ у несчастныхъ верблюдовъ. Тамъ и сямъ журчали ручьи, несшіе воду въ общую котловину соленыхъ бассейновъ Дуланъ-и Сэрхэ-норовъ. Связывающая эти озера протока Боринъ-холь была переполнена соленой, грязной жидкостью и поэтому осложнила переправу въ бродъ еще болѣе, нежели весною минувшаго года, при переднемъ нашемъ движеніи въ Тибетъ. Скользящая, липкая грязь довершала путевыя невзгоды и трудности. Наконецъ, благополучно выбравшись изъ соленой грязи и вступивъ въ обсохшую уже полосу равнины, мы вновь принуждены были остановиться на часъ—другой. На этотъ разъ насъ задержалъ горный

потокъ, пришедшій валомъ съ сѣвера. По спаденіи этихъ горныхъ водъ, мы кое-какъ добрались до передового каменистаго выступа или холма Эрдэни-обо и здѣсь при «Драгоценномъ источникѣ» могли удобно расположиться и высушить походныя принадлежности.

Сосѣдняя кумирня Дуланъ-хитъ успѣла подремонтироваться и выглядѣла несравненно лучше нежели то было при нашемъ первомъ ея посѣщеніи. Какъ ламы, такъ и простые обитатели-монголы относились къ экспедиціи весьма любезно и предупредительно. Тангуты же, случайно проѣзжавшіе по долинь, къ намъ почти не заглядывали; съ этими своенравными кочевниками, въ большинствѣ случаевъ, намъ не удавалось заводить дружескихъ отношеній. На мой вопросъ къ монголамъ: «почему тангуты сторонятся насъ?» —я всегда слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «оронгыны любятъ появляться въ видѣ непрошенныхъ гостей, а такихъ вы сами не жалуете».

На утро, распрощавшись съ цайдамскими проводниками, мы не безъ труда подняли нашъ караванъ и двинулись къ озеру Цаганъ-нору. Наиболѣе отраднымъ уголкомъ послѣдняго, можно считать сѣверный берегъ, гдѣ у подножья красно-гранитныхъ скалъ выбѣгаетъ студеный, прозрачный ключъ, орошающій прізерный лугъ. На этомъ ключѣ мы дважды располагались бивакомъ—въ передній и обратный путь. Въ обоихъ случаяхъ кочевниковъ мы здѣсь не видѣли, хотя, судя по слѣдамъ, они проживали на озерѣ незадолго до нашего послѣдняго прихода. На тихой поверхности Цаганъ-нора держалось значительное количество горныхъ гусей и утокъ; затѣмъ, часто раздавались голоса турпановъ, ютившихся обособленными семьями; вдоль береговъ проносились зуйки, кулики-улиты и песочники; по выступамъ скалъ сидѣли орланы, вблизи которыхъ монотонно ворковали каменные голуби; среди бивака, на камняхъ, довѣрчиво усаживались чекканы, краснохвостки, удоды; высоко, у карнизовъ, витали горныя ласточки, съ громкимъ щебетаніемъ нападавшіе на рыжихъ соколовъ.

Обогнувъ, ближайшіе къ восточному берегу озера горные мысы, экспедиція, вскорѣ затѣмъ, прибыла въ долину озера Далай-дабасу. Въ этой долинь мы устроили дневку, въ цѣляхъ пріобрѣтенія нѣсколькихъ штукъ верблюдовъ. Недовѣрчивые монголы, съ сердитымъ начальникомъ во главѣ, вначалѣ были очень не сговорчивы, но затѣмъ смирились и, продавъ намъ трехъ вер-

блюдовъ, стали нерѣдко заглядывать въ нашъ лагерь. Отъ монголовъ мы узнали любопытную исторію, что будто бы ихъ сосѣди тангуты, желая поскорѣе избавиться отъ монголовъ, начинаютъ надоедать послѣднимъ ежедневными массовыми посѣщеніями ихъ жилищъ подъ видомъ «гостей». По словамъ монголовъ, тангутскіе визиты крайне непріятны и они волей-не волей очень часто дѣйствительно перебираются на новыя мѣста.

Въ послѣднее время пребыванія экспедиціи въ долинѣ соленого озера погода значительно улучшилась: настали ясные, теплые дни, хотя по ночамъ температура спускалась до трехъ градусовъ ниже нуля; воздухъ былъ замѣчательно прозраченъ и давалъ возможность любоваться небомъ днемъ и ночью. Въ горахъ, на значительной высотѣ надъ моремъ, чистота и интенсивность небесной лазури бываютъ таковы, что можно въ теченіе цѣлыхъ часовъ безмолвно смотрѣть и восхищаться обаятельною прелестью неба. Не менѣе прекрасны въ этой долинѣ бывали и вечера, озаряемые мягкимъ луннымъ свѣтомъ, разливавшимся по озерной глади и вершинамъ сосѣднихъ горъ. Нашъ бѣлый шатеръ пронизывался не только блескомъ луны, но даже блескомъ другихъ планетъ и крупныхъ звѣздъ. Съ вечера, погружившись въ думы, невольно смотришь на яркія точки свѣтилъ, медленно плывущихъ въ пространствѣ отъ одного конца горизонта къ другому. По ходу планетъ и звѣздъ мы отсчитывали ночное время, не прибѣгая къ часамъ. Въ ясныя ночи наши часовые, подобно мѣстнымъ кочевникамъ, часто также руководствовались положеніемъ на небѣ созвѣздія Большой Медвѣдницы, чтобы въ свое время поднять на ноги би-вакъ.

На утренней зарѣ караванъ обыкновенно выступалъ въ путь; косые лучи солнца вначалѣ освѣщали лишь вершины горъ, и только значительно позднѣе—открытыя части долинъ. Зеркальная поверхность озера одинаково красиво отражала какъ отдаленные могучіе вѣнды горъ, такъ и небольшіе предметы, въ родѣ верблюдовъ и лошадей, пасшихся или проходившихъ въ караванѣ вблизи озера.

Въ такую прекрасную погоду, семнадцатаго августа, намъ удалось подняться на хребетъ Южно-кукунорскій и съ его сѣдловины—Цзэгостанъ-котуль—увидѣть Куку-норъ или голубое озеро. Правда, на этотъ разъ сѣровая окраска воды далеко не оправдывала монгольскаго названія, тѣмъ не менѣе общій видъ озера былъ

величественно прекрасенъ. За крутымъ сѣвернымъ склономъ Южно-кукунорскаго хребта широкою гладью разстилалась его блестящая поверхность, на которой рѣзко выдѣлялись полуострова и острова, въ особенности большой или главный островъ—Куйсу, гдѣ имѣется небольшая кумирня и проживаютъ ламы. Противоположный же берегъ озера, казалось, сливался съ облаками, утопавшими въ волнахъ Куку-нора.

Кочевыхъ тангутовъ мы встрѣтили на южномъ склонѣ хребта, куда они перебрались съ сѣвернаго незадолго до нашего прихода. Своими черными палатками тангуты тѣснились вдоль караванной дороги и одинъ за другимъ гордо подѣзжали къ нашему каравану, назойливо приставая съ разспросами. Огромныхъ псовъ, озлобленно бросавшихся на нашъ караванъ, въ особенности на собакъ, тангуты не только не удерживали, но даже еще болѣе натравляли, на наши же замѣчанія этого не дѣлать, они зло смѣялись. Волей-неволей пришлось застрѣлить нѣсколькихъ тангутскихъ собакъ и тѣмъ обезпечить спокойное дальнѣйшее движеніе какъ среди этихъ тангутовъ, такъ еще болѣе среди тѣхъ изъ нихъ, которые кочевали на лучшихъ кукунорскихъ пастбищахъ.

Въ слѣдующіе четыре дня и перехода, съ 18-го по 21-е августа, экспедиція, оставивъ ущелье пройденныхъ горъ и взявъ направленіе къ востоку, прошла вдоль всего южнаго берега Куку-нора. Слева разстилалась голубая поверхность озера, нерѣдко пестрѣвшая высокими серебристыми волнами, глухо разбивавшимися о песчано-глинистые берега. Попутный вѣтеръ приносилъ запахъ озерной воды, надъ которой точками мелькали чайки, крачки, сѣрыя цапли или длинной вереницей проносились утки, гуси, бакланы и другія плавающія пернатые. Справа тянулись горы, имѣвшія довольно однообразный характеръ. На всемъ пути имѣлись богатѣйшія пастбища, и остановки каравана можно было производить чуть не при первомъ желаніи. Нашъ проводникъ монголъ, съ грустью вспоминая былое, показалъ намъ между прочимъ полуостровъ или мысъ «Волчій загонъ», гдѣ когда-то его собратья на рѣзвыхъ коняхъ истребляли волковъ и вообще свободно носились отъ одного монгольскаго стойбища къ другому.

Въ теченіе первыхъ трехъ дней пути по берегу Куку-нора мы часто видѣли островъ Куйсу, а въ первые два дня кромѣ того и небольшой скалистый островокъ, расположенный къ юго-западу отъ главнаго и отстоящій въ десяти приблизительно верстахъ

разстоянія отъ южнаго берега. Главный островъ всего рельефнѣе намъ представлялся въ бинокль, конечно, при наибольшемъ къ нему приближеніи, и при болѣе удачномъ боковомъ освѣщеніи солнцемъ; этотъ островъ походилъ на военный корабль, если смотрѣть на него въ профиль; своею южною стороною Куйсу круто обрывался къ водѣ, въ которой совершенно терялись оба крыла острова. На плоской вершинѣ послѣдняго замѣтно было искусственное сооруженіе въ родѣ домика или кумирни. Испытавъ пригодность небольшой брезентно-пробковой лодки при плаваніи по альпійскимъ озерамъ, я въ слѣдующій разъ не отказался бы включить въ снаряженіе экспедиціи подобную же лодку, но только нѣсколько иного типа, и на которой можно было бы поплавать по обширному бассейну Куку-нора.

Двадцать второго августа, экспедиція поднялась на перевалъ Нара-саранъ-котуль, имѣющій 11.600 футовъ надъ моремъ. Покидая замкнутый внутренній бассейнъ, мы вступили во внѣшній. Съ вершины перевала въ западномъ направленіи можно было бросить прощальный взглядъ на Куку-норъ, красиво разстилавшійся своею темно-голубою поверхностью, на которой островъ Куйсу представлялся небольшимъ желтовато-сѣрымъ пятномъ, дрожавшимъ въ вибраціи воздуха.... На востокъ громоздился сонмъ горъ восточнаго Нань-шаня, скрывавшаго въ своихъ многочисленныхъ складкахъ впереди лежащія культурныя долины.

Тангуты ютились у самаго перевала, выше и ниже дороги, змѣею извивающей по мягкому луговому скату, испещренному свѣтлыми ручейками. По мѣрѣ того, какъ мы спускались, горизонтъ сокращался, въ воздухѣ чувствовалось значительно теплѣе, населеніе увеличивалось, кочевники смѣнялись земледѣльцами. Дорога все болѣе оживлялась китайцами, тангутами и помѣсью тѣхъ и другихъ, такъ называемыхъ донгэр-ва, свободно владѣющихъ обоими языками. По сторонамъ дороги радовали глазъ полосы созрѣвшаго хлѣба—ячменя, пшеницы, овса—который уже начали убирать. Работа спорилась у трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, пріѣзжавшихъ обыкновенно на поля семьями и сопровождавшихъ свое любимое занятіе звонкой, монотонной пѣсенкой. Какой рѣзкій контрастъ въ природѣ и людяхъ на разстояніи всего лишь пятидесяти—шестидесяти верстъ! Послѣ пребыванія въ пастушеской странѣ было пріятно видѣть добродушныхъ селяковъ, смѣло и съ улыбкой спрашивавшихъ насъ: «куда идете?»—взамѣнъ, на-

примѣръ, кукунорскихъ номадовъ, которые косо, исподлобья смотря на тѣхъ же самыхъ людей, удирали безъ оглядки. Не вѣрилось, что мы уже близки къ жизни, напоминавшей собою и нашу, все еще далеко отстоявшую родину.

Двадцать четвертаго августа, въ десять часовъ утра, мы вступили въ долину Донгэрской рѣчки и удобно расположились лагерьмъ вблизи южной стѣны города Донгэра. Населеніе словно по сигналу высыпало на берегъ рѣки, на крыши, чтобы позѣвать на пришлыхъ людей. Къ чести донгэрцевъ, они вели себя замѣчательно учтиво и послушно и въ теченіе двухъ сутокъ, проведенныхъ здѣсь экспедиціей, у насъ съ туземнымъ населеніемъ не произошло никакихъ непріятностей, наоборотъ, были самыя дружжелюбныя отношенія и не только въ Донгэрѣ, но и въ остальныхъ населенныхъ пунктахъ, расположенныхъ вдоль нашего пути по восточному Нань-шаню.

Донгэрскія власти оказались такими же предупредительными и вѣжливыми, какъ и все мѣстное населеніе: выслали чиновниковъ для встрѣчи экспедиціи и заранѣе позаботились отводомъ ей казенныхъ пастбищъ. Съ утра до вечера на нашемъ бивакѣ толпились продавцы хлѣба, яицъ, зелени; изрѣдка показывались и женщины, и дѣвушки съ воткнутыми цвѣтами. Обыкновенныя китайскія пшеничныя булки показались всѣмъ намъ вкуснѣе самыхъ изысканныхъ куличей или мелкихъ печеній, и мы съ волчьимъ аппетитомъ уничтожали ихъ въ огромнѣйшемъ количествѣ. Торговцы то и дѣло появлялись съ свѣжимъ хлѣбомъ, спѣша его сбыть не только за деньги, но и путемъ обмѣна на всѣ нужныя и ненужныя мелочи. Наши люди, положительно какъ школьники, съ радостнымъ смѣхомъ, бѣжали на встрѣчу булочникамъ и дѣлали запасы въ дорогу. Въ обыкновенное время, въ отрядѣ, ежедневно расходовался на продовольствіе цѣлый баранъ, теперь же благодаря обилію вкуснаго хлѣба, мы могли съѣдать только половину; къ тому же яйца и зелень наполняли и сильно разнообразили наше повседневное единственное общее для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, блюдо, заключавшееся въ бараньемъ мясѣ и супѣ.

Тѣмъ временемъ изъ Синина возвратился В. О. Ладыгинъ, командированный еще изъ кукунорской долины. По свѣдѣніямъ, полученнымъ моимъ сотрудникомъ въ ямынѣ, въ Китаѣ продолжались сильныя безпорядки, войска раздѣлились на партіи, сильный билъ слабого; достаточно было неудовольствія между начальни-

ками, чтобы у подчиненных завязался настоящий бой. Народъ ропталъ на массовыя казни столичныхъ сановниковъ и открыто радовался, что дядя богдыхана, опальный принцъ Тунъ, избѣжалъ смерти, скрывшись въ алатаньской пустыни. Миссіонеры изъ страны изгнаны. Въ городахъ замѣтно большое раздраженіе вообще по адресу евронейцевъ, не пощадившихъ даже дворцовъ и храмовъ и смѣло накладывавшихъ руку на все цѣнное. Къ общему погрому примкнули и китайскіе солдаты, которые, сбросивъ форму, превратились въ торговцевъ, развозя награбленное по окраинамъ. Противъ нашей экспедиціи мѣстные китайцы ничего не имѣли, по крайней мѣрѣ, такъ сказали адъютанты Цинъ-цайя г. Ладыгину, замѣтивъ, однако, что экспедиціи слѣдуетъ быть крайне осторожной.

Утромъ, 26-го августа, экспедиція, раздѣлившись на двѣ партіи, оставила Донгэръ. Караванъ, во главѣ съ А. Н. Казнаковымъ, двинулся прямымъ путемъ въ монастырь Чойбзэнъ, я же налегкѣ въ сопровожденіи лишь В. О. Ладыгина, Бадмажанова и Бѣляева, направился въ Сининъ. Моя поѣздка мотивировалась желаніемъ повидаться съ Цинъ-цайемъ и лично принести ему благодарность за услуги, оказанныя имъ экспедиціи.

Для большаго удобства въ пути, я съ своими спутниками отправился верхомъ на наѣмныхъ лошадяхъ. Облачное небо и періодически перепадавшій дождикъ способствовали улучшенію нашего движенія по большой дорогѣ, пролегавшей вдоль береговъ Сининской рѣки. Последняя бѣшено неслась по галечному крутому ложу, въ особенности въ мѣстахъ наибольшаго сближенія сопровождающихъ ее горныхъ уваловъ. По скату праваго берега красиво поднимался березовый лѣсъ, лѣвый же берегъ былъ почти сплошь укрытъ кустарниками и травами. Въ расширеніяхъ долины волновались пожелтѣвшія поля хлѣба. По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія, горы отошли въ сторону, долина раздвинулась на нѣсколько верстъ. Наблюдателю открылось сплошное земледѣльческое населеніе; поля, мѣстами наполовину сжатые, красиво поднимались на плоскія сопки; самый путь кромѣ того разнообразился китайцами, донгэр-ва, дунганями, ѣхавшими или направлявшимися пѣшкомъ въ ту или другую сторону. Тамъ и сямъ по дорогѣ стояли селенія, постоянные дворы или небольшія лавчонки, въ которыхъ дремали лѣнливые и апатичные курильщики опиума; разносчики и продавцы пельменей громко стучали въ свои торговые ба-

рабаны; по улицамъ селеній важно расхаживали куры, свиньи и маленькія курносенькія китайскія собачки, часто украшенныя грѣмящими ошейниками. Общее пріятное впечатлѣніе нѣсколько омрачалось многими развалинами селеній, не успѣвшихъ еще возродиться послѣ грознаго мятежа магометанъ.

Приблизительно на половинномъ разстояніи пути, мы перебрались по мосту на правый берегъ рѣки, по которому пришлось слѣдовать до самаго Синина. Неподалеку отъ этого города, начавшаго обрисовываться своими шаблонными крѣпостными стѣнами, мы проѣзжали вдоль холмовъ, расположенныхъ на открытой равнинѣ. Согласно преданію, холмы эти нѣкогда спасли Сининъ отъ непріятеля, осаждавшаго городъ съ запада. Находчивый комендантъ прикрылъ искусственные холмы печенымъ хлѣбомъ и тѣмъ будто бы отвлекъ вниманіе врага, замѣтившаго: «Сининъ изморомъ не возьмешь, его гарнизонъ располагаетъ цѣлыми горами хлѣба».

У западной крѣпостной башни, превосходно выложенной изъ сѣраго камня, мы переправились черезъ быструю, довольно многоводную рѣчку, впадающую недалеко отсюда въ Сининъ-хэ, и вошли арочнымъ входомъ въ городъ. Нѣсколько солдатъ, стоявшихъ на башнѣ, тупо бессмысленно глядѣли изъ-за бойницъ въ нашу сторону. Но зато большое любопытство было сосредоточено на насъ при вступленіи въ узкія, многолюдныя торговыя улицы, гдѣ тотчасъ образовалась толпа досужихъ зѣвакъ, послѣдовавшихъ за нами. У купцовъ, сидѣвшихъ за прилавками магазиновъ, вытягивались фізіономіи и они на время забывали свое дѣло; многіе почему-то громогласно считали насъ по головамъ, не стѣсняясь указывать пальцемъ. Мальчишки забѣгали впередъ, толпились, сбивали другъ друга съ ногъ и задерживали встрѣчныхъ, упрямые ослики становились поперекъ дороги, громко орали, заставляя спрыгивать сѣдоковъ,—словомъ, обычная городская картина, наблюдая которую мы незамѣтнымъ образомъ прибыли къ торговому дому Цянь-тай-мао. Послѣ нѣкотораго смущенія и нерѣшительности, приказчики открыли ворота и впустили во дворъ моихъ людей и лошадей, я же съ Ладыгинымъ прошелъ черезъ магазинъ въ помѣщеніе купцовъ, которые заранѣе отвели для насъ двѣ комнаты. Сопровождавшій насъ купецъ шепнулъ на ухо моему сотруднику, что онъ опасается за нашу безопасность: «толпа возбуждена, страсти ея могутъ возгорѣться при малѣйшей нетактичности съ нашей стороны, вѣдь народъ не можетъ забыть, что вы,

европейцы, принудили богдыхана оставить столицу и бѣжать чуть не пѣшкомъ внутрь страны». Позднее вечернее время заставило однако зѣвакъ скоро разойтись, а нашихъ купцовъ успокоиться и приготовить для насъ ужинъ, а затѣмъ, оставить насъ въ покоѣ.

На утро, приведя себя въ порядокъ, мы отправились съ визитами, о чемъ В. Θ. Ладыгинъ уже успѣлъ предупредить Цинъ-цайя и другихъ главныхъ должностныхъ лицъ Синина. Средствомъ передвиженія я избралъ китайскую закрытую телѣжку, внутри которой мнѣ можно было спрятаться отъ любопытныхъ глазъ; снаружи же усаживался В. Θ. Ладыгинъ, свободно переносившій всякую уличную толпу въ Китаѣ. Первый, къ которому мы поѣхали съ визитомъ, былъ Цинъ-цай-Банъ-ши-да-ченъ, бывшій сыланъ инородческаго приказа, родомъ маньчжуръ—Ко-пу-тун-и. Невысокаго роста, коренастый, округлый съ небольшими темными глазами и здоровымъ лицомъ, онъ производилъ хорошее впечатлѣнiе. Послѣ обычныхъ привѣтствій Цинъ-цай утонченно поблагодарилъ за подарокъ, а затѣмъ съ улыбкою началъ выражать свой восторгъ по поводу моего благополучнаго возвращенія изъ Тибета.—«Вы такой жизнерадостный, энергичный, счастливый, что глядя на васъ самъ молодеешь душою; я только отчасти могу представить себѣ тѣ невзгоды, трудности и лишенія, какія вы переносили непрерывно въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ; вы вышли изъ всего побѣдителемъ и привезли съ собою научныя драгоценности, и какъ теперь я искренно радъ, что вы вернулись здоровыми и невредимыми. Въ ваше отсутствіе я получилъ нѣсколько депешъ, одна тревожила другую; и въ Россіи, и въ Китаѣ считали вашу экспедицію погибшей. По возвращеніи же моихъ посланныхъ изъ Цай-дама, доставившихъ мнѣ отрадныя извѣстія, я тотчасъ телеграфировалъ о томъ въ Пекинъ. Въ настоящее время, вѣроятно, и ваша родина радуется за ваше благополучное странствованіе и смѣло надѣется на таковое же возвращеніе». Далѣе разговоръ перешелъ къ самому путешествію; Цинъ-цай очень интересовался восточнымъ Тибетомъ и племенами его населяющими. Съ своей стороны я коснулся было современной политики Китая по отношенію къ европейскимъ государствамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, Банъ-ши-да-ченъ искусно перешелъ на другую тему:—«васъ, вѣроятно, ожидаютъ въ Россіи почетныя награды!» Поблагодаривъ Цинъ-цайя еще разъ за его предупредительность и любезность, много

разъ проявленныя какъ къ экспедиціи, такъ и ко мнѣ лично, я отправился къ дао-тайю или губернатору. Во дворѣ и за дворомъ меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично.

Дао-тай тоже маньчжуръ, переведенъ въ Сининъ изъ Кульджи, гдѣ занималъ подобную же должность. Въ Кульджѣ онъ былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ В. М. Успенскимъ и прочими членами російскаго консульства. Представительный, молодцоватый дао-тай тѣмъ не менѣе выглядѣлъ крайне опечаленнымъ; причиною этой печали, по признанію самого хозяина, было то, что у него въ Пекинѣ, во время разгрома, безъ вѣсти пропала шестнадцатилѣтняя красавица дочь... Справившись съ собой дао-тай сталъ забрасывать меня вопросами о путешествіи, о дикихъ племенахъ Тибета, о нашихъ съ ними стычкахъ; между прочимъ его занимали и такого рода вопросы: много ли осталось въ Тибетѣ мѣстъ еще не изслѣдованныхъ, доволенъ ли я самъ географическими новостями и всякаго рода научными коллекціями, собранными экспедиціей, скоро ли я отправлюсь въ новое путешествіе и многіе другіе въ этомъ родѣ. Въ заключеніе губернаторъ замѣтилъ: «слава Богу, что вы возвратились съ честью и со славой; и ваше, и наше государства гордятся подобными людьми, а все-таки, на будущее время, избѣгайте такихъ дикихъ мѣстъ». Во время продолжительнаго разговора за неизмѣннымъ чаемъ, любезный дао-тай извинялся, что не можетъ насъ угостить шампанскимъ, которое онъ любить и къ которому его приучили русскіе знакомые. Затѣмъ, онъ предложилъ моему сотруднику коробочку папиросъ; видя, что тотъ съ жадностью набросился на нихъ и сталъ уничтожать одну папиросу за другою, онъ принесъ еще нѣсколько коробочекъ и принудилъ Ладыгина взять и эти. Самъ хозяинъ отъ времени до времени покуривалъ изъ китайскаго кальяна, художественно отфланнаго разноцвѣтной эмалью въ соединеніи съ бирюзой и бронзой. Въ приемной губернатора, какъ и въ приемной Цинъ-цайя, стоялъ его многочисленный дворъ—адъютанты, чиновники, различные низшіе служащіе и обыкновенная публика; впрочемъ, послѣдняя и большинство низшихъ служащихъ помѣщались главнымъ образомъ во дворѣ. Со двора же, въ бумажныя отверстія оконъ, смотрѣло также не мало глазъ женщинъ изъ семьи дао-тайя и доносился ихъ мягкій, пріятный голосъ.

Разставшись съ дао-тайемъ, мы черезъ четверть часа были у

чжень-тайя, командующаго войсками сининскаго гарнизона. По слухамъ, чжень-тай состоялъ виднымъ членомъ анти-европейскаго общества «гэ-лаогуй» или «Общество братьевъ», что не мѣшало ему быть по отношенію къ намъ не только корректнымъ, но даже изысканно-вѣжливымъ и гостепріимнымъ. Несмотря на свои немолодые годы, чжень-тай выглядѣлъ очень хорошо: держался ровно, ходилъ скоро. Громкій голосъ и величавая осанка изобличали въ немъ настоящаго командира. Послѣ того какъ мы попривѣтствовали другъ друга, командующій войсками поинтересовался знанъ, къ какой я принадлежу національности; послѣдующій же разговоръ былъ приблизительно тотъ же, что и прежде. Къ удовольствію обоихъ насъ, у меня съ чжень-тайемъ оказался общій знакомый—бельгіецъ Paul Splingardt, состоявшій на китайской службѣ въ Су-чжоу, о которомъ чжень-тай вспоминалъ, какъ о своемъ искреннемъ другѣ, скорбя, что его жена съ частью многочисленныхъ дѣтей находится теперь въ крайне тяжеломъ состояніи; самъ же Сплингардъ въ это время пребывалъ гдѣ-то въ восточномъ Китаѣ. Передъ отъѣздомъ чжень-тай пригласилъ насъ къ себѣ на послѣзавтра на обѣдъ.

Впереди предстояло намъ еще два визита къ младшимъ лицамъ мѣстной администраціи, заѣхавъ къ которымъ, мы поспѣшили домой; признаться я сильно усталъ въ необычной обстановкѣ и по пріѣздѣ къ себѣ на квартиру тотчасъ сбросилъ парадное одѣяніе, облекся въ лѣтнюю тужурку и вышелъ во дворъ подышать воздухомъ. Дворъ нашихъ хозяевъ отличался опрятностью, значительная его часть имѣла досчатую настилку; у одной изъ сторонъ двора красовались клумбы свѣжей зелени и яркихъ цвѣтовъ. Огромный песь лѣниво лаялъ съ верхней галлеріи, откуда онъ спускался по ночамъ внизъ, для несенія сторожевой службы. На крышѣ дома рѣзвилось множество голубей, одни взвивались и улетали, другіе, съжившись въ комочекъ, сидѣли неподвижно, третьи громко ворковали, два же самыхъ красивыхъ сизо-розовыхъ голубя такъ озлобленно дрались, что не замѣтили, какъ ихъ общій врагъ—кошка, стремительно бросившись, схватила одного изъ нихъ и чуть-чуть не задушила, если бы во-время не подоспѣлъ мѣткій ударъ, заставившій кошку моментально бросить голубя и бѣжать безъ оглядки. Освобожденный голубь вспорхнулъ и полетѣлъ, оставивъ за собой не мало перьевъ, медленно падавшихъ на землю.

На слѣдующій день, 28-го августа, я принималъ у себя синин-

скихъ представителей; старшіе изъ нихъ жаловали ко мнѣ въ паланкинахъ, младшіе прїѣзжали въ телѣжкахъ или просто верхомъ на отличныхъ иноходцахъ, убранныхъ богатыми сѣдлами. Каждого изъ китайскихъ чиновниковъ сопровождала болѣе или менѣе многочисленная свита, имѣвшая въ хвостѣ не мало праздныхъ добровольцевъ. Въ общемъ разговоръ былъ тотъ же, что и вчера съ незначительнымъ лишь дополненіемъ, касающимся жизни самихъ чиновниковъ на этой окраинѣ.

Наканунѣ оставленія Синина, въ два часа дня, мы отправились на званый обѣдъ къ чжень-тайю. Толпа, ориентировавшаяся по извозчику, заблаговременно собралась сопровождать нашъ экипажъ, по какъ и прежде, она была крайне сдержана: за все время мы ни разу не слышали по нашему адресу ея обычнаго въ такихъ случаяхъ эпитета—«ян-гуйцзэ», т. е. «заморскій дьяволъ». Подѣхавъ къ дому чжень-тайя и миновавъ его нервыя двое воротъ, мы вышли изъ тряской телѣжки и послѣдовали пѣшкомъ въ третьи ворота, за которыми уже увидѣли предупредительнаго чжень-тайя, окруженнаго блестящей свитой. Послѣ привѣтственныхъ рукопожатій, мы направились въ тѣсной компаніи подъ звуки китайскаго оркестра въ большую, открытую съ боковъ, столовую, расположенную напротивъ домашняго театра. Въ столовой мы были представлены четверемъ сослуживцамъ командующаго войсками, принимавшимъ участіе въ званомъ обѣдѣ. Большой круглый столъ былъ уже уставленъ всевозможными, исключительно, китайскими яствами, помѣщавшимися въ многочисленныхъ—большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ—чашечкахъ. Хозяинъ учтиво сдѣлалъ знакъ гостямъ приблизиться къ отдѣльному столу съ закуской. Приглашенная компанія чинно повиновалась и каждый изъ гостей, взявъ по маленькому блюдечку сладкаго, принялся кушать; затѣмъ сѣли за обѣденный столъ. Мнѣ было отведено почетное мѣсто, во главѣ стола; прочіе гости размѣстились согласно ихъ служебному рангу, и, наконецъ, самъ хозяинъ занялъ стулъ, стоявшій нѣсколько поодаль отъ прочихъ, не имѣя у себя *vis-à-vis*.

Первая часть обѣда длилась около двухъ часовъ; сколько подавалось блюдъ трудно сказать, но думаю около тридцати или сорока. Послѣ каждого блюда хозяинъ дома поднималъ маленькую фарфоровую чарочку, наполненную подогрѣтымъ виномъ, и обводя глазами гостей, призывалъ ихъ то же самое сдѣлать, чтобы одновременно всѣмъ осушить чарочки. Большинство блюдъ были очень

вкусныя, какъ и вообще обѣдъ, и съ китайской точки зрѣнія, по заключенію В. Ѳ. Ладыгина, не оставлялъ желать ничего лучшаго, хотя, конечно, чжень-тай извинялся за «скромное» содержаніе блюдъ, ссылаясь на отдаленность приморскихъ городовъ, въ которыхъ только и можно достать тонкія гастрономическія принадлежности китайской кухни. Не только гости китайцы, но и я съ своимъ сотрудникомъ были усердно заняты ѣдою, во время которой вообще у китайцевъ не принято много разговаривать; по выходѣ же изъ-за стола, въ теченіе четверти часа, у гостей шелъ оживленный разговоръ. Сосѣдъ по столу В. Ѳ. Ладыгина, испитой, худой, желчный китаецъ убѣдительно просилъ моего сотрудника добыть ему лѣкарства или указать иной способъ избавиться отъ куренія опиума, въ конецъ разрушившаго его организмъ. Вторая или заключительная часть обѣда прошла сравнительно скоро; сонныя, раскраснѣвшіяся лица гостей свидѣтельствовали объ ихъ желаніи отправиться по домамъ и отойти на часъ—другой въ область Морфея. Необходимо добавить, что въ продолженіе обѣда на театральнѣй сценѣ или различныя представленія и игралъ смѣшанный оркестръ; костюмы и гримъ были очень интересные. Всѣ актеры—мужчины; женскія роли избираютъ молодые китайцы, имѣющіе женственные лица и умѣющіе подражать женщинамъ какъ манерами, такъ и голосомъ. Больше всѣхъ привлекалъ вниманіе гостей красивый, изящный мальчикъ и, какъ актеръ, казался несравненнымъ, въ особенности въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ дѣйствія: его красота и плавность движеній были просто очаровательны, какъ очаровательна и самая игра, привыкшаго къ похваламъ красавца-мальчика. Въ антрактахъ, гости посылали актерамъ денежные подарки, за что послѣдніе прибѣгали просить указаній на послѣдующія темы.

Званный обѣдъ видимо вполне удался; по крайней мѣрѣ на лицѣ хозяина сіяла неподдѣльная улыбка.

Пріютившіе насъ китайцы-купцы были очень рады нашимъ превосходнымъ отношеніямъ съ сининской администраціей. Отъ начала до конца они оказывали всѣмъ намъ полное вниманіе и постоянную готовность служить интересамъ экспедиціи. Правда, китайцы пользовались случаемъ нажать съ насъ отъ продажи для экспедиціи различныхъ предметовъ, кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду получить, и дѣйствительно получилъ, на память о пребываніи русскихъ какую-нибудь вещицу. Само собою разу-

мѣется, что представители власти въ Сининѣ были своевременно надѣлены соотвѣтствующими ихъ положенію подарками.

На этомъ и окончилось наше пребываніе въ Сининѣ. Мнѣ стало недоставать моей экспедиціонной семьи, которая теперь уже бивакировала подлѣ монастыря Чойбзэнъ, отстоявшаго въ 50—60 верстахъ къ сѣверу, и мы стали энергично собираться въ дорогу. Багажа у насъ теперь набралось порядочно и мы наняли четыре парныхъ телѣжки, запрягаемые лошадьми или мулами. Въ качествѣ проводниковъ предупредительный чжень-тай прислалъ мнѣ почетный эскортъ въ нѣсколько человѣкъ солдатъ съ офицеромъ во главѣ.

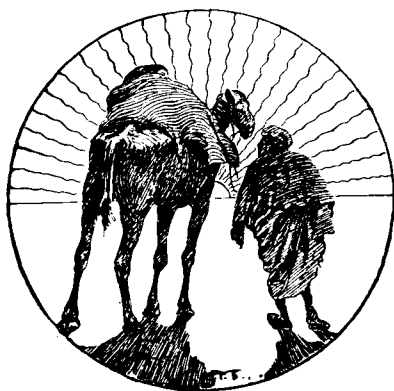
Раннимъ утромъ, 30-го августа, мы оставили большой шумный городъ, расположенный въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега рѣки Сининъ-хэ, черезъ которую намъ пришлось переправиться въ бродъ въ виду самаго Синина. Означенная рѣка стремительно катила свои сѣрыя волны въ восточно-юго-восточномъ направленіи, дробясь на три главныхъ и еще на большее число второстепенныхъ рукавовъ. Падавшіе въ горахъ дожди значительно повысили уровень рѣки, и наши телѣжки погружались до самыхъ сидѣній, т. е. на глубину трехъ футовъ. Сильныя животныя, привычныя къ подобнаго рода переправамъ, прошли черезъ рѣку вполне благополучно. Дальнѣйшее наше движеніе шло вверхъ по правому берегу Синченской рѣки, впадающей въ Сининъ-хэ слѣва, противъ самаго города Синина.

Около полудня съ сѣверо-запада пришла мрачная грозовая туча, въ воздухѣ пахнуло свѣжестью; позднѣе стали доноситься тяжелые раскаты грома и чаще засверкала змѣеобразная молнія; по крышѣ телѣжки забарабанили крупныя капли дождя. Китайскіе селяки, оставивъ поля, спѣшили по домамъ. Въ послѣдующіе полчаса туча развернулась по всему видимому небосклону и полилъ мелкій дождь, словно сквозь сито. Къ счастью, мы уже достигли пригорода Синъ-чена и въ первомъ заѣзжемъ домѣ пріютились на ночевку.

Дождь продолжалъ падать не только въ продолженіе ночи, но и въ продолженіе слѣдующаго утра, когда мы, оставивъ Синъ-ченъ и его живописныя горы, по вершинамъ которыхъ красовались маленькія пагоды, направились въ сторону отъ рѣки, въ боковое второстепенное ущелье, постепенно выведшее насъ на вершину понеречныхъ горъ, за которыми располагался Чойбзэнъ. Съ плоской луговой вершины, дѣйствительно, открылся видъ на чойбзэн-

скую долину и на тѣ холмы, надъ которыми блестяла золотая крыша чойбзэнскаго храма и подлѣ которыхъ располагался экспедиціонный бивакъ, рѣзко выдѣлявшійся своими бѣлыми шатрами. Еще часъ—другой нетерпѣливаго медленнаго движенія по крутому склону, поросшему густымъ кустарникомъ, и мы были среди своего родного кружка.

П. Козловъ.

Въ поѣздѣ.

Когда вдали твой образъ исчезалъ,
Меня такъ бѣшено мой поѣздъ мчалъ,
Какъ будто бы желаніемъ однимъ
Онъ властно былъ охваченъ и гонимъ—
Отъ сумерекъ, сгущавшихся надъ нимъ
Уйти туда, гдѣ изъ-за дальнихъ скалъ
Послѣдней лаской солнца лучъ сверкалъ!...

И думалъ я, измученный, больной:
Напрасно ты спѣшишь, гигантъ стальной—
Порывъ души всегда тебя быстрѣй,
А вѣдь и онъ не могъ мечты моею
Умчать туда, гдѣ лучше и свѣтлѣй,
Опередивъ глубокий мракъ ночной,
Насъ окружавшій плотною стѣной!...

П. Ч.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Въ послѣднихъ четырехъ выпускахъ «*Journal des Sciences Militaires*» (15-го августа—1-е октября) съ большимъ интересомъ читается статья подполковника *Le Marchand*—объ «эволюціи войны». Несомнѣнно, что война, ея природа и формы, не изъяты изъ общаго мірового закона, какимъ является законъ объ эволюціонированіи всего живущаго въ мірѣ, всѣхъ видовъ и явленій жизни—законъ о постепенномъ, строго послѣдовательномъ ихъ измѣненіи. *Le Marchand* съ точки зрѣнія этого закона рассматриваетъ историческій смыслъ войны, ея правоспособность на существованіе въ жизни человѣческихъ обществъ и мѣстами съ чисто французскимъ остроуміемъ, не лишеннымъ парадоксовъ, но увлекательно, развиваетъ свою основную мысль о томъ, какъ должна переродиться война съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи человѣчества.

Авторъ принялся за изслѣдованіе эволюціи войны подъ вліяніемъ смерти *Molinari* и *Frédéric Passy*—двухъ французскихъ дѣятелей, страстно занимавшихся вопросами, связанными съ значеніемъ для народовъ войны и мира и съ средствами сдѣлать войну возможно рѣдкой въ жизни народовъ, если нельзя ее упразднить совѣтъ.

Задачи, поставленные себѣ обоими писателями, заставили автора остановиться на весьма интересномъ трудѣ *Molinari*, въ которомъ послѣдній доказываетъ, что послѣ извѣстнаго періода возвеличенія значенія войны, явленіе это, затѣмъ, перешло въ періодъ «*decadence*» а,—упадка съ того момента, какъ оно обезпечило цивилизованные народы отъ нашествія варваровъ.

Если это вѣрно, то въ сущности войны, въ ея смыслѣ, нѣтъ божественнаго, вѣчнаго начала, столь же законнаго, какъ и сама жизнь на землѣ; можетъ, слѣдовательно, настать такая эпоха, когда войны не будетъ совсѣмъ.

Авторъ заявляетъ себя сторонникомъ этого послѣдняго взгляда и вмѣстѣ съ Molinari настойчиво протестуетъ противъ всякихъ мистическихъ теорій о природѣ войны. Однако не согласенъ съ нимъ насчетъ «упадка» войны въ переживаемую нами эпоху, такъ какъ цѣли войнъ далеко еще не завершились съ прекращеніемъ возможности для варваровъ вторгаться въ предѣлы цивилизованныхъ государствъ. Дальнѣйшая роль войнъ заключается въ борьбѣ цивилизованныхъ народовъ съ варварами.

Для выполненія этой задачи война должна измѣнить свою форму, характеръ, глубоко переродиться, т. е. война должна *видоизмѣниться*, съ ней произойдетъ дальнѣйшая эволюція. Авторъ ставитъ цѣлью своего труда изслѣдовать эту эволюцію, какъ съ точки зрѣнія технической, такъ и съ точки зрѣнія философской.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того, какое мѣсто въ будущемъ займетъ война въ международныхъ отношеніяхъ, авторъ стремится развѣнчать ходячее, по его словамъ, въ мірѣ мнѣніе о неизбѣжности войны во всѣ времена, о божественности, слѣдовательно, ея существованія, «*que la guerre est d'institution divine*». Для доказательствъ, имъ приводятся мнѣнія Фенелона, Боссюета, Прудона и особенно много—изъ сочиненій Мольтке. Общій смыслъ тотъ, что, какъ въ медицинѣ пользуются веществами, представляющими по своей природѣ крайне опасные яды и служащими, однако, иногда исцѣляющими лѣкарствами, такъ и война въ жизни народовъ допустима лишь въ извѣстныхъ формахъ и въ строго опредѣленныхъ дозахъ. Поэтому, для примиренія требованій войны съ принципами, на которыхъ зиждется общественная, социальная жизнь современныхъ государствъ, необходимо надлежащее національное воспитаніе. Общеизвѣстная поговорка, что подъ Садовой одержалъ побѣду прусскій школьный учитель, должна быть исправлена словами того же Мольтке, сказанными имъ позже въ рейхстагѣ: «это, собственно говоря, не школьный учитель, а, въ дѣйствительности, *воспитатель*, или, еще точнѣе, *le Stand*, т. е. умственное и нравственное состояніе, въ которомъ находилась нація, подъ воздѣйствіемъ обязательнаго національнаго воспитанія и общей воинской повинности, доставило Пруссіи побѣду».

Въ числѣ причинъ, обеспечивающихъ успѣхъ одной арміи надъ другой, въ первый рядъ должны быть выдвинуты: 1) матеріальное превосходство, достигаемое лучшимъ вооруженіемъ, и 2) моральное превосходство войскъ, которое пріобрѣтается убѣжденіемъ, что они сильнѣе своихъ враговъ.

Подъ Садовой прусская армія въ матеріальномъ отношеніи имѣла неопровержимое превосходство, обязанное игольчатому ружью, принятому Пруссіей еще въ 1841 г. Почему ни одна армія не послѣдовала ея примѣру вооружаться болѣе совершеннымъ оружіемъ? Вѣроятно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ружье, заряжаемое съ казенной части, отвергалось во французской арміи вплоть до 1866 г.

Считалось, что солдатъ израсходуетъ очень быстро запасъ патроновъ и станетъ безоружнымъ. Авторъ говоритъ, что вплоть до 1865 г. «въ нашихъ военныхъ школахъ профессора не колеблясь намъ твердили, что войска, вооруженныя подобными ружьями, несомѣнно могутъ считаться разбитыми заранее. Нужно поздравить себя, говорили они, съ тѣмъ, что нашъ артилерійскій комитетъ энергично сопротивляется въ теченіе ряда лѣтъ желанію вооружить нашихъ солдатъ подобнымъ ружьемъ, какъ хотѣлъ этого Наполеонъ III, лично весьма приверженный къ болѣе совершенному оружію».

«И знаете, что отвѣчали въ этихъ школахъ на замѣчанія молодыхъ слушателей о неубѣдительности упомянутого довода:—Но, господа, вы никогда не продѣлывали войны! Вы не знаете, что такое солдатъ? Когда онъ на полѣ сраженія, онъ стрѣляетъ, стрѣляетъ машинально и сколько можетъ, не справляясь съ тѣмъ, зачѣмъ и по комъ онъ стрѣляетъ. Когда же въ отвѣтъ на это была высказана необходимость вразумить солдатъ насчетъ свойствъ оружія и важности производства созидательной стрѣльбы, слѣдовало возраженіе, что солдата нельзя заставить что-либо понимать—on ne peut rien faire comprendre à un soldat!»

Только въ Пруссіи вѣрили въ ту пору, что солдатъ способенъ понять что-либо и это потому, что единственно въ этой странѣ существовало обязательное обученіе; ему, т. е. школьному учителю, прусская армія обязана тѣмъ матеріальнымъ превосходствомъ, которое вытекало изъ принятія игольчатого ружья.

То же самое и относительно нравственнаго превосходства. Полковникъ швейцарской службы Lescomte, авторъ труда объ австро-прусской войнѣ, рассказывалъ Le Marchand'у, что прежде чѣмъ написать свою книгу, онъ рѣшилъ объѣхать бывшій театръ военныхъ дѣйствій, конечно, не теряя случаевъ побесѣдовать съ участниками кампаніи и, между прочимъ, услышалъ отъ одного прусскаго офицера такую рѣчь: «Видите ли, когда разразилась война съ Австріей, профессиональные прусскіе военные были увѣрены заранее въ успѣхѣхъ, зная напередъ, что стоитъ австрійская армія. Но не такъ были настроены наши солдаты, въ общемъ представлявшіе массу гражданскаго населенія. Въ ихъ глазахъ Австрія обладала еще крупнымъ престижемъ: она вѣдь была прямой наслѣдницей старой германской имперіи,

солдаты ея назывались «имперцами». Мы были въ правѣ опасаться, какъ бы эта идея не произвела, въ нѣкоторомъ родѣ подавляющаго дѣйствія на нравственное состояніе нашихъ солдатъ. Намъ нужно было выбить эту мысль изъ ихъ головъ».

«Вечеромъ, послѣ перваго столкновенія нашихъ войскъ съ австрійцами, удачнаго для насъ, я прошелся по биваку, чтобы использовать то счастливое настроеніе, въ какомъ были наши солдаты послѣ перваго успѣха. Подойдя къ первой же группѣ, я сказалъ солдатамъ: вотъ видите, ребята, австрійцы не многого стоятъ; надѣюсь, уже болѣе вы не будете ихъ бояться.... Наши солдаты уже успѣли поговорить съ плѣнными австрійцами, и потому я услышалъ такой отвѣтъ: «Помилюте, г. капитанъ, что же это за солдаты, эти австрійцы! большая часть ихъ даже не умѣетъ читать, не знаетъ исторіи своей страны, не понимаетъ причинъ, которыя вызвали войну! Если всѣ имперцы таковы, какъ эти, намъ не будетъ стоять большого труда съ ними скоро раздѣлаться....» Вотъ въ чемъ надо понимать значеніе прусскаго школьнаго учителя въ одержаніи пруссаками побѣды подъ Садовой. Побѣда нѣмцевъ таилась въ томъ *Stand*, въ томъ состояніи развитія нѣмцевъ, о которомъ говорилъ Мольтке: побѣда всегда будетъ принадлежать тому, кто болѣе развитъ умственно, той націи, которая болѣе образована, болѣе цивилизована, какъ говоритъ авторъ—«*pour le pays le plus civilisé*». Отсюда выводъ, что война есть орудіе цивилизаціи противъ варварства, или что война имѣетъ цѣлью гарантировать безопасность цивилизованныхъ народовъ отъ покушеній варваровъ, понимая подъ послѣдними *государства съ низшими формами развитія и культуры*.

Можно было бы цѣлымъ рядомъ доказательствъ изъ исторіи всѣхъ временъ оспаривать правдивость этого положенія, но пока последуемъ далѣе за авторомъ: интересно прослѣдить логику доказательствъ его основной мысли о томъ, что война есть необходимое средство для защиты цивилизаціи отъ варваровъ и для насажденія ея среди нихъ.

Первыя войны противъ нашествія варваровъ носили преимущественно характеръ оборонительный. Стоитъ вспомнить китайцевъ, ихъ античную цивилизацію, которая стремилась отгородиться даже сплошными стѣнами для лучшаго обезпеченія себя отъ нашествія варваровъ. А затѣмъ, говоритъ авторъ, всякая наступательная война считалась всегда сопряженной съ большими расходами, между тѣмъ какъ прибыли отъ нея часто бывали сомнительными.

Не слѣдуетъ забывать, что и цивилизація, и варварство, имѣютъ разныя степени. Война, предпринятая противъ совершенно дикаго народа, не можетъ покрыть затраченныхъ расходовъ, а веденная противъ менѣе дикаго можетъ дать и выгоды. Различіе въ уровнѣ

цивилизациі двухъ народовъ можетъ стать причиной ихъ столкновенія подобно тому, какъ неравенство въ образованіи, воспитаніи приводитъ къ враждѣ и между отдѣльными людьми. Такимъ образомъ, средство защиты отъ враговъ—война—становилась постепенно орудіемъ для распространенія господства надъ другими народами и для завоеванія соблазнительныхъ областей.

Войны противъ варваровъ мало-по-малу замѣнились войнами между болѣе или менѣе одинаково цивилизованными націями, какъ наступательныя, такъ и оборонительныя.

Авторъ попутно съ эволюціей войны затрагиваетъ и многіе вопросы, связанные съ значеніемъ войны въ современной жизни народовъ. Такъ, онъ пытается выяснить, что собственно можетъ уменьшить шансы войны.

По словамъ извѣстнаго пассивиста Frédéric Passy, граждане каждаго государства исповѣдуютъ два долга: «на нихъ лежитъ долгъ защищать свою страну въ случаѣ войны, если она, къ несчастью, разразится; но они должны также защищать свою родину и противъ войны, если можно съ честью избѣжать ее». Почти всѣ войны происходили вслѣдствіе различія интересовъ и чувствъ между народами. Слѣдовательно, нужно стремиться устранить это различіе.

Одно изъ средствъ для этого, по мнѣнію того же Passy, заключается въ установленіи *принципа свободнаго обмѣна въ междуна-родной торговлѣ*. Этотъ принципъ можетъ, дѣйствительно, когда-нибудь объединить народы, нынѣ раздѣленные таможенными рубежами, подобно тому, какъ онъ уже имѣлъ случай примѣняться къ образованію многихъ нынѣ существующихъ государствъ. Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ во Франціи, предпринятое при Кольберѣ и законченное революціей, объединило окончательно французскія провинціи, остававшіяся до того времени часто враждебными между собою. Позже мы видимъ таможенный союзъ—*Zollverein*—различныхъ нѣмецкихъ государствъ, предшествовавшій ихъ политическому объединенію. То же могло бы быть продолжено и дальше въ смыслѣ устраненія таможенныхъ перегородокъ между государствами европейскаго континента.

Съ другой стороны, въ смыслѣ духовномъ, нужно отдать отчетъ, въ чѣмъ заключается смыслъ истиннаго патріотизма различныхъ народовъ, такъ какъ несомнѣнно чувство патріотизма питаетъ въ свою очередь враждебныя чувства между различными государствами. Въ какой мѣрѣ нуженъ патріотизмъ? спрашиваетъ авторъ. По мнѣнію Вольтера, любовь къ родинѣ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, ненависть ко всему чужеземному, но эта ненависть стара, какъ міръ. Она вытекаетъ изъ того, что каждая страна можетъ выиграть не иначе, какъ на счетъ потерь, испытанныхъ другими. Это то же, что и между

отдѣльными людьми: личное счастье часто зиждется на несчастіи своего ближняго.

Frédéric Passy утверждаетъ однако обратное и высказывается въ томъ смыслѣ, что вредить другимъ, это значитъ, вредить самому себѣ, а помогать чужому благополучію, значитъ помогать своему собственному. Отсюда два различныхъ взгляда и на патріотизмъ, долженъ ли онъ быть результатомъ національнаго эгоизма или альтруизма. Авторъ склоняется къ послѣднему.

Патріотизмъ есть чувство солидарности, которое должно объединять гражданъ одного государства и источникомъ котораго должно быть, какъ показываетъ самое названіе, чувство любви, существующее между родителями и дѣтьми, между родственниками, между членами одной семьи или семей, породнившихся бракомъ.]

Между гражданами различныхъ странъ естественно быть безразличнымъ отношеніямъ, но чтобы возникла ненависть и для оправданія ненависти нужны особыя причины. Поэтому авторъ полагаетъ, что настоящій патріотизмъ долженъ вполне уживаться съ интернационализмомъ. Нынѣ отдѣльныя страны значительно менѣе отдѣлены другъ отъ друга, чѣмъ прежде. И матеріально, и духовно онѣ сближаются все больше и какъ бы взаимно проникаются другъ другомъ.

Есть государства новѣйшей формации, которыя продолжаютъ пополнять свое населеніе изъ чужеземцевъ. Таковы, наиримѣръ, Американскіе Соединенные Штаты. Свою государственную прочность они подвергли серьезному испытанію во время борьбы между сѣверомъ и югомъ и доказали наличность сплоченности у себя. Между тѣмъ, ростъ Штатовъ не остановился; ихъ территорія мало-по-малу увеличивается, растетъ и населеніе путемъ иммиграціи иностранцевъ изъ всѣхъ странъ. И однако нельзя американцевъ упрекнуть въ отсутствіи у нихъ патріотизма, объединяющаго всѣхъ американскихъ гражданъ, откуда бы они ни прибыли. А самъ Рузвельтъ высказалъ даже такую мысль, что «человѣкъ, который любитъ другія страны такъ же какъ свою собственную, является столь же вреднымъ членомъ общества, какъ и тотъ, который любитъ чужихъ женъ столько же, какъ и свою собственную». По словамъ того же Рузвельта, и войны между цивилизованными государствами дѣйствительно ужасны и, такъ какъ народы все болѣе и болѣе становятся цивилизованными, мы имѣемъ всѣ причины не только надѣяться, но и вѣрить, что войны между ними станутъ все рѣже». Такимъ образомъ, не взирая на нѣкоторое противорѣчіе, въ которое авторъ впалъ съ самимъ собой, доказывая, что истинный патріотизмъ, какимъ, по его мнѣнію, дышатъ американцы, воспитывается на началѣ альтруизма, онъ словами Рузвельта подтверждаетъ свою основную мысль, что истинная цивилизація убьетъ идею войны. Въ послѣдующемъ изложеніи мыслей

подполковника Le Marchand будетъ видно, какую судьбу онъ готовить дальнѣйшей эволюціи войны и ея служителямъ.

Въ послѣдней книжкѣ «*Vierteljahrshefte für Truppenführung*»... генераль *V. Freytag-Loringhoven* пишетъ на тему о томъ, что на войнѣ нужно «*впередъ обдумывать, но не впередъ отдавать распоряженія*» — «*vorausdenken, nicht vorausdisponieren*». Еще Клаузевицъ писалъ, что на войнѣ все очень просто, но и самое простое дается крайне трудно. Трудности громоздятся одна на другую и причиняютъ такое треніе, о которомъ не можетъ имѣть понятія тотъ, кто войны не видѣлъ... На войнѣ безчисленное множество мелкихъ помѣхъ задерживаетъ насъ далеко отъ цѣли. И это тѣмъ болѣе, что полководецъ вынужденъ передать свою работу на большое пространство, котораго онъ глазомъ не обнимаетъ, а изучить его, при постоянной перемѣнѣ, не всегда успѣетъ, даже при полномъ стараніи.

Въ дѣйствительности каждому полководцу приходится дѣйствовать болѣе или менѣе въ неизвѣстности, будетъ ли это въ области оперативной на всемъ театрѣ войны или въ тактической—на полѣ сраженія. Безчисленные примѣры военной исторіи, выигранныя или проигранныя сраженія подтверждаютъ это. Рѣшимость Фридриха во многихъ случаяхъ давала ему возможность преодолевать эту трудность невѣдѣнія обстановки, однако ему не удалось избѣжать поражений подъ Колиномъ и Кунерсдорфомъ. Наполеонъ былъ бы разбитъ при Маренго, если бы прибытіе дивизіи Дезе ни обратило неудачу въ побѣду. Двойное сраженіе подъ Іеной и Ауэрштедомъ оказалось успѣшнымъ по совершенно случайнымъ причинамъ. Эйлау было нерѣшительнымъ сраженіемъ и во всякомъ случаѣ для Наполеона это была Пиррова побѣда. Подъ Фридландомъ успѣхъ ему обезпечилъ случай, а во время хода извѣстной регенсбургской операціи онъ былъ въ полной неизвѣстности относительно врага. Немного иначе было и въ войны 1866 и 1870—71 гг. Передъ Кениггрецомъ прусская главная квартира томила сомнѣніемъ насчетъ того, наступала ли по правому берегу Эльбы вся сѣверная австрійская армія или только ея часть. Подъ Шпихерномъ 14-я дивизія натолкнулась неожиданно не на отступающаго непріятеля, а на занявшаго оборонительную, повсюду сильную позицію; такъ же и при Віонвилѣ—III корпусъ встрѣтилъ не тыловыя части французовъ, какъ предполагалъ, а всю рейнскую армію. Операція подъ Ле-Мансомъ была рассчитана принцемъ Фридрихомъ Карломъ, какъ центрическое движеніе обоими флангами, между тѣмъ позже эти фланги должны были отказаться отъ такого наступленія вслѣдствіе

ускореннаго выдвигенія центра. Подъ Лаояномъ на долю японцевъ выпала побѣда потому, что ихъ правофланговая армія самостоятельно двинулась для выполненія обходнаго движенія, которое было предпринято съ цѣлю параллельнаго преслѣдованія въ виду ложнаго предположенія о начавшемся отступленіи русскихъ.

Изъ обзора приведенныхъ примѣровъ возникаетъ вопросъ о томъ, что, если трудно впередъ предвидѣть на войнѣ, вслѣдствіе неизвѣстной, постоянно мѣняющейся обстановки, отдачу заблаговременныхъ распоряженій, то не такъ же ли трудно вообще и обдумать напередъ все нужное для развитія операціи или боя. На это приходится отвѣтить отрицательно, какъ тому учатъ всѣ великіе военные практики и мыслители, указывающіе на неизвѣстность, въ какую форму въ дѣйствительности вылетѣтъ планъ войны, п подтверждающіе важность *все обдумать впередъ*. Этотъ расчетъ, выполненный въ мысляхъ полководца, устранить надобность преждевременныхъ распоряженій и облегчить возможность соответственныхъ дѣйствій въ желаемый моментъ. Наполеонъ по этому поводу говорилъ (Correspondance, XIII. 10810) такъ: «у меня въ привычкѣ за три—четыре мѣсяца впередъ обдумать всѣ намѣчаемыя мѣры, причемъ я рассчитываю всегда на худшее». Мольтке въ противоположность мнѣнію Наполеона говорить, что между распоряженіями для первыхъ движеній арміи и выполненіемъ операціи лежитъ «то, что намъ противопоставить независимая отъ насъ воля непріятеля». Дальше фельдмаршалъ говорить, что пути, посредствомъ которыхъ полководецъ рассчитываетъ достигнуть основныхъ своихъ цѣлей, никогда не могутъ быть отмѣчены съ точностью заблаговременно, но что самыя цѣли остаются непоколебимыми, не взирая на измѣняющійся ходъ событій. Кто же стремится заблаговременно впередъ связать эти самыя пути съ поставленными цѣлями, тотъ хочетъ заранѣе, значить, распоряжаться. Непоколебимой же сохранить основную цѣль удастся тому, кто послѣдовательно все впередъ обдумалъ.

Старая стратегическая школа, которая изнемогла подъ ударами военного искусства Наполеона, любила заблаговременно все рассчитывать и на все отдавать распоряженія. Операціонные планы различныхъ коалицій противъ первой французской республики и имперіи запечатлѣны недоувѣріемъ къ независимой воли противника, которая должна была проявляться въ самостоятельныхъ рѣшеніяхъ. Способъ и планъ, согласно которыхъ союзники намѣревались вторгнуться во Францію, были разработаны раньше, чѣмъ французскія арміи вытѣснены были изъ Германіи и Италіи. Эрцгерцогъ Карлъ стремится, при открытіи кампаніи 1809 г., къ соединенію въ Алтмюль двинутыхъ имъ въ Баварію изъ Богеміи и отъ Инна корпусовъ и упускаетъ ближайшую цѣль напасть на непріятеля, пока онъ раздѣ-

лень, и теряетъ случай разбить его. Герцогъ Брауншвейгскій предполагаетъ въ 1805 г. заранѣе выполнить маневръ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ принудить Наполеона отступить за Рейнъ, хотя побѣдоносная великая армія находилась въ это время въ самомъ сердцѣ австрійской монархіи.

Однако и послѣ появленія Наполеона не всегда оцѣнивалась та опасность, которая таится въ правилѣ заблаговременно расписать подробно весь планъ будущихъ дѣйствій. Операціонный планъ, который принять былъ въ 1868 г. эрцгерцогомъ Альбрехтомъ на случай совокупныхъ дѣйствій французскихъ и австрійскихъ вооруженныхъ силъ противъ сѣверо-германскаго союза подъ главенствомъ Пруссіи, предрѣшалъ соединеніе обѣихъ армій около Нюрнберга и рассчитанъ былъ на наступленіе одною сплоченною массою внизъ по р. Заалѣ подобно тому, какъ выполнилъ это Наполеонъ въ 1806 г. Очевидно возможность какой-либо задержки французскаго движенія въ южную Германію со стороны Рейна и нижняго Майна при этомъ исключалась. Русскіе тоже не были свободны отъ подобныхъ ошибокъ къ Маньчжуріи, какъ видно изъ того, что Куропаткину было предоставлено право игнорировать всѣ случаи для перехода въ наступленіе до тѣхъ поръ, пока у него въ рукахъ не будетъ безусловнаго превосходства силъ, и въ то же время въ его памятной запискѣ отъ 15-го января 1904 г. указывалось даже на вѣроятность высадки на японскіе острова, когда съ полученнымъ перевѣсомъ силъ онъ пріобрѣтетъ возможность начать наступленіе!

И Наполеону, и Мольтке приходилось неоднократно убѣждаться, что на войнѣ бываютъ случаи, которыхъ нельзя было предвидѣть отчасти вслѣдствіе различныхъ неожиданныхъ треній среди собственныхъ войскъ, отчасти вслѣдствіе неоправдавагося расчета на разумныя рѣшенія непріятеля, тогда какъ въ дѣйствительности они оказались совершенно безразсудными. Блестящій результатъ, который обыкновенно получался, являлся послѣдствіемъ опредѣленныхъ, ясныхъ намѣреній и цѣлесообразнаго исполненія, а никакъ не отъ предвзятыхъ распоряженій. Не взирая на всѣ случайности, *глубоко продуманное исполненіе* отражалось во всѣхъ отдѣльныхъ боевыхъ проявленіяхъ. Даву не медлилъ подъ Регенсбургомъ, въ духѣ общаго положенія, съ атакой значительно превосходящихъ силъ эрцгерцога Карла, хотя императоръ считалъ ихъ ошибочно въ полномъ отступленіи.

При возникновеніи осенней кампаніи 1813 года у союзниковъ повсюду господствовала увѣренность, что, вслѣдствіе присоединенія къ коалиціи Австріи и окрыленія базиса французовъ на Эльбѣ со стороны Богеміи, Наполеонъ не можетъ удержаться на правомъ берегу этой рѣки. Вслѣдствіе этого соображенія, въ Силезской арміи

также оказалось предрасположеніе къ предвзятымъ распоряженіямъ. Въ ночь на 18-е августа французы очистили линію своихъ передовыхъ ночлеговъ на Кацбахѣ, чтобы подтянуться изъ своихъ отдаленныхъ раіоновъ и сосредоточиться за Бобромъ. При извѣстіи объ отходѣ непріятеля отъ Лигница и Гольдберга, прежде чѣмъ твердо установить, ушелъ ли онъ далѣе на югъ въ горы, въ главной квартирѣ Яуеръ 18-го въ полдень отдалъ приказъ, устанавливавшій весь порядокъ дѣйствій за Бобромъ вплоть до Квейса. Въмѣсто того, чтобы противъ непоколебимаго врага дѣйствовать сообразно раскрывающейся обстановкѣ при посредствѣ ежедневно отдаваемыхъ распоряженій, сразу изъ рукъ было выпущено твердое, крѣпко натянутое управленіе. Силезская армія толкнувшись на Бобръ, устремилась на превосходныя силы и вынуждена была вслѣдъ затѣмъ къ отступленію за Кацбахъ. Диспозиція для преслѣдованія французовъ въ тотъ же день, когда она была отдана, уже оказалась отмѣненной самими событіями.

Гнейзенау, не менѣе чѣмъ другимъ генераламъ союзниковъ, не доставало въ то время практики въ управленіи крупной арміей, нуждавшейся въ расчлененіи своихъ силъ на маршъ и на ночлегъ. Его приказанія 18-го августа ясно указываютъ невыгоды предвзятыхъ распоряженій. Сомнѣнія и беспорядокъ должны были явиться послѣдствіемъ этого, такъ какъ въ корпусахъ положеніе представилось совсѣмъ иначе, чѣмъ оно казалось штабу арміи. Недовольство и недоброжелательная критика подчиненныхъ неизбежны при подобныхъ обстоятельствахъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, какъ должны быть тщательно продуманы мѣры по организаціи марша и ночлега и не иначе, какъ въ тѣсной связи съ возможностью боя, въ противномъ случаѣ распоряженія окажутся предвзятыми.

Наши упражненія мирнаго времени, не исключая и большихъ маневровъ, отличаются слабой стороной не отмѣчать подобныя вредныя явленія, какъ только что указанная предвзятость. Заранѣе составленное распредѣленіе походныхъ колоннъ не влечетъ за собой на маневрахъ всѣхъ дурныхъ послѣдствій подобнаго же порядка на войнѣ уже потому, что силы и мѣропріятія непріятеля скрыты не въ той степени, какъ въ дѣйствительной войнѣ.

Не только маневренная школа мирнаго времени способствуетъ возникновенію ложныхъ представленій объ управленіи на войнѣ, но тому же содѣйствуютъ и извѣстныя ученія мнѣнія, которыя въ періодъ долгаго мира легко закрѣпляются, часто базируясь на ложныхъ выводахъ изъ военно-историческихъ изслѣдованій. Къ этому разряду относится непогрѣшимость, такъ называемаго, разъ навсегда опредѣленнаго оперативнаго приѣма — «Operations manier», который хотѣли приписать Мольтке. Авторы этого предположенія, помимо

своего желанія, только могли умалить этимъ Мольтке, такъ какъ его гений отнюдь не дѣйствовалъ по какому-либо шаблону, а выбиралъ тотъ способъ, который наиболѣе сообразовался съ даннымъ боевымъ положеніемъ. Если онъ считалъ соединеніе расчлененныхъ колоннъ на полѣ сраженія высшимъ проявленіемъ искусства стратегіи, то онъ при этомъ предусмотрительно предостерегалъ отъ опасности обобщать примѣръ Кениггреца. Особенно же никогда ему и въ голову не приходило принципъ раздѣленія окончательнаго для армій одного театра войны распространять и на войсковыя единицы въ родѣ корпуса, дивизіи, или еще меньшія. Кто хотѣлъ бы закрѣпить этотъ принципъ расчлененія въ такомъ видѣ, тотъ обязательно долженъ былъ бы впасть въ предвзятость распоряженій. Вся суть войны заключается въ твердомъ усвоеніи стремленія уничтожить врага. Это въ полномъ объемѣ наилучше достигается путемъ окруженія, но какъ послѣднее выполнить, приемы для этого могутъ быть различны. Нужно помнить при этомъ, что управленіе армейскими массами отличается отъ руководства корпусами и дивизіями. Опасность смѣшенія способовъ управленія ими кроется въ малыхъ маневрахъ мирнаго времени съ разыгрываніемъ, такъ называемыхъ, встрѣчныхъ боевъ. Способъ дѣйствій при подобныхъ боевыхъ столкновеніяхъ столь же мало имѣетъ оправданія для возведенія въ общее правило, какъ и всякій другой разъ навсегда закрѣпленный боевой приемъ на войнѣ.

Противъ такихъ готовыхъ рецептовъ предостерегалъ еще Клаузевицъ: изъ книгъ нельзя почерпнуть большого, какъ развитіе своего духа (*Seines Geistes*); для войны отсюда можно приобрѣсти лишь готовые идеи, которыя не въ состояніи сообщить человѣку нужнаго толчка въ надлежащую минуту; онъ родился не изъ его собственнаго мяса и крови, и съ ними однѣми не удержаться противъ вихря случайностей, который снесетъ его постройку ранѣе, нежели она будетъ готова. «Готовыя мысли—*fertige Ideen*»—подразумѣваютъ уже предвзятость распоряженій, но если мы усилимъ «развитіе нашего духа» путемъ практическаго изученія, мы придемъ къ тому обдумыванію обстановки впередъ, которое позволитъ намъ смѣло противостать неожиданностямъ даже въ наиболѣе тяжелой формѣ.

Тотъ, кто пользуется военной исторіей, т. е. опытомъ прошлаго, не для того только, чтобы заимствовать изъ нея нужное возбужденіе и поученіе, а для слѣпнаго подражанія и обоснованія своихъ дѣйствій, легко убѣдится въ томъ, что «вихрь случайностей дѣйствительно разрушитъ его постройку ранѣе, чѣмъ она готова будетъ» и долженъ будетъ признать, что онъ предвзято распоряжался, только исходя изъ опыта исторіи.

Въ подобномъ ошибочномъ примѣненіи своихъ знаній повиненъ былъ, между прочимъ, принцъ Фридрихъ Карлъ. Когда принцъ для

своего собственнаго пользованія дѣлать многочисленныя выписки изъ военно-научныхъ сочиненій, это служило свидѣтельствомъ его неусыпнаго стремленія къ военному самосовершенствованію.

Но курьезно было то, что надъ нѣкоторыми изъ этихъ выписокъ былъ поставленъ заголовокъ: «Замѣтки, которыя должны быть взяты въ поле». Это означало, что въ исторіи онъ искалъ не только возбужденія, но и буквальнаго руководства для своихъ дѣйствій. Его образъ дѣйствій, какъ полководца, носить въ себѣ замѣтные слѣды подобныхъ справокъ въ исторіи, особенно при началѣ кампаніи 1866 г. Наполеоновскіе образцы—насколько позволяло тогдашнее состояніе военно-историческихъ изслѣдованій, далеко не всегда въ правильномъ освѣщеніи—приводили его къ чрезмѣрному задерживанію арміи. Прилагая къ дѣйствіямъ противника масштабъ, созданный имъ самимъ на теоретической основѣ, онъ неоднократно приходилъ къ фальшивымъ выводамъ.

Если, съ одной стороны, военная исторія несомнѣнно способствуетъ тренировкѣ мысли, то, съ другой стороны, она ничего не предлагаетъ тому, который хочетъ оттуда почерпнуть собраніе готовыхъ примѣровъ на всѣ случаи для собственной практики. Она не воспитываетъ къ тому, чтобы восчувствовать себя вождемъ прошлаго и этимъ способомъ добиться большей внутренней смѣлости, такъ какъ для вождя нужно смѣлое искусное *творчество собственнаго духа*, а не механическое подражаніе мертвымъ образцамъ.

Какъ въ область оперативнаго руководства войсками, такъ и въ управленіи въ тактическомъ смыслѣ. гибельны разъ навсегда неизмѣнныя, общеупотребительныя правила. Заблаговременныя распоряженія чуть ли ни на всю операцію были въ большомъ употребленіи, какъ уже сказано, въ коалиціонныхъ арміяхъ, дѣйствовавшихъ противъ первой французской республики и Наполеона и перешли также въ область тактики. На маневрахъ мирнаго времени въ эпоху послѣ Фридриха расписывались обыкновенно заранее всѣ моменты упражненій вплоть до послѣдняго. Подобныя упражненія не могли дать никакой дѣйствительной школы для войны. Генералы, воспитанные въ духѣ такой смотровой тактики, пассивали передъ неожиданностями, которыя постоянно несетъ съ собою война, такъ какъ всякая мертвая схема въ тактикѣ равносильна предвзятости распоряженій, которая рассчитана на пассивнаго, безвольнаго противника. Схематизмъ парализуетъ духовныя силы и усиливаетъ существующую въ чловѣкѣ и безъ того инертность.

Какъ трудно, въ противоположность этому, на войнѣ обойтись безъ вдумчиваго отношенія къ будущему, особенно ясно станеть, если заглянуть въ тылъ, за фронтъ арміи. Распоряженія для всего, что слѣдуетъ за войсками, находятся въ самой тѣсной связи съ бое-

выми операціями. Нужны самыя заботливыя соображенія не только для упорядоченія передвиженій всѣхъ тыловыхъ учреждений, слѣдующихъ за войсками, но и для того, чтобы не стѣснять часто быстро мѣняющійся ходъ самихъ операцій. Еще Фридрихъ Великій высказался въ томъ смыслѣ, что не онъ командуетъ арміей, а мука и фуражъ. Для нашего времени къ этимъ факторамъ нужно еще прибавить «и артилерійскіе парки». Дальновидность здѣсь необходима. Взоры полководца и его органовъ одинаково должны охватывать всѣ условія впереди и позади фронта, онъ не можетъ ради *сегодня* упустить изъ виду *завтра*, *посльзавтра* и дальнѣйшее время.

Война требуетъ отъ насъ точнаго и остраго анализа cadaго боевого положенія. Здѣсь не можетъ быть перерыва. Мысль, что «это уже налажено», не можетъ быть намъ присуща. Случайно можно при такомъ взглядѣ получить успѣхъ, но это не будетъ «успѣхомъ способнаго», о которомъ Мольтке выразился, что онъ одинъ только можетъ быть продолжительнымъ. Итакъ, отнюдь никакой предвзятости на войнѣ, что является обычно слѣдствіемъ расписанныхъ заранѣе, до мелочей, всѣхъ директивъ и приказовъ, и обязательность полнаго упорядоченія въ мысляхъ, въ головахъ, какъ нужно дѣйствовать при той или иной обстановкѣ.

Въ томъ же журналѣ заслуживаетъ быть отмѣченной статья маіора V. Klewitz: «*Полковыя и бригадныя упражненія полевой артиллеріи*». Авторъ пишетъ о постановкѣ тактическихъ ученій въ полѣ для крупныхъ артилерійскихъ частей, причемъ приводитъ рядъ примѣровъ такихъ ученій съ приложеніемъ соотвѣствующихъ схемъ.

Сверхъ того въ томъ же журналѣ напечатаны:

- 1) *Обзоръ итало-турецкой войны* (продолженіе).
- 2) *Русское переселенческое движеніе въ Сибирь и Центральную Азію*.
- 3) *Веденіе войны и управленіе войсками во время первой коалиціонной войны въ Германіи (въ 1792 — 1795 г.),* статья капитана Müller.
- 4) *Полевая инженерная служба во всѣхъ родахъ войскъ у насъ и въ другихъ арміяхъ* (окончаніе). Статья маіора Toepfer.
- 5) *Британская остъ-индская армія*. Статья капитана Neuschler.
- 6) *Развѣдывательная дѣятельность нѣмецкой конницы передъ и послѣ 14-го, 16-го и 18-го августа 1870 г.* Статья капитана Kaupisch.

Въ нѣмецкомъ журналѣ *«Artilleristische Monatshefte»*, редактируемомъ генералъ-лейтенантомъ Rohne и, кстати сказать, весьма интересномъ по содержанію своихъ статей, заслуживаетъ вниманія, въ сентябрьскомъ выпускѣ небольшой очеркъ генерала Rohne—*«Объ успѣхахъ французской артиллеріи»*, въ которомъ авторъ подробно останавливается на трудахъ генерала Percin для французской арміи и, въ частности, для ея артиллеріи. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Полевая артиллерія въ связи съ другими родами войскъ» генералъ Ланглюа высказалъ пожеланіе видѣть во главѣ своей артиллеріи такого руководителя, который сумѣлъ бы привить ей единство взглядовъ, относительно ея боевого употребленія. Черезъ 15 лѣтъ послѣ высказаннаго пожеланія такимъ лицомъ явился генералъ Percin. Въ 1907 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ стрѣльбы полевой артиллеріи и облеченъ былъ обязанностью заботиться о томъ, чтобы всѣ артиллерійскіе офицеры усвоили себѣ вѣрные взгляды на правила стрѣльбы и ихъ примѣненіе. Съ этою цѣлью въ разныхъ пунктахъ, какъ извѣстно, были созданы стрѣлковые школы, подчиненныя инспектору; затѣмъ, онъ ежегодно инспектировалъ стрѣльбу артиллерійскихъ частей согласно особаго расписанія. Одновременно съ тѣмъ онъ несъ и свои прямые служебныя обязанности, сначала какъ начальникъ пѣхотной дивизіи, а затѣмъ, какъ командиръ 13-го армейскаго корпуса. О дѣятельности своей генералъ Percin подробно говоритъ въ изданномъ имъ въ этомъ году трудѣ—*«Пять лѣтъ инспекціи»*, изъ котораго Rohne и черпаетъ матеріалъ для характеристики новѣйшихъ успѣховъ французской артиллеріи. Въ сжатой формѣ генералъ Rohne излагаетъ всѣ требованія генерала Percin, нашедшія себѣ полное примѣненіе въ боевой подготовкѣ французской артиллеріи за послѣдніе годы. О нихъ уже неоднократно упоминалось здѣсь, при обзорѣ статей, посвященныхъ тактикѣ артиллеріи.

Въ августовскомъ выпускѣ того же журнала имѣется статья, посвященная германской полевой артиллеріи: «Собранныя отовсюду мысли о нашей полевой артиллеріи», новидимому тоже принадлежащая генералу Rohne. Авторъ перечисляетъ слабыя стороны современнаго ея состоянія. Прежде всего жалуется на недостаточно численный кадровый составъ полевой батареи, особенно сравнительно съ французской. Затѣмъ особенно подчеркивается недостатокъ офицеровъ въ полевой артиллеріи и недостатокъ офицерскаго запаса полевой артиллеріи. Говорится о медленности служебнаго движенія офицеровъ артиллеріи. Лейтенантъ долженъ пробывать 18 лѣтъ въ чинѣ прежде чѣмъ получить чинъ капитана и должность командира батареи—на 38-мъ году жизни; затѣмъ 12 лѣтъ пребываетъ въ этомъ

служебномъ положеніи п въ 50 лѣтъ отъ роду достигаетъ чина маіора, часто однако это еще не обезпечиваетъ полученія должности командира дивизіона.

Оставляетъ желать лучшаго и подготовка молодого офицера въ качествѣ опытнаго помощника командира батареи. Авторъ высказываетъ пожеланія объ основаніи артилерійскихъ курсовъ стрѣльбы и ѣзды, на которыхъ молодые офицеры практиковались бы на ряду съ артилерійской специальностью, какъ стрѣльба и маневрированіе, также въ обученіи ѣздѣ верхомъ, ѣздѣ съ орудіемъ, развѣдкѣ мѣстности, въ теоріи стрѣльбы, въ изученіи иностранныхъ артилерій и проч.

Также и насчетъ улучшенія обученія германской артилеріи стрѣльбѣ и примѣненію къ мѣстности высказываются авторомъ пожеланія. Нынѣшній курсъ стрѣльбы очень кратокъ. Нужно было бы между днями стрѣльбы ввести еще дни специально тактическихъ учений въ полѣ частями до дивизіона (отдѣленія) включительно. Къ этимъ упражненіямъ надлежитъ присоединить и ученія съ батарейнными резервами и частями легкихъ муніціонныхъ колоннъ. Ученія этого рода приходится втискивать въ курсъ стрѣльбы, такъ какъ въ мѣстахъ постоянного расквартированія артилеріи рѣдко встрѣтятся для нихъ свободная мѣстность. Ученія въ полѣ осенью должны предоставлять возможность старшимъ артилерійскимъ начальникамъ, т. е. прежде всего командирамъ полковъ, обучать свои части; для дивизіоновъ же не будетъ времени.

Далѣе, авторъ отмѣчаетъ «повелѣвающую» необходимость болѣе частой смѣны полей, на которыхъ происходитъ обученіе войскъ. Обыкновенно въ Германіи полки пользуются попеременно двумя полями, рѣдко—тремя. Послѣдствіемъ этого является быстрое усвоеніе мѣстныхъ условій и привычка къ однимъ и тѣмъ же позиціямъ. Жалуются онъ и на повторяемость изъ года въ годъ установки мишеней на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ на полигонахъ.

Надлежитъ также въ большей степени использовать зимніе мѣсяцы для боевой подготовки батарей и главнымъ образомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Необходимо наладить также и обученіе артилерійской развѣдкѣ.

Авторъ упоминаетъ также относительно введенія болѣе совершенныхъ дальномѣровъ, причемъ передъ издержками на нихъ останавливаться нельзя. Между прочимъ, только при посредствѣ такихъ дальномѣровъ можно будетъ быстро и вѣрно опредѣлять разстоянія до воздушныхъ судовъ.

Заканчиваетъ авторъ свою статью пожеланіемъ поднять подготовку кандидатовъ на офицеровъ артилерійскаго запаса.

Въ томъ же журналѣ слѣдуетъ отмѣтить статью *Marsyas*—«*О развитіи крѣпостного дѣла въ Германіи съ введенія паръзныхъ пушекъ и до послѣдняго времени*». Авторъ даетъ оцѣнку труда подъ этимъ заглавіемъ подполковника *Frobenius*'а и излагаетъ содержаніе книги.

Полковникъ *V. Kurnatowski* въ октябрьскомъ выпускѣ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*» даетъ подробный очеркъ германскихъ императорскихъ маневровъ осенью этого года. Они происходили въ предѣлахъ Саксонскаго королевства въ районѣ между Лейпцигомъ и Дрезденомъ—въ мѣстности очень поучительной и по военно-историческимъ воспоминаніямъ, и по условіямъ для войсковой практики въ духѣ современныхъ требованій. Принимали участіе оба саксонскіе корпуса, III и IV прусскіе корпуса, 9-я пѣхотная дивизія и рядъ прикомандированныхъ частей артилеріи и техническихъ войскъ. Въ маневрахъ участвовали 50 автомобилей членовъ императорскаго автомобильнаго клуба и 34 автомобиля общегерманскаго клуба автомобилистовъ.

Послѣ изложенія хода маневровъ авторъ самымъ подробнымъ образомъ оцѣниваетъ результаты ихъ, отнюдь не переходя предѣловъ допустимой скромности въ конечныхъ выводахъ.

Въ томъ же журналѣ помѣщена статья подполковника *Frobenius*'а: «*Саперная техника въ нѣмецкой арміи*».

Bulletin de la Presse et de la Bibliographie militaires даетъ отчетъ объ интересномъ, новѣйшемъ трудѣ по стратегіи—маіора *Mordacq*—профессора *École supérieure de guerre*—«*Стратегія, ея исторія, эволюція*». Три главныхъ фактора обезпечиваютъ побѣду—управленіе, числительность и нравственная сила. Многочисленные военно-научныя сочиненія послѣдняго времени породили три теоріи относительно главнаго фактора успѣха на войнѣ:

«материалисты» видятъ источникъ побѣды въ числѣ сражающихся и въ предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе матеріальныхъ средствахъ;

«интеллектуалисты» считаютъ, что главное дѣло въ подлежащемъ управленіи массаами;

«спиритуалисты»—возлагаютъ всѣ надежды на превосходство нравственной силы.

Всѣ три категоріи ошибаются, исповѣдуя исключительное главенство, каждая только своего фактора.

Числительность и качества высшего командования были приблизительно одинаковы, по мнѣнію автора, у обоихъ противниковъ Маньчжурской войны, успѣхъ же былъ рѣшенъ нравственною силою. Стратегія должна очень считаться и въ замыслѣ, и въ осуществленіи своихъ комбинацій, съ настроеніемъ, съ духомъ своихъ войскъ и соотвѣтственно этому быть или дерзко смѣлою или крайне осторожною. Нужно помнить, что современныя арміи отнюдь не массы профессиональныхъ воиновъ, настроеніе которыхъ—заранѣе въ сердцахъ и рукахъ главнокомандующаго. Духъ современной арміи есть выраженіе настроенія цѣлой націи, и энтузіазмъ арміи зиждется на убѣжденіи общественнаго мнѣнія народа, что одна только война можетъ спасти отъ опасности интересы и честь родины.

Народы нынѣ не подчиняются слѣпо своимъ правительствамъ, а всѣмъ ходомъ государственной жизни втянуты въ сознательное участіе въ политикѣ, и вѣншей, и внутренней, а черезъ политику общественное мнѣніе страны естественно вліяетъ и на самую стратегію. Война можетъ быть предпринята въ крайности и въ теченіе времени возможно короткаго. Отсюда, слѣдовательно, стратегическія операціи должны очень считаться съ временемъ, которое нужно для ихъ исполненія; смѣлость замысла, энергія и быстрота въ его осуществленіи.

На этихъ самыхъ принципахъ построено развитіе происходящей нынѣ съ головокружительной быстротой войны южныхъ славянъ съ турками. Болгарская стратегія проникнута всѣми указанными только что особенностями. Но чтобы руководиться подобными принципами въ минуты грознаго расчета нужна напряженная подготовка мирнаго времени. Все то, что по старымъ учебникамъ именовалось подготовительными операціями, должно быть отнесено къ дѣятельности въ эпоху мира. Война нынѣ должна быть *скоротечна*, такъ какъ она совсѣмъ останавливаетъ маховикъ сложной народной жизни. Война, рассчитанная на долгій срокъ, уже обречена на неудачу. Двѣнадцатый годъ примѣромъ быть не можетъ, такъ какъ за сотню лѣтъ человеческая жизнь на землѣ приняла совсѣмъ другія формы, а провалъ маньчжурской кампаніи былъ уже обезпеченъ сакраментальными словами о терпѣніи съ тройнымъ коэффициентомъ... Болгары начали бить врага уже въ первую педѣлю по окончаніи своего сосредоточенія и не слѣдуетъ забывать, что война была официально объявлена *по окончаніи* такового. Слѣдовательно, даже стратегическое развертываніе происходитъ подъ шумъ состязаній дипломатовъ, служащихъ обычной прелюдией ихъ ретиреды. Скажутъ, разстоянія помогли, но для Европы подобныя разстоянія нормальны. Отъ Гермаплы, центра раіона сосредоточенія болгарской арміи, и до Константинополя, всего 300 верстъ, но тѣ же 300—400 верстъ отдѣляютъ средне-европей-

скія столицы отъ границъ ихъ государствъ... Книга маіора Mordacq'a интересна по своимъ предостереженіямъ, научно обоснованнымъ, но переживаемыя всѣми нами событія балканской войны еще внушительнѣе; это новѣйшій образецъ современнаго метода войны, подсказанный, помимо теоріи ея, самою необходимостью. Это единственно допустимый нынѣ способъ войны: стремительно, рѣшительно, всѣми силами, подъ энтузіазмъ всего народа и на основаніи самой напряженной боевой подготовки въ годы мира, вытекающей изъ вполне опредѣленныхъ политическихъ, а слѣдовательно, и оперативныхъ цѣлей.

С. Добродольскій.

«Rivista militare italiana» 1912 г. Іюль.

Продолжая начатую въ предыдущемъ выпускѣ статью «Воздухоплаваніе и военное искусство», капитанъ Паппалардо излагаетъ:

Полетъ современнаго воздушнаго шара можетъ продолжаться безостановочно въ теченіе до 22 часовъ со скоростью до 50 километровъ; онъ можетъ брать до 20 пассажировъ и подыматься выше 2.500 метровъ. Невыгоды воздушныхъ шаровъ состоятъ въ нижеслѣдующемъ: они представляютъ большую и легко уязвимую цѣль; чувствительны къ колебаніямъ температуры; органы ихъ движенія и управленія ими многочисленны и требуютъ крайне внимательнаго обращенія; шары нуждаются въ обширныхъ и дорогихъ сараяхъ съ многочисленнымъ составомъ служащихъ; ошвартованіе въ открытомъ полѣ трудно и опасно; стоимость ихъ доходитъ до милліона лиръ; должны брать при полетѣ значительное количество балласта; снабженіе ихъ газомъ сопряжено съ большими трудностями и можетъ быть исполнено лишь въ тылу дѣйствующей арміи; требуютъ большого обоза.

Пользуясь воздушными шарами и самолетами является возможность исполнять рекогносцировки большихъ раіоновъ мѣстности; передавать быстро и на большія разстоянія свѣдѣнія и приказанія; переносить взрывчатые вещества на сотни километровъ и поражать цѣли, недоступныя артилеріи. Въ военное время операціи воздушныхъ судовъ въ непріятельской странѣ будутъ стѣснены какъ недостаткомъ средствъ снабженія и спуска на землю, такъ и опасностью пораженія со стороны воздушныхъ судовъ и артилеріи непріятеля.

Какъ опыты мирнаго времени, такъ и практика итало-турской войны согласно показали, что ружейный огонь не можетъ оказать препятствія дѣятельности ни самолетовъ, ни воздушныхъ шаровъ; но отъ огня современныхъ пушекъ, специально изготовлен-

ныхъ для пораженія воздушныхъ судовъ, шары не могутъ считать себя безопасными даже на высотѣ между 2 и 3 тысячами метровъ. Самолеты представляютъ столь малыя цѣли, быстрота ихъ такъ велика, а эволюціи такъ легки и свободны, что уже на высотѣ въ 700 метровъ они могутъ быть признаваемы вѣдъ пораженія огнемъ непріятельской артиллеріи.

Обращаясь къ употребленію воздушныхъ судовъ для военныхъ цѣлей, авторъ высказываетъ:

Въ морской войнѣ примѣненіе этихъ судовъ ограничится нѣкоторыми случаями береговыхъ операций; въ крѣпостной войнѣ воздушныя суда получаютъ самое широкое примѣненіе, какъ средства сношенія крѣпостей между собою и со страной; они же будутъ служить для связи между арміями, крупными войсковыми частями и центральнымъ управленіемъ. Такая служба воздушныхъ судовъ дастъ главнокомандующему возможность знать во всякое время дислокацію войскъ и состояніе крѣпостей, и будетъ имѣть послѣдствіемъ болѣе совершенное согласованіе операций большой войны.

Кромѣ службы связи воздушныя суда могутъ получить важное примѣненіе какъ средства для стратегическаго и тактическаго развѣдыванія а также для пораженія непріятеля.

Воздушный шаръ, сопровождаемый, если нужно, отрядомъ самолетовъ, можетъ быстро ознакомиться, какъ съ расположеніемъ прикрывающихъ войскъ непріятеля, такъ и съ мѣстами сосредоточенія его армій. Эти свѣдѣнія могутъ быть собраны въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и переданы главнокомандующему или черезъ посредство самолета или радіотелеграфомъ съ шара. Наканунѣ сраженія шаръ или самолетъ можетъ быстро совершить подробный осмотръ расположенія непріятельской арміи хотя бы въ 5 корпусовъ.

До сего времени командующій арміею могъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о непріятельскихъ войскахъ только первой линіи. Теперь воздушныя суда дадутъ ему также свѣдѣнія, относящіяся къ резервамъ, и онъ будетъ имѣть возможность направить свой ударъ на ту часть фронта непріятеля, которую послѣдній не въ силахъ своевременно поддержать. Для такихъ же развѣдокъ употребить свои воздухоплавательныя средства и противная сторона, и тотъ изъ двухъ противниковъ, который обладаетъ лучшими воздушными судами и лучше обученнымъ и втянутымъ въ службу личнымъ составомъ, раньше соберетъ необходимыя свѣдѣнія и пріобрѣтетъ надъ противникомъ преимущества, могущія оказать рѣшительное вліяніе на исходъ боя.

Въ крѣпостной войнѣ воздушныя суда доставятъ атакующему еще раньше обложенія крѣпости многія свѣдѣнія, собрать которыя въ мирное время нѣтъ возможности, а обороняющій воспользуется

ими для заблаговременнаго выясненія силъ и средствъ наступающаго расположенія осадныхъ парковъ, направленія атаки и проч. съ тѣмъ, чтобы усилить своевременно оборону крѣпости тамъ, гдѣ ей грозитъ опасность.

Въ морской войнѣ, какъ стратегическія, такъ и тактическія развѣдки могутъ исполняться современными воздушными судами только въ моряхъ соотвѣтственнаго размѣра.

Въ цѣляхъ нападенія самолетъ можетъ переносить до 70 килограммовъ взрывчатаго вещества при дальности полета въ 200 километровъ, и до 400 килограммовъ при дальности въ 40 километровъ. Воздушный шаръ средней величины легко беретъ 600 килограммовъ при дальности полета въ 60 километровъ и высотѣ его въ 1.000 метровъ; шаръ типа Цепелинъ можетъ перенести вдвое большій грузъ на разстояніе до 400 или 500 километровъ; а въ скоромъ времени должны появиться шары, переносящіе 1.000 килограммовъ взрывчатаго вещества на разстояніе въ 300 километровъ при высотахъ полета, превышающихъ 2.500 метровъ. Въ виду же того, что воздушный шаръ можетъ оставаться неподвижнымъ надъ любымъ избраннымъ пунктомъ мѣстности, онъ долженъ быть признанъ вполне пригоднымъ средствомъ для пораженія цѣлей сверху. Прежде, однако, нежели возложить на воздушное судно какую-либо активную операцію, слѣдуетъ строго разсчитать, вознаградитъ ли успѣхъ послѣдней потерю судна, поставленнаго предпріятіемъ подъ удары непріятельской артиллеріи и его воздушныхъ флотилій.

Артилерійскимъ батареямъ воздушныя суда принесутъ большую пользу, давая имъ точныя указанія мѣстъ расположенія цѣлей и свѣдѣнія о результатахъ стрѣльбы. Береговымъ позиціямъ эти суда дадутъ также и со всею потребною скоростью всѣ нужныя свѣдѣнія и указанія.

Въ заключеніе статьи авторъ высказываетъ, что въ современномъ уже своемъ состояніи воздухоплаваніе можетъ дать начальнику свѣдѣнія, въ значительной мѣрѣ обезпечивающія его отъ неправильныхъ рѣшеній; ставящія его въ возможность давать подчиненнымъ вмѣсто директивъ точныя приказанія; облегчающія достиженіе согласованности дѣйствій всѣхъ частей арміи.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Офицерскія лошади» авторъ, подписавшійся инициалами F. V., высказывается въ пользу замѣны въ войскахъ собственныхъ офицерскихъ лошадей лошадьми, предоставленными въ пользованіе офицеровъ казною, какъ то установлено во Франціи.

Никто не будетъ, конечно, утверждать, чтобы французскіе кавалерійскіе офицеры уступали кому бы то ни было въ совершенствѣ ѣзды, технической подготовкѣ, любви къ мундиру или спорту; между

тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что принятая во Франціи постановка дѣла избавляетъ офицеровъ отъ очень важныхъ экономическихъ заботъ и затрудненій. Едва ли можно признать заслуживающимъ большого вниманія оскорбительное для офицеровъ предположеніе, будто бы казенныя лошади будутъ приходить въ негодность скорѣе, нежели составляющія собственность офицеровъ, по причинѣ чрезмѣрной и неправильной ѣзды и меньшей о нихъ заботливости со стороны послѣднихъ; тутъ возможенъ притомъ же и надлежащій надзоръ. Съ большимъ основаніемъ можно указать на случаи чрезмѣрно бережливаго отношенія офицеровъ къ собственнымъ лошадямъ даже въ ущербъ иногда службѣ.

Отмѣна собственныхъ офицерскихъ лошадей имѣла бы нижеслѣдующія послѣдствія.

1. Были бы безотлагательно замѣнены другими офицерскія лошади, не во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющія требованіямъ, тогда какъ въ настоящее время очень многія изъ собственныхъ офицерскихъ лошадей къ службѣ негодны и не взирая на всю строгость надзора начальства остаются не замѣненными.

2. Была бы устранена продажа отличныхъ лошадей изъ полковъ въ частныя руки; теперь же нельзя запретить офицеру продать кому бы то ни было собственную его лошадь, если онъ находитъ это нужнымъ или выгоднымъ.

3. Въ числѣ офицерскихъ лошадей не оставалось бы годныхъ исключительно для спорта или, еще того хуже, для какихъ-либо другихъ частныхъ надобностей.

Предлагаемый авторомъ порядокъ вызываетъ необходимость разрѣшенія объѣма лошадей между корпусами и различными родами оружія, производимаго, конечно, подъ надлежащимъ контролемъ. Этимъ путемъ явится возможность передавать лошадей, не пригодныхъ для службы въ одной части, въ другую, гдѣ онѣ будутъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ.

Кромѣ изложеннаго, замѣна собственныхъ офицерскихъ лошадей казенными освободила бы офицеровъ отъ необходимости имѣть дѣло съ барышниками и комиссіонерами, проникающими въ казармы и находящими прочную опору въ часто встрѣчаемой офицерами неотложной необходимости безотлагательно пріобрѣсти лошадь или еще болѣе безотлагательно сбыть негодную.

Предположеніе, будто бы такая замѣна можетъ имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе въ офицерахъ увлеченія кавалерійскимъ дѣломъ, нельзя признать основательнымъ, такъ какъ предлагаемый порядокъ вовсе не исключаетъ наличности въ частяхъ вполне хорошихъ лошадей для служебной и ввѣ служебной ѣзды. Если, затѣмъ, кто-либо изъ офицеровъ пожелаетъ имѣть еще особыхъ лошадей для

цѣлей спорта, то это должно быть поощряемо всѣми мѣрами, не идущими въ ущербъ службѣ.

Прошли тѣ времена, когда офицеры, въ массѣ ихъ, могли имѣть на собственные средства хорошихъ лошадей. Покупка таковыхъ всегда сопряжена съ большимъ рискомъ, отъ котораго офицеры должны быть избавлены.

Въ статьѣ данъ денежный расчетъ, доказывающій, что при существующихъ въ итальянской арміи условіяхъ замѣна собственныхъ офицерскихъ лошадей казенными, нисколько бы не увеличило расходовъ казны.

Кромѣ того, помѣщена въ обозрѣваемомъ выпускѣ статья поручика Enrico della Valle «Соображенія о необходимости Триполитаніи и Киренаики».

Начаты статьи:

Подполковника V. Traniella «Классическій прецедентъ». Въ статьѣ напоминаются историческія событія, сопровождавшія первыя европейскія завоеванія въ сѣверной Африкѣ.

Капитана E. Barbarich описаніе мѣстности по берегу Тирренскаго моря близъ устья Арно.

Помѣщены продолженія статей капитановъ Rodolfa Corselli и Giuseppe Silva.

Окончены статьи полковника Alberto Cavaciocchi и капитана P. Consiglio.

В. Н.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Балканскій полуостровъ.—Война.—Вооруженныя силы сторонъ.—Мобилизація и сосредоточеніе.—Очеркъ военныхъ дѣйствій до 26-го октября.

Балканскій полуостровъ ¹⁾.

Война. Со времени составленія послѣдняго иностраннаго обозрѣнія произошло два крупныхъ событія, центромъ которыхъ является Оттоманская имперія: 1) прекращеніе войны между Италіею и Турціею съ заключеніемъ предварительныхъ условій мира въ Уши въ Швейцаріи, на основаніи которыхъ Турція отказалась отъ Триполи и Киренаики, даровать этимъ провинціямъ автономію, при сохраненіи духовнаго верховенства султана, и отозвала свои войска, а Италія обязалась уплатить значительное возмѣщеніе за удѣльные имущества и приходящуюся на эти провинціи часть государственнаго долга Турціи, и 2) война между Турціею и 4 союзными христіанскими государствами Болгаріею, Сербіею, Черногоріею и Греціею, заставившая всю Европу обратить тревожное вниманіе на Балканскій полуостровъ.

Великія державы постоянно и неуклонно заботились о сохраненіи мира на Балканскомъ полуостровѣ и предупрежденіи катастрофы, послѣдствіемъ которой неминуемо должно служить возрожденіе самыхъ сложныхъ политическихъ вопросовъ, каковы вопросы о проливахъ, объ островахъ Архипелага, о притязаніяхъ Австро-Венгріи и, last but not least, объ интересахъ Россіи, цѣлымъ рядомъ войнъ способствовавшей освобожденію балканскихъ христіанъ и созданію на полуостровѣ нѣсколько независимыхъ государствъ.

Уже въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, предшествовавшихъ войнѣ, положеніе на Балканскомъ полуостровѣ стало постепенно обостряться; одновременно съ новымъ возстаніемъ въ Албаніи и политическимъ

¹⁾ См. карту, прил. къ № 230 «Русск. Инв.».

движеніемъ среди турецкихъ офицеровъ, въ нѣсколькихъ городахъ Старой Сербіи и Македоніи были брошены бомбы, жертвами которыхъ сдѣлалось не мало людей; этими явленіями было крайне раздражено мусульманское населеніе и раздраженіе направлено противъ христіанъ; мѣстами началось избіеніе болгаръ и сербовъ; турецкое правительство не принимало надлежащихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ, будучи само крайне ослаблено внутренними неурядицами—перемѣною министерства, противодѣйствіемъ лишенной власти партіи комитета «Единеніе и Прогрессъ», возстаніемъ и неблагонадежностью войскъ въ Албаніи. Бездѣйствіе его вызывало представленія болгарскаго и сербскаго правительствъ по поводу гоненія на христіанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ участились составлявшіе довольно обычное явленіе пограничныя инциденты въ видѣ стычекъ и перестрѣлокъ. Появились слухи о задержкѣ увольненія послѣ маневровъ резервистовъ въ Болгаріи и Сербіи, о сборѣ къ границѣ черногорскихъ войскъ и, наконецъ, о мобилизаціи турецкихъ войскъ и сосредоточеніи ихъ у Адріанополя.

Отвѣтомъ на это было объявленіе 16/29-го сентября мобилизаціи болгарской и сербской армій, а затѣмъ и греческой и сосредоточеніе черногорскихъ войскъ.

Тутъ обрисовалось впервые существованіе союза четырехъ христіанскихъ государствъ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи съ цѣлью достиженія эмансипаціи обитающихъ въ европейской Турціи христіанъ.

Положеніе на Балканскомъ полуостровѣ приняло угрожающій характеръ и предвѣщало наступленіе того кризиса, котораго столь опасалась европейская дипломатія. Послѣдняя приняла мѣры къ улаженію конфликта, стараясь, съ одной стороны, дѣйствовать успокоительно на государства балканскаго союза, съ другой—побудить Турцію къ существеннымъ реформамъ въ пользу христіанскаго населенія, давно впрочемъ обусловленнымъ предшествующими договорами съ Оттоманскою имперіею.

Но было уже поздно: Турція хотя и соглашалась давать новыя обѣщанія, но союзныя государства въ таковыя уже отказывались вѣрить и требовали серьезныхъ гарантій.

Положеніе усложнилось еще репрессіями, предпринятыми Турціею въ виду мобилизаціи союзниковъ: назначавшіеся для сербской арміи транспорты оружія и боевыхъ припасовъ были задержаны въ Турціи, а въ турецкихъ портахъ секвестровано большое число греческихъ коммерческихъ судовъ; по этимъ инцидентамъ со стороны заинтересованныхъ державъ послѣдовали горячіе протесты.

Въ виду начавшагося сосредоточенія турецкихъ войскъ на черно-

горской границѣ, король Николай 25-го сентября (8-го октября) объявилъ Турціи войну и отозвалъ своего посланника въ Константинополь; уже 9-го числа начались военныя дѣйствія на черногорской границѣ.

Наконецъ, остальные три союзныя балканскія государства подали Портѣ черезъ своихъ представителей коллективную ноту съ требованіями относительно автономіи провинцій, населенныхъ христіанами, между прочимъ, о назначеніи въ нихъ губернаторами иностранцевъ.

Турецкій совѣтъ министровъ, рассмотрѣвъ эту ноту въ засѣданіи 2/15-го октября, усмотрѣлъ въ ней вмѣшательство во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи и, почитая Турцію оскорбленной рѣшительнымъ тономъ этой ноты, рѣшилъ оставить ее безъ отвѣта и отозвать своихъ представителей изъ Софіи, Бѣлграда и Аѣины и вмѣстѣ съ тѣмъ заявить посланникамъ союзныхъ государствъ въ Константинополь, чтобы они потребовали свои паспорта. Это при данныхъ обстоятельствахъ было равносильнымъ объявленію войны.

Посланники съ своей стороны, 4/17-го октября, передали Портѣ объявленіе войны и выѣхали изъ Константинополя. Уже 5/18-го октября сербскія и болгарскія войска перешли границу.

Вооруженныя силы сторонъ. Въ турецкой арміи въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ осуществлялись крупныя организаціонныя преобразованія, обусловленные переходомъ отъ 7 орду съ обширными раіонами комплектованія къ 14 корпусамъ и 5 отдѣльнымъ дивизіямъ. Хотя это преобразование не вездѣ исполнено закончено, но въ войскахъ европейской Турціи оно было осуществлено, за исключеніемъ неполнаго снабженія всѣхъ дивизій артилеріею и пулеметами.

Турецкая армія состоитъ изъ 14 корпусовъ и 5 дивизій низама; изъ нихъ въ Европѣ расположены 7 корпусовъ со штабами въ столицѣ, въ Родосто, Киркилисѣ, Адрианополѣ, Салоникахъ, Монастырѣ и Ускюбѣ и 3 отдѣльных дивизіи въ Янинѣ, Кожанѣ и Скутари (Албанія). Составъ корпуса—3 дивизіи (въ 4-хъ корпусахъ въ Азіи—по двѣ), 1½ егерскій полкъ (въ 5 изъ азіатскихъ корпусовъ еще не сформированы), бригада кавалеріи изъ трехъ полковъ (во II нѣтъ кавалеріи, въ I и IV по двѣ бригады), піонерный и обозный баталіоны и телеграфная рота; корпусную артилерію составляютъ горные или гаубичные дивизионы въ неодинаковомъ числѣ (въ Европѣ при I, III, V и VII—по два, при IV и VI—по одному горныхъ дивизиона въ 3 батареи; при I, III и VI—по одному гаубичному дивизиону); дивизионы конныхъ батарей имѣются въ Европѣ при кавалеріи I, IV и V корпусовъ; при кавалерійской бригадѣ—пулеметное отдѣленіе изъ 4 пулеметовъ.

Всѣхъ дивизій низама 43; каждая изъ нихъ составляетъ само-

стоятельную боевую единицу изъ трехъ полковъ пѣхоты по три баталіона, одного баталіона егерей, одного полка артилеріи, въ два или три дивизіона, одной конной роты и одной санитарной роты. Въ каждомъ пѣхотномъ полку пулеметная рота съ 4 пулеметами.

Резервныя войска состоятъ изъ 40 дивизій редифа I призыва и 19 дивизій редифа II призыва (люди не проходятъ срока дѣйствительной службы, а только призываются на учебные сборы)—всѣ по 3 полка, но полки съ неодинаковымъ числомъ баталіоновъ, отъ четырехъ до двухъ, всего 359 баталіоновъ I призыва и 175 баталіоновъ II призыва редифа.

Регулярная кавалерія состоитъ всего изъ 203 эскадроновъ; но въ Малой Азіи имѣется еще ирегулярная кавалерія курдовъ (аширетъ) въ числѣ 70 полковъ, собираемыхъ только въ военное время.

Общій составъ артилеріи къ началу войны былъ 174 скорострѣльныхъ и 83 старыхъ легкихъ батарей, 12 скорострѣльныхъ конныхъ, 36 скорострѣльныхъ и 29 старыхъ горныхъ батарей и, наконецъ, 18 гаубичныхъ батарей стараго образца, всего 361 батарея. Скорострѣльные батареи имѣютъ по 4 орудія, прочія—по 6.

Слѣдуетъ отмѣтить, что годъ тому назадъ состоялось преобразование относительно комплектованія арміи, установившее поступленіе на службу не магометанъ.

Ежегодный контингентъ новобранцевъ около 70.000, мирный составъ низама около 200.000. Въ военное время постоянная армія съ ея запасомъ могла быть доведена до 600.000 человекъ, редифъ I призыва—400.000, II—120.000. Наконецъ, въ ополченіи числится около 80.000 и въ общемъ Турція могла бы выставить 1.200.000, не считая кавалеріи курдовъ, жандармовъ и пограничной стражи.

Что касается подготовки и боевой готовности вообще турецкой арміи, то до начала войны сужденія о ней были довольно разнорѣчивы, но въ общемъ скорѣе благопріятны. Мы ограничимся только перечисленіемъ факторовъ, которые по отношенію къ боевой готовности можно отмѣтить знаками +, — и ?. Къ первымъ относятся физическія и моральныя свойства турецкаго солдата, введеніе современныхъ способовъ подготовки (военныя и войсковыя школы, маневры и пр.) при помощи германскихъ инструкторовъ и частая походная и боевая практика, а для редифа I призыва и практика въ мобилизаціи, при усмиреніи многочисленныхъ возстаній. Къ невыгоднымъ факторамъ прежде всего слѣдуетъ отнести политическій переворотъ, совершившійся при содѣйствіи арміи и внесшій въ составъ высшихъ военныхъ начальниковъ и среди корпуса офицеровъ партійный элементъ, столь вредный для всякой арміи; затѣмъ—пріемъ въ армію не магометанъ (для данной войны) и вообще «европеиза-

тіи турецкой арміи: она въ значительной степени лишилась своего традиціоннаго стимула—религіознаго и расоваго фанатизма, а за краткостью времени не успѣла приобрести воинской отдѣлки европейскіхъ армій.

Къ факторамъ третьей категоріи можно отнести высшее руководство и администрацію арміи въ военное время; первое никогда въ Турціи не было блестящимъ и представлялось сомнительнымъ, справятся ли ученики Гольца-паши со сложною задачею войны на 4 фронта.

Столь же сомнительнымъ былъ и второй факторъ—совершеніе мобилизаціи и сосредоточенія, устройство тыла, снабженіе арміи, санитарная часть и пр.

Переходя къ характеристикѣ вооруженныхъ силъ 4 союзныхъ государствъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить довольно неожиданное для Европы согласіе и единство въ стремленіи къ возвышенной идеѣ освобожденія христіанъ, проявленное этими государствами и ихъ арміями, вызвавшія въ послѣднихъ высокій моральный подъемъ.

Болгарія въ мирное время содержала 9 дивизій пѣхоты по 2 бригады изъ 2 полковъ въ 2 баталіона, 3 бригады кавалеріи (37 эскадроновъ), 93 батареи, 3 піонерныхъ баталіона, 1 понтонный, 1 телеграфный и 1 желѣзнодорожный баталіонъ, по 1 ротѣ воздухоплателей, автомобильной и велосипедной; кромѣ того, 16 пограничныхъ и 9 интендантскихъ ротъ.

Контингентъ новобранцевъ—24.000 (+ 8.000 на 6 мѣсяцевъ), мирный составъ около 60.000 человѣкъ. Запасъ обученныхъ людей—свыше 300.000. Въ военное время пѣхотные полки переходили въ 4-баталіонный составъ и постоянная армія могла достигнуть 180.000 человѣкъ (144 баталіона, 37 эскадроновъ, 107 батарей и 34 инженерныя роты). Артилерія вся скорострѣльная и пѣхота и кавалерія имѣли пулеметныя команды.

Что касается резервныхъ войскъ, то спеціальныхъ кадровъ для нихъ въ мирное время не содержалось и объ организаціи ихъ въ военное время опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣлось.

Сербія въ мирное время имѣла 5 дивизій, каждая по 4 полка въ 3 баталіона съ 36 орудіями, 2 кавалерійскія бригады (16 эскадроновъ), 10 инженерныхъ и 8 крѣпостныхъ артилерійскихъ ротъ, 5 обозныхъ эскадроновъ и 5 санитарныхъ ротъ. Мирный составъ арміи около 35.000. Пулеметовъ было 150, артилерія—скорострѣльная. Запасъ I призыва могъ пополнить постоянную армію до 100.000 человѣкъ (по 4 баталіона въ полку); запасъ II призыва могъ служить для формированія резервныхъ частей—около 80.000 (по 3 баталіона къ полку), наконецъ, имѣлся еще запасъ III призыва.

Черногорія въ мирное время содержала только кадры и учебныя

части; въ военное время она могла выставить около 40.000 (+10.000 для вспомогательной службы), всего 57 баталіоновъ (изъ четырехъ дивизіонныхъ округовъ), сведенныхъ въ 11 бригадъ; 23 батареи, однако, не скорострѣльныя, кавалеріи не было.

Наконецъ, греческая армія въ послѣдніе 2 года была преобразована при помощи французскихъ инструкторовъ. Она состояла изъ 4 дивизій по 3 полка въ 3 баталіона пѣхоты, 2 стрѣлковыхъ баталіоновъ съ 6 батареями, изъ 5 полковъ кавалеріи (15 эскадроновъ) и 14 инженерныхъ ротъ. Контингентъ—12.000, мирный составъ—25.000. Запасъ людей составлялъ около 125.000 человекъ, но большинство ихъ получило очень слабую подготовку, такъ какъ новый законъ о воинской повинности не получилъ еще полного развитія. Предполагалось, что обученныхъ людей Греція можетъ выставить не болѣе 60.000.

Изъ сравненія вооруженныхъ силъ Турціи и 4 союзныхъ государствъ прежде всего можно отмѣтить, что Турція обладаетъ вдвое большимъ числомъ людей, чѣмъ союзники, но зато главный источникъ комплектованія ея арміи находится въ Малой Азіи на очень обширной территоріи, тогда какъ каждое изъ союзныхъ государствъ составляетъ небольшую компактную массу, арміи ихъ хорошо организованы, обучены по новѣйшимъ принципамъ и двѣ главныя арміи снабжены вполне современными матеріальною частью и тыловыми учрежденіями, а главное, въ этихъ государствахъ господствуетъ прочный политическій порядокъ, имѣется авторитетная власть, а среди народа царитъ патріотическое воодушевленіе.

Мобилизація. Это болное мѣсто турецкой арміи. Силою обстоятельствъ Турціи приходится содержать большое число войскъ въ европейскихъ вилайетахъ, а округа комплектованія этихъ частей низама по большей части находятся въ Анатолиі. Къ тому же главный источникъ пополненія въ Европѣ—Албанія и Македонія въ данномъ случаѣ были очень ненадежны—христіанское населеніе естественно питало симпатіи къ противникамъ Турціи, а арнауты, если и были умиротворены почти наканунѣ войны, то все же неохотно шли въ ряды арміи, а предпочитали образовать самостоятельныя банды.

Турція могла мобилизовать для войны только 7 корпусовъ и 3 отд. дивизіи низама, расположенныхъ въ Европѣ; въ Азіи она должна была оставить всѣ постоянныя войска для охраненія восточной границы и внутренняго порядка въ Сиріи, Мессопотаміи и Іеменѣ.

Изъ редифа I призыва она могла располагать дивизіями, расположенными въ Европѣ и ближайшими изъ Малой Азіи; наконецъ, могъ быть мобилизованъ весь редифъ II призыва, такъ какъ всѣ 19 дивизій его расположены въ европейской Турціи (кромѣ 2).

Слѣдуетъ отмѣтить, что мобилизація редифа «на мѣстѣ» вообще

происходить гораздо скорѣе, чѣмъ постоянной арміи, такъ какъ система комплектованія его вполне территориальная.

Что касается вопроса о составѣ мобилизованныхъ частей, то здѣсь можно привести однѣ только догадки; нерасположеніе христіанъ и албанцевъ къ поступленію въ армію должны были сильно повліять на составъ европейскихъ частей; къ тому неизвѣстнымъ факторомъ является состояніе въ Турціи запасовъ оружія, обмундированія и снаряженія. При усмиреніи албанскихъ возстаній баталіоны не имѣли болѣе 600 человекъ и надо полагать, что и въ настоящую войну эта цифра будетъ близка къ истинѣ.

Семь корпусовъ и 3 дивизіи низама составятъ 261 баталіонъ, редиѣ I призыва въ Европѣ 54 баталіона (6 дивизій), изъ Азіи 193 баталіона (22 дивизіи) и редиѣ II призыва 175 баталіоновъ, всего надо полагать около 240.000 низама и 270.000 редиѣ (въ томъ числѣ 100.000 слабо подготовленнаго редиѣ II призыва).

Общая мобилизація началась 17/30-го сентября.

Редиѣ вѣроятно въ семь дней могъ собраться при штабахъ полковъ, а мобилизація низама несомнѣнно затянулась и едва ли была закончена и къ 5/18-му октября, когда началось наступленіе болгаръ и сербовъ.

Въ союзныхъ государствахъ мобилизація началась 16/29-го сентября и совершена быстро и въ полномъ порядкѣ. Можно предположить, что еще до начала войны, подготавливая для нея политическую почву заключеніемъ балканскаго союза, государства эти не пренебрегли и предварительною военною подготовкою и главнымъ образомъ мобилизаціи.

Въ Болгаріи, повидимому, кромѣ доведенія до военнаго состава девяти дивизій постоянной арміи (144 баталіона по 800 человекъ), при каждой дивизіи была сформирована резервная бригада. Черезъ 10 дней по объявленіи мобилизаціи Болгарія выставила армію около 230.000 человекъ.

Въ Сербіи были мобилизованы 6 дивизій постоянной арміи при помощи запаса I призыва и сформировано столько же резервныхъ дивизій запасомъ II призыва, всего около 150.000 человекъ войскъ первой линіи.

Относительно мобилизаціи греческой арміи имѣется мало свѣдѣній. Повидимому, были мобилизованы всѣ четыре постоянныя дивизіи, причемъ въ армію поступило значительное число добровольцевъ изъ самой Греціи, изъ Македоніи и съ острововъ Архипелага (3.000 съ Крита). Это дало возможность выставить около 80.000 человекъ.

Что касается Черногоріи, то какъ упомянуто, она раньше другихъ объявила Турціи войну и начала военныя дѣйствія. Это объясняется тѣмъ, что мобилизація черногорской арміи не требовала много вре-

мени. Комплектованіе ея строго территориальное, до ротъ включительно, и армія эта не обременена обозами и тыловыми учрежденіями. Поэтому она въ числѣ около 40.000 человекъ могла изготавиться очень быстро, но зато и районъ дѣйствія черногорскихъ войскъ по необходимости долженъ быть ограниченный.

Театръ войны. Сосредоточеніе силъ передъ началомъ войны вообще зависитъ отъ составленнаго плана кампаніи, который для каждаго изъ участниковъ настоящей войны пока составляетъ для насъ неизвѣстную величину, и въ значительной степени обусловливается театромъ войны.

Театръ войны (см. карту, приложенную къ № 230, а также въ №№ 220, 221, 222 и 225 «Русскаго Инвалида») очень обширный, протяженіе его съ востока на западъ отъ Чернаго моря до Адриатическаго моря и границъ Черногоріи составляетъ около 600 верстъ, а съ юга на сѣверъ 100—150 верстъ на востокъ и 300 верстъ на западъ, причемъ здѣсь кромѣ того узкимъ клиномъ на сѣверо-западъ вдается Новобазарскій санджакъ между Сербіей, Черногоріей и Босніей. Границы европейской Турціи съ окружающими ее государствами рѣзко обозначаются горами, для значительныхъ силъ проходимыми преимущественно па перевалахъ и въ долинахъ рѣкъ.

Главныя рѣки имѣютъ общее направленіе съ сѣвера на югъ и принадлежатъ къ бассейну Эгейскаго моря. На востокъ рѣка Марица входитъ въ предѣлы Турціи къ сѣверу отъ Мустафа-паша, течетъ на юго-востокъ и, принявъ съ сѣвера рѣку Тунджу у Адрианополя, вскорѣ поворачиваетъ на юго-западъ и впадаетъ въ море близъ Деде-Агача. Съ востока въ нее впадаютъ нѣсколько небольшихъ рѣкъ, въ томъ числѣ и р. Эргене.

Въ средней части театра войны наиболѣе значительныя рѣки Места (Карасу), впадающая въ море противъ острова Тасоса и Струма—у г. Сереса, она съ запада принимаетъ р. Струмицу.

Западный районъ съ сѣвера на югъ прорѣзывается р. Вардаръ, впадающей въ море у Салоникъ; въ нее съ востока впадаютъ р. Пчина южнѣ Ускюба и р. Брегалница, южнѣ Велеса.

Кромѣ рѣкъ бассейна Эгейскаго моря, слѣдуетъ отмѣтить на западъ рѣку Дринъ, впадающую, вмѣстѣ съ сѣвернымъ своимъ рукавомъ рѣкою Бойна, въ Адриатическое море недалеко отъ Скутари. Наконецъ, надо упомянуть о рѣкахъ Дунайскаго бассейна—Моравѣ, вытекающей близъ сербской границы и текущей на сѣверъ мимо Враньи, Лѣсковаца и Ниша въ Дунай и берущія начало въ Черногоріи и протекающія вдоль границы и по «санджаку» рѣки Тару и Лимъ, впадающія на сѣверѣ въ Дрину (течетъ въ Саву, притокъ Дуная).

Очень важное значеніе на этомъ театрѣ имѣютъ пограничныя

горы и выходы изъ нихъ. Границу съ Волгаріей составляютъ Родопскія горы; съ востока къ нимъ подходитъ трудно проходимый хребетъ Истранджа, а западное продолженіе ихъ составляетъ суровый Рыло-дагъ и далѣе на сербской границѣ Чаръ-дагъ и Кара-дагъ.

Самый удобный путь наступленія съ сѣвера въ турецкіе предѣлы представляетъ собою широкій проходъ (ворота) около 40 километровъ между хребтомъ Истранджа, у подошвы котораго лежитъ укрѣпленный пунктъ Киркилиса, и Родопскими горами, въ долинѣ рѣкъ Марицы и Тунджи: тутъ могутъ наступать значительныя арміи къ линіи Адрианополь (укрѣпленный лагерь, обнесенный 25 фортами и батареями)—Киркилиса.

Далѣе на западъ черезъ пограничныя горы изъ Болгаріи ведутъ только три пути: 1) изъ Филипполя на Хаскiей-Кирджали-Гюмюльджина черезъ крутые горныя перевалы; 2) въ долинѣ р. Струмы изъ Дубницы на Джуму (Джумая); отсюда дороги развѣтвляются по тремъ направленіямъ на югъ внизъ по теченію р. Струмы на Сересъ, на юго-востокъ въ Мехомію и Неврокопъ и далѣе по долинѣ р. Месты (Карасу) и на юго-западъ на Кочану и Иштибъ по долинѣ р. Брегалници, 3) изъ Софіи на Кюстендилъ (желѣзная дорога) и Эгри-Паланку, откуда развѣтвленія на Куманово-Ускюбъ и Каратово-Велесъ. Кромѣ этихъ главныхъ путей черезъ границу Болгаріи ведутъ только трудно проходимыя горныя дороги.

Изъ Сербіи главный путь наступленія ведетъ по долинѣ р. Моравы изъ Ниша черезъ Лѣсковацъ, Вранью, Ристовацъ (граница) Куманово на Ускюбъ (желѣзная дорога на всемъ протяженіи). Далѣе на сѣверо-востокъ изъ Сербіи ведутъ нѣсколько дорогъ по долинкамъ небольшихъ рѣкъ или черезъ невысокіе перевалы; главнѣйшія изъ нихъ дороги отъ Преполаци и Врабче (граница)—на Приштину и нѣсколько дорогъ, ведущихъ въ Новобазарскій санджакъ къ Новобазару, Сѣнницѣ и Нововарошу.

Изъ Черногоріи ведутъ горныя дороги къ границѣ на сѣверѣ отъ Колашина (центръ IV дивизіоннаго округа), въ средней части изъ Подгорицы (центръ II округа) и на югѣ изъ Цетиньи (центръ I округа) Антивари.

Наконецъ, изъ Греціи опять-таки черезъ горныя перевалы пролегаютъ дороги изъ Лариссы на сѣверъ въ Фессалію и изъ Трикала-Арта—въ Эпиръ.

Сосредоточеніе силъ. Растянутасть театра войны по ширинѣ и необходимость для Турціи оборонять столицу и не допустить противника овладѣть Македоніей и старой Сербіей, которыя составляли политическую цѣль войны, заставляла турокъ раздѣлить свои силы и лишало ихъ выгоды дѣйствія по внутреннимъ линіямъ.

Соотвѣтственно съ этими условіями Турція сосредоточила свои войска въ двухъ главныхъ группахъ.

Восточная армія Абдула-паши, Адрианопольская, начала сосредоточеніе на линіи Адрианополь—Киркилиса; въ составъ ея входили I—IV корпуса низама (за исключеніемъ 1-й дивизіи I корпуса, еще до войны отправленной въ Албанію) и расположенный въ районѣ первой инспекціи дивизія редифа ($\frac{2}{I}$ и $\frac{4}{II}$), за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя остались близъ пунктовъ своего квартированія для мѣстной обороны. Сила восточной арміи предполагалась около 200.000 человекъ.

Западная армія, Вардарская, прежняго военнаго министра Махмудъ-Шевкетъ-паши сосредоточилась въ Албаніи съ центральнымъ пунктомъ въ Ускюбѣ и базируясь на Салоники; сила ея оценивалась въ 150.000 человекъ и въ составъ ея вошли V—VII корпуса (+ 1 дивизія I корпуса) низама и часть дивизій редифа, расположенныхъ въ районѣ второй инспекціи ($\frac{4}{I}$ и $\frac{13}{II}$). По имѣвшимся свѣдѣніямъ, западная армія была раздѣлена на 4 группы—главныя силы Ускюбъ—Куманова (60.000) и отряды въ долину р. Струмы, въ Иштибъ—Велесъ и на Коссовомъ полѣ (Приштина—Митровица).

Противъ черногорской и греческой арміи турки выставили незначительныя силы—ядро ихъ составляли отдѣльныя дивизіи низама: одна въ Скутари на черногорской границѣ (имѣлось въ виду усилить ее двумя дивизіями редифа) и двѣ въ Кожанѣ и Янинѣ на греческой границѣ, вѣроятно также усиленные мѣстнымъ редифомъ. На черногорской границѣ въ Скутари командовалъ турецкими войсками Эсадъ-паша, на греческой—Али-Риза-паша. Въ «саджакъ» оставались только части мѣстнаго редифа.

По мѣрѣ возможности и необходимости предполагалось усилить восточную и западную армію подвозомъ дивизій редифа изъ Анатолии и Сиріи для первой—въ районѣ Константинополь, для второй—Салоники.

Главнокомандующимъ турецкою арміею назначенъ военный министръ Назимъ-паша.

Исполненіе мобилизаціи и сосредоточеніе турецкой арміи, повидимому, встрѣтили значительныя затрудненія и сильно замедлились; обнаружился недостатокъ въ лошадяхъ и перевозочныхъ средствахъ, пополненіе арміи затруднялось уклоненіемъ отъ службы не магометанъ и нерасположеніемъ албанцевъ вступить въ ряды арміи (они предпочитали собираться въ отдѣльные отряды отъ 2.000—15.000 человекъ подъ руководствомъ своихъ вождей, а малисоры и меридиты близъ границы Черногоріи оказались неблагонадежными); въ снабженіи арміи съ самаго начала обнаружались крупныя недочеты, даже въ отношеніи продовольствія.

Въ результатъ ко времени перехода границъ арміями союзниковъ,

турецкая армія была неготова и сосредоточеніе на главномъ восточномъ театрѣ далеко не закончено.

Каковъ былъ планъ кампаніи союзниковъ, пока въ точности неизвѣстно, но несомнѣнно одно: онъ основывался на быстромъ и энергичномъ наступательномъ образѣ дѣйствій съ захватомъ возможно большого района турецкой территоріи (избѣгая разбрасыванія силъ). Такое рѣшеніе вызывалось желаніемъ воспользоваться медленностью мобилизации арміи противника, сравнительно съ мобилизаціею союзниковъ (къ тому же несомнѣнно заравѣ подготовленною); быстрый захватъ территоріи объясняется желаніемъ охранить христіанское населеніе отъ притѣсненій и проявленія фанатизма и воспользоваться его симпатіями.

Насколько извѣстно, Болгарія на театрѣ войны выдвинула три арміи: I генерала Кутинчева изъ 3-хъ дивизій и 3-хъ резервныхъ бригадъ (70.000) была сосредоточена въ районѣ Софія—Филиппополь и назначалась для наступленія по дорогамъ на Кюстендиль (съ 2-мя сербскими дивизіями)—Дубница и Филиппополь—Кирджали и для поддержанія, въ случаѣ необходимости, праваго фланга главныхъ силъ. Послѣднія въ составѣ II арміи генерала Иванова на правомъ флангѣ и III генерала Дмитріева—на лѣвомъ флангѣ, въ общемъ составѣ 6 дивизій и 6 резервныхъ бригадъ (160.000) сосредоточились въ районѣ Германлы—Стара Загора—Ямболъ и назначались для наступленія въ долинахъ рр. Марицы и Тунджи и нанесенія главнаго удара противъ линіи Адрианополь—Киркилиса. Командованіе болгарскою арміею принялъ на себя король Фердинандъ и назначилъ себѣ помощникомъ состоявшаго въ запасѣ генерала Савова; начальникомъ штаба арміи назначенъ генераль Фичевъ.

Главныя силы сербской арміи сначала сосредоточились у Ниша; затѣмъ были образованы три арміи: I—наслѣднаго королевича Александра—сосредоточена у Враньи и назначалась для нанесенія главнаго удара на западномъ театрѣ, на Куманова—Ускюбъ; въ составъ ея входили 2 дивизіи и 3 резервныя дивизіи (60.000); II армія генерала Стефановича въ составѣ 2-хъ дивизій (I призыва 30.000) была по желѣзной дорогѣ перевезена изъ Ниша въ Софію и Кюстендиль, гдѣ присоединилась къ частямъ болгарской арміи; она назначалась для наступленія на Эгри-Паланку—Каратова, и отсюда, въ зависимости отъ обстоятельствъ, для поддержанія I арміи у Куманова или движенія на югъ на Кочану и Иштибъ; III армія генерала Янковича (1 дивизія и 2 резервныя дивизіи—35.000) повидимому сосредоточилась у Куршумлье и двумя колоннами черезъ Преполаци и Врабчу направилась противъ Приштины—Митровицы. Наконецъ, на сѣверѣ въ районѣ Вальево—Ушица былъ сосредоточенъ отрядъ генерала Живковича 25.000, предназначавшійся для вступле-

нѣсколькими колоннами въ «Санджакъ» и подачи руки черногорцамъ. Начальникомъ штаба сербской арміи назначенъ генераль. Путникъ.

Черногорія сформировала 3 отряда: сѣверный генерала Вукотича изъ войскъ IV округа, назначенный для вторженія по направленію на Берану, къ югу отъ нея и къ сѣверу въ «Санджакъ»; средній—наслѣднаго королевича Данила—отъ Подгорицы на Тузи—Скутари и южный генерала Мартиновича—отъ Антивари черезъ р. Бойну къ Скутари.

Греція сформировала 2 арміи, восточную Фессалійскую наслѣднаго королевича Константина (55.000) для наступленія отъ Лариссы черезъ горные проходы къ Эласонѣ и западную генерала Сапунцаки (25.000), Эпирскую, для движенія на Трикалы къ Янинѣ.

Очеркъ военныхъ дѣйствій. Въ настоящее время нѣтъ возможности сколько-нибудь подробно описать военные дѣйствія; съ одной стороны турецкіе, даже официальные, источники умышленно искажаютъ извѣстія, съ другой—союзники и особенно болгары, съ замѣчательною послѣдовательностью соблюдаютъ принципъ сохраненія тайны, вплоть до цензуры офицерскихъ и солдатскихъ писемъ съ театра военныхъ дѣйствій. Иностранныя газеты хотя и наполнены почти исключительно событіями на Балканскомъ полуостровѣ, но даютъ преимущественно сообщенія плохо освѣдомленныхъ корреспондентовъ; къ этому въ послѣдніе дни октября прибавился цѣлый потопъ политическихъ гаданій въ виду близости развязки и возможнаго вмѣшательства «Европы». Приводимъ лишь въ краткихъ чертахъ общій очеркъ военныхъ дѣйствій до 26-го октября.

На Оракійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, который можно назвать главнымъ, такъ какъ здѣсь ударъ былъ направленъ противъ главныхъ силъ турецкой арміи и противъ столицы Турціи, болгарскія арміи перешли границу 5/18-го октября. Первое столкновеніе произошло на дорогѣ Германлы—Мустафа-Паша и болгары, оттѣпивъ турокъ съ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ позицій, причемъ дѣло доходило до рукопашнаго боя, 6-го числа въ 5 часовъ вечера заняли Мустафа-Паша; турки не успѣли разрушить мостъ черезъ Марицу и отступили къ Адрианополю.

II болгарская армія генерала Иванова наступала къ крѣпости тремя колоннами—двумя между рр. Марицей и Тунджей, третьею по восточному берегу Тунджи; правая и средняя колонны 8-го октября дошли до передовыхъ укрѣпленій Адрианополя, а лѣвая продолжала наступленіе на югъ, обходя укрѣпленный лагерь съ востока.

III болгарская армія генерала Дмитріева наступала къ востоку отъ II арміи, между Беюкъ-Дервентъ и Малко—Тырново, направляясь на Киркилису и 8-го октября вошла въ соприкосновеніе съ передовыми

частями турецкаго III корпуса Махмудъ-Мухтара-паши, а вечеромъ 9-го числа появилась передъ крѣпостью Киркилиса на линіи Петра-Каракочъ. Болгары тотчасъ атаковали передовыя укрѣпленія и къ утру 10-го октября отбросили турокъ въ городъ, въ теченіе дня турки пытались произвести контръ-атаку, но были отбиты; ночью болгары обстрѣливали городъ, а 11-го октября атаковали его; турки въ безпорядкѣ отступили на Бунаръ-Гиссаръ, а оттуда частью къ Баба-Эски, частью къ Визѣ; болгары захватили 1.200 человекъ плѣнныхъ, много крѣпостныхъ и нѣсколько полевыхъ орудій.

Что касается Адрианополя, то послѣ столкновенія съ турками у Кадыкой на сѣверо-западѣ и у Марашъ на западномъ фронтѣ, турки отступили за линію фортовъ и крѣпость постепенно была со всѣхъ сторонъ обложена болгарскими войсками. Въ теченіе осады турки пытались нѣсколько разъ дѣлать вылазки въ разныхъ направленіяхъ, но были отбиты. Болгары бомбардировали крѣпость осадною артилеріею.

Тѣмъ временемъ лѣвофланговая болгарская армія послѣ занятія Киркилиса продолжала движеніе на югъ къ Бунаръ-Гиссару и Визѣ, а свободныя части правофланговой арміи также наступали на югъ по обоимъ берегамъ Марицы къ Люле-Бургасу.

Турки на позиціи Люле-Бургасъ—Виза на р. Эргене оказали серьезное сопротивленіе и здѣсь 16/29-го октября начался бой, продолжавшійся 5—6 дней; въ теченіе двухъ дней турки у Визы видимо удерживались и даже пытались перейти въ наступленіе, но у Люле-Бургасъ потерпѣли сильное пораженіе, повлекшее за собою отступленіе турецкой арміи сначала къ Чорлу, гдѣ арьергардъ пытался удерживать натискъ болгаръ, а потомъ на укрѣпленную позицію Чатаалджа, тянущуюся на протяженіи 40 километровъ отъ Беюкъ-Чекмедже на Мраморномъ морѣ до форта Карабунаръ на Черномъ морѣ.

Сраженіе у Люле-Бургаса было очень упорное и потребовало много жертвъ; турки получали подкрѣпленія изъ Малой Азіи, которыя высаживались въ портѣ Мидія на Черномъ морѣ, а болгарская главная квартира притянула къ фронту сколько можно было войскъ изъ армій, осаждавшей Адрианополь, затѣмъ части 1-й арміи генерала Кутинчева и, по слухамъ, даже 2 сербскія дивизіи (отъ Константинополя).

Операціи на восточномъ театрѣ такимъ образомъ къ 26-му октября, три недѣли послѣ перехода границы, выразились крупнымъ успѣхомъ болгаръ, отгѣснившимъ главныя силы турокъ до линіи Чатаалджи, въ 30—50 километрахъ отъ столицы.

Отступленіе турецкой арміи частью обратилось въ безпорядочное бѣгство; лишенные руководства солдаты, деморализованные пораже-

ніемъ и къ тому же голодные, грабили и производили насилія надъ христіанскимъ населеніемъ и въ Константинополѣ опасались наплыва голодныхъ и одичалыхъ солдатъ, и Порта разрѣшила военнымъ судамъ великихъ державъ проходъ черезъ проливы для прибытія въ Константинополь съ цѣлью охраненія своихъ подданныхъ.

Въ среднемъ районѣ театра военныхъ дѣйствій болгарскія колонны, наступавшія изъ Филиппополя къ Кирджали и отъ Дубницы по долинѣ Струмы также одержали быстрые успѣхи. Первая 12-го октября заняла Кирджали. Вторая, занявъ Джумаю (Джума), выслала отрядъ въ Махомію и Неврокопъ, передовыя части котораго доходили до желѣзной дороги Деде-Агачъ—Салоники и разрушили мостъ на р. Карасу (Места) у Букова. Другой отрядъ направился внизъ по теченію р. Струмы. Болгарская колонна отъ Кюстендила, отдѣлившись отъ сербской 2-й арміи у Каратова, пошла на югъ, послѣ упорнаго боя овладѣла Кочаною и, направляясь внизъ по теченію р. Брегалници, 15-го октября заняла Иштибъ и вошла въ связь съ сербами, овладѣвшими Велесомъ. Изъ Иштиба болгарская колонна продолжала наступленіе на Салоники, куда изъ Велеса двинулись сербы, а съ запада наступала греческая армія.

Въ западномъ районѣ сербскія арміи быстро подвигались впередъ и одержали блестящіе успѣхи; перейдя границу у Ристоваца 5/18-го октября, I армія королевича Александра послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ турецкими передовыми отрядами одержала 10-го и 11-го октября (въ дни боя у Киркилысы) рѣшительную побѣду у Куманова надъ главными силами арміи Махмудъ-Шевкетъ-паши (турками командовалъ Цеки-паша) и этимъ сломила сопротивленіе турокъ въ этомъ районѣ. По слухамъ, I арміи подъ Кумановымъ оказали содѣйствіе части II сербской арміи.

13-го октября сербы заняли Ускюбъ. Тѣмъ временемъ двѣ колонны III сербской арміи генерала Живковича быстро подвигаясь впередъ, 10-го числа заняли Приштину, а затѣмъ Вучитернъ, Митровицу, Феризовичи, Качаникъ и, наконецъ, 18-го октября генералъ Живковичъ въ Ипекѣ соединился съ черногорцами (г. Вукотичъ) и вмѣстѣ съ ними направился къ Діакову.

Сербскіе отряды на границѣ Новобазарскаго санджака тѣмъ временемъ заняли Новобазаръ и Сѣнницу и 12-го октября у Бредарева вошли въ связь съ черногорцами.

Сербскія войска съ поразительною быстротою подвигались впередъ и по разнымъ направленіямъ захватывали все большій районъ турецкой территоріи, не давая противнику опомниться, отражали его слабыя попытки къ сопротивленію, захватывали артилерію и плѣнныхъ, всюду радостно встрѣчаемые христіанскимъ населеніемъ. Одна колонна направилась на Кальканделенъ и 17-го октября заняла При-

зренъ; другая наступала на югъ, 16-го числа заняла Велесъ, а 21-го, послѣ упорнаго боя, Прильпъ, угрожая Монастырю, куда съ юга наступали греки, дошедшіе 21-го октября до Баницы, третья колонна отъ Велеса направилась къ Салоники, куда, какъ сказано, наступали болгары съ сѣвера и греки съ запада (22-го октября послѣ боя у Іенидже находились въ 40 километрахъ отъ Салоникъ); 26-го числа сербы прошли Демиръ-Капу. Турки повидимому при отступленіи раздѣлились на 2 группы—одна изъ нихъ отступила къ Монастырю, другая—на Салоники.

Такимъ образомъ, къ 26-му октября, три недѣли послѣ перехода границы, сербскія арміи заняли непріятельскую территорію протяженіемъ около 250 верстъ съ сѣвера на югъ и около 100 верстъ съ востока на западъ и притомъ нанесли рѣшительное пораженіе главнымъ силамъ западной турецкой арміи, не считая большого числа менѣе значительныхъ столкновеній. Это поразительный результатъ, свидѣтельствующій о неутимости и воодушевленіи сербскихъ войскъ.

Греческая восточная армія наслѣднаго королевича 6-го октября перешла границу тремя колоннами и овладѣла г. Эласона, нанеся пораженіе турецкимъ войскамъ; послѣднія отступили на сѣверо-западъ, а греки послѣ вторичнаго боя у Сарандапоровъ овладѣли 12-го октября г. Сервіа. Турки въ безпорядкѣ отступили частью вверхъ по р. Выстрицъ, частью на с.-з. къ Кожанъ; этимъ пунктомъ армія королевича овладѣла 14-го числа, и главные силы ея отсюда двинулись на с.-в. къ Караферіи (Веріа), а отрядъ—на с.-з. по направленію на озеро Острово и Монастырь. вмѣстѣ съ тѣмъ греки отдѣляли небольшіе отряды на западъ и на востокъ для занятія возможно большей территоріи съ цѣлью охраненія христіанскаго населенія.

Армія королевича заняла Верію 17-го октября, а 21-го числа, разбивъ сильный турецкій отрядъ у Іенидже (Яница), продолжала наступленіе на Салоники и 22-го октября подошла къ р. Вардаръ, переправа черезъ которую была повреждена турками. Греки, такимъ образомъ, ближе другихъ союзниковъ находились отъ Салоникъ, всего въ 40 километрахъ отъ города. Къ тому же времени сербы дошли до Демиръ-Капу, на р. Вардаръ въ 100 километрахъ отъ Салоникъ, а болгары до Демиръ-Гисара, на р. Струмъ въ 70 километрахъ отъ Салоникъ, Армія королевича 26-го октября заняла Салоники.

Греческій отрядъ, посланный изъ Кожаны на с.-з. съ бою овладѣлъ турецкою позиціею у Налбандкюй и дошелъ 21-го октября до Баницы, въ 40 километрахъ отъ Монастыря, но здѣсь встрѣтилъ серьезное сопротивленіе и занялъ позицію. Къ этому времени сербы, наступая съ сѣвера, находились въ Прильпѣ, въ 40 километрахъ отъ Монастыря.

Греческая западная армія генерала Сапунцаки, будучи малочис-

ленную, медленно подвигалась къ Янинѣ и къ 26-му октября, послѣ нѣсколькихъ столкновений съ турками заняла высоты, близъ этого укрѣпленнаго пункта. Пограничная небольшая турецкая крѣпость Превеза 21-го октября сдалась грекамъ съ гарнизономъ около 800 человекъ.

Греческій флотъ, состоящій изъ броненоснаго крейсера «Георгій Аверовъ», трехъ малыхъ крейсеровъ и миноносцевъ также принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Онъ высадилъ греческій отрядъ на побережьи близъ Катерины, въ 60 километрахъ отъ Салоникъ и своими десантами занялъ острова Имбросъ и Тенедосъ близъ Дарданелъ, Самоеракію и Тасосъ въ сѣверной части Эгейскаго моря. Наконецъ, греческій миноносецъ ночью вошелъ въ портъ Салоники мимо фортовъ и загражденій и потопилъ старый турецкій броненосецъ.

Турецкій флотъ, состоящій изъ двухъ броненосцевъ, купленныхъ въ Германіи, 3 броневыхъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ (не считая старыхъ броневыхъ судовъ, не могущихъ выйти въ море), не рѣшился помѣриться съ греческимъ флотомъ, а ограничился бомбардированіемъ болгарской крѣпости Варны и незащищеннаго порта Каверны на Черномъ морѣ, но, потерпѣвъ самъ отъ огня крѣпости, скорѣе вернулся въ Босфоръ.

Черногорская ариія, первую бросившая перчатку Оттоманской имперіи и перешедшая границу 26-го сентября, съ самаго начала, несмотря на свою малочисленность, имѣла большой успѣхъ. Сѣверный отрядъ генерала Вукотича сначала осадилъ Берану, которая была взята 3-го октября. Тѣмъ временемъ части ея были отправлены одна на сѣверъ, другая на юго-востокъ. Первая заняла Вѣлополье въ санджакѣ Новый Базаръ 30-го сентября, а 12-го октября въ Бредаревѣ соединилась съ сербскими войсками. Вторая наступала къ Плаву и Гусиньѣ, которое было взято 8-го октября; она продолжала движеніе къ Ипеку, заняла его 17-го числа и, соединившись здѣсь съ сербами, направилась на Дьяково, занятое 23-го октября. На крайнемъ сѣверѣ «Санджака» черногорскій отрядъ съ боя занялъ Плевльѣ, откуда турки бѣжали въ Боснію и были обезоружены австрійцами.

Средній черногорскій отрядъ королевича Данилы началъ военныя дѣйствія съ обстрѣливанія укрѣпленія на горѣ Планиницѣ, которымъ овладѣлъ; затѣмъ онъ штурмовалъ укрѣпленную высоту Дедичъ и Чипшаникъ и 2-го октября овладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Тузи, захвативъ 13 орудій и 2.500 плѣнныхъ; наконецъ, послѣ обстрѣливанія было занято укрѣпленіе Враньи, и отрядъ двинулся на юго-западъ для обложенія укрѣпленнаго города Скутари, центра вилайета, обороняемаго 24 дивизією низама.

Южный отрядъ генерала Мартиновича, овладѣвъ нѣсколькими

турецкими блокгаузами, подошелъ съ юго-запада къ г. Скутари и, послѣ подвоза тяжелой артилеріи, началъ обстрѣливать фортъ на возвышенности Тарабошъ, лежащей на берегу озера къ западу отъ города, а также самый городъ.

Такимъ образомъ, къ 26-му октября, каковымъ числомъ ограничивается настоящій очеркъ военныхъ дѣйствій, союзниками въ теченіе 3 недѣль послѣ перехода границы (черногорцы перешли таковую 10 днями раньше) достигнуты самые рѣшительные результаты: западная база турокъ Салоники занята греками и западная турецкая армія почти уничтожена, а на востокъ болгары нанесли рѣшительное пораженіе турецкимъ главнымъ силамъ подъ руководствомъ главнокомандующаго Назима-паши и отбросили ихъ въ безпорядкѣ къ послѣдней укрѣпленной позиціи Чатаджъ, въ 40—50 километрахъ отъ Константинополя.

М. Б.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ „КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 48.

ЦѢНА 15 КОП.

КРЕСТНЫЙ

НА

1913 г.

ДВѢ ПРЕМІИ.

Первый по времени изданія (1866 г.) настольный календарь выйдетъ изъ печати 15-го іюля. Съ пересылкой заказа бандеролью по полученіи марками 28 к., съ наложеннымъ платежомъ—40 к. На 1 р. высылается 5 экз., на 2 р.—11 экз., на 3 р.—18 экз. Торговцамъ обычная скидка. Принимаются публикаціи. Подробные проспекты высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО**.

Адресъ: МОСКВА, Долгоруковская улица, д. № 33, конторѣ „Крестнаго Календаря“.

3—1

Разсрочка дѣлается лишь при подпискѣ черезъ канцелярію своей части съ уплатою взносовъ черезъ нее. Непоступленіе взноса къ указанному сроку влечетъ за собою прекращеніе доставки изданія.

Войсковыя части и учрежденія, а также отдѣльные лица, сдающія въ редакцію подписку для себя на „Русскій Инвалидъ“, въ случаѣ присылки не полной годовой платы, будутъ зачисляться въ категорію подписчиковъ на сроки меньше года, соответственно присылаемой каждый разъ суммѣ. „Военный Сборникъ“ будетъ высылаться лишь по полученіи полной годовой платы.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургъ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій:

на 1 мѣсяцъ	30 коп.
„ 2 мѣсяца	50 „
„ 3 „ п свыше	70 „

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр., на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну городского С.-Петербургскаго адреса на таковой же городской платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разниця между вышеуказанною подписною платою на соответственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго городского на иногородный или обратно — 60 коп., иногороднаго на иногородный — 20 коп.; за перемѣну городского С.-Петербургскаго на другой городской С.-Петербургскій — платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп.

Отдѣльныя книжки «Военнаго Сборника» продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку (съ пересылкою по 75 коп.), съ приложеніемъ «Военно-Историческаго Сборника» по 1 р. (съ пересылкою 1 р. 25 к.).

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{4}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наслѣдниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лотъ вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»

Ген. Шт. Генераль-Маіоръ **Бѣллевъ.**

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ **Пруссакъ.**

АВТОРАМЪ СТАТЕЙ.

1. Авторам, присылающим свои статьи в „Русский Инвалид“ и „Военный Сборник“, редакция просит соблюдать следующее:

1) Статьи должны быть написаны четко и только на одной стороне страницы (другая должна оставаться чистой). Страницы должны быть перенумерованы (сшивать или брошюровать не надо). На написанной стороне необходимо оставлять поля. Подъ статьей должно быть указано, какую подпись авторъ желаетъ видѣть подъ своей статьей въ печати; это можетъ быть полная фамилія автора, или только инициалы, или псевдонимъ и проч. Но ни чинъ, ни должность, ни званіе, въ силу циркуляра Главнаго Штаба отъ 17-го апрѣля 1908 года № 61, подъ статьями частнаго характера въ печати не допускаются ¹⁾.

2) Въ присланной рукописи, для свѣдѣнія редакціи, должны быть указаны: положеніе (чинъ, должность, мѣсто служенія, званіе), имя, отчество, фамилія и адресъ автора.

3) Необходимо указывать, где автор желает бы напечатать свою статью: в газетѣ или журналѣ, или же выборъ предоставляется усмотрѣнію редакціи.

О желаніи имѣть отдѣльные оттиски статей, печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, на первой страницѣ рукописи должно быть написано: „Прошу столько-то отдѣльныхъ оттисковъ“. До 20 оттисковъ безъ переревѣрки изготовляется бесплатно. Большее же число ихъ, но не болѣе 100, а также переревѣрка всей статьи въ брошюру, могутъ быть исполняемы лишь за счетъ авторовъ. О желаніи получить оттиски переревѣранными необходимо заявлять на первой страницѣ рукописи.

О желаніи получить тѣ номера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ будетъ напечатана статья, необходимо оговаривать на первой страницѣ рукописи. Нумера эти предоставляются авторамъ только за плату.

4) На рукописи должна быть пометка, указывающая, предоставляет ли автор свою статью за гонорар или бесплатно. Статьи, не имеющие такой отметки, считаются бесплатными.

5) Рукописи, отправляемые почтою, должны быть отправителем оплачены полным почтовым сборомъ. Не вполне оплаченной корреспонденці, за которую почта требуетъ доплату въ двойномъ размѣрѣ, редація не принимаетъ.

II. Для свѣдѣнія авторовъ сообщается:

1) Изъ присланныхъ статей редакція печатаетъ съ необходимыми редакціонными сокращеніями тѣ, которыя признаетъ подходящими, причемъ срокъ напечатанія не можетъ быть опредѣленъ заранее. Статьи, не предназначенныя къ печати, хранятся въ редакціи въ теченіе года и могутъ быть возвращены авторамъ по ихъ заявленіямъ лично или черезъ довѣреннаго, а также почтою на ихъ счетъ.

2) Ни въ какія об'ясненія о причинахъ ненапечатанія редакція не входитьъ.

3) Гонораръ за платныя напечатанныя статьи назначается редакціею по принятымъ ею нормамъ. Гонораръ уплачивается въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца за всѣ статьи прошедшаго мѣсяца.

¹⁾ Этот же циркуляр воспрещает упоминать в полемикѣ официальное положеніе своего оппонента.

При этой книжкѣ журн. „Воен. Сборн.“ разсылаются вѣѣмъ подписчикамъ
объявление: „Цѣѣнникъ офиц. походнаго снаряженія сист. И. И. Гинтера“